

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

Vol. 9 | 2021 | № 3

The Ethnocultural Identity
of the Russian Germans in Germany:
Second Generation

Was there a Revolution of Prices
in Eighteenth-Century Russia?

Passion according
to Pravda Russkaia

QR.URFU.RU

Vol. 9 | 2021 | № 3

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 9 | 2021 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia's culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal's website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal's
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Guest Editor* – Dr **Andrei Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).
Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Eygeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор – **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Andrei Keller, Dmitry Redin.</i> On Method, Research, and Truth 783	<i>Andrei Keller, Dmitry Redin.</i> On Method, Research, and Truth 783
---	---

Problema voluminis

Российские немцы – адаптация, интеграция, ассимиляция?	The Russian Germans: Adaptation, Integration, Assimilation?
<i>Андрей Келлер.</i> Практики решения цеховых конфликтов и повседневность немецких булочников Санкт-Петербурга первой половины XIX века 797	<i>Andrei Keller.</i> Guilds of German Bakers of St Petersburg in the First Half of the 19 th Century: Conflict Resolution Practices and Everyday Life. 797
<i>Галина Синько, Владимир Шайдуров, Асият Гусейнова.</i> Государственное управление немецкими колониями Российской империи во второй половине девятнадцатого века 813	<i>Galina Sinko, Vladimir Shaidurov, Asiyat Guseynova.</i> The State Administration of the German Colonies of the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century 813
<i>Olga Filippenko.</i> Die Fluchten aus den Sondersiedlungen: Ziele, Mittel, Sanktionen 829	<i>Olga Filippenko.</i> Escapes from Special Settlements: Goals, Means, and Sanctions. 829
<i>Maik Hoops, Jannis Panagiotidis.</i> Both German and Russian: Second-Generation Russian-German Identities in Germany. 845	<i>Maik Hoops, Jannis Panagiotidis.</i> Both German and Russian: Second-Generation Russian-German Identities in Germany. 845
<i>Gunnar Thorvaldsen.</i> The Destinies of German-Born People in Russia at the Turn of the Millennium 861	<i>Gunnar Thorvaldsen.</i> The Destinies of German-Born People in Russia at the Turn of the Millennium 861

Modi studiorum

<i>Олег Хоруженко.</i> Последние князья Тарусские в синодике Московского Успенского собора 877	<i>Oleg Khoruzhenko.</i> The Last Princes of Tarusa in the Synodikon of the Moscow Cathedral of the Dormition 877
<i>Андрей Беляков.</i> Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства 886	<i>Andrey Belyakov.</i> Service Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: The Baymakov-Rezanov Family. 886
Евгений Вершинин , <i>Георгий Визгалов.</i> Долговая расписка на дощечке из Мангазеи 902	Evgeny Vershinin , <i>Georgy Vizgalov.</i> A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya 902
<i>Артур Мустафин.</i> Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен»? 911	<i>Arthur Mustafin.</i> The Grain Market between the Reigns of Alexey Mikhailovich and Catherine the Great: Was there a 'Price Revolution'? 911
<i>Татьяна Базарова, Александра Чиркова.</i> Утраченное письмо Петра Великого Георгу Вильгельму де Геннину: к истории экспертной мысли и антикварного рынка 927	<i>Tatiana Bazarova, Aleksandra Chirkova.</i> Peter the Great's Lost Letter to Georg Wilhelm de Henning: On the History of Expert Thought and the Antiques Market. 927
<i>Вячеслав Козляков, Алла Севастьянова.</i> Неизвестный труд о Борисе Годунове послепетровского времени 947	<i>Viacheslav Kozliakov, Alla Sevastyanova.</i> An Unknown Work about Boris Godunov from the Post-Petrine Era 947

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Origines

<p><i>Евгений Анисимов.</i> Транзит власти в послепетровской России: судьба трона императрицы Анны Иоанновны . . . . . 965</p> <p><i>Кэтрин Гибсон.</i> Проблема создания этнографического атласа России в переписке Петра Кёппена с Академией наук . . . . . 977</p>	<p><i>Evgeny Anisimov.</i> The Transfer of Power in Post-Petrine Russia: The Fate of Empress Anna's Throne . . . . . 965</p> <p><i>Catherine Gibson.</i> Creating an Ethnographic Atlas of European Russia as Reflected in Peter von Köppen's Correspondence with the Academy of Sciences. . . . . 977</p>
---	--

Disputatio

<p><i>Михаил Козлов, Снежана Шендрикова.</i> Эволюция мифологического образа медведя в культуре восточных славян . . . . . 997</p> <p><i>Лилия Степанова.</i> Квантитативный анализ материалов Генерального межевания Российской империи: «медвежий» ракурс . . . . . 1013</p> <p><i>Владимир Великанов.</i> Конотопский поход 1672 года для «гетманского обирания» . . . . . 1025</p> <p><i>Дмитрий Редин.</i> Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» . . . . . 1042</p> <p><i>Юлия Кантор.</i> Девиации исторической политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве . . . . . 1064</p> <p><i>Артем Зорин.</i> Советский Союз и послевоенная внешняя политика Чехословакии в оценках американской дипломатии . . . . . 1080</p>	<p><i>Mikhail Kozlov, Snezhana Shendrikova.</i> The Evolution of the Mythological Image of the Bear in the Culture of the Eastern Slavs . . . . . 997</p> <p><i>Liliya Stepanova.</i> The Quantitative Analysis of Materials from the General Land Survey of the Russian Empire: The 'Bear' Angle . . . . . 1013</p> <p><i>Vladimir Velikanov.</i> The Konotop Campaign of 1672 to "Elect a Hetman" . . . . . 1025</p> <p><i>Dmitry Redin.</i> General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text" . . . . . 1042</p> <p><i>Julia Kantor.</i> Deviations of the Politics of Memory in Eastern Europe and in the Post-Soviet Space . . . . . 1064</p> <p><i>Artem Zorin.</i> The Soviet Union and the Post-World War II Foreign Policy of Czechoslovakia as Assessed by American Diplomacy . . . . . 1080</p>
--	--

Conceptus et conceptio

<p><i>Анна Жуковская.</i> Концепция Алексея Толочко и проблема происхождения краткой редакции Правды русской . 1097</p>	<p><i>Anna Joukovskaia.</i> Oleksiy Tolochko's Concept and the Origin of the Short <i>Pravda Russkaia</i>. . . . . 1097</p>
---	---

Controversiae et recensiones

<p><i>Николай Баранов, Елена Манасян.</i> Документы Государственного архива Австрии по истории дипломатических отношений Габсбургов с Россией: исследовательский потенциал . . 1117</p> <p><i>James M. White.</i> Colonel V. A. Pashkov: Leader of Russia's Lost Reformation . 1128</p> <p>Об авторах . . . . . 1136</p> <p>Сокращения . . . . . 1144</p>	<p><i>Nikolai Baranov, Elena Manasyan.</i> Documents of the Austrian State Archives about the History of Habsburg Diplomatic Relations with Russia: Research Potential. . . . . 1117</p> <p><i>James M. White.</i> Colonel V. A. Pashkov: Leader of Russia's Lost Reformation . 1128</p> <p>On the Authors . . . . . 1136</p> <p>Abbreviations . . . . . 1144</p>
---	---

ON METHOD, RESEARCH, AND TRUTH

La méthode est nécessaire pour la recherche de la vérité.

René Descartes

We need a method if we are to investigate the truth of things.

René Descartes

This quote from Descartes' treatise *Rules for the Direction of the Mind* offers a concise algorithm for scientific research, understandable to everyone professionally involved in science, research as a process, a goal, and a tool. 'Investigation', that is, research itself, aimed at achieving the truth (or, let us say more modestly, finding new knowledge that might bring us closer to the truth), is impossible without a method, a certain approach that allows us to achieve our goal.

We have dared to disturb the shadow of the great thinker to formulate a title that looks rather pretentious if understood literally for a simple reason; the current issue of *Quaestio Rossica* introduces a new section, *Modi studiorum* (or "Methods of research/study"). Every innovation requires an explanation; hence we are summoning Descartes, shifting the presentation scheme familiar to readers usually built around the central *Problema voluminis* section. Such recentring, however, does not necessarily require changing the order of our presentation; after all, 'the circumference is nowhere, and the center is everywhere' [Шолю, с. 604]. Therefore, we will leave methods and truth alone for the moment and present the central section of this issue.

The *Problema voluminis* section is centred on an important problem of keen interest to Russian historical science, namely various aspects of Russo-German relations through the lens of diasporas. The German diaspora is considered in the imperial and the post-Soviet periods, as well as in modern united Germany, while the Russian diaspora is examined in the GDR and traced through the trials associated with the collapse of the Eastern Bloc.

The section opens with an article by *Andrei Keller* (Yekaterinburg, Russia), which presents a critical rethinking of the history of craft guilds from the eighteenth to the early twentieth centuries. Looking at the resolution of the guild conflicts of German bakers in St Petersburg in the 1830s and 1840s, the author shows the circumstances of persisting multiculturalism and multilingualism in everyday communications. Analysing the mechanisms of competition and conflict resolution, the article concludes that it is not necessary to exaggerate the role of "guild conflicts", which served in fact

as a mechanism for resolving disputes in the complex ethno-confessional structure of the St Petersburg crafts community, demonstrating both the intense competition and vitality of the guilds, as expressed in the active position of masters when defending their interests.

Looking at the state-administered German colonies in Russia in the second half of the nineteenth century, *Galina Sinko*, *Vladimir Shaidurov* (St Petersburg, Russia), and *Asiyat Guseynova* (Makhachkala, Russia) show significant changes in the status of German colonists. A comparative analysis of the legal status of settlers in the Charter on Colonies of 1857 and the Rules on the Arrangement of Settler Owners of 1871 helps the authors to show the evolution of the settlers' status, namely, how and for what reasons the Russian government gradually abolished the exclusive rights and privileges of this category of German subjects.

The work of *Olga Filipenko* (Novosibirsk, Russia) discusses the flight of deported Russian and Eastern European Germans from Soviet special settlements between 1946 and 1955. The author comes to the conclusion that following the decree of 26 November 1948, the gulag regime of control and punishment in cases of escape became tougher. The analysis of the three key components of escape – its goals, means, and sanctions – allow the author to analyse this behaviour in a differentiated and balanced way, concluding that it was not so much a form of protest as a means for potentially improving one's situation in exile.

Maik Hoops (Osnabrück, Germany) and *Jannis Panagiotidis* (Vienna, Austria) touch on the ambivalent experience of second-generation immigrants of Russian-German origin in Germany and the difficult situation with their identity. Comparing the two generations of repatriates, the authors note the double exclusion experienced by the first generation (labelled in Russia as “non-Russians” and as “Russians” in Germany) and the peculiar adaptations of the second generation, who as a whole are perceived by the surrounding society as Germans. This, however, does not prevent the latter from manifesting some positive self-identification as “Russians”.

The article by *Gunnar Thorvaldsen* (Tromsø, Norway / Yekaterinburg, Russia) delineates the fate of more than 140,000 people born in the families of Soviet troops stationed in East Germany from the end of WWII to 1994 who ended up in Russia after the withdrawal. Within the framework of this research, it is possible to establish the resettlement territories of Russians born in Germany at the beginning of the twenty-first century, as well as to discover the relative success of immigrants from Germany in adapting to the Russian labour and marriage markets. Their cross-cultural experience, education, and pre-existing social ties has led to an increase in ‘human capital’ in the territories of resettlement.

To a certain extent, some materials from the *Origines* section also cover the central topic of the issue. But while the above articles discuss collective adaptation strategies, the main actors in these newly published sources are individual representatives of the German nation who successfully

integrated into the political and intellectual elite of the Russian Empire, even going on to play outstanding roles in their new homeland.

Evgeny Anisimov (St Petersburg, Russia) publishes a previously unknown marriage proposal for Empress Anna's niece, the future regent Anna Leopoldovna, to a German prince. The author attributes the authorship of this project to Count A. I. Osterman, vice-chancellor and cabinet minister, and dates it to the beginning of 1733. The published document and the analytical article preceding it introduce the reader to the history of one of the most acute political issues of the eighteenth century in Russia, the transition of power. They shed light on the dynastic and foreign policy guidelines and priorities in this period and significantly expand our understanding of the political activities of Osterman, one of the key figures of the Russian ruling elite in the late 1720s and the 1730s.

Catherine Gibson (Tartu, Estonia) publishes the correspondence of the outstanding statistician and ethnographer, academician P. I. Köppen with the Imperial Academy of Sciences in the 1840s, which reveals the "behind-the-scenes" preparations for the publication of his ethnographic atlas of Russia. Köppen's letters create a new perspective on the history of Russian cartography and reveal the difficulties that scientists faced in their work. The correspondence vividly characterizes the relations between the St Petersburg Academy of Sciences and the Russian Geographical Society, their attitude to cartography, Köppen's struggle to fund his cartographic projects, and the other material aspects of preparing an ethnographic map. The article pays special attention to how Köppen tried to fit his plans into a framework limited by circumstances and to coordinate his research interests with the goals of the scientific organisations with which he collaborated – a topic that seems acutely relevant for the current situation of scientists in Russia.

Let us, however, return now to the newly announced section, *Modi studiorum*. As was noted above, scientific research is impossible without method. This generally banal statement, however, has several constituents that encourage us to return again and again to the place of method in the process of scientific work. On the one hand, many researchers in the humanities are not inclined to overly reflect on this issue. This is probably no tragedy, so long as it does not degenerate into methodological sloppiness. On the other hand, we observe another extreme when method turns from a tool into an end in and of itself. Inebriation by method in this case leads to the loss of the very purpose of the research process. There are many examples of how authors manage to successfully avoid both extremes. Their methodology is open to the reader and perfectly articulated, making the mechanisms for achieving strong results clear (we leave aside such a fundamentally unverifiable thing as the author's talent). We offer to publish their works in a devoted section because they set a certain standard of research culture and demonstrate how it is possible to achieve a new level of knowledge even when working with well-known empirical material. Finally, focusing on such works, in our opinion, is also useful from the

point of view of intellectual exchange. Modern scholarship, with all its deep specialization, reveals another powerful trend – the desire for inter- and polydisciplinarity. Methods tested on one source set or in one research field may be suitable for another or give impetus to the creation of original technologies in related fields of knowledge. These considerations led to the appearance of this new section in *Quaestio Rossica*. Readers will judge how successfully this experiment will proceed and how adequate the editorial selection of articles for the section is.

An elegant combination of source studies and genealogical research is provided by *Oleg Khoruzhenko* (Moscow, Russia) through a comparative analysis of the genealogy of the princes of Tarus in the *Synodik*, a liturgical manuscript from the Moscow Cathedral of the Dormition with unique information from the fifteenth and sixteenth centuries. The author proves the reliability of this information, which prioritizes the *Synodik* as a historical source and serves as an important precedent when studying the evolution of Russian political elites in the late Middle Ages.

No less important and methodically profound is the work by *Andrey Belyakov* (Moscow, Russia), in which the author scrupulously reconstructs the diplomatic service of several generations of the Baymakov-Rezanov family on the basis of a comparative study of the contents of scribal and embassy books. Here, a seemingly private history of a single service family becomes of fundamental importance for understanding the organization and development of diplomatic service in Russia in the sixteenth and seventeenth centuries, its transformation from a family business into a public institution. In general, such studies contribute to a better understanding of a more general process – the evolution of the state from a feudal model of governance to a modern one.

At the centre of *Evgeny Vershinin's* (Nefteyugansk, Russia) and *Georgy Vizgalov's* (Surgut, Russia) attention is a unique find – a draft promissory note on a wooden plank discovered in Mangazeya during excavations in 2009. The thorough study of this source, undertaken at the intersection of a number of disciplines (archaeology, source studies, linguistics, history of law, the history of epigraphy, and diplomatic history), permits the authors to reconstruct socioeconomic relations among the Russian population of northern Siberia in the seventeenth century, to clarify retrospectively many important details of the drafting and legal status of private financial acts in medieval northwestern Russia (Novgorod and Pskov), and to establish the continuity of these practices in Russian Siberia in the seventeenth century.

Arthur Mustafin (Moscow, Russia), taking as his basis a deep source analysis of price dynamics and applying new methods of interpretation, revises the well-established history of the 'price revolution' that Russia supposedly experienced from the 1730s, similar to that in Europe. Undoubtedly, this article will not go unnoticed by specialists in the history of Russia in the seventeenth and eighteenth centuries.

The new section closes with an article by *Tatiana Bazarova* and *Aleksandra Chirkova* (St Petersburg, Russia) about the academic role

of N. P. Likhachev as a world-class expert on Russian manuscripts from the early modern period. The history of Likhachev's expertise (commissioned by one of Europe's largest antique dealers, the Charavay family) on a letter by Peter the Great to V. I. Gennin allows us to get an idea of the close connection between educated and wealthy circles in Europe interested in collecting historical autographs and the development of source studies (primarily in the field of palaeography) and the archaeographic analysis of historical sources.

An analytical review by *Anna Joukovskaia* (Paris, France) is close to the new section; it is only due to genre that we have assigned it to *Conceptus et conceptio*. Using an interdisciplinary historical and philological approach, the review looks at one of the fundamental problems in ancient Russian source studies – the origin of the short edition of the *Pravda Russkaia* – through reflections on the historiographical destiny of a book by A. P. Tolochko. The author wonders why a very provocative albeit undoubtedly professional monograph of a Ukrainian historian, questioning the authenticity of the manuscript, has never received an adequate reaction from the academic community. The essay gives a critical analysis of a few reviews and responses that have appeared while also offering as well conceptual conclusions, not so much on Tolochko's book as on the problems considered in the book.

Traditionally, our *Disputatio* section is quite diverse, being a platform for the presentation of research on a variety of topics. It opens with two articles analysing possible origins for the stereotypical identification of Russia with the image of a bear in the West. In the first, by *Mikhail Kozlov* (Sevastopol, Russia) and *Snezhana Shendrikova* (Yalta, Russia), based on written and archaeological sources, the authors argue for the relatively late (no earlier than the tenth century) formation of the mythological image of the bear among the Eastern Slavs; the article follows the further proliferation of this image in Russian folk culture from the seventeenth to the early twentieth centuries. *Liliya Stepanova* (Krasnodar, Russia), using quantitative methods, studies the *General Survey of the Russian Empire* at the turn of the nineteenth century in order to conclude that during this period the bear was by no means prevalent among the local fauna in large parts of the western provinces of Russia. Thus, the identification of Russia with the beast that gained popularity in Western political pamphlets of that time had no natural basis. *Vladimir Velikanov* (Moscow, Russia) looks at the struggle of the Cossack elites in Ukraine in the last third of the seventeenth century and the degree of Moscow's participation in such. He offers reasons for the removal of Hetman D. Ignatovich-Mnogogreshny and the election of Hetman I. Samoilovich. The article by *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia) is a semiotic reading of the architectural and spatial planning of Yekaterinburg in the first decade of its existence. According to the author, its builder, Major General V. I. Henning, was trying rather consciously to build a new factory-centered town as a symbol of the new, cameralist-based imperial policy of Peter the Great's Russia. Based on assessments of American diplomacy, *Artem Zorin* (Kirov, Russia) reconstructs the atmosphere of the struggle between the United States

and the USSR over spheres of influence in Central and Eastern Europe in the post-war period, using the example of the foreign policy of Czechoslovakia. A remarkably pertinent article by *Julia Kantor* (St Petersburg, Russia) studies the boiling atmosphere of the ‘Second Cold War’, convincingly revealing historical policy tools used in the countries of Eastern Europe to revise the memory of the Second World War.

Published here for the first time is an early eighteenth-century treatise on Boris Godunov, undoubtedly of academic interest for the study of the evolution of Russian historical thought (*Origines* section). The authors, *Vyacheslav Kozliakov* and *Alla Sevastyanova* (Ryazan, Russia), analyse the sources of this compilation, the place and circumstances of its appearance, and hypothesise about the possibility that its compiler was in the circle of persons affected by the Artemy Volynsky case. The issue concludes with a review of documents from the end of the seventeenth century from the ‘Russian’ funds of four branches of the State Archive of Austria – the Dynastic, the Court, and the State Archives of the Habsburgs: this review is by *Nikolai Baranov* and *Elena Manasyan* (Yekaterinburg, Russia). There is also a review by *James White* (Yekaterinburg, Russia) of F. Nikitin’s book about Colonel V. A. Pashkov, the founder of the Russian community of Evangelical Christians (*Controversiae et recensione* section).

The editorial board hopes that despite all the differences in the methods, research strategies, and topics of the authors in this issue, all the published materials together will make a worthy contribution to understanding the motivations and meanings of the actions of the people of past eras. Isn’t that the purpose of history?

Andrei Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Translated by Anna Dergacheva

La méthode est nécessaire pour la recherche de la vérité.

René Descartes*.

В цитате из трактата Р. Декарта «Правила для руководства ума» в сжатой форме изложен алгоритм научного исследования: процесс, цель, инструмент. «Разыскание», то есть собственно исследование, направленное на достижение истины (или, скажем скромнее – то, что видится как истина), невозможно без метода – некоего способа, позволяющего приблизиться к поставленной цели.

Потревожить тень великого мыслителя и сформулировать заголовок, который выглядит претенциозным, если понимать его с буквальной серьезностью, побудило то, что в журнале появилась новая рубрика *Modi studiorum* («Способы исследования»). Всякая новация требует пояснения – отсюда и Декарт, отсюда и смещение смыслового центра привычной схемы представления номера, обычно выстраиваемой вокруг рубрики *Problema voluminis*. Но смещение центра не обязательно требует изменения последовательности изложения: в конце концов, «окружность – нигде, центр – повсюду» [Шоноу, с. 604]. Публикации в рубрике *Problema voluminis* посвящены проблеме, имеющей для русской истории особое значение, – различным аспектам русско-немецких отношений через судьбы диаспор: немецкой в имперский и постсоветский периоды, в современной объединенной Германии, и российской, той, что сформировалась в ГДР и чья жизнь прошла через испытания, связанные с распадом Восточного блока.

Начинает раздел статья *Андрея Келлера* (Екатеринбург, Россия). В ней представлено критическое переосмысление истории цехового ремесла XVIII – начала XX в. на примере разрешения конфликтов в среде немецких булочников Санкт-Петербурга 1830–1840-х гг. Анализируя механизмы конкуренции и решения конфликтных ситуаций, автор показывает, что не стоит преувеличивать роль цеховых конфликтов, являвшихся механизмом разрешения споров в сложной этноконфессиональной структуре петербургского ремесла. Процесс показывал не только интенсивную конкуренцию, но и витальность цехового ремесла, выражавшуюся в активной позиции мастеров при отстаивании своих интересов.

Рассматривая результаты государственного управления немецкими колониями в России во второй половине XIX в., *Галина Синько*, *Владимир Шайдуров* (Санкт-Петербург, Россия) и *Асият Гусейнова* (Махачкала, Россия) приходят к заключению о значительных переменах в статусе немецких колонистов. Сравнительный анализ положения юридического статуса поселенцев от «Устава о колониях» 1857 г. до «Правил об устройстве поселян-собственников» 1871 г. показыва-

¹ «Для разыскания истины вещей необходим метод» (Рене Декарт).

ет, как и по каким причинам российское правительство пошло на постепенную полную отмену эксклюзивных прав и привилегий этой категории немецких подданных короны.

В статье *Ольги Филиппенко* (Новосибирск, Россия) рассматривается проблема бегства депортированных российских и восточноевропейских немцев из советских спецпоселений в 1946–1955 гг. Автор считает, что после указа 26 ноября 1948 г. режим контроля и наказаний в случае побега ужесточился. Анализ трех ключевых компонентов побега – цели, средств и санкций – позволил автору более дифференцированно и взвешенно проанализировать данное поведение не как форму протеста, а как средство для потенциального улучшения положения в ссылке.

Майк Хоопс (Оснабрюк, Германия) и *Яннис Панайотидис* (Вена, Австрия) затрагивают тему амбивалентности существования второго поколения поздних переселенцев российско-немецкого происхождения в Германии и сложную ситуацию с их этноидентичностью. Авторы отмечают двойную эксклюзию, свойственную первому поколению репатриантов (из-за немецкого происхождения в России как «нерусских» и из-за русского в Германии как «не-немцев»). Второе поколение воспринимается окружающим обществом в целом уже как немцы, что не мешает последним демонстрировать некоторую позитивную самоидентификацию в качестве «русских».

Статья *Гуннара Торвальдсена* (Тромсё, Норвегия / Екатеринбург, Россия) посвящена судьбам более 140 тысяч человек, родившихся в семьях советских военнослужащих группы советских войск, дислоцированных в Восточной Германии после Второй мировой войны до 1994 г. и оказавшихся в России после вывода советских войск. В рамках проведенного исследования удалось установить территории концентрации рожденных в Германии россиян в начале XXI в., а также выяснить успешность адаптаций выходцев из Германии в России в отношении рынка труда и брачных связей. Их межкультурный опыт и образование, а также наличие социальных связей способствовали росту человеческого капитала на российских территориях их расселения.

С темой номера сближаются материалы из рубрики *Origines*. В опубликованных источниках главными действующими лицами оказываются отдельные представители немецкой нации, успешно интегрировавшиеся в политическую и интеллектуальную элиту Российской империи и сыгравшие выдающиеся роли на новой Родине. *Евгений Анисимов* (Санкт-Петербург, Россия) публикует ранее неизвестный проект замужества Анны Леопольдовны, племянницы русской императрицы Анны Иоанновны и будущей правительницы-регентши, с одним из германских принцев. Автор атрибутирует этот текст как принадлежащий вице-канцлеру и кабинет-министру гр. А. И. Остерману и датирует его по содержанию началом 1733 г. Публикуемый документ и предваряющая его аналитическая статья вводят читателя в историю транзита власти, острейшего политического вопроса XVIII в. в Рос-

сии. Они проливают свет на династические и внешнеполитические ориентиры и приоритеты русского двора указанного периода и существенно расширяют представления о политической деятельности гр. А. И. Остермана, одной из ключевых фигур правящей элиты России конца 1720-х – 1730-х гг.

Кэтрин Гибсон (Тарту, Эстония) публикацией переписки выдающегося статистика и этнографа академика П. И. Кёппена с Императорской академией наук в 1840-х гг. раскрывает «закулисы» подготовки им к изданию этнографического атласа России. Письма Кёппена задают новую перспективу в истории российской картографии и выявляют трудности, с которыми сталкивались ученые. Переписка ярко характеризует отношения между Петербургской академией наук и Русским географическим обществом по вопросам картографии, борьбу Кёппена за финансирование его картографических проектов и материальные аспекты подготовки этнографической карты. Особенное внимание уделено тому, как Кёппен пытался согласовать свои исследовательские интересы с целями научных организаций, с которыми он сотрудничал (остроактуальная тематика и для сегодняшнего положения российских ученых).

Вернемся к анонсированной новой рубрике *Modi studiorum*. В банальной очевидности, что научное исследование невозможно без метода, есть несколько обстоятельств, побуждающих вновь и вновь освещать значение метода в процессе научного труда. С одной стороны, есть немало исследователей-гуманитариев, которые не склонны излишне рефлексировать по этому поводу, что, вероятно, не является трагедией, пока не перерождается в методико-методологическую неряшливость. С другой стороны, есть вариант превращения метода из инструмента в самоцель. Упоение методом в таком случае приводит к утрате самой цели исследовательского процесса. Между тем, имеется множество примеров того, как авторам удается счастливо избежать обеих крайностей. Методика их исследования открыта для читателя, прекрасно артикулирована; при этом понятны механизмы достижения яркого научного результата. Их работы хочется выделить в особый ряд уже хотя бы потому, что они задают определенный стандарт исследовательской культуры и демонстрируют, каким образом возможно достичь нового уровня знания даже в случае работы с хорошо освоенным эмпирическим материалом. Акцентирование внимания на такого рода работах полезно и с точки зрения интеллектуального обмена. Современная наука при всей ее глубокой специализации обнаруживает и другой мощный тренд – стремление к меж- и полидисциплинарности. Методики, опробованные на одном материале или в одном из проблемных полей исследования, могут дать импульс к генерированию оригинальных научных технологий в других смежных областях знания. Этими соображениями и вызвано появление новой рубрики. Насколько удачен будет этот эксперимент, насколько адекватен редакционный отбор статей для рубрики, судить читателям.

Изыщное сочетание источниковедческого и генеалогического исследования являет собой статья *Олега Хоруженко* (Москва, Россия), посвященная компаративному анализу данных о родословии князей Тарусских в синодике Московского Успенского собора с уникальными сведениями из актовых материалов XV–XVI вв. Автор доказывает приоритет достоверности информации синодика, что важно для изучения эволюции состава русской политической элиты позднего Средневековья. Не менее актуальна методически отработанная статья *Андрея Белякова* (Москва, Россия), в которой на основе аналогичного компаративного исследования содержания писцовых и посольских книг скрупулезно реконструируется посольская служба нескольких поколений семьи Баймаковых-Резановых. Частный сюжет, связанный с историей отдельного служилого рода, приобретает принципиальное значение для понимания организации и развития дипломатической службы в России XVI–XVII вв., ее превращения из семейного дела в публичный институт. Такого рода исследования способствуют и пониманию более общего процесса – эволюции всего государства от вотчинной модели управления к современной.

В фокусе внимания [*Евгения Вершинина*] (Нефтеюганск, Россия) и *Георгия Визгалова* (Сургут, Россия) оказывается уникальная находка – черновая долговая расписка на дощечке, обнаруженная в культурном слое Мангазеи в ходе раскопок 2009 г. Исследование источника, проведенное на стыке ряда гуманитарных дисциплин – археологии, источниковедения, лингвистики, истории права, вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфики и дипломатики), позволяет воссоздать картину социально-экономических отношений среди русского населения Северной Сибири в XVII в., ретроспективно прояснить многие важные детали процедуры заключения и юридического статуса частнопроводных финансовых актов, бытовавших в средневековой Северо-Западной Руси (Новгороде и Пскове), установить континуальность этих практик с позднейшими, бытовавшими в русской Сибири XVII в.

В статье *Артура Мустафина* (Москва, Россия) на основе глубокого источниковедческого анализа материалов, пригодных для корректных расчетов динамики цен и собственных методов их интерпретации, подвергается аргументированной ревизии устоявшаяся историографическая парадигма о революции цен, которую пережила Россия (особенно начиная с 1730-х гг.), аналогичной европейской. Несомненно, эта статья не пройдет незамеченной специалистами по истории России XVII–XVIII вв. Замыкает рубрику статья *Татьяны Базаровой и Александры Чирковой* (Санкт-Петербург, Россия) о деятельности Н. П. Лихачева как эксперта русских рукописей раннего Нового времени мирового класса. История проведенной им экспертизы одного из писем первого русского императора В. И. Геннину, сделанной по заказу крупнейшего в Европе антикварного дома семьи Шараве, позволяет получить представления о тесной связи запросов образованных и состоятельных кругов Европы на коллекционирова-

ние исторических автографов и развития методов источниковедческого (в первую очередь в области палеографии) и археографического анализа исторических источников.

Близким по направленности можно считать аналитический обзор *Анны Жуковской* (Париж, Франция), отнесенный в рубрику *Conceptus et conceptio*. Написанный в междисциплинарном историко-филологическом ключе, обзор актуализирует одну из фундаментальных проблем источниковедения Древней Руси – происхождения Краткой редакции Правды Русской через размышления над историографической судьбой книги А. П. Толочко на эту тему. Автор задается вопросом, отчего весьма провокативная и при этом профессионально написанная монография украинского историка, подвергающая сомнению аутентичность этого памятника, не получила заслуженной реакции в научной среде, и дает критический разбор появившихся рецензий и откликов. Кроме того, автор делает и собственные концептуальные выводы, уже не столько по книге Толочко, сколько по проблематике, которая в этой книге рассматривается.

Традиционно разнообразна рубрика *Disputatio*, являющаяся площадкой для презентации исследований на самые разные темы. Она открывается двумя статьями, анализирующими возможные истоки стереотипного отождествления России на Западе с образом медведя. В первой из них авторства *Михаила Козлова* (Севастополь, Россия) и *Снежаны Шендриковой* (Ялта, Россия) на основе письменных и археологических источников приводятся аргументы об относительно позднем (не ранее X в.) формировании мифологического образа медведя у восточных славян и о дальнейшей профанации этого образа в народной культуре русских XVII – начала XX в. *Лилия Степанова* (Краснодар, Россия), используя количественные методы в изучении материалов Генерального межевания Российской империи рубежа XVIII–XIX вв., приходит к выводу, что в этот период в значительной части западных губерний России медведь не являлся преобладающим видом местной фауны и, таким образом, отождествление России с ним, получившее популярность в западных политических памфлетах этого времени, не имело естественных оснований. К перипетиям борьбы казачьих элит Украины последней трети XVII в. и степени участия в них Москвы отсылает работа *Владимира Великанова* (Москва, Россия), в которой раскрываются внутренние причины смещения гетмана Д. Игнатовича-Многогрешного и избрание гетманом И. Самойловича. В статье *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия) осуществлен опыт семиотического прочтения архитектурно-пространственной планировки и особенностей застройки Екатеринбурга в первое десятилетие его существования. Строитель города генерал-майор В. И. Геннин осознанно возводил город-завод как символ новой, камералистской в своей основе имперской политики петровской России. *Артем Зорин* (Киров, Россия) на основе оценок американской дипломатии воссоздает атмосферу борьбы

США и СССР за раздел сферы влияния в Центральной и Восточной Европе в послевоенный период на примере эволюции внешнеполитической ориентации Чехословакии. Вызреванию атмосферы «второй холодной войны» посвящена остроактуальная статья *Юлии Кантор* (Санкт-Петербург, Россия), раскрывающая набор инструментов исторической политики, проводимой в странах Восточной Европы и направленной на ревизию памяти о Второй мировой войне.

Эволюция отечественной исторической мысли представлена во впервые публикуемом сочинении о Борисе Годунове первой трети XVIII в. *Вячеслав Козляков* и *Алла Севастьянова* (Рязань, Россия) анализируют источники этой компиляции, место и обстоятельства ее появления, делают предположение о возможной причастности ее составителя к кругу лиц, пострадавших по делу Артемия Волынского (рубрика *Origines*). Завершают номер обзор документов конца XVII в. из «русских» фондов четырех отделений Государственного архива Австрии – Династического, придворного и государственного архива Габсбургов, принадлежащий перу *Николая Баранова* и *Елены Манасян* (Екатеринбург, Россия), и рецензия *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия) на книгу Ф. Никитина о полковнике В. А. Пашкове – основателе российской общины евангельских христиан (рубрика *Controversiae et recensiones*).

Редколлегия надеется, что благодаря разнице в методах, исследовательских стратегиях и тематике опубликованные материалы внесут свой достойный вклад в наше понимание мотиваций и смыслов поступков людей прошедших эпох. Не в этом ли назначение истории?

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. и послесл. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.

References

Chaunu, P. (2005). Tsivilizatsiya klassicheskoi Evropy [The Civilisation of Classical Europe] / transl. by V. A. Babintsev. Yekaterinburg, U-Faktoriya. 608 p.

Problema voluminis

THE RUSSIAN GERMANS: ADAPTATION, INTEGRATION, ASSIMILATION?

Problema voluminis

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ – АДАПТАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ?

THE RUSSIAN GERMANS: ADAPTATION, INTEGRATION, ASSIMILATION?

DOI 10.15826/qr.2021.3.610

УДК 338.45(470.23-25)+664.6(430)+331(430:470.23-25)+94(470.23-25)"18"

ПРАКТИКИ РЕШЕНИЯ ЦЕХОВЫХ КОНФЛИКТОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НЕМЕЦКИХ БУЛОЧНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

GUILDS OF GERMAN BAKERS OF ST PETERSBURG IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: CONFLICT RESOLUTION PRACTICES AND EVERYDAY LIFE**

Andrei Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to materials from the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive of St Petersburg, this article investigates mechanisms of competition and resolving conflicts between tradesmen in St Petersburg and the level of German masters' adaptation to a new cultural and social environment. It reveals an opportunity to reach a deeper understanding of bread production in the capital over a long period of time. Competitive confrontations between guilds reflect not only the negative aspects of monopolistic tendencies among trade masters, but also the vitality of St Petersburg trades. This manifested itself in constant rivalry among the guilds of Russian and German bread makers,

---

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

** *Citation*: Keller, A. (2021). Guilds of German Bakers of St Petersburg in the First Half of the 19th Century: Conflict Resolution Practices and Everyday Life. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 797–812. DOI 10.15826/qr.2021.3.610.

Цитирование: Keller A. Guilds of German Bakers of St Petersburg in the First Half of the 19th Century: Conflict Resolution Practices and Everyday Life // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 797–812. DOI 10.15826/qr.2021.3.610 / Келлер А. Практики решения цеховых конфликтов и повседневность немецких булочников Санкт-Петербурга первой половины XIX века // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 797–812. DOI 10.15826/qr.2021.3.610.

confectioners, pretzel bakers, roll makers, and non-guild pastry makers. The intensive competition could increase or decrease due to national, confessional, cultural, and territorial factors. The 1830s and 1840s were the last period of this open competition: after, all such guilds were united into a single organisation. The author provides a periodisation that conditionally reflects the fundamental stages in the development of the guilds: 1721–1785 (their establishment), 1785–1840s (their flourishing), and the 1850s–1870s (unification and standardisation with new regulations). The struggle for the partial monopolisation of market segments in the 1830s and 1840s pointed to the need for clearer structures. The prosperity, entrepreneurship, and influence of German bakers manifested themselves in the black-market sale of a certain type of securities: bakery certificates whose price could reach 12,000 paper roubles. Bread production in St Petersburg can be used as a positive example of an institution that underwent a century-long cycle of modernisation characteristic of an immobile and conservative society. This cycle of modernisation was based on a catch-up model of development and contributed to dynamic innovation (the introduction of mechanical dough mixers from Germany). The author puts forward a hypothesis that the increase in stiff competition pointed to the limits of the market and thus the limits of growth: production volume could no longer grow arbitrarily, which meant that access to guilds became more restricted.

Keywords: St Petersburg in the first half of the nineteenth century, Russian and German guilds, German bakers, trade conflicts, everyday life

Исследование механизмов конкуренции и решения конфликтных ситуаций между цеховыми ремесленниками Санкт-Петербурга на примере материалов петербургских архивов РГИА и ЦГИА СПб открывает возможность более глубокого понимания функционирования хлебобулочного производства столицы на протяжении длительного времени, степени адаптации немецких мастеров к новой культурной и социальной среде. В конкурентном противостоянии цехов отражались не только негативные стороны монополистических тенденций цеховых мастеров, но и витальность петербургского ремесла, проявлявшаяся в постоянном соперничестве цеховых мастеров булочного, кондитерского, хлебного, конфетно-пряничного производства, пекарей цехов выборгских кренделей, калачников и нецеховых пирожников. Интенсивная конкуренция могла усиливаться или ослабляться благодаря национальному, конфессиональному, культурному, территориальному факторам. На 1830–1840-е гг. приходится последний период такой открытой конкуренции, прежде чем все эти цехи будут объединены в один сложный. Автор придерживается периодизации, условно отражающей основные этапы развития цехов: 1721–1785 – становление, 1785–1840-е гг. – расцвет, 1850–1870-е гг. – унификация и стандартизация с новыми уставами и объединением цехов. Борьба за частичную монополизацию сегментов рынка в 1830–1840-е гг. указывала на необходимость его более четкой структуризации. Зажиточность, предприимчивость и влияние немецких булочников выражались в предложении на полуполюгальном рынке своеобразных ценных бумаг – свидетельств на булочные, цена на которые доходила до 12 тыс. руб.

ассигнациями. Хлебобулочную ремесленную промышленность Санкт-Петербурга можно использовать в качестве положительного примера института, преодолевшего 150-летний цикл модернизаций, характерных для имобильных консервативных обществ, основывающихся на догоняющей модели развития, и внесшего свою лепту в становление динамичного инновативного (металлические печи петербургских мастеров, внедрение механических тестомешалок из Германии) перманентно обновляющегося сообщества, основанного на традиции, в котором пропадает необходимость форсированных модернизаций с нерациональным использованием ресурсов. Выдвинута гипотеза, что усиление жесткой конкурентной борьбы указывало на достижение границ рынка, а значит, и границ роста, где объемы производства не могли больше произвольно расти, а допуск в цехи становился все более ограниченным.

Ключевые слова: Санкт-Петербург первой половины XIX в., иностранная и российская ремесленные управы, немецкие цехи, немецкие булочники, цеховые конфликты

С началом правления Павла I в 1796 г. и принятием нового Устава цехов в 1799 г. заканчивается относительно спокойное привилегированное положение иностранных цехов Петербурга и начинается время повышенной турбулентности, когда иностранные мастера постепенно теряют абсолютное лидерство на рынке «люксовых» товаров в течение XIX в. С 1798 г. Камеральный департамент городского правления пытается активно изменить безналоговый статус иностранных ремесленников, чтобы уменьшить долговую нагрузку казны. Также по его инициативе появляется новый параграф в Уставе цехов, согласно которому русские и иностранные цехи временно управляются общей ремесленной управой. В 1810 г., уже в рамках компетенций Казенной палаты, вводится налогообложение иностранных ремесленников иностранного подданства, а в 1817 г. им более чем на год даже запрещается вступать в цехи. Несмотря на это, иностранные ремесленники продолжали долгое время оставаться серьезным социальным фактором, который необходимо учитывать при изучении данной проблематики.

Хлебобулочное производство в XVIII – начале XIX в.

В России к началу XVIII в. наблюдалось большое разнообразие хлебобулочных изделий. Уже в предшествующее время мастера хлебного дела в XVI–XVII вв. «делились на хлебников, калачников, пирожников, ситников, саечников, крендельщиков (бараночников), блинников, кисельников и пряничников. Для каждого дня мастера выпекали простой хлеб: сытный, недорогой, заменяющий рабочему люду порой и завтрак, и обед, и ужин» [Шейпак, с. 71]. Ремесло булочника в Германии первоначально включало в себя четыре различных вида: кондитерское (Zuckerbäcker, кондитер), пряничное

(Pfefferkuchenbäcker, Lebkuchen, пряничник), выпечки белого (Los-oder Weißbäcker, Weizenbrot, Brötchen и пр., булочник) и постного, а также черного хлеба (Fast- oder Schwarzbäcker, Roggenbrot, хлебник). Со временем произошла дифференциация булочного ремесла по названным отраслям, характерная также для петербургского ремесла, где наложились русская и западноевропейская традиции хлебопечения, саморепрезентации (шествия цехов) и визуализации (знамена, печати, трости) цеховых ремесленников.

В период становления цехового ремесла в XVIII в. наблюдаются значительные изменения в составе и названиях цехов¹. В 1724 г. среди массовых цеховых ремесел преобладают русские цехи – пирожный (в основном выходцы из Ярославля, 339), хлебный (68), калачный (160) с общим числом 567 ремесленников [Гайсинович, с. 537]. Согласно ведомости 1766 г., составленной по материалам ревизских сказок 1747 и 1764 гг., прежних больших русских цехов не находим, но уже в трех немецких цехах числилось: в булочном и хлебном – 30 мастеров, по одному мастеру в конфетном и пряничном цехах, а также один вечноцеховой мастер в русском калачном цехе [Пажитнов, с. 48; ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80]. Вероятно, при более поздних переписях русские пирожники, хлебники и калачники не сочли выгодным записываться в цехи, поэтому понятно, что эти цифры не соответствовали фактическому числу всех ремесленников, занятых в хлебобулочном производстве. Ту же картину имеем и со статистикой за 1789/1790 г., приведенной И. Г. Георги. Теперь в двух немецких цехах числилось: в хлебном – 77, в кондитерском – 11 мастеров, причем, помимо последних, имелось значительное число немецких и французских кондитеров «при дворе и у знатных господ». В русском хлебном цехе состояли 9 мастеров, а в «цехе русских конфетчиков с прянишниками» – 13 мастеров, 57 подмастерьев и 65 учеников. В то же время И. Г. Георги делает примечание, что пряничники причисляются к кондитерам, что приведет в XIX в. к множеству противоречий между русскими и немецкими кондитерами, булочниками и пряничниками. Многие не записанные в цех русские пирожники изготавливали простые пироги и маленькие пирожки и пряженцы с самой разнообразной начинкой, представлявшие собой «всеобщую пищу, а часто и единственное кушанье простого человека». Печением пирогов (а также приготовлением пряников) занимались, кроме того, кондитеры, повара и иностранные хлебники. Наконец, пирожным делом занимались бедные люди и вдовы. Среди производителей макарон и вермишели имелось пять нецеховых иностранных мастеров [Георги, с. 198–199]. В итоге мы видим, что к концу века цеховых ремесленников в хлебобулочном производстве оказалось гораздо меньше, чем в его начале, при увеличении населения Петербурга более чем в пять раз, примерно с 40 тыс. (1725) до 219 тыс. чел. (1795).

¹ С самого начала в Петербурге существовали параллельные русские и иностранные цехи [Пажитнов, с. 48].

С принятием нового Устава цехов 1799 г. отдельное существование российских и немецких цехов упраздняется, а «городские, иногородние и иностранные ремесленники одного и того же мастерства» состоят теперь в одном цехе под управлением одной ремесленной управы [Устав, с. 23]. Иными словами, российские и иностранные конфетно-пряничные мастера и кондитеры, а также российские и немецкие булочники были объединены в соответствующие цехи, но в 1804 г. немецкий кондитерский цех смог добиться восстановления своего прежнего статуса, то есть самостоятельного существования [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 95. Л. 73]. Спустя непродолжительное время этот цех начал предъявлять свои требования к конфетно-пряничному цеху, объединявшему в большинстве своем российских мастеров православного вероисповедания. Ранее, в 1794 г., были известны также спорные случаи между немецким и российским булочными цехами, где инициаторами претензий выступали немецкие булочники [Рындзюнский, с. 65]. Надо сказать, что названия «российский цех» и «немецкий цех» не означают гомогенного национального состава, особенно в первом случае, поскольку в России было множество мастеров иностранного происхождения. Косвенным свидетельством этого может послужить выборка, сделанная с помощью указателя жилищ С. И. Аллера на 1823 г., где находим 33 вечноцеховых булочных мастера ведомства русской ремесленной управы, из них одного русского, и 32 – иностранного происхождения, и 19 временноцеховых, из них восемь русского, и 11 – иностранного происхождения. В немецкой ремесленной управе булочных мастеров иностранного происхождения и, как правило, подданства, насчитывалось 69. В цехе пекарей весового ситного и ржаного хлеба и саечников – 43 мастера, в подавляющем большинстве русского происхождения, а всего 164 мастера [Аллер, с. 535–538].

На видное положение булочного цеха русской ремесленной управы среди других цехов Петербурга указывает цеховое знамя булочников от 1 октября 1884 г., возобновленное к предполагаемому столетию празднования учреждения цехов в 1785 г. Оно, по сравнению со знаменами других цехов, наиболее богато исполнено в золоте имперской и цеховой символики, что должно было подчеркнуть особый статус булочников Петербурга². На лицевой стороне знамени изображены унаследованные из традиции булочных цехов Германии и Прибалтики брецель (*нем.* die Brezel), держащие его слева и справа львы, обрамленные лавровым венком, с надписью золотом вокруг него: «Утвержден 1785 года 21го апреля», три простые дворянские короны с пятью зубцами и императорская корона, в углах – золотые двуглавые орлы с императорскими коронами³. На оборотной стороне – черный дву-

---

² По свидетельству бывшего рабочего немецкого булочного цеха начала XX в. Б. Иванова, во время церемонии принятия в него новых членов использовался серебряный кубок, преподнесенный в свое время цеху в подарок Екатериной II [Иванов, с. 8, 11].

³ Такие отличительные геральдические эмблемы, как дворянская корона, могли закрепляться не только за представителями привилегированного сословия, но и в цеховых организациях ремесленников.

главный орел под тремя императорскими коронами, в углах – золотые императорские короны [Цеховые знамена, с. 94–97]. Коммеморативная традиция булочного цеха, нарушавшая фактическую хронологию его существования по меньшей мере с 1724 г., говорит о важности 1785 г., воспринимавшегося цеховыми мастерами как первый год в их истории, что связано с принятием Ремесленного положения, организацией цехов под руководством общей Ремесленной управы и участием цеховых гласных в Общей городской и Шестигласной думе.

Конкуренция булочного и кондитерского цехов в 1830–1840-е гг.

В конце 1820-х гг. возник очередной сложный перекрестный спор между цехами булочников, выборгских кренделей, конфетно-пряничным и кондитерским. Так, немецкий и русский булочные цехи, объединив свои усилия, боролись за закрытие цеха выборгских кренделей. В 1830 г. петербургский генерал-губернатор граф Эссен поручил Городской думе выяснить, какие изделия могли производить мастера конфетно-пряничного и кондитерского цехов, после чего булочникам и пряничникам было запрещено производить торговлю кондитерскими изделиями [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 95. Л. 53–56].

В 1830-е гг. русский и иностранный булочные цехи небезуспешно пытались расширить ассортимент булочно-кондитерских изделий, благодаря чему захватывали сегменты рынка, принадлежавшие мастерам кондитерского и макаронного цехов. Важную роль при этом играло то, насколько хорошо мастера могли наладить диалог с вышестоящими властями – в магистрате, губернском правлении, канцеляриях военного генерал-губернатора и министра внутренних дел. Еще в 1821 г. кондитеры российского и немецкого цехов требовали для себя «исключительного права на печенье конфетов в кофейных домах и для публичной продажи» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 276]. Такие инциденты происходили регулярно, что давало повод всем сторонам конфликта надеяться на благоприятный исход дела, тем более что практика изготовления и продажи булочниками кондитерских изделий была давней распространенной традицией.

После вступления в должность в октябре 1841 г. нового министра внутренних дел Л. А. Перовского последний осуществлял усиленный личный контроль за производством продуктов питания и их сбытом в булочных и мелочных лавках. По свидетельству актера Немецкого театра Е. Йермана, «переодевшись, с длинной бородой, он посещал магазины и лавки, покупал сахар, мясо и масло и проверял после закрытия торговли вес продуктов. Иные лавки были закрыты, но все домохозяйки ликовали по поводу неожиданного улучшения мер и весов» [Jerrmann, s. 95]. По свидетельству другого современника, экстравагантный министр, снискавший популярность у населения, «переодевался полицантом, ходил по мелочным и булочным лавкам

и там поверял весы и меры, а уличенных в фальши торговцев предавал строгой ответственности» [Пржецлавский, с. 246].

Оказалось, что некоторые булочники нарушали правила торговли, что повлекло за собой невиданные до этого времени события, а именно закрытие нескольких немецких булочных. Они так взбудоражили петербургское общество, что нашли свое отражение не только в салонных разговорах, но и послужили поводом к написанию П. А. Каратыгиним одного из самых популярных водевилей в истории петербургских театров – «Булочная, или Петербургский немец». Сочиненный в 1840 г., он был впервые поставлен на сцене Александринского театра 26 октября 1843 г. и имел оглушительный успех. У злоупотреблений были две причины: с одной стороны, недобросовестность некоторых немецких булочников, с другой, как сообщалось в 1802 г., «злоупотребления по торговле в лавках и на площадях съестными припасами и другими жизненными потребностями глубоко укоренились под защиту низших полицейских чиновников» [Луппов, Петров, с. 604–605]. Но данный порок ни полицией в 1802 г., ни в 1843 г., когда был создан особый надзорный орган торговой полиции (торговых смотрителей), не был искоренен: «Невзирая, однако же, на меры строгости, слышны многие жалобы на злоупотребления самих торговых смотрителей» [«Россия под надзором», с. 323–324]. Именно в связи с этими событиями появился указ Городской думы 1842 г. «булочным мастерам о неизменении веса французским булкам и прочему хлебу, в таковой же мелочных лавочников» [ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 418. Л. 6; Д. 514].

Со времен Бориса Годунова, и особенно с формированием «регулярного» государства Петра I, существовала официальная правительственная ценовая политика с помощью введения такс, то есть фиксированных цен на хлебобулочные изделия с точно установленным весом и сортом муки, в рассматриваемое время – согласно докладам приставов частей города. В связи с периодическим ростом цен на муку таксы должны были постоянно регулироваться вплоть до их отмены в 1889 г. По этому вопросу во второй половине 1831 г. канцелярия Санкт-Петербургской городской думы вела переписку с русским и иностранным булочными цехами, а также с русским булочным, саечным, калачным и хлебным цехом «по предмету перемены таксы в печении булочными мастерами хлебов» [Там же. Д. 418. Л. 6]. В 1839 г. российский и немецкий булочный цехи приняли решение самостоятельно повысить цену на сухари с одной копейки до двух, которое подтвердил городской магистрат. Мастера обосновывали такое решение тем, что в это время цены на хлеб в Петербурге были гораздо выше, чем на сухари. Тем не менее, было высказано мнение, что цех нарушил закон, во-первых, проведя собрание цеховых без разрешения ремесленного головы, а во-вторых, потому, что никто, кроме Городской думы, не мог принимать подобные решения. В итоге в июле 1842 г. со стороны губернского правления и генерал-

губернатора Эссена последовала отмена повышенной цены ввиду важности сухарей для обеспечения низших слоев населения наименьшим продовольствием [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 79. Л. 1–3].

Возвращаясь к урегулированию спорных вопросов между булочниками и кондитерами, нужно указать на тот факт, что 24 января 1838 г. булочникам удалось добиться принятия со стороны городского магистрата для достижения «мира и согласия» между булочным и кондитерским цехами точного описания ассортимента и ингредиентов в свою пользу, благодаря чему им удалось упрочить свое положение в сегментах рынка, принадлежавших мастерам кондитерского и макаронного цехов [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 95. Л. 30–31]. Борьба за рынок шла с переменным успехом. Русским мастерам, попытавшимся основать «русско-кондитерский цех православных мастеров», ввиду протеста немецкого и российского кондитерских цехов было отказано сенатским указом 1839 г., предписывавшим принять этих мастеров в кондитерский цех без экзамена, что вызвало многолетний спор. Последовали еще два сенатских указа от 28 ноября 1841 г. и 23 августа 1844 г., требовавшие исполнения указа 1839 г. Сами мастера жаловались на препятствия, чинимые российским кондитерским цехом при их вступлении. Этим дело не кончилось, так как мастера российского кондитерского цеха Александр Иванов, Иван Никитин, Алексей Абрамов, Прокофий Афанасьев, Кузьма Иванов и Тарас Воробьев подали 4 октября 1845 г. новое прошение на имя Перовского по поводу неправильно проведенного экзамена, вслед за которым последовал указ Сената от 25 июля 1846 г., предписывавший старшинам русского и немецкого кондитерских цехов принять русских кондитерских мастеров в цех с напоминанием о недопустимости ограничения числа мастеров [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 369. Л. 3, 11–13, 61, 70–71].

Что касается мастеров кондитерского цеха, то они не могли составлять конкуренции булочникам и кондитерам ввиду, по их собственному признанию, более низкой квалификации и иного ассортимента традиционных русских сладостей. В производстве продукции для широких слоев населения им не хватало знаний в дистилляции необходимых масел и эссенций, в помеле, мифологии, аллегориях, истории, ваянии, изготовлении моделей фигур, барельефов и горельефов, в химии. Несмотря на это, в 1844 г. Городская дума запретила мастерам кондитерского цеха производство конфет после того, как полиция конфисковала у пяти мастеров конфеты, в которых имелись якобы вредные для здоровья ингредиенты. В ответ кондитерские мастера Акакий Стахийев, Михай Яковлев, Егор Моисеев и Петр Михайлов подали 18 декабря 1844 г. жалобу Перовскому.

Сложнее обстояло дело с немецкими булочниками, с которыми кондитерский цех вел многолетние тяжбы, добиваясь конфискации товаров, закрытия булочных и штрафов. Дело касалось давней практики булочных мастеров, нанимавших к себе кондитерских подмастерьев для производства шоколада, пирожных и прочего. В резуль-

тате обысков полиции 19 декабря 1844 г. в 3-й и 4-й Адмиралтейских частях и 30 января 1845 г. в Литейной и снова в 3-й Адмиралтейской частях у семи булочников были конфискованы кондитерские изделия и взята подписка о непроизводстве кондитерских изделий [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 95. Л. 84]. Кроме того, кондитеры добились в 1844 г. ограничения числа кофейных домов количеством 56. В марте этого же года 20 цеховых кондитерских мастеров – владельцев кофейных домов, среди которых имелось пять «кофейных ресторанов», добились того, что прочие 36 кондитеров города также должны были получить цеховые свидетельства на свои кофейные дома [Там же. Л. 58, 102].

В прошении на имя министра внутренних дел 13 июля 1844 г. кондитеры жаловались на то, что булочники выпускают конфеты, не разрешенные им к производству. Булочные мастера не согласились с такими действиями и подали жалобу в Сенат, поручивший первому департаменту городского магистрата еще раз проверить жалобы кондитеров. Выяснилось, что претензии иностранных кондитеров были безосновательными, так как в городе существовало естественное разделение мастеров этих цехов на районы, формы продажи, различающийся ассортимент, более низкий ценовой сегмент и социальный состав покупателей, благодаря чему конкуренция между этими цехами была сведена к минимуму и не оказывала большого влияния на благосостояние мастеров. В фешенебельных магазинах и кондитерских иностранных мастеров, находившихся в центре города, состоятельным покупателям продавались конфеты и пирожные стоимостью от 2,5 до 6 руб. ассигнациями за фунт. Помимо булочников, мастера конфетно-пряничного цеха предлагали сладости не более как за 1,2 руб. ассигнациями за фунт в частях города, где проживало в основном мещанское, крестьянское и рабочее население, – в 3-й (после 1865 г. Спасской) и 4-й (после 1865 г. Коломенской) Адмиралтейских частях, отчасти во 2-й Адмиралтейской (после 1865 г. Казанской) части, в Литейной и Московской частях. Здесь продавались сладости широкого ассортимента традиционной русской кухни, простые конфеты из сахара и меда без начинки, пряники с медом или маком и прочее [Там же. Л. 73].

Не прекратились жалобы кондитеров на булочных мастеров и в марте 1845 г., когда 27 чел. из последних были оштрафованы, а их имена пропечатаны в петербургских газетах, хотя речь шла о продуктах, которые находились в их ассортименте параллельно кондитерскому цеху на протяжении последних 50 лет [Там же. Л. 95]. Этот спор продолжился в 1847–1848 гг. [ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 576. Л. 11]. К 1848 г. булочники показали значительный численный прирост. В булочном цехе ремесленной управы российских цехов насчитывались 41 вечноцеховой и 131 временноцеховой мастер, у последних – 439 подмастерьев и 152 ученика, что составляло 722 чел., или 5,52 чел. в среднем на одну мастерскую. Немецкий булочный цех включал

в 1843–1844 гг. 158 мастеров, 175 подмастерьев и 109 учеников, всего 442, или в среднем 2,79 чел. на одну мастерскую. Всего в русских и немецких булочных цехах насчитывалось 1205 чел. [Копанев, с. 518]. На 480 тыс. чел. населения столицы в 1845 г. приходилось в общей сложности 330 мастеров русского и немецкого булочного цехов с коэффициентом 1 : 1454, что вполне сопоставимо с показателями Берлина, где в 1847 г. на 403,5 тыс. жителей приходилось 260 булочных с коэффициентом 1 : 1552 [Allmann, S. 8].

В 1840-е гг. кондитерский цех добился того, что немецкому булочному цеху с согласия городского магистрата было запрещено открывать новые булочные, хотя цеховое законодательство не ограничивало число мастерских одного ремесла. В цех принимались только мастера, купившие уже имевшуюся булочную. Согласно докладом комиссии барона Ю. Ф. Корфа 1842–1844 гг. по проверке немецких ремесленных цехов, в городе ходили в обращении свидетельства на немецкие булочные, выдаваемые ремесленной управой, стоимость которых доходила до 12 тыс. руб. ассигнациями. Они курсировали как надежные ценные бумаги, принимались в залог и продавались с публичного торга. В ноябре 1844 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было помещено объявление Аукционной камеры, из которого следовало, что первый департамент Управы благочиния назначил на первое декабря аукцион двух «билетов» на приобретение немецких булочных Глетчера и Гроссе, желавших погасить свои долги с помощью вырученных средств. Указом Сената от 3 ноября 1845 г. данные свидетельства были объявлены согласно существующему закону недействительными [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 231. Л. 1–16; Д. 92. Л. 25].

Ю. Ф. Корф охарактеризовал немецкие цехи в рапорте министру внутренних дел 10 октября 1842 г. как институты с однозначно монополистскими тенденциями, так как те требовали от мастеров при вступлении в цех от 100 до 400 руб., хотя этот взнос не должен был превышать 10 руб., что говорит о высокой доходности традиционных немецких булочных. В цехах строго наблюдали за тем, чтобы знания и умения претендента на мастерский диплом соответствовали не только российским, но и западноевропейским требованиям. Исполняя дорогую испытательную работу – «шедевр», мастер мог легко разориться, а строгие требования во время экзамена еще больше усложняли получение мастерского диплома, что ни в коей мере не умаляет высокого уровня профессиональной подготовки претендентов. Множество тяжб между цехами составляло, по мнению Корфа, существенное препятствие развитию промышленности, а большое число мастеров не имело шансов поступить когда-либо в цех [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92. Л. 24–25]. Думается, что эти трудности можно было преодолеть при посредничестве правовых и надзорных регуляторов рынка, обычных в современной практике.

В апреле 1849 г. последовала инициатива Ремесленной управы российских цехов объединить цехи «русско-булочный, немецко-

булочный и булочный мелочных лавочников», что и было осуществлено, а сложный пряничный цех, состоявший из пряничного и пастильного мастерства, получил свои обряды [ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп 1. Д. 658. Л. 1, 70 об., 73; Обряды для С. Петербургского пряничного цеха; Цеховые знамена, с. 95]. Можно предположить, что после составления и опубликования обрядов Санкт-петербургских булочного, кондитерского и пряничного цехов в 1850 г., в которых были точно прописаны разрешенные к производству продукты, поводов к спорам между кондитерами, булочниками и пряничниками стало значительно меньше. Позже пряничный цех был объединен с кондитерским. Дальнейшие слияния последовали в 1870-е гг. Если в 1872 г. сложные цехи – булочный (булочное, саечное, калачное, пирожное, макаронное, хлебо-ситное, Выборгско-булочное дело) и кондитерский (квасное, кондитерское, пряничное и пастильное дело) еще существовали отдельно, то в 1876 г. они уже были объединены в кондитерско-булочном цехе (булочное, саечное, калачное, пирожное, макаронное, хлебо-ситное, Выборгско-булочное, кондитерское, пряничное, пастильное, квасное, кухмистерское, официантское, колбасное и горчичное дело) [Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1872 год, с. 19; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1876 год, с. 18].

Процесс объединения цехов схожих ремесел мог привести в перспективе к их логической трансформации в современные профессиональные организации, но предложения некоторых цеховых старшин по реформированию цехов не были реализованы из-за упорного сопротивления консервативно настроенной части русского правительства. Тем временем промышленная революция и индустриализация кардинально меняли производственные практики и сегментирование рынка. Ремесло булочников и хлебопеков претерпело во второй половине XIX в. в связи с механизацией значительные изменения. В 1850 г. Иван Паллизен приобрел патент на шесть лет на изобретенную им металлическую паровую печь, повышавшую производительность в несколько раз, при этом хлебобулочные изделия не теряли в качестве. С ее помощью десять пекарей могли выпечь за один день хлеба на 2,5 тыс. чел. [РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 892]. В 1858 г. мастер Кронштадтского булочного цеха Кинор подал заявление на получение трехлетней привилегии на машину для печения хлеба и корабельных сухарей [РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1441]. Примером инновативного производства являлась пекарня цехового мастера Шефера – первого пекаря в Петербурге и в России, специализировавшегося на изготовлении особых сортов хлеба по собственным рецептам. Его продукция сбывалась по всей России и за рубежом. В связи с ремесленной выставкой 1899 г. отмечалось, что хлеб Шефера может применяться в медицинских целях для лечения больных диабетом и при желудочно-кишечных заболеваниях [Описание С.-Петербургской ремесленной выставки, с. 12–14, 212–215]. В Западной Европе такие сорта хлеба уже выпускались с 1880-х гг. Во второй половине XIX в. уже не наблюдалось такого явного домини-

нирования иностранных ремесленников, а значительное укрупнение мастерских по производству хлебобулочных изделий происходило уже независимо от национальности российских производителей. Так, предприятие И. Г. Савинова, включавшее 40 подмастерьев и 10 учеников, производило в 1885 г. товара на 140 тыс. руб. в год. Аналогичное производство Ф. Р. Леонова с 26 подмастерьями и 15 учениками производило продукции на 150 тыс. руб. в год [Отчет о С.-Петербургской ремесленной выставке, с. 48–49].

За период с 1866 по 1872 г. булочный цех вырос с 2047 до 2831 чел. об. п., и кондитерский – с 704 до 887 чел. об. п. Если рассматривать вечно- и временноцеховых мастеров булочного цеха отдельно, то у первых в 1866 г. на одного мастера приходилось в среднем 4 занятых, у вторых – по 1,8 занятых. При общем соотношении 725 вечно- и временноцеховых мастеров к 1322 подмастерьям и ученикам получаем в среднем также 1,8 сотрудника. С 1876 по 1889 г. количество мастеров в объединенном кондитерско-булочном цехе выросло у вечноцеховых с 97 до 197 чел. об. п. (более чем в два раза), и у временноцеховых – незначительно, с 1639 до 1718 об. п. Рост числа подмастерьев за тот же период времени составил, соответственно, с 360 до 570 и с 2673 до 3227 чел. об. п., а также учеников у временноцеховых мастеров с 551 до 642 чел. м. п. Таким образом, произошло приблизительное уравнивание средней величины булочной, когда она уменьшилась к 1889 г. с 4 до 2,8 сотрудника у вечноцеховых и выросла с 1,8 до 2,3 у временноцеховых мастеров. В целом средняя величина мастерской увеличилась с 1866 по 1889 г., соответственно, с 1,8 до 2,8 или с 2,8 до 3,8 чел., если прибавить сюда по одному мастеру. Общий рост хлебобулочной отрасли в этот период с 2751 до 6354 чел. составил 231 % [Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год, с. 44; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1872 год, с. 19; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1876 год, с. 18; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1889 год, с. 8].

Таким образом, с резким ростом крупной промышленности Петербурга кондитерско-булочный цех, как и все цеховое ремесло, переживал глубокую трансформацию, но не прекращал своего роста. Мастера старались приспособиться к изменившимся условиям и найти свою нишу. Ожидаемого окончательного вытеснения сравнительно небольших булочных и пекарен со стороны крупных хлебопекарен, например, пекарни Филиппова, использовавших паровые машины, не произошло, хотя они и существовали в более сложных условиях.

Конкретизируя общее описание жизни петербургских цехов, приведем в пример одну из самых успешных династий немецких булочников столицы, к которым принадлежала семья Георга Вебера, приехавшего в Петербург в 1806 г. из Касселя и имевшего типичную для многих его коллег биографию. Булочный мастер Георг Вебер происходил из семьи потомственного булочника из г. Вильдунгена в Германии. Его булочная находилась на Офицерской улице недалеко

от Театральной площади. В 1812 г. к нему на работу устроился подмастерьем сын мельника, прошедший обучение булочному ремеслу в Эрфурте, Иоганн Георг Кениг. По принятой традиции, в 1817 г. подмастерье женился на старшей дочери Вебера Гертруде-Элизабет, переехавшей к отцу в Петербург с тремя другими сестрами в 1814 г. Кениг приобрел у тестя в рассрочку одну из булочных мастерских на Васильевском острове за 3,5 тыс. руб., что по тем временам было значительной суммой, которую мог заплатить очень состоятельный мастер [Репина]. Сын последнего Леопольд стал впоследствии известным сахарозаводчиком – «сахарным королем» Петербурга [Ерофеев]. В 1822 г. к Георгу приезжают его племянники, сыновья его брата Конрада, также булочника, Мориц и Фридрих Сигизмунд (Федор Кондратьевич) Веберы. Получив в 1829 г. диплом мастера-булочника, Фридрих основал собственную булочную-кондитерскую, удостоившись впоследствии почетного звания поставщика двора его императорского величества [Блинцов, с. 52–54].

В заключение можно сказать, что степень адаптации немецких булочников могла быть самой разной – от поверхностного соприкосновения с иными этносоциальными группами до их глубокой интеграции посредством заключения смешанных браков и перехода в православие. Об актуальности проблематики традиционного изготовления хлебобулочных изделий напоминает борьба с пандемией COVID-19: в 2020 г. французские ученые выявили взаимосвязь индустриализации отраслей пищевой промышленности, начавшейся во второй половине XIX в., с ослаблением иммунного ответа у населения. По словам исследователей, проанализировавших 31 штамм промышленных дрожжей и 198 их штаммов в традиционных ремесленных хлебопекарнях, они выяснили, что в последних сохранились дрожжевые культуры, отличающиеся от манипулированных промышленных дрожжей своей полноценной природой. Это значит, что традиционные методы выпечки хлеба ежедневно и ежечасно помогают защитить генетическое разнообразие, сохраняя здоровье людей и повышая их иммунную защиту [Bigey, Segond et al.]. Не случайно 3200 различных сортов хлеба, официально зарегистрированных в Германии, объявлены ЮНЕСКО нематериальным культурным наследием человечества.

Список литературы

- Аллер С. И.* Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга. СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1822. XVI, 663 с.
- Блинцов А.* Хорошие дрожжи. Петербургский булочник Фридрих Сигизмунд Вебер // Фонтанка : культ.-ист. альм. 2013. № 14. С. 52–56.
- Гайсинович А. И.* Цехи в России в XVIII в. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. 7. 1931. № 5. С. 523–568.
- Георги И. [Г.]* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оною, с планом / вступ. ст. Ю. М. Пирютко. СПб. : Лига, 1996. 528 с.

Ерофеев А. «Сладкий» переулочек // Администрация Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_viborg/news/160574/ (дата обращения: 29.12.2020).

Иванов Б. Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии (с 1903–1917 год) : С очерком положения рабочих и производства до 900-х годов и основания Всероссийского союза пищевиков. М. : Гос. изд-во, 1920. 172 с.

Копанев А. И. Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда : в 7 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. С. 506–549.

Луппов С. П., Петров Н. Н. Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда : в 7 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. С. 601–629.

Обряды для С.-Петербургского пряничного цеха / сост. в 1850 г. СПб. : Тип. при канцелярии СПб. воен. генерал-губернатора, 1850. 12 с.

Описание С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 года. СПб. : [Б. и.], 1900. II, 98, 215 с.

Отчет о С.-Петербургской ремесленной выставке 1885 года. СПб. : [Б. и.], 1885. 108 с.

Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб. : Тип. Юлия Виганда, 1867. 49 с.

Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1872 год. СПб. : Тип. Юлия Виганда, 1873. 78 с.

Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1876 год. СПб. : Тип. Юлия Виганда, 1877. 94 с.

Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1889 год. СПб. : Тип. Д. И. Иванова, 1890. 167 с.

Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 207 с.

Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. / сост. А. И. Федута. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 29–290.

Репина А. В. Немецкие булочники в Санкт-Петербурге // Немцы в России : Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland : Petersburgische deutsche : сб. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 197–204.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1441; Ф. 1287. Оп. 37. Д. 79, 92, 95, 231, 369, 892.

«Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 : [сб. док.] / сост. М. Сидоров, Е. Щербакова. М. : Рос. фонд культуры : Рос. архив, 2006. 706 с.

Рындзюнский П. Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века : сб. ст. / под ред. М. К. Рожковой. М. : Соцэкгиз, 1959. С. 62–117.

Устав цехов : часть первая : [Утвержден: г. Гатчина. Ноября в 12 день 1799 года] / сост. Н. П. Резановым. [СПб.] : [Сенат. тип.], [1799]. 35 с.

ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80; Ф. 223. Оп. 1. Д. 418, 514, 576, 658.

Цеховые знамена ремесленных цехов Санкт-Петербурга конца XVIII века из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга : альбом-каталог / авт.-сост. С. И. Кузнецова. СПб. : ГМИ СПб., 2019. 181 с.

Шейнак А. А. История науки и техники : Материалы и технологии : учеб. пособие : в 2 ч. 2-е изд., с изм. и доп. М. : МГИУ, 2007. Ч. 1. 274 с.

Allmann O. Geschichte der deutschen Bäcker- und Konditor-Bewegung : 2 Bd. Hamburg : O. Allmann, 1910. Bd. 2. 512 S.

Bigey F., Segond D. et al. Evidence for Two Main Domestication Trajectories in *Saccharomyces cerevisiae* Linked to Distinct Bread-Making Processes // Current Biology. Vol. 31. 2021. Iss. 4. P. 722–732.e5. DOI 10.1016/j.cub.2020.11.016.

Jerrmann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin : Allg. Deutsch. Verl.-Anst., 1851. 282 S.

References

- Aller, S. I. (1822). *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sanktpeterburge, ili Adresnaya kniga* [Index of Dwellings and Buildings in St Petersburg, or an Address Book]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya. XVI, 663 p.
- Allmann, O. (1910). *Geschichte der deutschen Bäcker- und Konditor-Bewegung*. 2 Bd. Hamburg, O. Allmann. Bd. 2. 512 S.
- Bigey, F., Segond, D. et al. (2021). Evidence for Two Main Domestication Trajectories in *Saccharomyces cerevisiae* Linked to Distinct Bread-Making Processes. In *Current Biology*. Vol. 31. Iss. 4, pp. 722–732.e5. DOI 10.1016/j.cub.2020.11.016.
- Blintsov, A. (2013). Khoroshie drozhzhi. Peterburgskii bulochnik Fridrikh Sigizmund Veber. In *Fontanka. Kul'turno-istoricheskii al'manakh*. No. 14, pp. 52–56.
- Erofeev, A. (N. d.). "Sladkii" pereulok ["Sweet" Lane]. In *Administratsiya Sankt-Peterburga* [official website]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_viborg/news/160574/ (accessed: 29.12.2020).
- Gaisinovich, A. I. (1931). Tsekhi v Rossii v XVIII v. [Guilds in 18th-Century Russia]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya 7*. No. 5, pp. 523–568.
- Georgi, I. [G.] (1996). *Opisanie rossiisko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostei v okrestnostyakh onogo, s planom* [A Description of the Imperial Russian Capital of St Petersburg and Monuments in the Vicinity thereof, with a Plan] / preface by Yu. M. Piryutko. St Petersburg, Liga. 528 p.
- Ivanov, B. (1920). Professional'noe dvizhenie rabochikh khlebo-pekarno-konditerskogo proizvodstva Petrograda i gubernii (s 1903–1917 god). S ocherkom polozheniya rabochikh i proizvodstva do 900-kh godov i osnovaniya Vserossiiskogo soyuza pishchevikov [The Professional Workers Movement in the Bread Production and Confectionery Industry of Petrograd and the Province (1903–1917). With an Outline of the Situation of Workers and Production until the 1900s and the Founding of the All-Russian Union of the Food Industry]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 172 p.
- Jermann, E. (1851). *Unpolitische Bilder aus St Petersburg*. Berlin, Allg. Deutsch. Verl.-Anst. 282 S.
- Kopanev, A. I. (1955). Naselenie Peterburga ot kontsa XVIII v. do 1861 g. [The Population of St Petersburg from the End of the 18th Century until 1861]. In *Ocherki istorii Leningrada v 7 t.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1, pp. 506–549.
- Kuznetsova, S. I. (Ed.). (2019). *Tsekhovye znamena remeslennykh tsekhov Sankt-Peterburga kontsa XVIII veka iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga. Al'bom-katalog* [Guild Banners of the Craft Guilds of St Petersburg at the End of the 18th Century from the Collection of the State Museum of the History of St Petersburg. Catalogue Album]. St Petersburg, Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga. 181 p.
- Luppov, S. P., Petrov, N. N. (1955). Gorodskoe upravlenie i gorodskoe khozyaistvo Peterburga ot kontsa XVIII v. do 1861 g. [The Municipal Management and Municipal Economy of St Petersburg from the End of the 18th Century until 1861]. In *Ocherki istorii Leningrada v 7 t.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1, pp. 601–629.
- Obryady dlya S.-Peterburgskogo pryanchnogo tsekha* [Rites for the St Petersburg Gingerbread Workshop]. (1850). St Petersburg, Tipografiya pri kantselyarii Sankt-Peterburgskogo voennogo general-gubernatora. 12 p.
- Opisanie S.-Peterburgskoi remeslennoi vystavki 1899 goda* [Description of the Craft Exhibition in St Petersburg in 1899]. (1900). St Petersburg, S. n. II, 98, 215 p.
- Otchet o S.-Peterburgskoi remeslennoi vystavke 1885 goda* [Report on the St Petersburg Craft Exhibition in 1885]. (1885). St Petersburg, S. n. 108 p.
- Otchet S.-Peterburgskoi remeslennoi upravy za 1866 god* [Report of the St Petersburg Crafts Council for 1866]. (1867). St Petersburg, Tipografiya Yuliya Viganda. 49 p.
- Otchet S.-Peterburgskoi remeslennoi upravy za 1872 god* [Report of the St Petersburg Crafts Council for 1872]. (1873). St Petersburg, Tipografiya Yuliya Viganda. 78 p.
- Otchet S.-Peterburgskoi remeslennoi upravy za 1876 god* [Report of the St Petersburg Crafts Council for 1876]. (1877). St Petersburg, Tipografiya Yuliya Viganda. 94 p.

Otchet S.-Peterburgskoi remeslennoi upravly za 1889 god [Report of the St Petersburg Crafts Council for 1889]. (1890). St Petersburg, Tipografiya D. I. Ivanova. 167 p.

Pazhitnov, K. A. (1952). *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma* [The Problem of Craft Guilds in the Legislation of Russian Absolutism]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 207 p.

Przhetslavskii, O. A. (2010). *Vospominaniya* [Memories]. In Feduta, A. I. (Ed.). *Polyaki v Peterburge v pervoi polovine XIX v.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 29–290.

Repina, A. V. (1999). *Nemetskie bulochniki v Sankt-Peterburge* [German Bakers in St Petersburg]. In Samgina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger Deutsche. Sbornik statei.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 197–204.

Rezanov, N. P. (Ed.). (1799). *Ustav tsekhov. Chast' pervaya. Utverzhen: g. Gatchina. Noyabrya v 12 den' 1799 goda* [Guilds Charter. Part 1. Approved: Gatchina. Nov. 12, 1799]. [St Petersburg], [Senatskaya tipografiya]. 35 p.

RGIA [The Russian State Historical Archive]. Stock 1287. List 6. Dos. 1441; Stock 1287. List 37. Dos. 79, 92, 95, 231, 369, 892.

Ryndzyunskii, P. G. (1959). *Melkaya promyshlennost': remeslo i melkotovarnoe proizvodstvo* [Small Industry: Crafts and Small-Scale Production]. In Rozhkova, M. K. (Ed.). *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka. Sbornik statei.* Moscow, Sotsekgiz, pp. 62–117.

Sheipak, A. A. (2007). *Istoriya nauki i tekhniki. Materialy i tekhnologii. Uchebnoe posobie v 2 ch.* [A History of Science and Technology. Materials and Technologies. A Textbook. 2 Parts]. 2nd Ed., add. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi industrial'nyi universitet. Part 1. 274 p.

Sidorov, M., Shcherbakova, E. (Eds.). (2006). *"Rossiya pod nadzorom": otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov* ["Russia under Surveillance". Reports of the 3rd Department for 1827–1869. Collection of Documents]. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury, Rossiiskii arkhiv. 706 p.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 221. List 1. Dos. 80; Stock 223. List 1. Dos. 418, 514, 576, 658.

The article was submitted on 26.01.2021

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НЕМЕЦКИМИ
КОЛОНИЯМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА***

Галина Синько

Владимир Шайдуров

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

Асият Гусейнова

Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия

**THE STATE ADMINISTRATION OF THE GERMAN
COLONIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND
HALF OF THE NINETEENTH CENTURY****

Galina Sinko

Vladimir Shaidurov

Pushkin Leningrad State University,
St Petersburg, Russia

Asiyat Guseynova

Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

German migration to the Russian state has a long history. Between the sixteenth and the mid-eighteenth centuries, prisoners of war captured during the Livonian War (1558–1583) and persons invited to Russia by the Muscovite grand princes and Russian tsars (Ivan III, Ivan IV, Peter I, etc.) settled in Russia. In the second

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв.». The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20–59–00010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries”.

** *Citation*: Sinko, G., Shaidurov, V., Guseynova, A. (2021). The State Administration of the German Colonies of the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 813–828. DOI 10.15826/qr.2021.3.611.

Цитирование: Sinko G., Shaidurov V., Guseynova A. The State Administration of the German Colonies of the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 813–828. DOI 10.15826/qr.2021.3.611 / Синько Г., Шайдуров В., Гусейнова А. Государственное управление немецкими колониями Российской империи во второй половине девятнадцатого века // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 813–828. DOI 10.15826/qr.2021.3.611.

half of the eighteenth century, the resettlement of Germans became part of the state's migration policy, which determined the fate of one of the empire's most numerous ethnic minorities for many decades. This article deals with changes to the administration of German rural settlements in the Russian Empire in the second half of the nineteenth century. This period was important for the legal status of foreign colonies due to the adoption of the Statute of Colonies of 1857, which provided detailed regulation of the rights and obligations of foreign colonists. One of the tasks of the political, economic, and social reforms of the 1860s–1870s was the unification of the rural population and the elimination of the social exclusivity of foreign colonists. A pragmatic approach regarding the use of colonists for the settlement and rational development of empty territories brought positive results for these regions. The analysis here makes it possible to consider the measures taken by the Russian authorities to streamline the legislation, norms, and rules for the economic, administrative, everyday, and spiritual life of German colonists. With the help of comparative analysis, the authors study changes in state policy towards foreign colonists and the abolition of privileges as a result of the adoption of the law “the supremely approved rules about the management of settler-owners (former colonists)” on 4 June 1871. The study makes it possible to assess the impact of large-scale administrative changes on various spheres of life and activities of the German colonists, a separate category of the Russian Empire's population.

Keywords: German colonies, national relations, public administration, German land use

Немецкая миграция в Российское государство имеет давнюю историю. В период с XVI до середины XVIII в. в России поселяются военнопленные, захваченные в ходе Ливонской войны (1558–1583), лица, приглашенные в Россию московскими великими князьями и российскими царями (Иваном III, Иваном IV, Петром I и др.). Во второй половине XVIII в. переселение немцев в Россию становится направлением миграционной политики государства, определившим судьбу одного из самых многочисленных этнических меньшинств в империи на многие десятилетия. В статье рассматривается проблема изменения мер государственного управления в отношении немецких сельских поселений в Российской империи во второй половине XIX в. Этот период является исторически важным в определении правового статуса иностранных колоний в государстве в связи с принятием Устава о колониях 1857 г., в котором подробным образом регламентировались права и обязанности иностранных колонистов. Одними из задач политических, экономических и социальных реформ 60–70-х гг. XIX в. были унификация сельского населения и ликвидация факторов социальной исключительности иностранных колонистов. Прагматичный подход в государственной политике по использованию колонистов для заселения и рационального освоения пустующих территорий в империи принес положительные результаты по развитию этих регионов. Представленный исторический анализ позволил рассмотреть меры, принимавшиеся российской властью по упорядочиванию законодательного установления и применения норм и правил хозяйственной, административной, бытовой, духовной жизни немецких колонистов. С помощью сравнительного ана-

лиза исследованы изменения государственной политики по отношению к иностранным колонистам, отмена льгот и привилегий в результате принятия закона «Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)» от 4 июня 1871 г. Исследование позволило оценить влияние масштабных управленческих преобразований в государстве на различные сферы жизни и деятельности отдельной категории населения Российской империи – немецких колонистов.

Ключевые слова: немецкие колонии, национальные отношения, государственное управление, немецкое землепользование

Иностранные колонии с разнообразным конфессиональным, социальным и национальным составом их населения стали активно появляться в империи во время правления Екатерины II, когда для более плотного заселения и успешного освоения обширных территорий Нижнего Поволжья стали привлекаться переселенцы из Европы. Манифесты императрицы от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г. дали колонистам ряд привилегий (в самоуправлении, наделении землей, уплате налогов, исполнении воинской повинности и др.), которые способствовали успеху миграционных процессов.

Во второй половине XVIII в. колонии появились в Поволжье, Новороссии, Санкт-Петербургской, Воронежской, Черниговской губерниях. На рубеже XVIII–XIX вв. немецкие поселения возникли на Волыни и в Подолии, в первой трети XIX в. – в Закавказье, Бессарабии и Новгородской губернии. В отношении различных групп немецких переселенцев действовали не только упомянутые нормы манифеста 1763 г., но и другие нормативно-правовые акты, носившие локальный характер. В полной мере это можно отнести к так называемым «просительным статьям», регламентировавшим положение меннонитов в Новороссии и Поволжье. Подобные акты были приняты и в отношении вюртембергских переселенцев на Кавказе.

Государственная политика в национальном вопросе в первой половине XIX в. носила противоречивый характер. С одной стороны, сохранялся патернализм в отношении немецких колонистов, которые находились под особым управлением царской администрации (Канцелярия опекунства иностранных колонистов в Санкт-Петербурге, конторы опекунства в Саратове и Одессе). С другой стороны, в царствование Александра I были введены ограничительные меры в отношении иностранной колонизации. Это проявилось не только в предоставлении разрешения на переселение в Россию лишь тем, кто смог подтвердить наличие определенного капитала, но и в нераспространении ряда патерналистских норм на новых мигрантов из Европы. В царствование Николая I практика уравнивания различных групп подданных в правах и обязанностях была продолжена. Это можно в полной мере проследить на примере ее распространения на евреев-ашкеназов и цыган рекрутской повинности с 1827 г.

Во второй половине XIX в. «немецкий вопрос» стал одной из составляющих в национальной политике Российской империи. Он не стоял так остро, как, например, еврейский или польский, но его решение вышло на повестку дня. Следовало в первую очередь преодолеть одно из главных последствий предшествовавшей политики в отношении колонистов – обособленное проживание и видимость существования «государства в государстве» [Клаус, с. 109]. В условиях дальнейшего складывания современного государства проводились мероприятия, направленные на социальную гомогенизацию населения. Применительно к значительной части немецкого населения страны это подразумевало реформирование существовавшего в течение столет статус «иностранный колонист».

Важным документом, регламентировавшим управление колониями и их правовой статус, явился «Устав о колониях иностранцев в империи» 1857 г. Принципиальные изменения статуса колонистов и их жизни произошли после принятия 4 июня 1871 г. указа Александра II «Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)». Стремление правительства к универсализации государственного управления во всех территориальных и правовых субъектах имело для немецких колоний противоречивое значение. С одной стороны, привилегии для колонистов были отменены, что привело к увеличению эмиграции немцев из России. С другой стороны, в результате реформы была преодолена этническая и социальная замкнутость немецких поселенцев, что позволило им стать более свободными в выборе занятия, места жительства, определении гражданской позиции. Большинство немцев с пониманием встретили меры реформаторской политики государства и сумели принять изменившиеся жизненные обстоятельства.

Благодаря массовому иммиграционному движению (баланс миграций из Германии в Россию достиг только за период 1828–1860 гг. 88,6 тыс. чел.) и высоким показателям естественного прироста в России на протяжении первой половины XIX в. численность немецких колонистов в государстве увеличивалась. Немецкий этнос переместился с 13-го на 11-е место по численности среди народов, населявших империю. Немцы опередили эстонцев, мордву и, по данным десятой ревизии, уступали в количественном отношении только русским, украинцам, белорусам, полякам, литовцам, латышам, евреям, татарам, финнам и казахам [Кабузан, с. 26]. По итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской империи 1 млн 790 тыс. чел. говорили на немецком языке и считали этот язык родным [Первая всеобщая перепись населения]. Из них немцев-колонистов на западе и на юге страны, в Поволжье, на Урале и в Сибири проживало около миллиона.

Во второй половине XIX в. в географическом размещении немецкого населения России не произошло значительных изменений. Продолжалось переселение немцев на территорию Царства Польского и в Ново-

россию. Значительное их число осело в Волынской губернии, на Северном Кавказе и в Закавказье. В 1861–1900 гг. превышение притока мигрантов в Россию из Германии над их оттоком составило 1,1 млн чел.

По всей России доля немцев повысилась с 1,1 % в 1858 г. до 1,4 % в 1897 г., а в границах 20-х гг. XVIII в. – соответственно, с 0,8 до 1,2 %. Их процент рос во всех регионах империи, за исключением Царства Польского, губерний Озерной области и Закавказья, благодаря повышенному по сравнению со средним по стране естественному приросту, а также продолжавшемуся притоку из-за рубежа немецких иммигрантов, часть которых впоследствии принимала российское подданство. В пореформенные годы повышенный естественный прирост среди немецкого населения отмечался во всех регионах их расселения, за исключением Прибалтики и Озерной области [Кабузан, с. 26]. Приведенные данные показывают, что, несмотря на отмену льгот и привилегий, количество немецких сельскохозяйственных поселенцев, приспособившихся к новым условиям жизни, не только не уменьшалось, но и возрастало.

Проблема, поднимаемая в статье, обусловлена противоречием между интересами государства и немецких колонистов, возникшим в результате изменения законодательства Российской империи во второй половине XIX в. Стремление политической власти модернизировать систему государственного управления ставило перед правительством комплекс сложных задач по унификации структуры общества. Для того, чтобы достичь поставленной цели, необходимо было решить проблему иностранных колоний, которые ко второй половине XIX в. в основном выполнили свою миссию по освоению малозаселенных территорий империи. В стремлении сделать крестьянскую социальную среду более однородной были приняты законы и указы правительства о ликвидации многих льгот и привилегий, предоставленных колонистам, которые охватывали различные сферы их деятельности. Результатом проведенных реформ была существенная трансформация устоев и традиций жизни колонистов, которая некоторых из них заставила покинуть Россию, а многим предоставила возможность изменить образ жизни, род занятий и успешно интегрироваться в российское общество. Целью исследования является анализ законов российского правительства, которые принципиальным образом повлияли на изменение жизни представителей иностранных колоний, что позволяет представить глубину и масштаб комплексных перемен, охвативших немецкие сельскохозяйственные поселения в результате проводившихся реформ. С применением метода исторического анализа были детально изучены правительственные документы второй половины XIX в. Метод сравнительного анализа дал возможность рассматривать условия жизни и деятельности немецких колонистов до и после принятия Устава о колонистах 1857 г. и закона от 4 июня 1871 г., касавшихся иностранных колонистов.

Исследовательский интерес к немецким колониям в Российской империи имеет в отечественной науке длительную историю. Работы российских авторов начала XX в. стали важным этапом формирования научного направления в изучении этнических меньшинств Российского государства [Дитц; Писаревский; Штах]. В современной отечественной историографии детально изучена история немецких колонистов и поселян-собственников в Поволжье [Плеве], Новороссии [Ерохина], Закавказье [Чернова-Дёке], окрестностях Санкт-Петербурга [Иванова], Сибири [Shaidurov, 2017; Shaidurov, 2018]. В настоящем исследовании рассмотрены изменения в жизни немецких колонистов на основе анализа двух законов, принятых российским правительством во второй половине XIX в.

Устав о колониях иностранцев в империи 1857 г. устанавливал строгую регламентацию правового, гражданского, имущественного, религиозного положения немецких колонистов [Свод]. Его первый раздел посвящен вопросам разделения колоний и управления ими. В первой главе давалось определение того, какие земли иностранные колонисты могли занимать в Российской империи (это колонии, расположенные на казенных землях, на приобретенных иностранными переселенцами в собственность земель, на частных землях, по договорам с их владельцами). В этой же главе были перечислены все иностранные колонии по губерниям. Во второй главе подробно описывалась система управления и самоуправления. Вопросами, касающимися иностранных поселенцев, занималось Министерство государственных имуществ. В губерниях поселенцы находились в управлении Палаты государственных имуществ по хозяйственному ее отделению либо подчинялись Попечительному комитету об иностранных поселенцах южного края или Саратовской конторе иностранных поселенцев, а на Кавказе – Экспедиции государственных имуществ при Главном управлении Закавказского края. Эти органы контролировали смотрителей поселений (колоний). В колониях учреждались окружные и сельские приказы. Окружной приказ был в каждом округе и состоял из *приказного головы* или выборного и двух *бейзицеров* (заседателей). Приказ сельский учреждался в каждом селении и состоял из *шульца* (старосты) и двух бейзицеров; от каждых десяти дворов полагалось по одному *десятскому*. Колонисты каждого селения составляли мирское общество, в котором устанавливался сельский мирской сход (не менее одного человека с каждого двора). Головы, шульцы и бейзицеры определялись по выборам от общества колонистов на определенное время. Далее описывались условия получения жалованья управленческими чинами и их должностные обязанности и полномочия.

Во втором разделе рассматривались вопросы гражданского состояния колонистов. В первой главе «О вступлении в звание колонистов» указывалось, что таковыми признавались те иностранцы, которые расселялись на казенных, частных или приобретенных ими

землях. Они должны были заниматься земледелием или ремеслами, необходимыми в земледельческом хозяйстве (это портные, сапожники, плотники, кузнецы, горшечники, медники, ткачи и каменщики). Мастера, которые не были полезны для деревенской жизни, колонистами стать не могли, как и иностранцы, которые занимались торговлей, промыслами и имели желание жить в городах. Вступающие в звание колониста должны были дать подписку об исполнении всех внутренних правил и законов колонии и принять присягу на подданство по правилам своей веры. Те из колонистов, кто отказывались от присяги на подданство, должны были вернуть все, что получили при переселении, и немедленно покинуть Россию. Третья глава регламентировала акты гражданского состояния колонистов. В четвертой рассматривались условия прекращения гражданского состояния колонистов при переходе в другие гражданские звания (то есть при утрате статуса земледельца или деревенского ремесленника), отъезде за границу, совершении преступления, влекущем лишение всех прав. Колонист, желавший перейти в другое звание, должен был иметь увольнение местного начальства при условии уплаты лежавшей на нем части казенного долга и письменное согласие всего общества. Общество не могло удерживать колониста в том случае, если он оставлял вместо себя другого человека для продолжения ведения хозяйства. Уволенные в другое звание могли оставаться в звании колонистов с исполнением повинностей по обоим состояниям.

Гражданские права колонистов подробно представлены в разделе третьем. В первой его главе описывались семейные права колонистов в вопросах брака и разводов, опеки и совершеннолетия. Вторая глава рассматривала имущественные права. Колонисты получали земельные участки от казны, размеры которых фиксировались в заключенных условиях переселения и отличались в разных губерниях, как и принцип наделения землей (подушный или на семейство). Такие территории, как реки, озера, болота, солончаки, глинистые или песчаные почвы, непригодные под пашню и покосы, в счет не шли, но отдавались в общее владение колонии. Все земли, отведенные под поселение колонистов, отдавались им в неоспоримое и вечнопотомственное владение, но не в личную, а в общественную собственность колонии. Поэтому колонисты не могли продавать эти земли, но могли покупать их у частных лиц для увеличения и улучшения своего хозяйства. Оставить в наследство казенную землю колонист мог младшему сыну, в случае его недееспособности – одному из своих старших сыновей или кому-либо из родственников. Разделить хозяйство колонисты могли только с разрешения начальства при доказательстве возможности полноценного существования разделенных частей. Земли, отведенные церковным служителям селения колонистов, не переходили по наследству к их детям, а доставались их преемникам. Глава третья описывала возможность различного рода обязательств колонистов только с разрешения начальства.

Раздел четвертый регламентировал повинности и подати колонистов. В первой его главе рассматривался порядок предоставления льгот в исполнении повинностей и податей. Хотя манифестом 1763 г. Екатерина II даровала поселенцам тридцатилетнее освобождение от уплаты податей, а впоследствии указом 1806 г. установила для всех желающих переселиться в Российскую империю иностранцев аналогичную десятилетнюю льготу, Устав 1857 г. устанавливал различные по срокам льготы для каждой колонии. Во второй главе представлены натуральные повинности колонистов. От рекрутской повинности, как натуральной, так и денежной, освобождались все колонисты и их потомки. Меннонитам, которым в будущем будет позволено поселяться в России новыми колониями, предоставлялось освобождение от военной службы на 20 лет, а по истечении этого срока вменялся денежный сбор под именем рекрутских денег. Добровольное поступление колонистов на военную службу приветствовалось и поощрялось денежно. Общие натуральные земские повинности колонисты должны были исполнять наравне с другими обывателями. К таковым повинностям относились следующие: содержание дорог, мостов, плотин; квартирная повинность (бесплатное кратковременное предоставление квартир для нужд армии); предоставление подвод для почтовых, административных и прочих нужд; провоз арестантов; содержание пожарной службы в селениях; соблюдение чистоты в селениях. Также существовали мирские натуральные повинности только для колонистов: помещение приказов; предоставление квартир для смотрителей; предоставление подвод и квартир чиновникам, исполняющим служебные обязанности в колонии; доставка от одного селения до другого посылаемых от начальства пакетов. В третьей главе устанавливались общие земские (определялись в Уставе о земских повинностях), частные земские или мирские денежные повинности, которые колонисты должны были платить по истечении льготных лет. К мирским повинностям относились следующие: содержание колонистского управления; содержание пасторов, пасторов и платеж им денег на разъезды по колониям; содержание шульмейстеров (учителей); платеж жалованья головам, окружным бейзицерам и шульцам; сбор с колонистов, отлучающихся на заработки, денег на богоугодные заведения в колониях. В пятой главе описывался порядок уплаты следующих государственных податей: сбор на содержание присутственных мест по прошествии льготных лет; сбор на содержание сухопутных и водных сообщений; поземельная подать по прошествии льготных лет. Глава пятая регламентировала порядок и контроль ведения сборов и их расход. В главе шестой описывались возвратные и невозвратные казенные издержки на водворение колонистов. Невозвратные издержки использовались на покупку земель, постройку церквей, жалованье чиновникам, пастерам и пасторам. К невозвратным издержкам относились

так называемые кормовые деньги, которые выдавались колонистам со дня прибытия на границу до их водворения и которые они обязаны были вернуть, когда захотят выехать из России или перейти в другое звание, в противном случае они их казне не возвращали. К возвратным издержкам относились деньги, выдаваемые колонистам из казны в кредит на построение домов, покупку скота и другое хозяйственное обзаведение. Выплачивать государству ссуды колонисты начинали по прошествии льготного периода.

Благоустройству в колониях был посвящен раздел пятый. В первой его главе рассматривался порядок учреждения в колониях хлебных магазинов, в которые все поселяне по окончании жатвы должны были сдавать хлеб и в случае нужды по разрешению начальства впоследствии брать его из магазина под запись. Во второй главе описывалось ведение сельского хозяйства и давались подробные рекомендации по хлебопашеству и рациональному использованию земли, скотоводству, овцеводству и сенокосу. Для успешного огородничества, садоводства и разведения мануфактурных и торговых растений рекомендовалось поощрять колонистов к размножению разных фруктов и овощей, особенно картофеля, разведению винограда для развития виноделия и тутовых деревьев – для шелководства. Уделялось внимание лесоводству, охоте и рыбной ловле. Третья глава определяла порядок развития колонистами рукоделий, ремесел, виноделия и пивоварения, торговли, промышленного производства. Подчеркивалась важность этих видов деятельности, к которым нужно было не только поощрять колонистов, но и принуждать.

Особое значение в документе уделялось вопросам благочиния в колониях. В шестом разделе устава подробно изложены порядок благочиния и требования к его соблюдению. В первой главе рассматривалось церковное устройство колоний и духовные должности. Вторая глава описывала нравственные устои колонистов, подчеркивала важность их сохранения. В третьей был представлен порядок соблюдения правил и законов о предохранении людей и имущества от вреда и ущерба. Глава четвертая предусматривала условия переселения и временных отлучек колонистов в пределах империи или за границу.

Отдельно в уставе рассматривался порядок взысканий и наказаний колонистов за провинности, который подробно был изложен в разделе седьмом. Первая глава содержала общие положения о наказаниях в виде работ и денежных взысканий. Последующие главы раздела посвящены взысканиям за отдельные виды провинностей: неисполнение обязанностей по общественной службе, нарушение гражданских прав, несвоевременность уплаты податей и неисполнение повинностей, нарушение правил благоустройства, а также правил благочиния и нравственности в колониях. Глава седьмая рассматривала замену взыскания денежного штрафа на общественные работы в случае отсутствия у провинившегося денег.

Вопросы порядка судопроизводства представлены в восьмом разделе. В первой главе рассматривалось производство гражданских дел между колонистами и неколонистами, во второй описывалось производство дел по полицейским преступлениям, в третьей – по уголовным делам.

Девятый раздел посвящен колонистам, поселившимся на собственных землях и на землях частных собственников. Иностранцам, поселившимся на купленных ими землях, даровалось общее для всех колонистов десятилетнее освобождение от уплаты податей и выполнения повинностей; по истечении срока льготы они облагались податью наравне с помещичьими крестьянами по Уставу о податях. Земские повинности они должны были нести наравне с местными жителями того края, где поселятся. Если колонист, владеющий собственными землями, выезжал из государства, то он должен был продать купленную им землю кому-либо из живущих в России, иначе она поступала в казну безвозмездно. Это требование распространялось не только на первых приобретателей земель, но и на их наследников в случае выезда последних из России. Отношения между поселенцами и собственниками земли, описанные во второй главе, регламентировались двусторонними договорами и законодательством.

Однако на практике в 1880-х – середины 1890-х гг. указанные нормы далеко не всегда соблюдались. Причиной тому был факт приписки немца – собственника земли к обществу другой волости. Как следствие, сельские и волостные сходы не могли облагать мирскими сборами таких лиц, что вело к возникновению конфликтных ситуаций. Один из первых шагов к решению этой проблемы был сделан в начале 1890-х гг. в администрации Области Войска Донского, которая попыталась привлечь иностранных поселенцев к обложению сборами на содержание волостных и сельских управлений. В 1893 г. Государственный совет поручил министру внутренних дел И. Н. Дурново проработать это вопрос и решить его «в общем порядке» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. 1895 г. Д. 561. Л. 5 об.]. Только с 1896 г. этот вопрос был полностью урегулирован в пользу обществ.

Принципиально поменялось положение немецких колонистов в России после утвержденных высочайшим указом Правил «об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской» от 4 июня 1871 г. [ПСЗ-2, т. 46, ч. 1]. Закон отменял сам статус колонистов, именовавшихся отныне поселянами-собственниками, причисленными в административном и судебном отношении к разряду крестьян-собственников. При этом бывшие колонисты сохраняли право распоряжаться данными им во владение землями. Государство стремилось унифицировать крестьянское население империи для модернизации государственного управления

и экономических отношений в сельском хозяйстве. Российских немцев отличало их желание сохранить этническую память в виде традиций, языка, религии, образования, культурных привычек [Синько, 2020a]. Многие колонии вели замкнутый, этнически-обособленный образ жизни, что тормозило экономические и социальные интеграционные процессы в российской деревне.

Особый резонанс среди колонистов имело изменение в льготе освобождения от воинской службы. Ранее оно было даровано «на вечные времена». Однако проведение военных реформ и введение всеобщей воинской повинности уставом от 1 января 1871 г. требовали унификации и в этом вопросе. Первоначально привилегию сохраняли в течение десяти лет (1871–1881), в дальнейшем она отменялась либо преобразовывалась в новую форму. Последнее имело отношение к меннонитам, которым служба в воинских частях была заменена отбыванием воинской повинности в лесных командах ведомства Лесного департамента. Правда, первоначально это правило было распространено лишь на тех, кто проживали в Волынской, Екатеринославской, Самарской, Таврической и Херсонской областях. В дальнейшем потребовалось принимать новые нормативно-правовые акты, которые позволили бы пользоваться правом на альтернативную службу меннонитам, проживавшим в иных губерниях и областях. В течение 1882–1883 гг. министерства и Государственный совет обсуждали сложившуюся ситуацию, и 19 января 1883 г. Александр III подтвердил принятое Государственным советом 25 мая 1882 г. положительное решение по этому вопросу [РГИА. Ф.1409. Оп. 4. 1883 г. Д. 10008. Л. 1]. Это ограничение стало поводом для эмиграции части немецкого населения в страны Европы и в США. В 1870–1880-е гг. не менее 50 тыс. меннонитов Нижнего Поволжья выехали в США и Канаду в связи с введением всеобщей воинской повинности [Кабузан, с. 26].

В дальнейшем вопрос прохождения альтернативной службы меннонитами неоднократно становился предметом обсуждения на разных уровнях. Одной из причин являлась сложившаяся практика прохождения ими службы в лесных командах. В соответствии с действовавшими нормами расходы на их содержание делились между казной и сельскими обществами. Последние должны были обеспечивать строительство и содержание казарм, хозяйственное обустройство мест службы, оплачивать расходы по обеспечению служащих форменной одеждой и продовольствием, проезду от места жительства к месту расположения лесной команды и обратно [РГИА. Ф. 573. Оп. 12. Д. 14634. Л. 1–1 об.]. Правда, взносы для членов обществ не были обязательными. В результате складывалась напряженная ситуация внутри самих общин: не все платили взносы, но пользоваться льготой, дарованной ст. 179 Устава о воинской повинности, желали все.

Уже на рубеже XIX–XX в. этот вопрос стал предметом обсуждения в различных департаментах Министерства внутренних дел и Военного министерства. По инициативе уполномоченных от обществ меннонитов Исаака Дика и Генриха Янца в 1901 г. Лесной департамент и Департамент окладных сборов изучили вопрос «об установлении в законодательном порядке принудительного обложения... всех меннонитов» на содержание лесных команд и поддержали его [РГИА. Ф. 573. Оп. 12. Д. 14634. Л. 2–2 об.]. После одобрения со стороны товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского эта норма была облечена в форму закона.

Резко ограничивалось самоуправление немецких поселений. Управление бывшими колониями передавалось в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Сельские общества и волости поселян должны были устраиваться на основаниях, изложенных в ст. 40–45 Общего положения о крестьянах, но с некоторыми дополнениями. Например, немецкие колонии, входящие в состав округа, расположенного в нескольких уездах, образуют отдельные волости по уездам. Селение, которое из-за дальности расстояния не может войти в состав образуемой волости, составляет особую волость, если в нем значится около 300 чел., или же присоединяется к ближайшей крестьянской волости. Поселения, не имеющие административного устройства, принудительно причислялись к существующим обществам и волостям.

Российская власть старалась не допускать появления самостоятельных крупных иностранных поселений. Образование новых колоний практически не происходило, как и выделения свободных земель. Единственным способом расширения земельных владений стала их покупка либо аренда у местного населения. Законодательно немецким поселянам-собственникам было разрешено приобретать новые земли, но на условиях личного владения и дисперсного расселения. Однако в конце XIX – начале XX в. Крестьянский банк проводил негласную политику по ограничению роста немецкого землевладения за пределами его традиционной концентрации. Так, исследователям известны случаи отказов в выдаче ссуд на приобретение немцами земель в губерниях Западного края, в Уфимской и Оренбургской губерниях [Shaidurov, 2018, p. 289]. По окончании льготных лет бывшие колонисты наравне с казенными крестьянами должны были исполнять повинности и вносить платежи.

Негативно реагировали немецкие поселенцы на изъятие правительством переселенческого капитала, который помогал им в неурожайные годы, на сохранившийся сбор в 22,5 коп. на содержание уже ликвидированной Конторы опекунов иностранных поселенцев. Все делопроизводство стало вестись на русском языке. За поселянами-собственниками сохранялось право отправления религиозного культа согласно их традиционным уставам, обрядам

и учению. Плохо проведенная разъяснительная работа среди колонистов вызывала недовольство части немецких поселенцев и отторжение нововведений.

Вместе с тем реформы, разрушая социальную, хозяйственную и культурную обособленность немецких поселенцев, давали им возможность динамично интегрироваться в социально-политическую жизнь страны на местном, региональном и государственном уровнях. Они начинают активно участвовать в деятельности земских органов, применяя свой богатый опыт организации местного самоуправления. У них появляется больше свободы в переселении по стране и в выборе занятий. Часть немцев начинает заниматься предпринимательством, причем весьма успешно. Их считали надежными деловыми партнерами, ведущими бизнес честно и ответственно, что отчасти обуславливалось ценностными установками протестантизма. Многие немцы имели репутацию грамотных специалистов, справедливо считавших хорошее образование необходимым атрибутом жизни. Их стремление к порядку во всем, несомненно, приносило пользу бизнесу [Синько, 2020б]. Можно говорить о том, что колонисты выполнили ожидания власти – они внесли весомый вклад в экономическое развитие регионов Поволжья, Новороссии, Северного Причерноморья, Кавказа, позже – Сибири и Алтая. Изменение их правового статуса способствовало их интеграции в экономику страны. Это выражалось в специализации немецких колонистов в сельскохозяйственном машиностроении, устройстве современных фермерских хозяйств и, как следствие, в массовом производстве твердой пшеницы, в развитии мукомольной промышленности и производстве пшеничной муки высшего сорта, сарпинки, горчицы.

Закон от 4 июня 1871 г. повлек за собой коренные изменения в жизни бывших немецких колонистов, к которым они в основном относились негативно. Тем не менее, принятие этого правового акта не привело к серьезным социальным конфликтам, открытому противостоянию с властью. Российские немцы предпочли приспособиться к новым правилам жизни.

Проведенный сравнительный анализ двух законодательных актов Российской империи, которые были приняты с разницей в 14 лет, но принципиально отличались по своему влиянию на жизнь немецких колонистов, позволил сделать следующие выводы:

– Государственная политика в отношении немецких колонистов претерпела значительные изменения за короткий период в связи с начавшимися в государстве гражданскими реформами.

– Устав о колониях иностранцев в империи 1857 г. упорядочил применение законодательных мер, которые претерпели значительные изменения и дополнения со времени начала массового переселения немецких колонистов во время царствования Екатерины II.

– Отмена или введение определенного срока действия многих льгот для немецких поселенцев привели к разрушению традиционного уклада в жизни колоний и трансформации крестьянского хозяйства немцев.

– Негативное отношение к изменениям государственной политики со стороны бывших колонистов стало поводом для возросшего эмиграционного потока немцев из России в страны Европы и США.

– Слом старых общественных отношений позволил немецким поселенцам преодолеть негативные последствия этнической изоляции в колониях и успешно интегрироваться в социальную систему государства.

Список литературы

- Дитц Я. Е.* История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 2000. 496 с.
- Ерохина О. В.* Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе Юга России. 1868–1934 гг. М. : МПГУ, 2018. 330 с.
- Иванова Н. И.* Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях. СПб. : Знак, 1999. 83 с.
- Кабузан В. М.* Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // *Вопр. истории.* 1989. № 12. С. 18–29.
- Клаус А. А.* Наши колонии : Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб. : Тип. В. В. Нусвальта, 1869. 456 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Паровая типолит. Н. Л. Ныркина, 1897–1905. Т. 2. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. 500 с.
- Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. : (По неизданным архивным документам). М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 442 с.
- Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М. : Междунар. союз нем. культуры, 2008. 400 с.
- ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1.
- РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. 1895 г. Д. 561; Ф. 1409. Оп. 4. 1883 г. Д. 10008; Ф. 573. Оп. 12. Д. 14634.
- Свод законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1857. Т. 12. Ч. 2. 591 с.
- Синько Г. И.* Изменения в повседневной жизни российских немцев в Петрограде в годы Первой мировой войны // *Реформы повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремко, В. Н. Шайдунов.* СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020а. С. 314–318.
- Синько Г. И.* Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга – поставщики императорского двора в конце XIX – начале XX в. // *Вопр. истории.* 2020b. № 10-1. С. 199–211. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi14.
- Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) : (К 90-летию основания немецких колоний). М. : МСНК-Пресс, 2008. 208 с.
- Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 266 с.
- Shaidurov V.* German Industrial Enterprises in Western Siberia in the Second Half of the 19th Century // *Былые годы.* Т. 43. 2017. № 1. С. 162–168. DOI 10.13187/bg.2017.1.162.

Shaidurov V. The German Catholic Community of Marienburg from the End of the 19th till the Beginning of the 20th Century: Some Aspects of the Local History // Русин. Т. 52. 2018. № 2. С. 288–308. DOI 10.17223/18572685/52/20.

References

Chernova-Deke, T. N. (2008). *Nemetskie poseleniya na periferii Rossiiskoi imperii. Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletie (1818–1917). (K 90-letiyu osnovaniya nemetskikh kolonii)* [German Settlements on the Periphery of the Russian Empire. The Caucasus: A Look after a Century (1818–1917). (For the 90th Anniversary of the Foundation of the German Colonies)]. Moscow, MSNK-Press. 208 p.

Ditts, Ya. E. (2000). *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [History of the Volga German Colonists]. Moscow, Gotika. 496 p.

Erokhina, O. V. (2018). *Nemetskoe predprinimatel'stvo v khozyaistvennom komplekse Yuga Rossii. 1868–1934 gg.* [German Entrepreneurship in the Economic Complex of the Russian South. 1868–1934]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. 330 p.

Ivanova, N. I. (1999). *Nemtsy v Sankt-Peterburge i okrestnostyakh* [Germans in St Petersburg and the Surrounding Area]. St Petersburg, Znak. 83 p.

Kabuzan, V. M. (1989). *Nemetskoe naselenie v Rossii v XVIII – nachale XX veka (chislennost' i razmeshchenie)* [German Population in Russia in the 18th – Early 20th Centuries (Number and Placement)]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 18–29.

Klaus, A. A. (1869). *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii* [Our Colonies. Experiments and Materials on the History and Statistics of Foreign Colonisation in Russia]. Iss. 1. St Petersburg, Tipografiya V. V. Nusval'ta. 456 p.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. (1897–1905). St Petersburg, Parovaya tipolitografiya N. L. Nyrkina. Vol. 2. *Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi Vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 goda*. 500 p.

Pisarevskii, G. G. (1909). *Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii XVIII v. (Po neizdannym arkhivnym dokumentam)* [From the History of Foreign Colonisation in 18th-Century Russia (According to Unpublished Archival Documents)]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi. 442 p.

Pleve, I. R. (2008). *Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka* [German Colonies on the Volga in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Mezhdunarodnyi soyz nemetskoi kul'tury. 400 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 46. Part 1. *RGIA* [Russian State Historical Archive]. Stock 1291. List 71. 1895 g. Dos. 561; Stock 1409. List 4. 1883 g. D. 10008; Stock 573. List 12. Dos. 14634.

Shaidurov, V. (2017). German Industrial Enterprises in Western Siberia in the Second Half of the 19th Century. In *Bylye gody*. Vol. 43. No. 1, pp. 162–168. DOI 10.13187/bg.2017.1.162.

Shaidurov, V. (2018). The German Catholic Community of Marienburg from the End of the 19th till the Beginning of the 20th Century: Some Aspects of the Local History. In *Rusin*. Vol. 52. No. 2, pp. 288–308. DOI 10.17223/18572685/52/20.

Shtakh, Ya. (1916). *Ocherki iz istorii i sovremennoi zhizni yuzhnorusskikh kolonistov* [Essays on the History and Modern Life of the South Russian Colonists]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 266 p.

Sin'ko, G. I. (2020a). *Izmeneniya v povsednevnoi zhizni rossiiskikh nemtsev v Petrograde v gody Pervoi mirovoi voiny* [Changes in the Daily Life of Russian Germans in Petrograd during the First World War]. In Veremenko, V. A., Shaidurov, V. N. (Eds.). *Reformy povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy*

mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. St Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushnina, pp. 314–318.

Sin'ko, G. I. (2020b). Nemetskie predprinimateli Sankt-Peterburga – postavshchiki Imperatorskogo dvora v kontse XIX – nachale XX v. [German Entrepreneurs of St Petersburg – Suppliers of the Imperial Court in the Late 19th and Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No 10-1, pp. 199–211. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi14.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii v 15 t. [Code of Laws of the Russian Empire. 15 Vols.] (1857). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 12. Part 2. 591 p.

The article was submitted on 13.01.2021

DIE FLUCHTEN AUS DEN SONDERSIEDLUNGEN: ZIELE, MITTEL, SANKTIONEN*

Olga Filippenko

Institut für Geschichte der sibirischen Abteilung
der Russischen Akademie der Wissenschaften;
Universität für Wirtschaft
und Management Novosibirsk,
Novosibirsk, Russland

ESCAPES FROM SPECIAL SETTLEMENTS: GOALS, MEANS, AND SANCTIONS

Olga Filippenko

Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

This paper explores escapes from special settlements by analysing three key escape components: goals, means, and sanctions. Based on this, the author identifies the correlation between the factual circumstances of the escape and the subsequent punishment. As a result, the paper expands on the understanding of policies pursued by the Soviet regime in relation to special settlers. More particularly, it offers a new analysis of the decree of 26 November 1948, according to which escape from such settlements was to be punished with twenty years of penal servitude. Further, the paper explains in detail why special settlers violated the rules established by the regime, providing an answer to the question about whether this behavior was a form of protest or a means to potentially improve their situation in exile. In addition, particular attention is paid to analysing the methods that special settlers used to make their escapes. The paper explores where escapees procured money and false documents, what type of transport they preferred, and who hid them. The information presented is drawn from Soviet documentation, party, and law enforcement agencies of various levels

---

* *Citation:* Filippenko, O. (2021). Die Fluchten aus den Sondersiedlungen: Ziele, Mittel, Sanktionen. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 829–844. DOI 10.15826/qr.2021.3.612.

Цитирование: Filippenko O. Die Fluchten aus den Sondersiedlungen: Ziele, Mittel, Sanktionen // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 829–844. DOI 10.15826/qr.2021.3.612.

(district – region – centre). These sources make it possible to analyse the positions of various actors on fighting escapes, as well as to characterise the confrontation not only as being one between the centre and the regions, but also as being a confrontation between different power and economic structures. The chronological framework covers the post-war period; the territory examined encompasses three regions of western Siberia, i. e., Kemerovo, Novosibirsk, and Tomsk. The article is divided into three parts, each of which considers a separate type of escape: unauthorised absences, unauthorised relocations, and intentional escapes. These categorisations are determined in accordance with the final goals that the special settlers wanted to achieve.

Keywords: special settlers, escapes from special settlements, decree of 26 November 1948, deportations, Western Siberia, late Stalinism

Проблема бегства из спецпоселений рассматривается посредством комплексного анализа трех ключевых компонентов побега: это цель, средства и санкции. На основании этого выявляется зависимость между фактическими обстоятельствами совершения побега и последовавшим за ним наказанием. В результате, с одной стороны, расширяется понимание политики, проводимой режимом по отношению к спецпоселенцам, и в том числе по-новому анализируется процесс применения на практике указа от 26 ноября 1948 г., установившего наказание за побег в виде 20-летней каторги. С другой стороны, глубже объясняются причины, из-за которых спецпоселенцы шли на нарушение установленных режимом правил, то есть дается ответ на вопрос, было ли данное поведение формой протеста или же, напротив, средством для потенциального улучшения своего положения в ссылке. Кроме того, специальное внимание уделяется анализу приемов, которые использовали выселенцы для совершения побегов. Показано, где они доставали деньги и фальшивые документы, какой вид транспорта предпочитали, у кого пытались укрыться и т. д. Статья базируется на документации советских, партийных и силовых органов различного уровня (район – область – центр). Данные источники позволили автору проанализировать позиции различных акторов по вопросу борьбы с побегими, а также охарактеризовать противостояние не только между центром и регионами, но и между различными властными и экономическими структурами. Хронологические рамки охватывают послевоенное время, то есть период, когда были законодательно установлены наиболее жесткие санкции за побег из спецпоселения, территориальные – три региона Западной Сибири: Кемеровскую, Новосибирскую и Томскую области. Структурно статья поделена на три части, в каждой из которых рассматривается отдельный тип побегов, а именно – самовольные отлучки, самовольные переселения и умышленные побегии. Данные типы выделены в соответствии с той конечной целью, которой хотели достичь спецпоселенцы.

Ключевые слова: спецпоселенцы, побегии из спецпоселений, указ от 26 ноября 1948 г., депортация народов, Западная Сибирь, поздний сталинизм

Die Sondersiedlungen der Nachkriegsjahre waren ein komplexes soziales System, dem Menschen unterschiedlichen Nationalitäten, sozialer Schichten, Konfessionen und sprachlichen Gruppen angehörten, die zu unterschiedlichen Zeiten, aus unterschiedlichen Gründen und für unterschiedliche Zeiten verbannt wurden. In drei in diesem Artikel betrachteten westsibirischen Gebieten (Novosibirsk, Tomsk, Kemerovo) wohnten Vertreter sowohl ethnischer, als auch soziopolitischer sowie konfessioneller Sondersiedlerkategorien. Dort wurden nach statistischen Daten für den April 1949 312.863 Sondersiedler untergebracht, einschließlich 148.672 Deutscher, 27.456 „OUN-Angehöriger“¹, 25.494 „Zwangsausgesiedelter aus dem Baltikum“², 17.630 Kalmücken und 15.417 „Angehöriger der Wlassow-Armee“³ [Земсков, с. 10–12].

Die Fluchtaktivitäten der Sondersiedler sowie die Taktik, die das Regime nutzte, um diesen entgegenzuwirken, sind ein viel diskutiertes Thema. Im Allgemeinen werden davon ausgegangen, dass der Grad der administrativen Kontrolle sich allmählich verstärkte und bis 1949 einen Höhenpunkt erreichte. Nichtsdestoweniger sind sich die Forscher bei der Bewertung der Effektivität dieses Kontrollsystems nicht einig. Die Mehrheit ist der Ansicht, dass die Verschärfung der Regeln und die Verstärkung der Maßnahmen zur Fahndung nach Entflohenen schrittweise sowohl zur Senkung der Fluchtzahlen als auch zur konsequenten Inhaftierung von Sondersiedlern führten [Зберовская, с. 101; Иванов, с. 99; Kirillov, S. 49]. Gänzlich allein steht die Position von Larisa Belkovec, die zu dem Schluss kam, dass das Problem der Fluchten sich von selbst löste, sobald die Familien sich vereinigt hätten und die Wohnungssituation sich wesentlich verbessert habe [Белковец, с. 303].

Allerdings werden die Sanktionen, die von dem Regime bezüglich der Entflohenen angewendet wurden, von konkreten Umständen der Flucht isoliert betrachtet. Jedoch hing die Art der Strafe von dem Ziel ab, das der Sondersiedler verfolgte, d. h. davon, ob die Flucht das Mittel zur Befreiung von dem Status „Sondersiedler“ war. Keine Aufmerksamkeit schenkten die Forschungen auch den Fluchtmethoden: Welche Verkehrsmittel benutzten die Entflohenen am häufigsten? Wo besorgten sie falsche Dokumente? Wie trieben sie Geld auf? Wer half ihnen? Die Antworten auf diese Fragen offenbaren nicht nur die Mittel, die den Sondersiedler halfen, das existierende Kontrollsystem zu umgehen, sondern auch die Gründe für übermäßig weiche oder harte Sanktionen. Es besteht also der

---

¹ Als „OUN-Angehörigen“ galten Familienangehörigen der Mitglieder der OUN und anderer Rebellenbewegungen. Ihre Deportation begann im April 1944 und dauerte bis frühen 1950er Jahre (OUN – Organisation Ukrainischer Nationalisten).

² Zu diesem Kontingent gehörten die im Rahmen der Märzdeportationen 1949 aus Lettland, Estland und Litauen verbannten Personen.

³ „Angehörige der Wlassow-Armee“ ist ein ungenauer Name für eine Reihe von Bevölkerungskategorien: Soldaten der Russischen Befreiungsarmee, Angehörige des XV. SS-Kosaken-Kavallerie-Korps, Russischen Schutzkorps Serbien, Freiwillige des SS-Sonderregiments „Warager“ usw. Nach der Verordnung № 3141–950 cc des Rates der Volkskommissare wurde ein Teil dieser Militärformierungen nach der Filtration für einen Zeitraum von sechs Jahren in die Sondersiedlungen geschickt.

Bedarf an einer komplexen Analyse von drei Hauptkomponenten der Flucht: Ziel – Mittel – Sanktion.

Die Fluchten werden entsprechend dem Endziel, das die Entflohenen erreichen wollten, in drei Gruppen eingeteilt. Die erste Gruppe umfasst die unerlaubten Abwesenheiten: Die Deportierten verließen ohne Genehmigung die Ansiedlungsorte und kehrten nach kurzer Zeit zurück. Die zweite Art von Fluchten bestand darin, dass die Sondersiedler ihre Wohnorte verließen, ohne zurückkehren zu wollen, aber nicht versuchten, sich von dem Status „Sondersiedler“ zu befreien. Zur dritten Gruppe gehörten die vollwertigen Fluchten.

Unerlaubte Abwesenheiten

Anfang Februar 1949 wollte der Geschäftsführer „Tomskstroj“ V. den Leiter der Versorgungsabteilung Sh., der aus Moldawien deportiert worden war, zu einer einmonatigen Geschäftsreise nach Moskau entsenden. Deswegen ordnete V. an, dem Mitarbeiter eine Geschäftsreisebescheinigung auszustellen. Der leitende Personalinspektor des Unternehmens lehnte wegen der fehlenden Genehmigung des MVD ab, dieses Dokument auszuhändigen. Dann entschieden V. und Sh., dieses Hindernis zu umgehen. Statt die Geschäftsreise trat Sh. einen einmonatigen Urlaub ab, während dessen er selbständig das Ticket kaufen, nach Moskau fahren und die Geschäftsaufgabe erfüllen musste. Dafür stellte V. dem Sondersiedler 1000 Rubel aus. Am Ende konnte der Sondersiedler die Fahrkarten kaufen, jedoch wurde er an der ersten großen Bahnstation verhaftet [ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 242. Л. 154–156].

Dieses typische Beispiel zeigt, dass die unerlaubten Abwesenheiten keine Protestaktionen waren, sondern dem Wunsch von Sondersiedlern und Unternehmensleitern entsprangen, das umständliche administrative System an ihre Bedürfnisse anzupassen. Um die Erlaubnis zu bekommen, die Sondersiedlung zu verlassen, war eine lange bürokratische Prozedur notwendig, die außerdem nicht immer erfolgreich endete. Dies schuf nicht nur wesentliche Probleme für die Sondersiedler, sondern erschwerte auch die Tätigkeit der Wirtschaftsorganisationen. Darüber hinaus verließen die Sondersiedler für mehrere Tage die Ansiedlungsorte, um landwirtschaftliche Produkte auf den Märkten der Gebietszentren zu verkaufen, Verwandte zu besuchen oder eine hochqualifizierte medizinische Versorgung zu erhalten [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 449. Л. 308–309; Д. 465. Л. 130; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 242. Л. 152].

Nach dem NKVD-Befehl Nr. 00127 vom 7. Februar 1944 waren unerlaubte Abwesenheiten mit Flucht gleichzusetzen und in einem Strafverfahren zu ahnden, wenn sie einen Tag überschritten [История сталинского ГУЛАГа, с. 400–403]⁴. Die Flucht wurde bis zum 21. Februar 1948 mit Freiheitsentzug bis zu drei Jahren (Artikel 82 des Strafgesetzbuchs der RSFSR) bestraft. Von dann wurde per Dekret des Ministerrates der UdSSR die Strafe auf zehn

⁴ NKVD/MVD – Innenministerium.

Jahre erhöht [Шадрт, с. 89–90]. Der Erlass des Obersten Sowjets der UdSSR vom 26. November 1948 setzte eine Strafe für Entflozene von 20 Jahren Zwangsarbeit fest. Nichtsdestoweniger gab es während der betrachteten Periode zwischen den behördlichen Institutionen eine Diskussion darüber, welche Aktionen der Sondersiedler mit einer Ordnungsstrafe geahndet und welche strafrechtlich verurteilt werden mussten.

Am 22. Juni 1948 fuhren drei Deutsche während ihres Urlaubs ohne Erlaubnis für ein kurzes Treffen mit der Familie in die Kasachische SSR. Auf dem Weg wurden sie verhaftet. Am 17. August 1948 wurde die Untersuchung abgeschlossen. Jedoch wurde der Fall im Januar 1949 nach dem Abschluss des stellvertretenden Generalstaatsanwalts der UdSSR Afanasii Vavilov, zur weiteren Untersuchung zurückgeschickt. Gemäß diesem Abschluss musste geprüft werden, ob die Verwandten der Entflozenen wirklich in Kasachstan wohnten. Bei Bestätigung dieser Tatsache sollte der Fall abgewiesen werden [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 473. Л. 11]. Diese Position der Staatsanwaltschaft verursachte den Protest der Abteilung des MVD für das Gebiet Novosibirsk. In diesem Zusammenhang wandte ihr Leiter Fedor Petrovskii sich am 5. Februar 1949 an den Leiter der OSP⁵ der UdSSR Vasilii Shiyan. Er berichtete, dass die Staatsanwaltschaft regelmäßig die Strafsachen abgewiesen habe, nur weil die Sondersiedler keinen Vorsatz zu flüchten hätten. Laut Petrovskii mussten diese Handlungen der Deportierten unabhängig von ihren Gründen als Flucht bewertet werden und folglich mussten strafrechtliche Sanktionen angewendet werden [Там же. Л. 10].

Die Quellen bestätigen, dass während der ersten Monate nach der Verabschiedung des obengenannten Erlasses vom 26. November 1948 im Gebiet Novosibirsk Verhaftungen von Sondersiedlern, die auf Zeit die Ansiedlungsorte verließen, üblich waren. So gab es 28 Fluchten im vierten Quartal 1948, 24 von ihnen verließen den Ansiedlungsbezirk mit Dienstreisebescheinigungen für die Erfüllung von Unternehmensaufgaben. Infolgedessen wurden 28 von 38 Entflozenen inhaftiert. Nur eine von diesen 28 Personen wurde mit einer Ordnungsstrafe bestraft, die anderen 27 wurden verhaftet [Там же. Д. 493. Л. 199–200].

Petrovskiis Meinung wurde vom stellvertretenden Minister des MVD der UdSSR Vasilii Rjasnoi unterstützt, der schon am 8. Februar 1949 an Vavilov eine Nachricht schickte, um die von Petrovskii genannten Sondersiedler vor Gericht zu stellen [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 515. Л. 11]. Jedoch schwankte das MVD bezüglich der Notwendigkeit, gegen die Sondersiedler, die auf Zeit die Ansiedlungsorte verließen, maximal harte Sanktionen zu verhängen. Fast gleichzeitig mit den betrachteten Ereignissen gab Rjasnoi an Petrovskii fünf Untersuchungsfälle zurück und empfahl, die Sondersiedler nicht strafrechtlich zu verurteilen, sondern die Tat mit einer Ordnungsstrafe zu ahnden [Там же. Д. 449. Л. 308–309]. Rjasnoi war der Ansicht, dass bei der Entscheidung über die strafrechtliche Verfolgung die Umstände der unerlaubten Abwesenheit berücksichtigt werden mussten.

⁵ OSP – Abteilung des MVD für Sondersiedlungen.

Folglich war die Unterstützung durch Rjasnoi für Petrovskii eher auf seinen Wunsch zurückzuführen, die Interessen der korporativen Struktur zu verteidigen. Immo Rebitschek zufolge war der Einflussbereich des Innenministeriums in der Nachkriegszeit unantastbar: Es war voll verantwortlich für die „politische Verfolgung“, während „nicht politische Verbrechen“ in der Zuständigkeit der Gerichte und Staatsanwaltschaft blieben [Rebitschek, S. 324–325]. Im Rahmen dieser Aufteilung der Einflussbereiche musste über die Bestrafung von Sondersiedlern für Fluchten allein von den Mitarbeitern des MVD entschieden werden. Deshalb wurden alle Versuche der Staatsanwaltschaft, die Zuständigkeitsgrenzen zu verletzen, um die Strafverfolgungspraxis zu ändern, von der Leitung des Innenministeriums verhindert, auch wenn es selbst den Initiativen untergeordneter Kollegen nicht zustimmte.

Die Verhängung von strafrechtlichen Sanktionen gegen Sondersiedler, die sich der unerlaubten Abwesenheit schuldig gemacht hatten, verschwand im Gebiet Novosibirsk allmählich ab etwa dem zweiten Quartal. In Bezug auf zwei andere betrachtete Gebiete, Kemerovo und Tomsk, können Verurteilungen von Personen, die vorübergehend den Ansiedlungsort verließen, nicht festgestellt werden. In der Regel wurden gegen Sondersiedler Ordnungssanktionen verhängt.

Unerlaubte Umsiedlungen

Das Problem der Fluchten stand in direktem Zusammenhang mit der Frage der Familienwiedervereinigung. Aufgrund von Deportationen mussten sich im ganzen Land verstreute Familienangehörige einem bürokratischen Verfahren unterziehen, das Monate dauern konnte, um eine Familienzusammenführung zu erreichen. Viele Sondersiedler warteten das Ergebnis nicht ab, sondern begaben sich selbstständig zum Oberhaupt der Familie und versuchten, ihren Status am neuen Ort zu legalisieren. Laut Petrovskii gingen die Sondersiedler ohne Genehmigung zu den Oberhäuptern ihrer Familien, die in der Kohleindustrie im Gebiet Tula arbeiteten. Dort nahmen Wirtschaftsorganisationen diese Familien auf und akzeptierten keine Maßnahmen, sie nach Sibirien zurückzubringen [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 295. Л. 135].

Der Zusammenhang zwischen der Fluchtaktivität und dem Problem der Familienzusammenführung wurde von Larisa Belkovec detailliert betrachtet. Die Historikerin wies darauf hin, dass dieses Verlassen der Ansiedlungsorte als Fluchten bewertet wurde und folglich Strafverfahren gegen Zuwiderhandelnde eingeleitet wurden, die jedoch wegen des fehlenden Motivs für Flucht verworfen wurden [Белковец, с. 286–287]. Darüber hinaus begann das NKVD ab 1945–1946, die Familienzusammenführungen zentralisiert durchzuführen. Als Ergebnis wohnten am 1. Januar 1950 nur 465 nicht zusammengeführte Deportierten-Familien im Gebiet Novosibirsk [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 496. Л. 22].

Außerdem wollten die Deportierten aus abgelegenen Bezirken in große Städte umzuziehen. Die Ausmaße dieser Migrationen wurden teilweise durch die Kampagne der Bestandsaufnahme 1949 offenbart. Dem Leiter der Abteilung des MVD für das Gebiet Tomsk Andrei Brovchenko zufolge

verließ eine große Anzahl von Sondersiedlern ohne Genehmigung die nördlichen Bezirke und ließ sich in Tomsk nieder. Die Bestandsaufnahme zählte 712 Personen, die zu unterschiedlichen Zeiten unerlaubt in die Stadt kamen [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 448. Л. 329–330]. Da auf einmal eine große Anzahl von ohne Genehmigung umgezogenen Sondersiedlern offenbart wurde, wurde beschlossen, den Status quo beizubehalten.

Die Frage, was mit diesen Sondersiedlern zu tun sei, wurde zwischen Vertretern der unterschiedlichen Regierungsstrukturen diskutiert. Die Motive, die sie leiteten, lassen sich teilweise durch die Analyse von zwei Beispielen offenbaren.

1) Der Deutsche K. wurde 1946 in das Dorf Ershovo des Bezirks Susun des Gebietes Novosibirsk deportiert. Dort wurde er in einer Kolchose namens Andreev eingestellt. 1950 heiratete K. die Sondersiedlerin Kr., die in Susun arbeitete. Wegen der Heirat durfte sie an den Wohnort des Ehemanns umziehen. Jedoch reichte sie im Mai 1952 einen Antrag ein, wegen der Scheidung nach Susun zurückzukehren. Ihm wurde stattgegeben. Schon im Juli 1952 fuhr K. unerlaubt zu seiner ehemaligen Ehefrau. Auf Ansuchen des Vorsitzenden der Kolchose namens Andreev beantragte der Sekretär des Susuner Bezirkskomitees der KPdSU Il'enko bei dem MVD, K. vor Gericht zu stellen. Seine Bezirksabteilung lehnte den Antrag ab und schlug vor, dem Sondersiedler die Genehmigung für den Umzug auszustellen. Die Position der Bezirksabteilung wurde von der Gebietsabteilung unterstützt. Danach bat Il'enko um die Hilfe des Gebietskomitees der KPdSU. Er begründete seine Meinung damit, dass die Mitarbeiter des MVD Tätigkeiten ausgeübt hätten, die nicht in ihre Zuständigkeit gefallen seien, indem sie Abzüge von Sondersiedlern aus Kolchosen ohne Ansuchen ihrer Vorsitzenden genehmigt hätten [ГАХО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 438. Л. 146–148].

2) 1954 begab sich das Mitglied S. der Kolchose des Bezirks Verkhneketskii im Gebiet Tomsk zur ärztlichen Behandlung nach Tomsk. Der Sondersiedler kehrte nicht zurück und fand in der Stadt eine Stelle als Pferdepfleger. Er verheimlichte seinen Wohnort nicht und korrespondierte aktiv mit seiner Familie. Als Ergebnis fuhr seine Frau 1955 unerlaubt zu ihrem Ehemann. Der Vorsitzende der Kolchose Esaulov bat bei dem Bezirkskomitee der KPdSU um Hilfe und verlangte, dass Maßnahmen ergriffen würden, um den Sondersiedler unverzüglich zurückzuführen. Der Sekretär des Bezirkskomitees Kolomnikov versuchte zuerst, durch das MVD des Gebiets Tomsk die Rückkehr zu erzielen. Jedoch führte es keine entsprechenden Maßnahmen durch. Infolgedessen bat er bei dem Gebietskomitee der KPdSU um Unterstützung [ЦДНИ ТО. Ф. 607. Д. 2267. Л. 104–105].

In beiden Situationen entwickelte sich der Konflikt nach dem gleichen Muster. Die Sondersiedler verließen ohne Genehmigung die Ansiedlungsorte. Ihre Rückkehr erzielten die Vorsitzenden der Kolchosen jedoch nur mit der Unterstützung der Parteibehörden. Das MVD stellte sich auf die Seite der Sondersiedler. Die Motivation der Kolchosvorsitzenden ist damit erklärbar, dass sie mit aller Kraft versuchten, Personal zu behalten. Komplizierter steht die Sache mit der Position des MVD. Vor allem fällt auf, dass sich die zwei Fälle in der Zeit entwickelten, als die Auflösung des Sondersiedlungssystems

begann. Folglich zeigen sie, dass die Mitarbeiter des MVD noch bis zum Anfang der Befreiung von Sondersiedlern die Unmöglichkeit der völligen Kontrolle von ihren Migrationen akzeptierten. Deshalb entwickelte sich ein rationalerer Standpunkt statt der harten Schutzposition, die 1948 von Petrovskii geäußert wurde. Der Kampf gegen die Umzüge erforderte vom MVD eine Reihe von Maßnahmen. Zum Beispiel musste es einen Mitarbeiter abkommandieren, damit er alle Umstände der Flucht untersuchte und die Begleitung organisierte. In diesem Fall überwogen die finanziellen, zeitlichen und Arbeitskosten die potenziellen Gewinne. Zudem trugen die Parteibehörden keine Kosten für die Organisation der Rückkehr. Deswegen versuchten sie, den von Kolchosvorsitzenden eingegangenen Beschwerden nachzukommen und das MVD zur Erfüllung seiner Pflichten zu zwingen.

„Vorsätzliche“ Fluchten

In der Forschung wird im Allgemeinen davon ausgegangen, dass die Hauptgründe für die Fluchten Armut und Hunger sowie ständige Diskriminierung und Gewalt waren [Вольхин, с. 153–154]. In diesem Zusammenhang werden sie nicht nur als Protestaktion, sondern auch als Strategie des Überlebens betrachtet [Иванов, с. 87]. Wenngleich die Quellen diese Schlussfolgerung vollständig bestätigen, verstärkten ebenfalls andere Faktoren die Fluchtaktivität, wenn sie auch kaum deren tatsächliche Gründe waren.

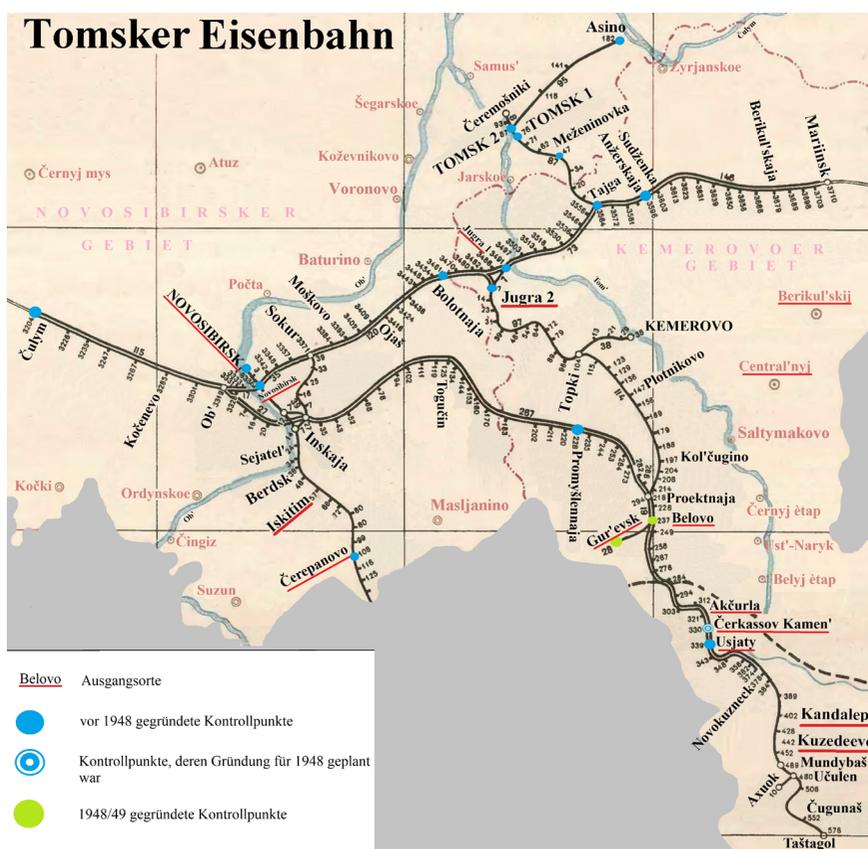
Vor allem entstanden unter den Sondersiedlern regelmäßig Gerüchte, die die Befürchtungen der Deportierten über ihr weiteres Schicksal verstärkten. Sie wurden manchmal von Kommandanten unterstützt. So erpresste der Kommandant Artyushin (Belovo, Gebiet Kemerovo) von in der benachbarten Kommandantur angemeldeten „Ukazniki“⁶ Geld, indem er drohte, sie in den Norden zu verbannen. Das Gerücht über eine mögliche nochmalige Verbannung verbreitete sich sehr schnell, wodurch die Anzahl der Fluchten stieg (12 Menschen flüchteten innerhalb des Jahrs 1949). Am Ende wurde Artyushin einer dienstlichen Überprüfung unterzogen [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 474. Л. 153–158].

Darüber hinaus blieben die Sondersiedler, die aus Sibirien geflüchtet waren, häufig durch regelmäßigen Briefwechsel in Kontakt mit ihren in der Verbannung wohnenden Verwandten. Dieser Erfolg inspirierte andere Sondersiedler, ähnliche Handlungen zu begehen. Genau diese Briefe waren nach Meinung des MVD einer der Hauptgründe für die massiven Fluchten von im Novosibirsk untergebrachten „OUN-Angehörigen“: Von der Deportation bis zum Juni 1948 flüchteten 177 Personen. Diese Zahl wirkt besonders hoch, wenn ihre Gesamtzahl berücksichtigt wird: Im Juli 1948 wohnten in der Region nur 254 Personen [Там же. Д. 434. Л. 30–31].

Die Leiter der regionalen Abteilungen des MVD, die die typischen Umstände der Fluchten beschrieben, wiesen darauf hin, dass die Mehrheit der

⁶ Unter „Ukazniki“ wurden Personen verstanden, die aufgrund des Ukas des Präsidiums des Obersten Sowjets vom 2. Juni 1948 „Über die Aussiedlung in entfernte Gebiete von Personen, die sich in böser Absicht der Arbeit in der Landwirtschaft entziehen und ein anti-sowjetisches, parasitäres Leben führen“ deportiert wurden.

Entflohenen die Ansiedlungsorte mit der Eisenbahn verließ. Diese These lässt sich durch den Vergleich der Fluchtherde mit der Karte der Bahnverbindungen dreier betrachteter Gebiete verifizieren (Bild 1). Die Karte wurde auf Grundlage des Schemas der Tomsker Eisenbahn (1943) der zentralen Abteilungen für Militärtransport erstellt. Auf ihr wurden die Ortschaften markiert, die in Berichten des MVD in unterschiedlichen Zeiten mit starker Fluchtaktivität charakterisiert wurden. Außerdem wurden die in den Quellen erwähnten Kontrollpunkte, die von den Behörden an Bahnhöfen für die Festnahme von Entflohenen organisiert wurden, auf die Karte aufgetragen.

Tomsker Eisenbahn: Fluchtaktivitäten der Sondersiedler // Схемы железных дорог, с. 79; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 299. Л. 189; Д. 416. Л. 37–38; Д. 419. Л. 250; Д. 420. Л. 7; Д. 425. Л. 225; Д. 474. Л. 146; Д. 534. Л. 68

Tomsk Railway: Special Settlers' Escape Activities // Схемы железных дорог, с. 79; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 299. Л. 189; Д. 416. Л. 37–38; Д. 419. Л. 250; Д. 420. Л. 7; Д. 425. Л. 225; Д. 474. Л. 146; Д. 534. Л. 68

Auf Grundlage der Karte lassen sich zwei Schlüsse ziehen. Erstens bestätigt die Lage der Ausgangsorte neben den Eisenbahnlinien die These, dass die Entflohenen meistens den Bahnverkehr benutzten. Folglich

wählte die Mehrheit der Sondersiedler die erreichbarste Fluchtmethode, die nur eine minimale Vorbereitung erforderte. Meistens stiegen die Sondersiedler in Züge und versuchten, aus Sibirien abzureisen, nachdem sie falsche Ausweise oder Genehmigungen von Wirtschaftsorganisationen erhalten hatten [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 420. Л. 44–45]. Eine Reihe von Sondersiedlern war dagegen vorsichtiger. Vor allem nutzten sie nur kleine Bahnstationen und umgingen große Verkehrsknotenpunkte durch Feldwege [Там же. Д. 416. Л. 56]. Darüber hinaus versuchten die Sondersiedler, sich nicht mit Personen-, sondern mit Güterzügen zu bewegen [Там же. Л. 44].

Nur zwei auf der Karte markierte Siedlungsorte lagen weit entfernt von Bahnstrecken. Dies sind die Bergbaubetriebe Berikul'skii und Tsentral'nyi (Tisul', Gebiet Kemerovo). Laut Berichten des MVD erfolgten die meisten Fluchten durch „Ukazniki“, die sich im dritten Quartal 1948 in der Anzahl von etwa 500 Menschen im Gebiet niedergelassen hatten. Das MVD erklärte die Gründe ihrer hohen Fluchtaktivität dadurch, dass „Ukazniki“ zum größten Teil ehemalige Kriminelle waren und keine Familien hatten [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 420. Д. 435. Л. 51]. Darüber hinaus wurden sie ursprünglich in kleinen Gruppen auf dem ganzen Gebiet, in 21 Siedlungen, untergebracht. Dies erschwerte die Anwerbung von Geheimagenten wesentlich. Deswegen erfolgte die nochmalige Zwangsumsiedlung dieser Sondersiedler, wodurch sie in neun Siedlungen konzentriert wurden [Там же. Д. 474. Л. 143–147].

Zweitens schafften die regionalen Behörden kein dichtes Kontrollpunktesystem, das alle Bahnstationen abdeckte. Insgesamt gab es 1948 im Gebiet Kemerovo 31 Kontrollpunkte, 38 im Gebiet Novosibirsk und 56 im Gebiet Tomsk [Там же. Д. 423. Л. 320; 425. Л. 224–225; Д. 426. Л. 172]. Das lag daran, dass der Aufbau eines dichten Systems erhebliche materielle und personelle Ressourcen erfordert hätte, über die das MVD nicht verfügte. Aus diesem Grund benutzten seine Angestellten billigere Methode des Kampfs gegen Fluchten, wie beispielsweise die Anwerbung von Mitarbeitern des Eisenbahnverkehrs oder die stichprobenartige Überprüfung von Dokumenten in Zügen [Там же. Д. 299. Л. 189; Д. 420. Л. 46]. In einzelnen Bezirken unternahmen jedoch die Behörden Schritte zur Schaffung eines dichteren Kontrollpunktesystems. So wurde im oben erwähnten Bezirk Tisul' sowie in den Bezirken Belovo und Gur'evsk vorgegangen [Там же. Д. 534. Л. 68].

Die nächste Frage, die beantwortet werden muss, besteht darin, wie und wo die Sondersiedler die falschen Dokumente erhielten. Die Gebietsabteilungen des MVD berichteten regelmäßig darüber, dass an Sondersiedlungsorten kriminelle Gruppierungen aus örtlichen Bewohnern agierten, die die Entflohenen mit gefälschten Pässen versorgten. Als Beispiel soll hier eine 1949 in Anzhero-Sudzhensk liquidierte Gruppe dienen, die aus drei Personen bestand: dem Fuhrmann des Bergwerks des Betriebs „Anzherougol“, der den Spitznamen „Onkel Vanya“ trug, die Leiterin der Militärabteilung und die Leiterin des Passamtes [Там же. Д. 495. Л. 173–174].

Die Rolle der Beamten bei der Suche der Sondersiedler nach gefälschten Dokumenten wird am Beispiel des Leiters des Bahnhofes Tomsk-1 D., verdeutlicht, der einer Litauerin laut Ermittlung zur Flucht verhalf. Die

Sondersiedlerin war Schneiderin und arbeitete im Februar 1949 zu Hause bei D. Über diese Zeit einigten sie sich, dass er ihr helfen würde, eine Fahrkarte nach Vilnius zu kaufen. Da die Sondersiedlerin nicht genug Geld hatte, gab sie ihm ein Federbett, damit er den notwendigen Betrag hinzufügte. D. stimmte zu und vertraute seinem Verwandten den Kauf an – dem Soldaten S., der nach Grodno aus dem Urlaub zurückkehrte. Am 8. März 1949 gingen die drei zum Bahnhof und kauften das Ticket. Die Sondersiedlerin fuhr zusammen mit S. aus Tomsk ab, aber wurde in der Station Taiga verhaftet. Obwohl D. bei der Untersuchung zugab, dass er das Federbett als Zuzahlung für die Fahrkarte bekam, bestritt er, dass er wusste, dass sie zum Sonderkontingent gehörte und dass das Federbett eine Bestechung war. Der Bahnhofsleiter behauptete, dass es ihm als Pfand gegeben worden sei. Jedoch gestand die Sondersiedlerin, dass das Federbett eine Gebühr für die Hilfe bei der Flucht war. Bezeichnenderweise wurde das Strafverfahren gegen D. von der Stadtstaatsanwaltschaft wegen mangelnder Beweise für die Söldnermotive abgewiesen. Vasilii Ryasnoi versuchte, gegen diese Entscheidung in Berufung zu gehen und wandte sich an die Generalstaatsanwaltschaft. Jedoch brachte dies keine Ergebnisse [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 515. Л. 89–93].

Außerdem halfen die Verwandten, die an den ehemaligen Wohnorten geblieben waren, den Sondersiedlern, gefälschte Ausweise zu erwerben. Zum Beispiel bekam ein estnisches Ehepaar von Verwandten eine Militärkarte und eine Bescheinigung darüber, dass das Familienoberhaupt in der baltischen Republik im Torfabbau eingestellt wurde [Там же. Д. 538. Л. 260].

Die Beschaffung der gefälschten Ausweise erforderte von den Sondersiedlern häufig die Investition finanzieller Ressourcen. Zum Beispiel kostete der Kauf von zwei Pässen dem „Onkel Vanya“ 1000 Rubel. Zum Vergleich: Der Durchschnittslohn eines Arbeiters in der Industrie betrug im Jahr 1950 709 Rubel [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 1]. Darüber hinaus mussten die Sondersiedler die Fahrkarten kaufen und Vorräte sammeln. In diesem Zusammenhang stellt sich die Frage: Woher hatten die Deportierten das Geld? Erstens verkauften sie das in der Verbannung erworbene Eigentum oder die bei der Deportation mitgenommenen Wertsachen [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 644. Л. 147]. Jedoch waren die Baracken- und Dorfältesten verpflichtet, die Kommandanten zu informieren, wenn Sondersiedler ihre Habseligkeiten verkauften. Deshalb hatten die Sondersiedler fast keine Möglichkeit, ihr Eigentum vollständig zu veräußern. Zweitens stahlen einige Deportierte vor der Flucht Geld und Dokumente von anderen Sondersiedlern, örtlichen Bewohnern und Kolchosen [Там же. Д. 545. Л. 56]. Drittens halfen, wie bei der Beschaffung von Dokumenten, nicht unter Kommandantur stehende Verwandte [Там же. Д. 496. Л. 14–15].

Die Mehrheit der Sondersiedler versuchte, entweder in ihre früheren Wohnorte zurückzukehren oder bei Verwandten in anderen Gebieten des Landes Zuflucht zu suchen. Nichtsdestoweniger gab es auch Deportierte, die ins Ausland flüchteten. So berichtete Vasilii Shiyani, dass einige Sondersiedler, die aus der Karelo-Finnischen SSR und dem Gebiet Novosibirsk flüchteten,

die Grenze der UdSSR übertreten hätten und jetzt im Ausland wohnen würden. Als Beispiel führte er die Geschichte der Volksdeutschen D. an. Sie verfügte über einen gefälschten Ausweis und reiste 1947 zusammen mit polnischen Bürgern nach Polen ab. Am Ende ließ D. sich in Jaroslau (Polen) nieder [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Л. 274–276]. Wahrscheinlich nutzte die Volksdeutsche den Grenzübergang in Lemberg. Davon zeugt die Tatsache, dass ihre Stieftochter, mit der D. regelmäßig korrespondierte, in dieser Stadt wohnte.

Im Allgemeinen betrachteten die Volksdeutschen Lemberg als potenzielles Sprungbrett für den Umzug nach Polen. So wurden im dritten Quartal 1948 mehr als 20 Volksdeutsche, die früher aus dem Novosibirsk geflüchtet waren und jetzt im Gebiet Lemberg wohnten, registriert. Am interessantesten an dieser Situation ist jedoch die Tatsache, dass elf von ihnen an die Gebietsabteilung des MVD einen Brief schrieben, in dem sie berichteten, dass sie als polnische Bürger nach Polen abfahren wollten, aber dies nicht machen könnten. Aus diesem Grund beantragten sie eine Rückkehr zu einer Sondersiedlung [Там же. Д. 420. Л. 161].

Die Forscher sind sich bei der Bewertung der Sanktionen für die Fluchten und der Umsetzung des Erlasses vom 26. November 1948 uneins. Einerseits wurde diese Norm gemäß Arkadii German und Igor' Pleve bezüglich der Entflohenen aktiv angewendet und viele Sondersiedler seien zur Zwangsarbeit verurteilt worden, nur weil sie ohne Genehmigung die Ansiedlung verlassen hätten, um Verwandte zu besuchen oder im Wald Pilze und Beeren zu suchen [Герман, с. 57]. Andererseits schlussfolgert Larisa Belkovec, dass dieser Erlass in der Praxis nicht funktionierte und eher den Charakter einer strafrechtlichen Drohung hatte [Белковец, с. 303].

Aber die Historikerin zieht diese Schlussfolgerung nur dadurch, dass sie allein den Zustand von Deutschen analysierte, die zum Zeitpunkt der Veröffentlichung des Erlasses seit sieben Jahren in Sibirien wohnten und sich an die Verbannungsbedingungen einigermaßen angepasst hatten. Aus diesem Grund waren die vorsätzlichen Fluchten am Ende der 1940er Jahre für dieses Sonderkontingent nicht charakteristisch. Wenn sie unerlaubt die Ansiedlungsorte verließen, wollten sie sich meistens mit ihren Familien wiedervereinigen. Deshalb wirkt es logisch, dass die strengsten Sanktionen in Bezug auf diese Kategorie kaum angewendet wurden. Die vorsätzlichen Fluchten wurden bei den anderen Kontingenten von Deportierten verübt. Folglich lässt sich nur auf Grundlage von Belkovecs Beobachtungen, dass die Deutschen gemäß diesem Erlass selten strafrechtlich verfolgt wurden, nicht zu dem Schluss kommen, dass diese Norm im Allgemeinen den Charakter der Bedrohung hatte.

Vor allem zeigen die Quellen deutlich, dass sich die Politik hinsichtlich der gegen Entflozene verhängten Sanktionen nach der Verabschiedung des Erlasses änderte. So wurden 44 entflozene Sondersiedler im Juni 1948 im Gebiet Novosibirsk verhaftet. Infolgedessen wurden vier Personen gemäß Artikel 82.2 verurteilt, zehn wurden für die weitere Strafverfolgung in die Ansiedlungsorte zurückgeschickt, 30 blieben am Ort der Verhaftung [Там же. Д. 416. Л. 58–59]. Von Juli bis Anfang Dezember 1948 wurden 586 Personen verhaftet. Nur 89 von

ihnen wurden verurteilt und die restlichen 479 wurden in die Sondersiedlungen zurückgeschickt. Nach der Verabschiedung des Erlasses wurden alle verhafteten 42 Entflohenen strafrechtlich geahndet [Там же. Д. 466. Л. 7–8].

Jedoch war eine sehr strenge Position in Bezug auf die Strafverfolgung der Entflohenen während der ersten Hälfte 1949 für die Angestellten des MVD im Gebiet Novosibirsk typisch. Deshalb stellt sich die Frage, ob diese Politik von Abteilungen des MVD der Nachbargebiete durchgeführt wurde. Im Gebiet Kemerovo wurden im Dezember 1948 und Januar 1949 258 Personen habhaft gemacht, 128 von ihnen wurden strafrechtlich festgenommen [Там же. Д. 463. Л. 148]. Folglich war die Praktik, Entflozene vor Gericht zu stellen, im Gebiet Kemerovo weit verbreitet. Im Gegensatz zum Gebiet Novosibirsk wurde sie aber nicht in Bezug auf alle Straftäter angewendet. Im Gebiet Tomsk war die Situation ähnlich [Там же. Д. 473. Л. 302–304]. Die vorgelegten Daten erlauben auf diese Weise nicht, German und Pleve zuzustimmen, dass die Praktik, Entflozene in die strafrechtliche Verantwortung zu ziehen, stets umgesetzt wurde.

Auf diese Weise waren die Fluchten häufig weder eine Form des sozialen Protests noch entsprangen sie dem Wunsch der Sondersiedler, sich vor den Behörden zu verstecken. Die Situation war durch zwei Aspekte geprägt. Wenn einerseits die Deportierten ohne Genehmigung in eine große Stadt umzogen oder für die Wiedervereinigung mit ihrer Familie abreisten, kamen sie mit dem Regime in offensichtlichen Konflikt und ihre weitere Existenz im System war bedroht. Andererseits konnte dieses Risiko gerechtfertigt sein: Im Fall des Erfolges oder der Anwendung sanfter Sanktionen konnte die Flucht die Überlebenschancen erhöhen. Im Allgemeinen war die Reaktion des MVD auf diese Fluchten relativ weich und obwohl die regionalen Abteilungen ursprünglich die Position von harten Strafen vertraten, lehnten sogar sie es allmählich ab, die Sondersiedler strafrechtlich zu verfolgen. Dies wurde durch rationale Gründe verursacht, denn die massive Anwendung der Strafverfolgung belastete das ohnehin schon überlastete Aufsichtssystem noch stärker. Infolgedessen waren die Behörden des MVD, die früher die Staatsanwaltschaft einer zu weichen Position beschuldigten, bereit, diese Meinung zu teilen und mit den Partei- und Wirtschaftsorganisationen, die die Liquidierung der illegalen Mobilität der Sondersiedler forderten, in Konflikt zu geraten.

Gleichzeitig waren die Fluchten einer Reihe von Deportierten eine Form des Protests und ein Mittel, um an den ehemaligen Wohnort zurückzukehren. Die Reaktion des Regimes auf diesen Protest war entsprechend: Die Entflohenen wurden überwiegend strafrechtlich belangt. Trotz der von Larisa Belkovec detailliert beschriebenen Probleme, die im Such- und Aufsichtssystem vorhanden waren [Белковец, С. 302–303], konnten die örtlichen Behörden am Ende die Mehrheit der Entflohenen finden. Die Fluchten vieler Sondersiedler waren jedoch nicht erfolglos, weil die Angestellten des MVD maximal effektiv handelten, sondern weil die Deportierten die typischen Mittel für die Realisierung der Flucht wählten. Deshalb wurden diese Fluchten meistens durch das System der öffentlichen und geheimen Aufsicht

verhindert. Deswegen gestaltete sich die Schaffung großer Suchtrupps oder eines dichten Kontrollpunktesystems als äußerst arbeitsintensiv.

Die vorliegende Forschung spiegelt die allgemeinen Trends in der Entwicklung des Spätstalinismus wider. Am Ende des Krieges begann das Regime, das den Status einer Supermacht beanspruchte, mit neuer Kraft, seinen Wunsch nach vollständiger Kontrolle über die Gesellschaft umzusetzen. Die Verwirklichung dieser Bestrebung erreichte 1948/1949 ihren Höhepunkt, was sich beispielsweise in härteren Strafen für Fluchten äußerte. Jede Diktatur hat jedoch Grenzen: Je mehr das Regime versuchte, die Kontrolle zu erlangen, desto mehr Kontroversen entstanden. So entstanden als Ergebnis der verschärften Bestrafung von Fluchten nicht nur Exzesse bei der Anwendung der strengsten Sanktionen gegen Sondersiedler, die sich unerlaubter Abwesenheiten schuldig gemacht hatten, sondern auch zunehmende Widersprüche zwischen den Kontrollbehörden und den Leitern von Unternehmen, da die strengen Beschränkungen der Mobilität der Deportierten deren wirtschaftlichen Interessen widersprachen. Dies führte dazu, dass das System der Sondersiedlungen immer unflexibler, schwieriger zu verwalten und nicht mehr an andere Bedürfnisse der Gesellschaft angepasst wurde. Allmählich erkannten die Mitarbeiter des MVD diese Tatsache. Da die Mitarbeiter des Sondersiedlungssystems jedoch keinen Wunsch, keine Machtbefugnisse und keine Ressourcen hatten, um die Situation zu ändern, begannen sie allmählich, die Augen vor einer Reihe von Verstößen der Deportierten, die für andere gesellschaftliche Aufgaben zweckmäßig waren, zu verschließen. Infolgedessen brach der Leviathan fast unmittelbar nach dem Tod Stalins zusammen.

Список литературы

Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 359 с.

Вольхин А. И., Мотревич В. П. Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Ниж. Тагил : НТГПИ, 1997. С. 145–155.

Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья : кратк. ист. очерк. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 131 с.

ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 438.

ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 242, 295, 299, 416, 419, 420, 423, 425, 426, 434, 435, 448, 449, 463, 465, 466, 473, 474, 493, 495, 496, 515, 534, 538, 545, 644, 842.

Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е). Красноярск : Изд-во Красноярск. гос. аграр. ун-та, 2010. 180 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социол. исслед. 1990. № 11. С. 3–17.

Иванов А. С. Административный надзор за спецпереселенцами-калмыками (1944–1956) в контексте «политики населения» // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 83–89.

История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : в 7 т. / отв. ред. Т. В. Царевская-Дякина. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. 824 с.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113.

Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР. Центральное управление военных сообщений Красной Армии / под. ред. Л. И. Шалыт. М. : Воен. изд-во Народного комиссариата обороны, 1943. 85 с.

ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 242, 2267.

Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е годы : сб. ст. / под ред. С. А. Красильникова, А. А. Шадта. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006. С. 72–102.

Kirillov V. M. Deutsche Sondersiedlungen im Ural // “Auf ewig, ohne Recht auf Rückkehr“. Augenzeugen und Wissenschaftler über das Sondersiedlungsregime der Deutschen in der UdSSR: Sammelband mit wissenschaftlichen Aufsätzen und Erinnerungen / Hrsg. von A. German, O. Silant'eva. Moskau : IVDK-Medien, 2015. S. 32–58.

Rebitschek I. Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2018. 454 S.

References

Belkovets, L. P. (2003). *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiiskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1955 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [The Administrative and Legal Status of Russian Germans in Special Settlements. 1941–1955. Historical and Legal Research]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 359 p.

GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. Stock P-4. List 34. Dos. 438.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-9479. List 1. Dos. 242, 295, 299, 416, 419, 420, 423, 425, 426, 434, 435, 448, 449, 463, 465, 466, 473, 474, 493, 495, 496, 515, 534, 538, 545, 644, 842.

German, A. A., Pleva, I. R. (2002). *Nemtsy Povolzh'ya. Kratkii istoricheskii ocherk* [The Volga Germans. A Brief Historical Sketch]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 131 p.

Ivanov, A. S. (2015). Administrativnyi nadzor za spetspereselentsami-kalmykami (1944–1956) v kontekste “politiki naseleniya” [Administrative Supervision over the Kalmyk Special Settlers in 1944–1956 in the Context of “Population Policy”]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 83–89.

Kirillov, V. M. (2015). Deutsche Sondersiedlungen im Ural. In German, A., Silant'eva, O. (Hrsg.). „Auf ewig, ohne Recht auf Rückkehr“. *Augenzeugen und Wissenschaftler über das Sondersiedlungsregime der Deutschen in der UdSSR: Sammelband mit wissenschaftlichen Aufsätzen und Erinnerungen*. Moskau, IVDK-Medien, S. 32–58.

Rebitschek, I. (2018). *Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 454 S.

RGAE [Russian State Archive of the Economy]. Stock 1562. List 41. Dos. 113.

Shadt, A. A. (2006). Normativno-pravovaya baza etnicheskoi ssylki (reglamentatsiya politiko-pravovogo statusa rossiiskikh nemtsev) (1940–1950-e gg.) [The Legal Framework of Ethnic Exile (Regulation of the Political and Legal Status of Russian Germans) (1940s–1950s)]. In Krasil'nikov, S. A. Shadt, A. A. (Eds.). *Marginaly v sovetskom obshchestve: mekhanizmy i praktika statusnogo regulirovaniya v 1930–1950-e gody*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 72–102.

Shalyt, L. I. (Ed.). (1943). *Skhemy zheleznykh dorog i vodnykh putei soobshcheniya SSSR. Tsentral'noe upravlenie voennykh soobshchenii Krasnoi Armii* [Schemes of Railways and Waterways of the USSR. Central Office of Military Communications of the Red Army]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony. 85 p.

Tsarevskaya-Dyakina, T. V. (Ed.). (2004). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov v 7 t.* [The History of Stalin's GULAG. Late 1920s – First Half of the 1950s. 7 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 5. Spetspereselentsy v SSSR. 824 p.

TsDNI TO [Documentation Centre for the Recent History of Tomsk Region]. Stock 607. List 1. Dos. 242, 2267.

Vol'khin, A. I., Motrevich, V. P. (1997). Deyatel'nost' organov NKVD po presecheniyu pobegov spetspereselentsev s territorii Urala i Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Activities of the NKVD to Suppress the Escapes of Special Settlers from the Territory of the Urals and Siberia during the Great Patriotic War]. In *Istoriya repressii na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)*. Nizhnii Tagil, Nizhnetagil'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, pp. 145–155.

Zberovskaya, E. L. (2010). *Spetsposelentsy v Sibiri (1940–1950-e)* [Special Settlers in Siberia (1940s–1950s)]. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Kranoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 180 p.

Zemskov, V. N. (1990). Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD – MVD SSSR) [Special Settlers (According to Documents of the NKVD – MVD of the USSR)]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 3–17.

The article was submitted on 29.05.2020

BOTH GERMAN AND RUSSIAN: SECOND-GENERATION RUSSIAN-GERMAN IDENTITIES IN GERMANY*

Maik Hoops

Osnabrück University,
Osnabrück, Germany

Jannis Panagiotidis

University of Vienna,
Vienna, Austria

This essay presents the results of a qualitative interview study with young people of Russian-German origin born in Germany, i. e., the descendants of resettlers (*Spätaussiedler*) from the successor states of the former Union of Soviet Socialist Republics. Using poststructuralist theories that understand the linguistic practices and discursive attribution of social categories as modes of constituting subjectivity and corresponding identities, this study focuses on processes of natio-ethno-cultural identity formation among the second generation of *Spätaussiedler* and their experiences of being externally ascribed to certain natio-ethno-cultural categories. In the existing literature, this topic has been extensively addressed with regard to the first generation of *Spätaussiedler*, but not the second generation, whose conditions for identity formation in Germany are quite different due to their relative inconspicuousness, i. e., the invisibility of their migration background. For the first generation of *Spätaussiedler*, the dual exclusion as German in Russia and Russian in Germany was the cause of a persistent identity uncertainty, especially given that the labeling as “Russian” by supposed fellow Germans was perceived as a hurtful mis-ascription. The second generation, in contrast, is not subject to this dual exclusion. Surrounding society generally perceives them as German, thus reinforcing their corresponding self-identification as German. At the same time, there is a limited but positive identification with the category of Russian as well, which is less often activated by external ascriptions and rather fed by the presence of customs in the family context that are perceived as Russian.

---

* *Citation*: Hoops, M., Panagiotidis, J. (2021). Both German and Russian: Second-Generation Russian-German Identities in Germany. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 845–860. DOI 10.15826/qr.2021.3.613.

Цитирование: Hoops M., Panagiotidis J. Both German and Russian: Second-Generation Russian-German Identities in Germany // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 845–860. DOI 10.15826/qr.2021.3.613.

Members of the second generation are thus able to identify satisfactorily as both “German” and “Russian”. For this generation, the evasive intermediate category “Russian-German” therefore becomes obsolete as a source of identification, while it served and still serves as a first-generation strategy for coping with dual exclusion and the resulting inability to identify as either German or Russian. At the same time, a semantic emptying and a conflation of the category “Russian-German” with the category “Russian” takes place, which results from the second generation never having perceived its own cultural otherness both as non-Russian (before migration) and non-German (after migration), but only as Russian in Germany.

Keywords: Germany, Russia, migration, identity, ascription, nationality, ethnicity, culture

Приведены результаты качественного исследования, включающего интервью с молодыми людьми российско-немецкого происхождения, рожденными в Германии, то есть потомками поздних переселенцев из стран бывшего СССР. Базируясь на постструктуралистских теориях, постулирующих лингвистическую практику и дискурсивную атрибуцию социальных категорий как способ конституирования субъективности и соответствующей идентичности, авторы исследования сосредоточены на процессах формирования национально-этнокультурной идентичности у второго поколения поздних переселенцев и их опыте внешней аскрипции (приписывания) к национально-этнокультурным категориям. Заявленная тема подробно освещена с точки зрения первого поколения поздних переселенцев. Второе же поколение до определенной степени было обделено вниманием исследовательского сообщества. Однако условия формирования его идентичности в Германии значительно отличались в силу не настолько ярко выраженной заметности или даже невидимости миграционного опыта второго поколения граждан российско-немецкого происхождения в обществе. Для первого поколения поздних переселенцев характерен опыт двойной эксклюзии – из-за немецкого происхождения в России и из-за русского в Германии. Именно такая эксклюзия стала причиной так называемой неопределенности идентичности, особенно с учетом того, что отнесение их к категории «русских» немецкими согражданами воспринималось ими как ложная аскрипция. Второе же поколение не испытало двойной эксклюзии. Окружающее общество в целом воспринимает его представителей как немцев, тем самым усиливая и их самоидентификацию именно в этой роли. При этом они демонстрируют некоторую позитивную самоидентификацию как «русских», которая не активируется внешней аскрипцией, а поддерживается наличием в семейной среде национальных обычаев. Представители второго поколения, таким образом, могут с успехом совмещать обе идентификации. Для этого поколения неустойчивая промежуточная категория «российских немцев» как способ идентификации выходит из употребления, в то время как для первого поколения она служила и до сих пор служит стратегией преодоления двойной эксклюзии

и происходящей из нее неспособности идентифицировать себя ни как «немцев», ни как «русских». В то же время мы видим, как семантическая категория «российских немцев» утрачивает свое значение и сливается с категорией «русских». Это обусловлено тем, что второе поколение не имеет опыта осознания своей «инородности» как не-русских (до эмиграции) и не-немцев (после эмиграции), а только лишь как русских в Германии.

Ключевые слова: Германия, Россия, миграция, идентичность, аскрипция, национальность, этническая принадлежность, культура

Whether I am Russian or German?

I am nothing. I am a blank page.

*Anonymous Russian-German Spätaussiedler, 1992*¹

I am German, you can't be more German.

*Anonymous Second-Generation Spätaussiedler, 2014*²

These two quotes are from two young people whose families migrated to the Federal Republic of Germany in the 1990s as so-called *Spätaussiedler*³ (ethnic German resettlers, literally “out-settlers”) from the successor states of the Union of Soviet Socialist Republics and thus belong to a group of people commonly referred to as Russian Germans (*Russlanddeutsche*). Both statements were made at different points in time in the context of interviews with young Russian Germans about their natio-ethno-cultural identity [Mecheril]. The question was to what extent the interviewees identify and feel (comfortable) as part of a natio-ethno-cultural collective.

The first of the two quotations is, in a sense, representative of the identity problem from which many of the first-generation *Spätaussiedler* suffered and in some cases still suffer. Made by a young female Russian German in 1992, it succinctly illustrates the symptoms of the problem in question: the lack of ability to identify with one or more natio-ethno-cultural categories in a secure, long-term, and positive way. From this inability, feelings of (non-) belonging grew, which are unsatisfactory and sometimes very painful for those affected. Recent publications on this topic assert the no less painful permanence of this problem [Kiel, 2015, S. 72; Simonov, S. 20]. The related identity dilemma is often summed up in the phrase “In Russia we were the Germans [or the fascists], here we are the Russians,” which gives voice to

¹ “Ob ich Russin bin oder Deutsche? Ich bin nichts. Ich bin ein leeres Blatt“ [Bruns, S. 11] (our translation).

² “Ich bin deutsch, deutscher geht's nicht” [Graßmann, S. 38] (our translation).

³ In legal terms, *Spätaussiedler* (or, before 1993, *Aussiedler*) are immigrants to Germany from Eastern Europe who are considered ethnic Germans. In this essay, the term *Spätaussiedler* will be used as an overarching term for those who immigrated before and after 1992.

a fundamental insecurity about one's own identity as the result of shifting external ascriptions of belonging.

The second of the two introductory quotations, dating from 2014, stems from a person belonging to the second generation of Russian Germans in Germany, who have no transnational migration experience of their own. It seems to suggest that positive changes may have taken place with regard to the natio-ethno-cultural identity formation processes of young Russian Germans who have been born and raised in Germany. These descendants of the first-generation Spätaussiedler have received relatively little attention in existing research, which focuses primarily on those people of Russian-German origin who have personal experience of migration. This is partly a consequence of the fact that the bulk of research on post-Soviet Spätaussiedler was conducted from the 1990s to the early 2010s, when the second immigrant generation was still mostly under-age. By now, the average time of residence of Spätaussiedler from the former Soviet Union in Germany is 22.5 years, and the second generation has come of age [Panagiotidis, S. 60].

Our study looks precisely at second-generation Russian-German Spätaussiedler in Germany. We focus on the question to what extent the identity problems of the first generation of Russian-German migrants have carried over into the second generation. Our fundamental assumption is that the biographical and life-world conditions under which the second generation is forming its identity differ substantially from those of the first generation. These changing circumstances also imply different contexts of external ascription. In theoretical terms, we draw on poststructuralist theories of linguistic practice and subject constitution, especially those of Judith Butler, which allow us to assess the effect of external ascriptions on identity formation. Based on a series of interviews with members of the second generation, we will show that the feeling of non-belonging expressed in the first introductory quote, the feeling of insult at the mis-ascription as "Russian" by the receiving society as well as the hybrid identification as "Russian-German" (*russlanddeutsch*) common among the first generation, appears to be giving way to rather stable identifications as both German *and* Russian in the second generation.

Theoretical Framework

To operationalize our study of identity formation in the second generation, we draw on poststructuralist theories of linguistic practice and subject constitution. These allow us to assess the effect of external ascriptions on identity formation [Butler, 1997a; Butler, 1997b; Meissner, Kap. 2]. We follow a concept of identity as a person's self-conception. Thus, it is not about actual "facts" about a person, but about self-assigned descriptive, evaluative, and normative characteristics that one not only rationally perceives, but also emotionally feels as essentially shaping one's self and one's meaning in life. Understood in this way, identity thus defines an understanding of one's own role and standing in a society, which implicates one's expectations, obligations, possibilities, and limitations [Henning, S. 21,

28–29; Korsgaard, p. 101]. Identity as a whole is a complex that emerges from the accumulation and interplay of many different partial identities. Since this paper is about national, ethnic, and cultural forms of identity, the focus is on partial identities that form social identity in distinction to personal identity, not on those that give an individual uniqueness, but on those that make an assignment to collectives [Müller, S. 14, 74].

Looking at the construction of national, ethnic, and/or cultural belonging and identity in pre-scientific and popular German discourses on migration and belonging, a diffuse, inconsistent interdependence and fusion of these three concepts can be observed [Mecheril, S. 23–24]. When talking about “Russian Germans”, “Germans”, and “Russians”, concepts of culture, nation, and ethnicity are thought and spoken of “in a diffuse and polyvalent way” [Mecheril u. a., S. 14]. German migration scholar Paul Mecheril takes this fact into account by outlining a concept he calls “natio-ethno-cultural (multiple) belonging”, under which he subsumes ethnic, national, and cultural categories [Mecheril, S. 23–24]. Since the described mixing of categories in everyday discourses becomes effective in identity constructions as well as the ascriptions of belonging examined here, in this work we label both examined identity constructions and ascribed belongings as *natio-ethno-cultural*.

The development of a person’s *natio-ethno-cultural* identity can only be investigated against the background of the experiences and practices of external ascriptions of *natio-ethno-cultural* belonging existing in their life world. As empirical identity research proves, social partial identities in particular gain subjective meaning only by being activated through interactions in everyday life via verbally communicated ascriptions, so that they can be used for self-identification [Müller, S. 295]. Judith Butler theorizes these findings in her poststructuralist theory. According to her, the social subject as such is first discursively created through verbally articulated ascriptions. Names, designations, and their simultaneous recognition thus form the social status of a person in the corresponding context of ascription. A person who is repeatedly referred to as a ‘woman’, as a ‘foreigner’, as a ‘Russian’, will (have to) assume these roles, provided that the ascriptions receive a certain degree of recognition from the outside [Butler, 1997a, p. 33–34; Butler, 1997b, p. 3–5, 84–86, 95–96]. At the same time, this person internalizes the ascriptions and develops his or her identity in reaction to them. Thereby the categories used for identification are not semantically empty labels, but historically charged with potentially infinite descriptive, evaluative, and normative connotations that give the person a sense of his or her status and roles in certain social contexts [Henning, S. 29]. By assuming and internalizing this discursively constituted social role and forming a corresponding identity, a person becomes a social being capable of social action, a subject [Butler, 1997b, p. 10–11, 84–86]. Accordingly, the subject is understood here from a poststructuralist perspective as an individual who is discursively subjected to the social structures of life and power and who, through a corresponding identity, is at the same time aware of his or her own embeddedness in these conditions and of the limits and possibilities of his or her social action. In this

context, identity is the link between the social structure and the individual [Butler 1997b, p. 3–4; Kasap Cetingök, S. 73–74].

The importance of a subject's identity with regard to the reality of their social life also results in the subject's vulnerability. If an external attribution, which could potentially receive external recognition, contradicts one's own identity, it also calls into question the social position associated with the identity. An attribution of this kind can put the subject at risk of social relegation, resulting in a sense of vulnerability. A simple (mis-)ascription of natio-ethno-cultural belonging can be a violation, especially insofar as it can, for example, challenge the subject's indigeneity or its entitlement as a member in the context of a state or society, communicate undesirability, or marginalize it [Butler, 1997a, p. 3–4; Butler, 1997b, p. 96].

The Problematic Identity of Russian Germans

The causes of the Russian-German identity problem common in the first Spätaussiedler generation lie in the experiences of many Spätaussiedler before and after their migration to Germany [Zuhause fremd; Zuhause? Fremd?; Hier die Russen – dort die Deutschen; Rosenthal, Stephan, Radenbach; Kiel, 2009]. In the Soviet context, the Russian Germans' self-identification as German coincided with their perception by the surrounding society and the state. Ethnic identity was officially fixed in identity documents such as internal passports – the (in)famous “Fifth Point.” Originally part of the Leninist agenda of leading Soviet nationalities to socialism via a strengthening of their national cultures and vernacular languages, this ascription of identity turned repressive as the Bolshevik regime began targeting particular nationalities – especially diaspora groups with outside connections – for alleged lack of loyalty [Martin, Chap. 8; Dönninghaus]. Starting from the late 1930s, Germans in the Soviet Union experienced massive repression and decades of discrimination by the state as alleged collaborators of Nazi Germany, as “fascists” and enemies of the state. The experience of collective deportation and banishment after 1941 (in the case of the Volga Germans) and 1945 (in the case of the Ukraine Germans) created a collective memory of Russian Germans as a community of fate and victimhood that was firmly linked to their German identity [Mukhina, Chap. 6]⁴. Thereby, despite all the disparagement by the majority in Soviet society, a positive self-esteem and sometimes elitist self-image as virtuous, modest, clean, hardworking, and religious evolved. Analogously, aversion to and dissociation from the category “Russian” grew, which was perceived as contrary to one's own positive self-image. The resulting feelings of not belonging in the USSR also activated desires for a ‘return’ to a – mostly imagined – German homeland [Kiel, 2015, S. 79–80; Hilbk, S. 63–64; Armbrorst]. At the same time, the shift from German to Russian

⁴ According to Rosenthal, Stephan, and Radenbach, this collective narrative of suffering also served to gloss over other experiences, especially the Ukraine Germans' actual association with Germany and Nazism during the German occupation of Ukraine, including involvement in the Holocaust. About the complex memory of these events see: [Petersen].

as the primary language of communication and rising rates of interethnic marriages led to widespread processes of cultural assimilation [Mukhina, Chap. 6]. However, the institutionalized nature of ethnicity in the Soviet Union prevented full-scale assimilation [Brubaker].

The prospect of actual emigration to the Federal Republic of Germany, which became realistic from the mid-1980s due to the opening-up of the USSR during perestroika and the subsequent collapse of the socialist system, awakened for many Russian Germans the strong hope of escaping their status as a natio-ethno-cultural minority so often viewed with suspicion and disdain, and to be received as equals by their peers in the 'true homeland', as "Germans among Germans." However, these hopes were suddenly dashed after the arrival of millions of Spätaussiedler in Germany. In addition to the unsettling self-perception of their own otherness in comparison to the Germans living in the Federal Republic (the German Germans, as we shall also call them), the experience of being perceived and called "Russian" by these very same people shook the hitherto undoubted and proudly borne German identity of many of the Spätaussiedler. German Germans thus not only refused to recognize Russian Germans as fellow Germans, but assigned them to the Russian "other," causing a fundamental and continuing identity uncertainty [Kiel, 2015, S. 7–76, 86–87; Simonov, S. 167, 177].

One coping mechanism with the identity problems described above was the widespread identification as "Russian-German" among post-Soviet Spätaussiedler, which prevailed over the pre-migration identification as simply "German." For many Russian Germans no longer able to identify themselves as "German" without reservation, the category "Russian-German" seemed to describe what had shaped their life and family history as a whole: continued minority status, the double experience of exclusion, the ascription by the majority society as "German" and thus foreign and as "Russian" and thus also foreign after migration to Germany. Being German in the Russian perception and Russian in the German-German perception, and not being accepted by either side as fully belonging, suggested to Russian-German migrants that they had a relationship to both groups in their everyday lives, but nevertheless did not really belong to either side. The category "Russian-German" seems to have been activated on the one hand as a partly Russian, partly German hybrid, but on the other as a last resource of identification, delimited from both sides. It is an evasive category, as it were, that has been activated by the fact that the contradictory external ascriptions on the part of the majority society of Soviet Russia and Federal Germany conveyed a non-affiliation on both sides. This reveals the post-migration retrospectivity in Russian-German identity, which had much less importance in the earlier thinking of the "Germans in Russia" than it would have had in the decades after migration [Kiel, 2015, S. 76–79]⁵.

---

⁵ About the persistent irrelevance of the label "*Russian German*" among ethnic Germans who stayed in Russia, see: [Flack, S. 441].

The conditions of identity formation among the second generation of Russian Germans, i. e., the descendants of post-Soviet Spätaussiedler who have been born and raised in Germany, differ substantially from those of the first generation. They have not personally experienced the transnational migration process, which makes identity more vulnerable in any case, and were less influenced by the accompanying symptoms of this migration process. They did not have to experience the sudden loss of most of their – mostly Russian-influenced – social environment, nor did they have to cope with culture shock, nor with communication problems in German society because of their inadequate knowledge of the German language. They never experienced double exclusion in form of a minority status before and after migration, let alone discrimination and violence by the Soviet system. They were not referred to as Germans by a Russian-dominated environment for a large part of their lives, and then suddenly and surprisingly re-assigned to the natio-ethno-cultural category “Russian” by the Germans in Germany.

The second generation of Spätaussiedler is also “invisible” in German society to a much greater extent than the first generation. With regard to the latter, research shows that the use of the Russian language, a Russian accent in German, or certain deviating fashionable habits, for instance, led German Germans to label Spätaussiedler as “Russian” [Bruns, S. 12; Hilbk, S. 64; Kiel, 2015, S. 75; Kurilo, S. 63]. These forms of habitual conspicuousness in a natio-ethno-cultural sense, which in Germany often serve as a motivation for attributing people to non-German categories, are much less effective in the second generation. Instead, members of the second generation are presumably perceived as German to a greater extent and labeled accordingly, since they correspond more closely to the “habitual fiction of the natio-ethno-cultural prototype” of the German [Mecheril, S. 28]. In the overall analysis, the conditions under which the second generation is forming its natio-ethno-cultural identity appear to be more conducive to satisfactory identity formation.

The Empirical Study

Against this theoretical background, we conducted four guideline-based individual interviews in German with four 19- to 21-year-old individuals, all of whom belong to the second generation of Russian-German Spätaussiedler [Kruse, S. 203–204]. They were given the following pseudonyms, which were selected according to the frequency and (natio-ethno-cultural) peculiarity of their actual names: Regina (*1998), Sebastian (*1999), Louis (*1997), and Anna (*1997). They all spent most of their childhood and youth in Lower Saxony, in the suburban southern or eastern environs of Bremen and thus in regions with fairly average post-Soviet Spätaussiedler population density by Lower Saxon standards [Panagiotidis, S. 94]. At the time of the interviews, the subjects were all employed as apprentices or attended school. They all belong to the Protestant denomination. They all have Russian-German parents and ancestors, with different degrees of ethnic “mixing”: Regina has a Russian-German father and a Russian mother; Anna has two Russian-

German grandfathers and two Russian grandmothers; Louis has only Russian-German ancestors; and Sebastian has a German-German father and a Russian-German mother. While Louis' parents migrated to Germany between 1972 and 1975 when they were still children, the parents of the other subjects moved to Germany as young adults between 1989 and 1996. Regina's parents come from Kyrgyzstan, while Louis' and Anna's parents and Sebastian's mother are from Kazakhstan. Only Anna and Regina speak some Russian, while Louis and Sebastian only understand a few words.

While obviously not representative in any statistical sense, this sample of young people can be considered typical for Russian Germans in Germany in several regards. They share their small-town origins with the vast majority of post-Soviet Spätaussiedler, some 77 percent of whom live in towns and cities with fewer than 100,000 inhabitants – a percentage that is slightly higher than among the “native” population, and significantly higher than among the overall immigrant population [Panagiotidis, S. 95]. While representative statistical data on the educational achievements of the second generation is lacking, the interviewees' educational trajectories also appear fairly typical in the sense that they completed or were on their way to completing a high school certificate (*Abitur*) or second-tier degree (*Realschulabschluss*), but do not attend university [Ibid., S. 63]. Like the majority of Russian Germans, they are Protestants – however, not of the evangelical kind, which is widespread but by no means majoritarian among Spätaussiedler in Germany [Ibid., S. 196]. Their limited or non-existent knowledge of Russian is also a widespread phenomenon among their generation, given that their parents often consciously chose not to pass it on to their children in order to help their assimilation as Germans [Ibid., S. 120–122]. Their life worlds are thus in many ways representative of the experience of many of their peers.

In the interviews, a series of openly/deductively formulated questions was used to try to manifest the developmental processes of the subjects' natio-ethno-cultural identities over the course of their lives, depending on the influencing factor of their experiences of being externally ascribed to certain natio-ethno-cultural groups. In addition, the respondents were asked to explain the connotations they associate with the respective natio-ethno-cultural categories of their identification and experienced external ascriptions. Moreover, they also had to evaluate their experiences of external ascription and their processes of identity formation in terms of the feelings and sensations that those triggered in them.

All respondents indicated “German” as the natio-ethno-cultural category with which they identify most strongly, though in most cases not exclusively. Except for Louis, for whom “German” is the only natio-ethno-cultural category with which he identifies (“We are Germans!”), the others also name at least one other category. In Regina's case, the Russian component is roughly equal to her German identity (“I see myself as this and also that!”). Anna identifies herself not only as “German” but also as “Russian” (“partly this, partly that, but if I had to choose, then German”). Sebastian identifies himself as “mainly simply German, but also a lot of ‘Russian’”; on explicit request

he describes “a kind of connection” to the category “Russian-German,” whereas the others negate this category as a source for identification. With the exception of Anna, who expresses uncertainties about her identity (“But yes, you just don’t really know what you are”), all of the test subjects showed themselves to be quite secure and satisfied in their identities.

Looking at the interviewees’ experiences of external ascription of natio-ethno-cultural belonging, we see that the categories of ascription roughly match the categories of their respective self-identifications. The ascription as “German” seems to be the most common and predominant outside the family space in most everyday contexts. Ascriptions as “Russian” are experienced to a much lesser extent by the test persons. Louis reports that hardly anyone perceives him as Russian and sometimes other people even express astonishment when he talks about his parents’ origins: “And then the reaction usually is: Really? You look like a German.” When asked about the categories others identify him with, Sebastian simply answered: “Also as ‘German,’ quite normal.” Anna also sees a predominance of the external perception of her as “German”: “Yes, for most people I am rather German, I would say. At least that’s what most people tell me, that they tend to see me as German and often forget that I, my parents, or my family are Russian.” Regina, on the other hand, describes a somewhat greater presence of the external ascription “Russian”:

Yes, most of the time it is the case that people in Germany tend to see you as a Russian and when you are in Russia, I would say, you are more likely to be seen as German. Okay, maybe some people say that I am German because I was born here, but there are also those who say ‘Well, you have Russian roots, you are more Russian’...

However, this ascription as Russian in Germany seems to occur when she talks about her parents’ origins in the USSR. In contrast to this, members of the first generation mostly report that they are perceived as Russian because of their accent or other noticeable features, without having made any statement about their origin. Our interviewees are not “visible” in the same way, as Louis explains:

I also look completely like a German, don’t I? There’s nothing Russian about me, I have no accent, nothing, and they just see me that way. So no one has ever come to me and asked: ‘Hey, are you Russian?’

The dominant self-identification of our interviewees as “German”, which seems satisfying and unproblematic, is thus in agreement with the external ascription on the part of the “native” German population. Since the test subjects give their environment hardly any indications of a non-German origin in the form of habitually visible otherness, they see themselves confirmed by the predominant external ascription as “German” by the German Germans.

Despite the predominant identification as German, the subjects in the interviews repeatedly directed the focus of conversation to the category “Russian” and explained in detail the importance in their families of the Russian language, Russian food, and Russian festivities. While Russian identity is explained through the presence of Russian cultural elements in family life, German identity is primarily explained through the absence of Russian cultural elements in most extra-familial contexts. The fact that the category “Russian” became the central topic of discussion may be due to the fact that the test subjects were interviewed as Russian Germans and therefore believed that the focus on “Russian” topics fulfilled the expectations of the interviewer. German identity, on the other hand, seems to be perceived as something like a “normal state” that requires no explanation and is not worth talking about. The collective narratives of victimhood and pride which the parent and grandparent generations associated with their German identity apparently has no significant meaning for our interviewees. The fact that they understand being German as natio-ethno-cultural non-difference from the fictitious German prototype indicates an assimilation of their understanding of being German to the meaning of the category “German” that prevails in Federal German society, and a shift away from the understanding of the older generations.

The rather subordinate identification with the category “Russian”, which applies to three out of four interviewees and is activated by less frequent external ascriptions, seems to play a less significant but rather positive role in the lives of the test subjects. Compared to the first generation, the more positive and relaxed identification with the category “Russian” seems to be possible at all because the test subjects have never themselves experienced discrimination and repression based on their German origin in a Russian-dominated Soviet environment. In their personal life world, this generation has never found itself in longtime opposition to a Russian majority. Instead, certain cultural practices cultivated within their own families appear to be Russian in comparison to German-dominated society. Since the sample has a positive emotional attachment to these family-related cultural customs perceived as Russian, a certain positive self-perception as Russian is promoted. Anna even explains that she is “perhaps a little proud” of her Russian identity. The test subjects define the category “Russian” primarily through cultural elements that they perceive as Russian and not with reference to origin – despite the fact that two out of the four do have partly Russian ancestry. Sebastian mentions “Russian food, Russian language, Russian music, Russian culture.” With regard to family life, Anna describes “that this is always very strong with Russians and I can confirm this, that everyone stands behind everyone, that we see each other often, meet often.” Pejorative conceptions of the category “Russian” that prior generations might have held have apparently hardly been transported into this generation.

Although three of the four test persons tend to identify positively with the category “Russian”, a certain dissatisfaction with its external ascription is still evident in some cases. Louis, for instance, who does not identify as

Russian, comments with a laugh that “among my best friends I am often referred to as, yes, the Russian, but I don’t mind, I know exactly why they say that or something else.” Here it appears that an external identification as “Russian” could be perceived as pejorative if attributed seriously or by people who are not close. Anna describes the feeling that people who perceive her as Russian “then think a little more negatively about me.” Regina muses that many people associate “Russian” with “something negative.” Only Anna refers to a stronger identity-confusing effect of the external ascription “Russian”:

I always find that a bit strange or unpleasant, because some people say ‘Yes, you are this’, others say ‘that’, but when friends say something like that, for example, I think they don’t have the slightest idea anyway, so it’s a bit difficult. But yes, you just don’t really know what you are, that’s the thing. <...> For example, my dad once said ‘Yes, you are not really Russian, you are completely German’, because I was born in Germany. Then I hear from others ‘No, you are Russian, you have Russian parents’. So that completely throws you off, well, not off track, but it just confuses you and you don’t know who you are, especially since you were born in Germany and your parents can also speak Russian. I mean, then you can’t be German, but you actually have something to do with Russian culture or identity.

Anna’s case shows an insecurity about her identity that on the face of it appears very similar to that of the first generation. It manifests in doubts about her own natio-ethno-cultural belonging that arise from the different coexisting ascriptions she perceives as to some extent contradictory. In contrast to the first generation, however, this problem does not seem to be so severe for Anna that it makes it impossible for her to identify as German or Russian, as we saw above. As a consequence, the category “Russian-German” has little appeal to her as a source of identification, despite her awareness of a particular Russian-German history. Describing her measure of identification with that category, she states:

I would even say less, because that doesn’t play a big role for us, because that’s just my grandpa, or my two grandpas who are Russian Germans and because my parents and the rest of the family were born in Kazakhstan, they feel more Russian. Of course, they were called ‘German’, thus as ‘those Germans’ [through her tone she emphasizes the pejorative character of this ascription], so they were called ‘German’, because their dad is from Germany, but I wouldn’t really identify with Russian Germans. Well, I don’t know how to explain this, it’s more of a Russian thing. I wouldn’t actually know where to draw the line there.

Anna is not alone with her difficulty in drawing a clear line between “Russian” and “Russian-German.” Both Regina and Sebastian stated that they are hardly able to distinguish between those categories or to define any peculiarities of the category “Russian-German”, while Louis seemed to fully

equate “Russian” and “Russian-German”. Thus, in addition to becoming obsolete as an intermediate category of identification, “Russian-German” is also experiencing semantic emptying and assimilation into the category “Russian”. Since the second generation never had to perceive an otherness in themselves that appeared to be German in contrast to a Russian-dominated majority, but instead perceived their very rarely visible natio-ethno-cultural conspicuousness as rather Russian in comparison to the German-German majority, a fading of the category Russian-German seems logical, since it was fed by a dual experience of foreignness. The blurring of the supposedly very clear line between “Russian Germans” and “Russians” mitigates the incipient identity conflict that became apparent in Anna’s previous statement: rather than being a clear mis-ascription, her labelling as Russian refers to a category of identification that is actually relevant for her. It points to a simultaneous inclusion in two natio-ethno-cultural collectives that may appear contradictory in an exclusivist logic, but can be more easily reconciled than a dual exclusion as German in Russia and Russian and Germany.

* * *

Our interviews have shown that young people of the second generation of Russian-German Spätaussiedler are increasingly developing positive and satisfactory German identities, which are confirmed and strengthened by the majority society’s external ascription as German. In this context, being German means being a recognized and natio-ethno-culturally inconspicuous part of German-majority society. Neither the often descent-oriented and sometimes elitist ideas of being German nor the collective identity narratives centered on victimhood and suffering which existed in USSR before migration have been passed on to a significant extent. At the same time there is limited, but positive identification as Russian. This is less frequently activated by external ascriptions because origin from the former USSR is less obvious. Russian language skills are also receding in the second generation. To a certain extent, Russian identity is fed by what is perceived as “Russian” in the family context. The category “Russian-German,” by contrast, is hardly ever used for identification. Since the second generation is able to identify satisfactorily as both “German” and “Russian,” the intermediate category “Russian-German” becomes obsolete as a source for identification and experiences a semantic emptying in the consciousness of the second generation. The traumatizing pre- and post-migrant historical experiences of earlier generations of Russian Germans and their self-image as a doubly excluded minority have only marginally shaped the consciousness of the second generation and no longer serve as the central pillar of a fading natio-ethno-cultural category “Russian-German” in the context of identity formation of young Russian Germans. They were not “there the Germans and here the Russians” – they are both here the Germans and, to some extent, here the Russians.

Список литературы

Armborst K. Ablösung von der Sowjetunion : Die Emigrationsbewegung der Juden und Deutschen vor 1987. Münster : LIT, 2001. 464 S.

Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. № 23. P. 47–78. DOI 10.1007/BF00993673.

Bruns I. „Manchmal bin ich nichts“: Gespräche jugendlicher Aussiedler aus Polen und Rußland. Reutlingen : Verlagswerk der Diakonie, 1992. 77 S.

Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative. N. Y. ; L. : Routledge, 1997a. 200 p.

Butler J. The Psychic Life of Power: Theories in Subjection. Stanford : Stanford Univ. Press, 1997b. 228 p.

Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis: sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. München : R. Oldenbourg, 2009. 693 S.

Flack A. Zugehörigkeiten und Esskultur : Alltagspraxen von remigrierten und verbliebenen Russlanddeutschen in Westsibirien. Bielefeld : Transcript, 2020. 500 S.

Graßmann W. Deutsch, deutscher geht's nicht // *Praxis Geschichte*. 2015. Heft 4. S. 38–41.

Henning T. Personale Identität und personale Identitäten – Ein Problemfeld der Philosophie // *Identität: Ein Kernthema moderner Psychotherapie – interdisziplinäre Perspektiven* / Hrsg. von H. Petzold. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. S. 19–38.

Hier die Russen – dort die Deutschen : Über die Integrationsprobleme russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach dem Einladungsmanifest von Katharina II / Hrsg. von M. Hermann, R. Öhlschläger. Baden-Baden : Nomos, 2013. 120 S.

Hilbk M. Trauma und Traum: Russlanddeutsche auf der Suche nach Heimat und Identität // *Entwurzelung – Bindung – Transformation* / Hrsg. von B. Nielsen. Heidelberg : Mattes, 2014. S. 63–72.

Kasap Cetingök Y. Zur Konstruktion der kulturellen Identität und ihrer Anerkennung unter poststrukturalistischer Sicht : Kontingenz des Politischen und Subjektiven // *Kulturen der Bildung. Kritische Perspektiven auf erziehungswissenschaftliche Verhältnisbestimmungen* / Hrsg. von M. Hummrich, N. Pfaff, I. Dirim, C. Freitag. Wiesbaden : Springer VS, 2016. S. 67–76.

Kiel S. Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Münster : Waxmann, 2009. 216 S.

Kiel S. Heterogene Selbstbilder: Identitätswürfe und -strategien bei russlanddeutschen (Spät-)Aussiedlern // *Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien* / Hrsg. von M. Kaiser, M. Schönhuth. Bielefeld : Transcript, 2015. S. 73–89.

Korsgaard C. The Sources of Normativity. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. 290 p.

Kruse J. Qualitative Interviewforschung: Ein integrativer Ansatz. 2nd Ed. Weinheim : Beltz Juventa, 2015. 708 S.

Kurilo O. Russlanddeutsche als kulturelle Hybride. Schicksal einer Mischkultur im 21. Jahrhundert // *Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien* / Hrsg. von M. Kaiser, M. Schönhuth. Bielefeld : Transcript, 2015. S. 53–72.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2011. 528 p.

Mecheril P. Prekäre Verhältnisse: Über natio-ethno-kulturelle (Mehrfach-) Zugehörigkeit. Münster : Waxmann, 2003. 233 S.

Mecheril P. u. a. Migrationspädagogik. Weinheim ; Basel : Beltz, 2010. 192 S.

Meissner H. Jenseits des autonomen Subjekts: Zur gesellschaftlichen Konstitution von Handlungsfähigkeit im Anschluss an Butler, Foucault und Marx. Bielefeld : Transcript, 2010. 303 S.

- Mukhina I.* The Germans of the Soviet Union. N. Y. : Routledge, 2007. 240 p.
- Müller B.* Empirische Identitätsforschung: Personale, soziale und kulturelle Dimensionen der Selbstverortung. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 416 S.
- Panagiotidis J.* Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung. Weinheim : Beltz Juventa, 2021. 246 S.
- Petersen H.* Selektive Erinnerung. Der Zweite Weltkrieg in der Ukraine im historischen Gedächtnis der Russlanddeutschen // Holocaust Studies : A Ukrainian Focus. 2019. Vol. 11. P. 207–237.
- Rosenthal G., Stephan V., Radenbach N.* Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von „Russlanddeutschen“ ihre Geschichte erzählen. Frankfurt a/M : Campus, 2011. 287 S.
- Simonov N.* Die heimatlosen Heimkehrer: Zwei Subkulturen im Vergleich. Sozialpsychologische Aspekte der Identität von russlanddeutschen Spätaussiedlern in Deutschland und irischen Heimkehrern in Irland. Hamburg : Dr. Kovač, 2013. 352 S.
- Zuhause fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier, M. Kaiser. Bielefeld : Transcript, 2006. 430 S.
- Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien / Hrsg. von M. Kaiser, M. Schönhuth. Bielefeld : Transcript, 2015. 416 S.

References

- Armborst, K. (2001). *Ablösung von der Sowjetunion: Die Emigrationsbewegung der Juden und Deutschen vor 1987*. Münster, LIT. 464 S.
- Brubaker, R. (1994). Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. In *Theory and Society*. No. 23, pp. 47–78. DOI 10.1007/BF00993673.
- Bruns, I. (1992). „Manchmal bin ich nichts“: *Gespräche jugendlicher Aussiedler aus Polen und Rußland*. Reutlingen, Verlagswerk der Diakonie. 77 S.
- Butler, J. (1997a). *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. N. Y., L., Routledge. 200 p.
- Butler, J. (1997b). *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Stanford, Stanford Univ. Press. 228 p.
- Dönninghaus, V. (2009). *Minderheiten in Bedrängnis: sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938*. München, R. Oldenbourg, 693 S.
- Flack, A. (2020). *Zugehörigkeiten und Esskultur: Alltagspraxen von remigrierten und verbliebenen Russlanddeutschen in Westsibirien*. Bielefeld, Transcript. 500 S.
- Graßmann, W. (2015). Deutsch, deutscher geht's nicht. In *Praxis Geschichte*. Heft 4, S. 38–41.
- Henning, T. (2012). Personale Identität und personale Identitäten – Ein Problemfeld der Philosophie. In Petzold, H. (Hrsg.). *Identität: Ein Kernthema moderner Psychotherapie – interdisziplinäre Perspektiven*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 19–38.
- Hermann, M., Öhlschläger, R. (Hrsg.). (2013). *Hier die Russen – dort die Deutschen: Über die Integrationsprobleme russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach dem Einladungsmanifest von Katharina II*. Baden-Baden, Nomos. 120 S.
- Hilbk, M. (2014). Trauma und Traum: Russlanddeutsche auf der Suche nach Heimat und Identität. In Nielsen, B. (Hrsg.). *Entwurzelung – Bindung – Transformation*. Heidelberg, Mattes, S. 63–72.
- Ipsen-Peitzmeier, S., Kaiser, M. (Hrsg.) (2006). *Zuhause fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland*. Bielefeld, Transcript. 430 S.
- Kaiser, M., Schönhuth, M. (Hrsg.). (2015). *Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien*. Bielefeld, Transcript. 416 S.
- Kasap Cetingök, Y. (2016). Zur Konstruktion der kulturellen Identität und ihrer Anerkennung unter poststrukturalistischer Sicht: Kontingenz des Politischen und Subjektiven. In Hummrich, M., Pfaff, N., Dirim, I., Freitag, C. (Hrsg.). *Kulturen der*

Bildung. Kritische Perspektiven auf erziehungswissenschaftliche Verhältnisbestimmungen. Wiesbaden, Springer VS, S. 67–76.

Kiel, S. (2009). *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien.* Münster, Waxmann. 216 S.

Kiel, S. (2015). Heterogene Selbstbilder: Identitätsentwürfe und -strategien bei russlanddeutschen (Spät-)Aussiedlern. In Kaiser, M., Schönhuth, M. (Hrsg.). *Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien.* Bielefeld, Transcript, S. 73–89.

Korsgaard, C. (1996). *The Sources of Normativity.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 290 p.

Kruse, J. (2015). *Qualitative Interviewforschung: Ein integrativer Ansatz.* 2nd Ed. Weinheim, Beltz Juventa. 708 S.

Kurilo, O. (2015). Russlanddeutsche als kulturelle Hybride. Schicksal einer Mischkultur im 21. Jahrhundert. In Kaiser, M., Schönhuth, M. (Hrsg.). *Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien.* Bielefeld, Transcript, S. 53–72.

Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, Cornell Univ. Press. 528 p.

Mecheril, P. (2003). *Prekäre Verhältnisse: Über natio-ethno-kulturelle (Mehrfach-) Zugehörigkeit.* Münster, Waxmann. 233 S.

Mecheril, P. et al. (2010). *Migrationspädagogik.* Weinheim, Basel, Beltz. 192 S.

Meissner, H. (2010). *Jenseits des autonomen Subjekts: Zur gesellschaftlichen Konstitution von Handlungsfähigkeit im Anschluss an Butler, Foucault und Marx.* Bielefeld, Transcript. 303 S.

Mukhina, I. (2007). *The Germans of the Soviet Union.* N. Y., Routledge. 240 p.

Müller, B. (2011). *Empirische Identitätsforschung: Personale, soziale und kulturelle Dimensionen der Selbstverortung.* Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften. 416 S.

Panagiotidis, J. (2021). *Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung.* Weinheim, Beltz Juventa. 246 S.

Petersen, H. (2019). Selektive Erinnerung. Der Zweite Weltkrieg in der Ukraine im historischen Gedächtnis der Russlanddeutschen. In *Holocaust Studies: A Ukrainian Focus.* Vol. 11, pp. 207–237.

Rosenthal, G., Stephan, V., Radenbach, N. (2011). *Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von „Russlanddeutschen“ ihre Geschichte erzählen.* Frankfurt a/M, Campus. 287 S.

Simonov, N. (2013). *Die heimatlosen Heimkehrer: Zwei Subkulturen im Vergleich. Sozialpsychologische Aspekte der Identität von russlanddeutschen Spätaussiedlern in Deutschland und irischen Heimkehrern in Irland.* Hamburg, Dr. Kovač. 352 S.

The article was submitted on 25.01.2021

THE DESTINIES OF GERMAN-BORN PEOPLE IN RUSSIA AT THE TURN OF THE MILLENNIUM* **

Gunnar Thorvaldsen

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
The Arctic University of Norway,
Tromsø, Norway

This article studies the stories of Russian citizens who were born in Germany but reside in Russia. Most of them had relocated to Russia as a result of the withdrawal of Russian troops from Germany after 1990. Analysing individual data from the 2002 and 2010 censuses, the author traces the lives of children born into the families of Soviet military men based in East Germany after World War II. Over 140,000 such migrants can be found in the 2002 census, far more than from any other country that was not part of the Soviet Union. Repatriation was accomplished from 1991 to 1994; and even though Germany financed part of the operation, it was necessary to solve the problems of accommodation and employment of the military men and their families locally. As a result of the study, the author manages to determine the territories inhabited by Russians born in Germany in the early twenty-first century. The number of people among them who speak foreign languages and have post-secondary education is higher than average, which testifies to the fact that the joint effort of the two countries was more beneficial for the future of the people born in Germany than might have been expected. The competence and education they acquired, together with the social networks between those repatriated, added significantly to their human capital and their contributions to Russian society.

Keywords: migration, historical demography, Russia, repatriation, social integration, population censuses

Статья посвящена исследованию истории российских граждан, родившихся в Германии, но проживавших в России согласно переписям 2002 и 2010 гг. Большая часть этих людей оказалась в стране в результате вывода группы советских войск из Германии. На основе анализа индивиду-

---

* The article was sponsored by the Russian Foundation for Basic Research (project № 19-29-07154).

** *Citation:* Thorvaldsen, G. (2021). The Destinies of German-Born People in Russia at the Turn of the Millennium. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 861–874. DOI 10.15826/qr.2021.3.614.

Цитирование: Thorvaldsen G. The Destinies of German-Born People in Russia at the Turn of the Millennium // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 861–874. DOI 10.15826/qr.2021.3.614.

альных данных переписей населения Российской Федерации прослежены судьбы детей, родившихся в семьях советских военнослужащих группы советских войск, дислоцированных в Восточной Германии после Второй мировой войны и до 1990-х гг. В переписи Российской Федерации 2002 г. было зарегистрировано более 140 тыс. чел., родившихся в Германии, что намного превышало число выходцев из любой другой страны, не входившей в состав Советского Союза. Репатриация должна была быть осуществлена с 1991 по 1994 г., и, хотя Германия частично финансировала вывод войск, необходимо было решить проблему размещения и трудоустройства военнослужащих и членов их семей. В результате проведенного исследования удалось установить территории концентрации рожденных в Германии россиян в начале XXI в. При всем многообразии индивидуальных сценариев адаптации выходцев из Германии в России в целом как в отношении рынка труда, так и в отношении брачного рынка эта группа людей была интегрирована в общество не хуже, чем основное население. Более высокая доля владевших иностранными языками и имевших уровень образования выше среднего по сравнению с показателями для населения в целом свидетельствует, что ресурсы, вложенные в эту группу совместными усилиями двух стран, сказались на будущем уроженцев Германии лучше, чем можно было ожидать. Кроме того, полученный опыт, образование, а также наличие социальных связей вели к росту человеческого капитала на тех российских территориях, где они расселились.

Ключевые слова: миграция, историческая демография, Россия, репатриация, социальная интеграция, переписи населения

As is well known, groups of people originating in Germany settled in the Russian Empire for centuries. The most intensive wave of immigration was in the mid-eighteenth century, when Tsarina Catherine the Great (herself an ethnic German) inspired potential emigrants from the West to use sparsely settled eastern areas more intensively. We shall not follow the ups and downs of these ethnic Germans in the Volga area and Siberia, or their many descendants who returned to Germany in the 1990s. Our topic here is the more than 100,000 persons born in Germany who live in Russia according to the censuses taken in 2002 and 2010, many of whom were part of the repatriation of troops from Germany in the early 1990s. That the sending of Russian troops to East Germany would lead to large return migration conforms to both the classic theories of Ravenstein and a more recent overview of migration theories [Albrecht; Ravenstein]. Still, their return to Russia has been described as rather chaotic, with a lack of basic facilities such as housing upon settlement in districts spread over the country [Braithwaite]. Did this affect their future negatively, or did the substantial compensation paid by Germany on the condition that the troops left quickly ameliorate their future conditions? There will always be differences with respect to how well individuals in such large groups adapt and how successfully they manage to live in their new abodes. In general

terms, however, the future of many German-born individuals was brighter than might have been expected.

Sources and methods

Russia took its first modern census in 1897, a practice the Soviet Union continued in 1926, 1936, 1939, and each decade from 1959. Unfortunately, most of the manuscripts for these have been discarded, leaving us only with published statistical aggregates. Where individual-level manuscripts survive, we can create more detailed statistical results in order to avoid ecological fallacies, and we can link censuses and other sources to form personal life stories. The Soviet Union took its last census in 1989, and the first census of Russia after the disbanding was taken in October 2002 (repeated in October 2010). These two enumerations are available as individual-level microdata together with censuses from nations that left the Soviet Union: Ukraine (2001), Belarus (1999), Armenia (2001), and the Kyrgyz Republic (1999 and 2009). These are part of the IPUMS – Integrated Public Use Microdata Series. The IPUMS of the Minnesota Population Center started out with the US decennial censuses from 1850 onwards and have since been expanded internationally with post-World War II census data from all continents except Australia and with historical data sets from the period 1787 to 1911. While the latter contain identifiable information and often are full counts, confidentiality measures protect personal privacy in recent data samples. Professor Steven Ruggles has headed the work of harmonizing the variables and value labels, making it easier to perform comparative research across time and space. Professor Robert McCaa negotiated for years with statistical agencies around the world to assemble the necessary microdata, an effort recognized by a United Nations’ resolution of support¹. For further information about the IPUMS and related databases, which contain over two billion records, cf the Internet at [Sample Characteristics; Census Questionnaires; Spouse Location Variable].

Individual-level data records from nominative census manuscripts provide new opportunities to use birthplace, occupation, and other information for detailed analysis of many aspects of human life. For instance, the degree to which migration and inter-marriage has helped to integrate different nationalities has been studied in the 2001 census for Ukraine [Thorvaldsen, 2016]. The 2002 and 2010 Russian enumerations were combined housing and population censuses taken by canvassing according to the *de jure* principle [Thorvaldsen, 2006; Thorvaldsen, 2018]. The available samples contain five percent of all households (over seven million persons in each census year), which Rosstat (the Federal State Statistics Service) selected by including every twentieth household. Further details, questionnaires, and instructions (also in English) can be found online. Identity-oriented ethnicity variables

---

¹ “Encourages Governments to adopt open-data policies allowing the dissemination of public-use, geo-referenced and anonymized microdata from censuses, household surveys, civil registration, population registers, health information systems and other relevant administrative records with respect for confidentiality;” Cf point 22 of: [Resolution 2016/1].

are left out of the microdata versions, presumably to protect personal privacy, but for Russia there is some information about language. Religion was not asked for in the 2002 or 2010 census questionnaires (just like in most Soviet censuses) and is thus not available as a variable even in the aggregates [Thorvaldsen, 2014]. Fortunately, the encoded birthplace variable is intact in the microdata sample, providing the *oblast'* for those born in Russia and the *country* for those born outside.

According to the instructions, census takers should in principle visit all inhabited places and ask questions of each individual (or, in the case of small children, ask their parents). The definition of a household is a group living together and at least partly sharing financial resources and/or having their meals together. It could consist of one person, family members, and others. The census included group habitations such as hospitals and orphanages, but this article does not deal with these places separately. There is much carry over in the 2002 and 2010 censuses from those taken during Soviet times. For instance, GIS map files for the Soviet Union can be used with slight modification of names². There is also continuity in the inclusion of questions about language but not about “nationality” or ethnicity. Like in the 2002 and 2010 Russian enumerations, the Bolsheviks asked about *national'nost* (national belonging) in all censuses from 1937/39 onwards, while they used *narodnost'* (ethnic origin) in 1926. There are, however, no international (UN) standards for using the ethnicity census variable [Thorvaldsen, 2011], which may help explain why ethnicity was not specified in the new millennium.

Return destinations and demography

In 2002, there were 146,980 persons who were born in Germany but now live in Russia, a number that dropped to 136,460 in 2010. According to the former census, only a few countries have sent more immigrants to Russia: there were more persons born in Ukraine, Kazakhstan, Belarus, Uzbekistan, Azerbaijan, Georgia, Armenia, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Moldova, all of which used to be part of the Soviet Union. This means that persons born in and perhaps belonging to the ethnic groups inhabiting these countries were internal migrants rather than *immigrants* if they settled in Russia before 1992. Thus, Germany ranks higher than tenth place among countries sending *emigrants* to Russia. It is also noteworthy that the Slavic countries allied with the Soviet Union are represented with significantly smaller groups of immigrants: the closest is Poland, with 31,340 persons born there but living in Russia in 2002.

“Volga Germans” was a frequent label for the eighteenth-century immigrants from Germany. However, modern Germans have preferred to settle in urban rather than rural areas. They are concentrated in and around the biggest cities: Moscow and Moscow oblast', St Petersburg and Leningrad oblast', Novosibirsk and Novosibirsk oblast', and Ekaterinburg and Sverdlovsk oblast' (Fig. 3). As expected, Volgograd oblast' (ranked

---

² I constructed the map with the software package *Mapinfo*.

eighth) and Kaliningrad oblast' (ranked ninth) are well represented, but not significantly more than the latter two Asian oblasts listed in Table 1.

Table 1

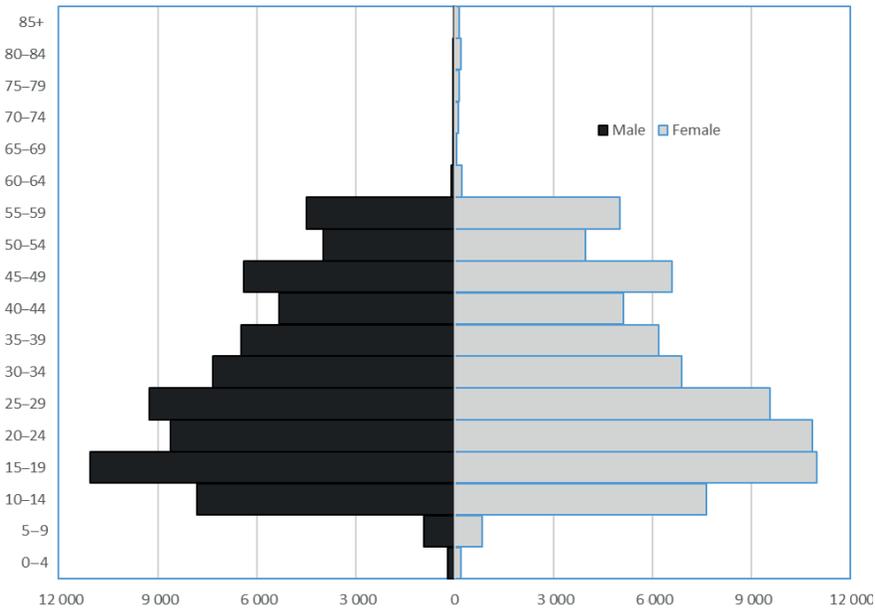
Number of men and women born in Germany in regions of the Russian Federation with at least 2000 such residents in 2002³

Place of residence	Male	Female	Sum
Moscow city	7,760	8,080	15,840
Moscow oblast'	6,660	6,380	13,040
St Petersburg city	3,180	3,980	7,160
Rostov oblast'	2,980	2,860	5,840
Krasnodar krai	2,520	2,720	5,240
Leningrad oblast'	2,340	1,820	4,160
Samara oblast'	1,860	2,280	4,140
Volgograd oblast'	2,020	1,900	3,920
Kaliningrad oblast'	2,000	1,900	3,900
Nizhny Novgorod oblast'	1,460	2,060	3,520
Saratov oblast'	1,580	1,880	3,460
Sverdlovsk oblast'	1,380	1,940	3,320
Voronezh oblast'	1,300	1,500	2,800
Novosibirsk oblast'	1,260	1,480	2,740
Tver oblast'	1,320	1,320	2,640
Stavropol krai	1,480	1,140	2,620
Chelyabinsk oblast'	1,380	1,100	2,480
Vladimir oblast'	960	1,120	2,080
Primorsky krai	1,060	980	2,040
Republic of Tatarstan	920	1,120	2,040
Khabarovsk krai	900	1,100	2,000

Given the predominance of urban residents among the German-born [Kinzer], it is not surprising that one finds a surplus of females: the gender proportion in 2002 was 104 women to 100 men. However, the gender proportion among the entire Russian population was much more skewed, with 117 women per 100 men: the gender rates changed only marginally from 2002 to 2010. The differences in age distributions between ethnic groups is the main explanation for this, since life expectancy among Russian women is higher than among men. In 2002, the average age was 40 and 36 years for women and men, respectively (41 and 36 in 2010), while among the German-born it was 31.2 and 30.9, respectively (close to

³ Source: The IPUMS version of the 2002 Russian population census.

38 and 36 in 2010). Such averages can be misleading, however, as can be seen from the age pyramid showing the distribution of German-born males and females divided into 5-year age groups. Less than one percent of those who immigrated from Germany were sixty years or older. Also, there were relatively few children: only in the groups aged over 10 can boys and girls be counted in the thousands rather than hundreds (Fig. 1).

1. 5-year age groups and gender of the German-born in 2002⁴

Most of these children must be the offspring of the 540,000 troops who stayed in East Germany until they were repatriated to Russia from 1991 to August 1994. As such, they can be classified as ethnic Russians. This indicates that the immigration of families with children born in Germany ground to a halt in the second half of the 1990s, which is also mirrored in the increasing average age for the whole group between the two censuses.

The Treaty on the Conditions of the Temporary Stay of Soviet Troops and the Planned Withdrawal were negotiated with Germany in 1990 and approved on the highest levels of both countries in the spring of 1991. However, the ousting of President Gorbachov and the fracturing of the Soviet Union made adjustments necessary, especially for troops returning to Belarus and Ukraine. Even though they demanded more, the latter had to be content with about 9.7 % of the housing payments from Germany, since at least 90 % of the troops were scheduled to return to the Russian Federation. Negotiations between President Yeltsin and Chancellor Kohl led to increased financial support from Germany for the repatriation programme, allowing

⁴ Source: The IPUMS version of the 2002 Russian population census.

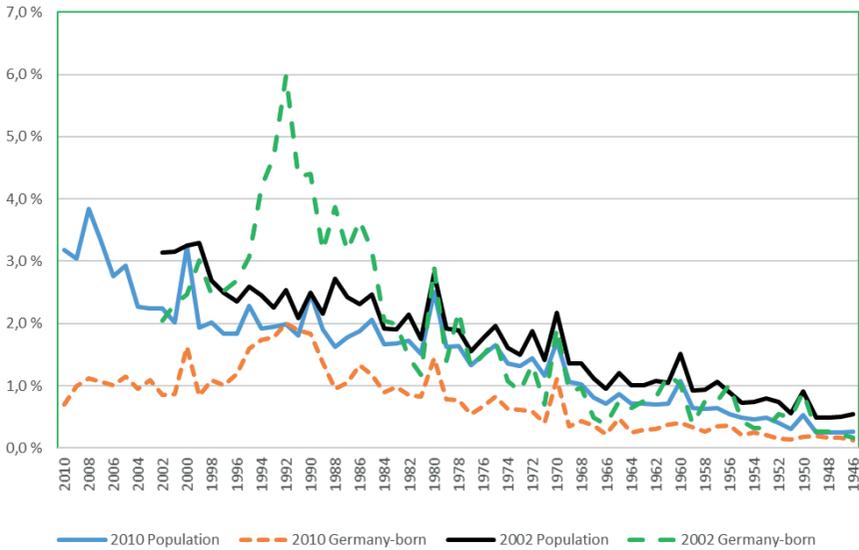
the migration of troops to proceed as planned. In August 1994, the leaders of the Russian Federation and Germany oversaw the completion of the withdrawal of the Western Group from Berlin [Трунов].

At the same time, elderly persons of German ancestry in Russia in particular tended to move to Germany, which admitted approximately 1.63 million ethnic Germans and 120,000 Jews from the former Soviet Union between 1990 and 1999 [Dietz]. From 1955 to 1986, 104,000 ethnic Germans emigrated from the Soviet Union to Germany [Stricker, p. 254].

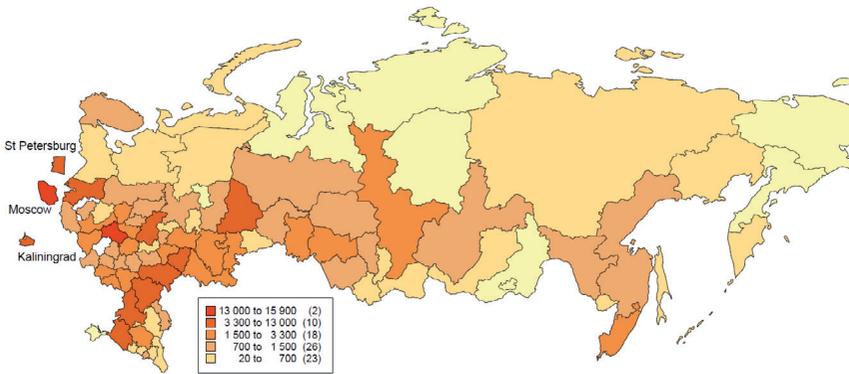
Education and language skills

A further sign of Russian ethnicity among the many immigrants to Russia from Germany is the language question in the 2002 enumeration. Here, everyone except 320 persons was marked as “fluent in Russian”, and the rest were mostly cases of missing information. Their somewhat western background (in relative terms) is more noticeable by the quite high proportions of young German-born individuals who “speak English”, which amount to about 25 % compared to about half of this proportion in the whole population. 98.7 % were classified as Russian citizens in 2002 compared to 98.1 % in the whole population. These results are the same when analysing the 2010 census, except that proficiency in English is somewhat higher. The later census contained a question about mother tongue: only about 2,500, or two percent, of the German-born were classified with German as their main language. Among the Russo-German immigrants to Germany, Russian is the main language in the home, while German is spoken in the workplace [Graßmann, S. 522].

A variable meant to throw further light on the migration history of the mobile part of the population is “Years residing in current locality”, which exists both in the 2002 and 2010 census microdata. Supposedly, this question should have been answered by all migrants, and thus by all immigrants from Germany. It turns out, however, that it was answered by only 25 % of the German-born in 2002 and by only 12 % of the whole population. The reason for this may be that it was part of a complicated set of questions, dropped by many respondents. In 2010, however, 98 % of the German-born answered the question. In Fig. 2, the interval of residence at present address is displayed as yearly percentages of everyone who answered the question in both 2002 and 2010. For the German-born, the number of years peaked in the early 1990s, indicating they had moved to their current address then, at the time of the exodus of the Russian army from East Germany. In the 2010 census, this is supported by the numbers peaking at the same time to a certain extent. This flattening is in part explained by many persons having migrated again after they immigrated to Russia. However, this re-migration effect was not strong with respect to distance, since according to the 2010 census more than 96 % of the German-born live in the same major administrative region as one year earlier; less than a thousand were classified as living abroad. Another additional problem with this variable is the year-heaping tendency for the numbers to peak at 10-year intervals, revealing that the answers were often inexact and were rounded to the nearest start of a new decade.

2. Interval of residence at present address as annual percentages of all who answered the question in both 2002 and 2010 for the German-born and for the whole population, respectively⁵

3. German-born by district in 2002

The education levels of persons who were born in Germany are not dramatically different from the general population in Russia according to the 2002 census in terms of primary and secondary schooling. The main difference is that the proportions who completed a university degree or received some college education were double among immigrants born in Germany. This can also explain the relative differences on the lower levels. We can see how attention to engineering in the Soviet

⁵ Sources: The IPUMS version of the 2002 and 2010 Russian population censuses.

Union and Russia led to high levels of technical education, especially among women.

Table 2

Education levels among the German-born and the whole population by gender in 2002 (n = 144 800 and 128 395 780 respectively)⁶

Education levels	German-born		Population	
	Male	Female	Male	Female
No schooling	0.0 %	0.2 %	0.5 %	1.3 %
Primary (4 yrs) completed	10.9 %	10.3 %	13.7 %	14.8 %
Lower secondary general completed	9.0 %	7.7 %	13.1 %	12.9 %
Secondary general track completed	15.7 %	13.0 %	16.7 %	15.4 %
Some college completed	5.0 %	6.7 %	2.9 %	2.9 %
Secondary technical track completed	5.8 %	3.9 %	14.3 %	9.4 %
Post-secondary technical education	17.8 %	22.9 %	23.0 %	27.0 %
University completed	35.6 %	34.8 %	14.7 %	15.3 %
Unknown/missing	0.3 %	0.5 %	1.2 %	1.1 %
<i>Total</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>

Labour and marriage markets

Since a large proportion of the German-born ended up in cities, it is relevant to use urban escalator theory as a point of departure. This hypothesises that in-migrants end up in inferior positions towards the bottom of society after moving [Thernstrom]. Unfortunately, the work categories in the available microdata from the 2002 and 2010 censuses are rather general and do not allow us to see statistics for specific occupations. Table 3 has been constructed from the detailed variable “Status in employment (class of worker)”, where most categories are not used: I added the homemaker category from the variable “Activity status (employment status)”. As might be expected, over 90 % were employed. In general, the differences between the German-born and the whole population are too small to be interpreted in any specific direction. Nonetheless, one can still note that persons working independently or as employers are a bit less frequent and that homemakers are somewhat more frequent among the general population. The cooperative category was small and disappeared in the 2010 census; otherwise, work categories and relative numbers were nearly the same as those from eight years earlier.

⁶ Sources: The IPUMS version of the 2002 and 2010 Russian population censuses. Children under school age have been removed.

Table 3

Work categories by gender for the German-born and the whole population, relative numbers with the non-employable left out (n = 84,020 and 61,954,020 respectively)⁷

Work categories	German-born		All	
	Male	Female	Male	Female
Homemakers	0.3 %	3.1 %	1.2 %	4.6 %
Employer	2.3 %	1.4 %	1.9 %	1.0 %
Working on own account	3.6 %	3.0 %	3.5 %	2.7 %
Member of cooperative	0.6 %	0.2 %	0.5 %	0.3 %
Self-employed unspecified	0.2 %	0.1 %	0.2 %	0.2 %
Wage/salary worker	92.9 %	92.1 %	92.6 %	91.1 %
Unknown/missing	0.1 %	0.1 %	0.1 %	0.1 %
<i>Total</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>	<i>100.0 %</i>

One possible sign of adaptation is how well the German-born were integrated into the marriage market in their new homes. This is possible to analyse in the IPUMS version because these are equipped with constructed variables. One variable, “sploc” or spouse’s location, tells reciprocally the ID numbers of the spouses for married persons in each household. By using these ID numbers, it is made explicit which husbands and wives belong together, even if there was more than one couple in the household. In big, complicated households, the computer program may create errors, but as a rule of thumb these will apply to less than ten percent of the couples (and likely far fewer). As we shall see below, the results are so clear that it is highly unlikely the conclusions about partner preferences have been affected by software problems. We should recall, however, that we are analysing a random census sample of 5 %, so the numbers in this specific table should be multiplied by 20 to get results for the whole group of those born in Germany. Thus, approximately $207 \times 20 = 4\,140$ German-born married partners born in Ukraine. Results based on small numbers from random samples are uncertain, so the smallest groups were removed from the table.

Table 4 shows no significant tendency for immigrants from Germany to marry each other. Only $25 \times 20 = 500$ couples (meaning 25 in the sample, ca. 500 in the population) had birthplace as a common background, fewer than those who found a bride or groom born in the “-stan” countries which used to be part of the Soviet Union ($76 \times 20 = 1\,520$ brides and $66 \times 20 = 1\,320$ grooms). In general, the German-born married persons born on Soviet territory, especially in Russia, where most of them settled after coming east, and Ukraine, with its large ethnic Russian minority. Except for persons born in Germany, there were only $18 \times 20 = 360$ brides and $16 \times 20 = 320$ grooms born in countries now inside the European Union, so

⁷ Source: The IPUMS version of the 2002 Russian population census.

we must conclude that the tendency for immigrants from Germany to choose western spouses was weak. In comparison, 94 % of women and 92 % of men born in Russia had Russian-born spouses, which was the case for 82 % of women and men born in Germany. Thus, their *outlandisch* background may have disposed the German-born to choose immigrants to Russia from the former Soviet Union to a higher degree: after all, partners from the West were less available due their dispersion all over such a big country. This is natural for immigrants. The conclusion is that the German-born were well integrated into the marriage market, both the Russian one and its extension into other ethnic groups. Thus, contrary to what is expected from urban escalator theory, the German-born were at least in average positions in the labour and marriage markets and with respect to education. This is rather more in line with the theories of the Human Capital Project at Ural Federal University. Combining the hypotheses of the Ural School of Modernization with the theories of Boris N. Mironov, they argue that leading social groups from different strands and with diverse ethnic backgrounds bring together ideas, some of them imported from abroad, inspiring progress through socio-demographic and economic reforms [Бахарев, Главацкая].

Table 4

**Marriage partners by country of birth for persons born in Germany
according to the five percent 2010 census sample for Russia**

Country of birth	Brides	Grooms	Total
Russia/USSR	1,474	1,264	2,738
Ukraine	107	100	207
Kazakhstan	45	38	83
Belarus	26	25	51
Germany	25	25	50
Uzbekistan	23	16	39
Azerbaijan	7	10	17
Georgia	5	13	18
Kyrgyzstan		10	10
Moldova	9	4	13
Latvia	5	5	10
Tajikistan	5	6	11
Moldova	9	4	13
Turkmenistan	3	6	9
Latvia	5	5	10
Poland	4	4	8
Lithuania	5	1	6
Estonia	2	3	5
Armenia	2	2	4
Missing/other	3	8	11
<i>Total</i>	<i>1,756</i>	<i>1,550</i>	<i>3,306</i>

In addition, the sample contains one partner born in the Czech Republic, Hungary, Iran, Romania, South Africa, South Ossetia, Syria, and the US and two in Abkhazia, Bulgaria, China, and Iraq.

* * *

Migration from Germany to Russia is part of a centuries-long tradition. This article portrays how the most recent geographic mass movement from the West is described in the census microdata from 2002 and 2010. The main migration currents are well known: 1.6 million descendants of ethnic German immigrants and over 100,000 Jews moved westwards and over half a million Russians connected with the armed forces in East Germany moved eastwards. Rosstat in Moscow has sent five percent of the anonymized household samples from the two most recent censuses to the Minnesota Population Center, which has standardized and harmonized them and included them in IPUMS, which is available via the Internet. This effort to make census microdata easily accessible for research is also supported by the United Nations. Since these contain information on the individual level, we can create aggregates which are more detailed and more tailored to specific research questions than the published aggregates. Very few persons aged over 60 and born in Germany were found – they left for Germany in the 1990s. However, we found more than 140,000 German-born individuals spread across Russia in the 2002 enumeration, far more than from any other country that was not part of the Soviet Union. The relative lack of children under ten means that few families emigrated from Germany after 1994.

The exodus of the Russian military from Germany was a stressful event completed between 1991 and 1994 according to an agreement between the two countries. The splitting up of the Soviet Union and the ousting of President Gorbachev caused uncertainties and delays at the start of the troop transfer. That this, the biggest movement of troops ever during peacetime, could be completed on schedule was far from obvious and must have been tough for those involved, not least because many were reluctant to leave and adequate housing in their destinations was lacking. There will always be differences with respect to how well individuals in such large groups adapt and how successfully they manage to live in their new homes. In general terms, however, with respect to education and the labour and marriage markets, after the turn of the millennium the German-born were integrated at least on par with the general population. They married more frequently to other groups than the average Russian. A higher proportion than in the general population had foreign language skills and post-secondary education, signs that the resources invested in the transplantation of this group by both Russia and Germany made the futures of many German-born Russians brighter than might have been expected. Thus, rather than ending up at the bottom of the urban escalator, the competence and education they acquired, together with the social networks between

those repatriated, must have added significantly to their human capital and their contributions to modernizing Russian society. This fits well with the thinking of the Human Capital Project at Ural Federal University, which argues that groups with diverse ethnic backgrounds promote ideas which inspire socio-demographic and economic reforms.

Список литературы

Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Социальные элиты позднимперского Екатеринбурга: программа историко-демографического исследования // Урал. ист. вестн. 2021. № 3. С. 169–179. DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-169-179.

Трунов Ф. О. Свертывание военного присутствия России на территории «Новой ФРГ» (1991–1994): ход и последствия // Клио. 2016. № 1 (109). С. 145–154.

Albrecht G. Soziologie der geographischen Mobilität. Zugleich ein Beitrag zur Soziologie des sozialen Wandels. Stuttgart : Ferdinand Enke Verlag, 1972. XI, 332 S.

Braithwaite R. Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–89. L. : Oxford Univ. Press, 2011. XIV, 417 p.

Census Questionnaires // IPUMS International : [website]. URL: https://international.ipums.org/international/enum_materials.shtml (accessed: 05.04.2021).

Dietz B. German and Jewish Migration from the Former Soviet Union to Germany: Background, Trends and Implications // J. of Ethnic and Migration Studies. 2000. № 26 (4). P. 635–652. DOI 10.1080/713680499.

Graßmann W. Geschichte der evangelisch-lutherischen Rußlanddeutschen in der Sowjetunion, der GUS und in Deutschland in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Gemeinde, Kirche, Sprache und Tradition. Munich : Ludwig-Maximilians-Universität, 2006. 619 S.

Kinzer S. Bitter Goodbye: Russians Leave Germany // New York Times. 1994. March 4. P. A1.

Ravenstein E. G. The Laws of Migration // J. of the Statistical Society. 1885. No. 2 (48). P. 167–235.

Resolution 2016/1 : Strengthening the Demographic Evidence base for the 2030 Agenda for Sustainable Development (extracted from the Report on the 49th Session) // United Nations : [website]. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2016/documents/Resolution2.pdf> (accessed: 30.06.2021).

Sample Characteristics: Russia // IPUMS International : [website]. URL: https://international.ipums.org/international-action/sample_details/country/ru#tab_ru2002a (accessed: 05.04.2021).

Spouse Location Variable // IPUMS International : [website]. URL: https://international.ipums.org/international-action/variables/SPLOC#description_section (accessed: 05.04.2021).

Stricker G. Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland. Munich : Siedler Verlag, 1997. 671 S.

Thernstrom S. The Other Bostonians. Poverty and Progress in the American Metropolis, 1880–1970. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1973. 355 p.

Thorvaldsen G. Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Present or Absent // Historical Methods. 2006. № 39 (2). P. 82–96.

Thorvaldsen G. Testing and Constructing Ethnicity Variables in Late 19th Century Censuses // Indigenous Peoples and Demography. The Complex Relation between Identity and Statistics / eds. P. Axelsson, P. Sköld. N. Y. ; Oxford : Berghahn, 2011. P. 173–184.

Thorvaldsen G. Religion in the Census // Social Science History. 2014. № 38 (1–2). P. 203–220. DOI 10.1017/ssh.2015.16.

Thorvaldsen G. Birthplaces, Migration and Identity in the 2001 Census for Ukraine // The History of the Family. 2016. № 1 (21). P. 121–131. DOI 10.1080/1081602X.2015.1042001.

Thorvaldsen G. Censuses and Census Takers: A Global History. L. : Routledge, 2018. 340 p.

References

- Albrecht, G. (1972). *Soziologie der geographischen Mobilität. Zugleich ein Beitrag zur Soziologie des sozialen Wandels*. Stuttgart, Ferdinand Enke Verlag. XI, 332 S.
- Bakharev, D. S., Glavatskaya, E. M. (2021). Sotsial'nye elity pozdneimperskogo Ekaterinburga: programma istoriko-demograficheskogo issledovaniia [Social Elites of Late Imperial Yekaterinburg: A Programme for Historical and Demographic Research]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3, pp. 169–179. DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-169-179.
- Braithwaite, R. (2011). *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–89*. L., Oxford Univ. Press. XIV, 417 p.
- Census Questionnaires. (N. d.). In *IPUMS International* [website]. URL: https://international.ipums.org/international/enum_materials.shtml (accessed: 05.04.2021).
- Dietz, B. (2000). German and Jewish Migration from the Former Soviet Union to Germany: Background, Trends and Implications. In *J. of Ethnic and Migration Studies*. No. 26 (4), pp. 635–652. DOI 10.1080/713680499.
- Graßmann, W. (2006). *Geschichte der evangelisch-lutherischen Rußlanddeutschen in der Sowjetunion, der GUS und in Deutschland in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Gemeinde, Kirche, Sprache und Tradition*. Munich, Ludwig-Maximilians-Universität. 619 S.
- Kinzer, S. (1994). Bitter Goodbye: Russians Leave Germany. In *New York Times*. March 4, p. A1.
- Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. In *J. of the Statistical Society*. No. 2 (48), pp. 167–235.
- Resolution 2016/1. Strengthening the Demographic Evidence Base for the 2030 Agenda for Sustainable Development (Extracted from the Report on the 49th Session). (2016). In *United Nations* [website]. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2016/documents/Resolution2.pdf> (accessed: 30.06.2021).
- Sample Characteristics: Russia. (N. d.). In *IPUMS International* [website]. URL: https://international.ipums.org/international-action/sample_details/country/ru#tab_ru2002a (accessed: 05.04.2021).
- Spouse Location Variable. (N. d.). In *IPUMS International* [website]. URL: https://international.ipums.org/international-action/variables/SPLOC#description_section (accessed: 05.04.2021).
- Stricker, G. (1997). *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland*. Munich, Siedler Verlag. 671 S.
- Thernstrom, S. (1973). *The Other Bostonians. Poverty and Progress in the American Metropolis, 1880–1970*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 355 p.
- Thorvaldsen, G. (2006). Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Present or Absent. In *Historical Methods*. No. 39 (2), pp. 82–96.
- Thorvaldsen, G. (2011). Testing and Constructing Ethnicity Variables in Late 19th Century Censuses. In Axelsson, P., Sköld, P. (Eds.). *Indigenous Peoples and Demography. The Complex Relation between Identity and Statistics*. N. Y., Oxford, Berghahn, pp. 173–184.
- Thorvaldsen, G. (2014). Religion in the Census. In *Social Science History*. No. 38 (1–2), pp. 203–220. DOI 10.1017/ssh.2015.16.
- Thorvaldsen, G. (2016). Birthplaces, Migration and Identity in the 2001 Census for Ukraine. In *The History of the Family*. No. 1 (21), pp. 121–131. DOI 10.1080/1081602X.2015.1042001.
- Thorvaldsen, G. (2018). *Censuses and Census Takers: A Global History*. L., Routledge. 332 p.
- Trunov, F. O. (2016). Svertyvanie voennoro prisutstviya Rossii na territorii “novoi FRG” (1991–1994): khod i posledstviya [The Curtailment of Russia's Military Presence on the Territory of the “New Germany” (1991–1994): Progress and Consequences]. In *Klio*. No. 1 (109), pp. 145–154.

The article was submitted on 14.02.2021

Modi
studiorum

Modi studiorum

ПОСЛЕДНИЕ КНЯЗЬЯ ТАРУССКИЕ В СИНОДИКЕ МОСКОВСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА*

Олег Хоруженко

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

THE LAST PRINCES OF TARUSA IN THE *SYNODIKON* OF THE MOSCOW CATHEDRAL OF THE DORMITION

Oleg Khoruzhenko

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

New data on the genealogy of the princes of Tarusa in the *Synodikon* of the Cathedral of the Dormition in Moscow are compared with rare mentions of representatives of this family in the testaments and treaties of the grand princes of Muscovy from the fifteenth and sixteenth centuries, as well as other sources. Some researchers suggested identifying the princes of Tarusa in these sources with representatives of other families, i. e. Prince Vasily Ivanovich of Tarusa in the Moscow-Lithuanian treaty of 1449 with Prince Vasily Ivanovich of Obolensk, Prince Ivan Borisovich of Tarusa in the *razryad* of the Smolensk campaign of 1502 with Prince Ivan Borisovich of Ruza, and Princess Evdokia of Tarusa in the grand princely testament of 1504 with Grand Princess Evdokia, the widow of Dmitry Donskoy. The author demonstrates that the commemoration of the princes of Tarusa in the *Synodikon* of the Moscow Cathedral of the Dormition provides grounds for a literal interpretation of the mentions of this family between the fifteenth and sixteenth centuries, while the identifications proposed in the literature require unnecessarily risky presumptions.

Keywords: princes of Tarusa, princes of Obolensk, grand princes of Muscovy, *Synodikon*, testaments, treaties

---

* *Citation:* Khoruzhenko, O. (2021). The Last Princes of Tarusa in the *Synodikon* of the Moscow Cathedral of the Dormition. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 877–885. DOI 10.15826/qr.2021.3.615.

Цитирование: Khoruzhenko O. The Last Princes of Tarusa in the *Synodikon* of the Moscow Cathedral of the Dormition // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 877–885. DOI 10.15826/qr.2021.3.615 / Хоруженко О. Последние князья Тарусские в синодике Московского Успенского собора // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 877–885. DOI 10.15826/qr.2021.3.615.

Новые данные о родословии князей Тарусских в синодике Московского Успенского собора сопоставляются с редкими упоминаниями представителей этого рода в духовных и договорных грамотах московских великих князей XV–XVI вв., других источниках. Ряд исследователей предлагал отождествлять князей Тарусских в этих источниках с представителями иных родов: князя Василия Ивановича Тарусского в московско-литовском договоре 1449 г. – с князем Василием Ивановичем Оболенским, князя Ивана Борисовича Тарусского в разряде смоленского похода 1502 г. – с князем Иваном Борисовичем Рузским, княгиню Евдокию Тарусскую в великокняжеской духовной грамоте 1504 г. – с великой княгиней Евдокией, вдовой Дмитрия Донского. Автор показывает, что поименование князей Тарусских в синодике Московского Успенского собора дает основания для буквальной интерпретации упоминаний представителей этого рода в XV–XVI вв., тогда как предлагаемые в литературе отождествления требуют излишне рискованных предположений.

Ключевые слова: князья Тарусские, князья Оболенские, великие князья Московские, синодик, духовные грамоты, договорные грамоты

Родословных росписей князей Тарусских в составе родословных книг XVI–XVII вв. не существует. Ко времени составления древнейших редакций книг¹ собственно князья Тарусские, вотчичи в Тарусе, извелись. Отрывочные сведения о представителях этого рода содержатся в родословиях младших ветвей (князей Оболенских, Мезецких, Борятинских) и в иных крайне малочисленных источниках. Реконструкция состава тарусских князей, как и их родственных связей, неизбежно будет фрагментарной и построенной на допущениях.

Тем ценней представляются данные, содержащиеся в поименовании князей Тарусских в составе синодика Московского Успенского собора XVI в. (далее – Усп. 64). Приведем его полностью: «[Род княгини] Торвзской. Кн(а)сА Васил(ь)А, кн(а)сА | Бориса, кн(а)г(и)ню Соломонію, кнА|иню инокоу Ефросинію» [ОР ГИМ (Усп. собр.). № 64. Л. 33 об.]². Перечисленных в записи лиц, очевидно, следует рассматривать как представителей одного рода. На два мужских имени приходится два женских. Предположительно здесь представлены две семейные пары: Василий – Соломония и Борис – Евфросиния. Но эта самая очевидная трактовка³ требует пересмотра некоторых содержащихся в литературе интерпретаций источников и строящихся на них выводов об истории присоединения тарусских земель к великокняжескому домену.

¹ М. Е. Бычкова датирует Летописную и Румянцевскую редакции 40-ми гг. XVI в. [Бычкова, с. 19, 35–36].

² Описание см.: [Истомин, с. 14].

³ Предполагаемая схема родства (отец, сын, жена отца, жена сына) условна. Допустимы и иные схемы (отец, сын, две жены отца, два женатых брата и их супруги и т. п.).

Первым в записи упоминается князь Василий. Его следует отождествить с единственным известным нам тарусским князем Василием – Василием Ивановичем, упоминавшимся в договоре великого князя Московского Василия II с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV (1 августа 1449 г.): «А княз(ь) Василеи Ивановичъ Торускии, и з братьею, и з братаничы слѣжать мне, великомѸ кн(а)зю Васил(ь)ю. А тебе, королю і великому князю Казимиру, в них не вѣстѣпатисе» [Духовные и договорные грамоты, с. 161, № 53]. В свою очередь, князь Василий Иванович Тарусский, как предполагается в новейших работах, тождественен князю Василию Ивановичу Оболенскому, видному военачальнику Василия II.

А. А. Горский полагает, что идентификация тарусского князя в договоре 1449 г., как В. И. Оболенского, оправдана тем, что «в тарусско-оболенской княжеской ветви в это время был только один князь с таким именем – сын Ивана Константиновича» [Горский, 2004а, с. 158; Горский, 2004б, с. 286; Горский, 2010, с. 121]. Аргумент был принят А. В. Шековым [Шеков, 2012, с. 76, 151–152; Шеков, 2018, с. 98, 197–198] и автором данной работы [Хоруженко, с. 101, 176]. Но, как отмечалось выше, родословная старшей ветви тарусских князей в родословных книгах не представлена, что снижает значимость этого аргумента: в нашем распоряжении нет репрезентативного перечня тарусских князей.

В пользу такого отождествления могло бы выступить, по-видимому, то, что оба князя, полные тезки, действовали одновременно (В. И. Оболенский упоминается в источниках в 1443–1450 гг.) [Власьев, с. 252–253]⁴. Происхождение князей Оболенских от Тарусских давало, вероятно, право В. И. Оболенскому на титулование «тарусским» князем, а возможно, и на реальную долю в Тарусском княжестве. Наконец, у В. И. Оболенского действительно были довольно многочисленные «братья и братаничы». Родословные росписи князей Оболенских показывают у князя Василия пятерых братьев и 14 племянников. Иные доводы для отождествления тарусского князя Василия Ивановича в договоре 1449 г. с В. И. Оболенским сформулировать затруднительно, но и перечисленные не выглядят достаточно весомыми.

Если же все-таки принять версию о тождестве обоих князей, то возникает ряд вопросов. Из «братаничей» В. И. Оболенского самые старшие впервые встречаются в источниках второй половины 70-х гг. XV в⁵, синхронно действуют в 90-х гг., а некоторые из них – и в двух

---

⁴ Известия о боярине кн. Василии Ивановиче в источниках 1460-х гг. [Акты феодального землевладения, с. 99, 118, № 103, 126; Акты социально-экономической истории, с. 198, № 277]. В. Б. Кобрин также относит к Оболенскому [Кобрин, с. 95], как и А. А. Горский [Горский, 2004а, с. 158, прим. 237; Горский, 2004б, с. 286, прим. 34; Горский, 2020, с. 121, прим. 510]. Л. В. Черепнин от такого отождествления воздержался [Акты феодального землевладения, с. 336], а А. А. Зимин, кажется, его допускал [Зимин, 1958, с. 44; Зимин, 1988, с. 48].

⁵ Василий Никитич (уп. 1479–1486), Андрей Никитич Ноготь (уп. 1480–1492), Андрей Михайлович Дурной (уп. 1480–1492), Борис Михайлович Туреня (уп. 1475–1498), Иван Владимирович Лыко (уп. 1477–1507) [Хоруженко, с. 178–180, 192, 210, 242].

первых десятилетиях XVI в⁶. Крайне маловероятно, чтобы дети младших братьев В. И. Оболенского в 1449 г. упоминались как правоспособные лица, скорее всего, в это время они еще вовсе не появились на свет.

Упомянув «братью и братаничей» тарусского князя, договор 1449 г. умалчивает о его сыновьях. Между тем, у В. И. Оболенского их было пятеро, из них только младшие (Телепни) появились после 1449 г. Старшие же родились от первого брака В. И. Оболенского с Марией Федоровной Всеволож-Заболоцкой, которая в 1449 г. была уведена в плен татарами. Из старших сыновей Иван Васильевич Стрига упоминается уже с 1446 г. В иных источниках, кроме договора 1449 г., В. И. Оболенский не фигурирует как князь Тарусский⁷.

Определенную настороженность вызывает и то, что оболенский князь поминался в синодиках под своим иноческим именем: «князю Василию Ивановичу, нареченному в мнишеском чину Варсонофию... вечная память» [Древняя российская вивлиофика, ч. 6, с. 449]. В приведенной записи из Усп. 64 Василий значителен только под своим мирским именем.

У В. И. Оболенского было две жены, первая – упомянутая выше М. Ф. Всеволож-Заболоцкая, вторая – княжна Евпраксия Михайловна Белевская. Имена обеих княгинь не совпадают с парным к имени князя Василия в приведенной записи именем княгини Соломонии. Вероятность же того, что княгиня Евпраксия при постриге сохранила свое мирское (крестильное) имя и стала «княиной инокой Ефросинией», существует: подобные прецеденты известны [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., с. 82–99]. Ниже, впрочем, будет рассмотрена иная версия. Таким образом, имеются серьезные препятствия для отождествления князя Василия Ивановича Тарусского в московско-литовском договоре 1449 г. с князем В. И. Оболенским.

Следующим тарусским князем в записи синодика Усп. 64 значителен Борис, вероятно, сын предыдущего. Среди сыновей В. И. Оболенского Бориса не было. Но указание «Усп. 64» заставляет более внимательно и, вероятно, с большим доверием обратиться к разряду смоленского похода князя Дмитрия Ивановича Жилки 7010 (1502) г.: «В сторожевом полку князь *Иван Борисович Таруской*, да великого князя воеводы князь Михайло Федорович Телятевской, да князь Федор Васильевич Телепень Оболенской, да князь Костентин Ушатой Ерославской, инде пишет: князь Костентин Ерославов (курсив мой. – О. Х.)» [Разрядная книга 1475–1605 гг., т. 1, ч. 1, с. 70]. В списках этого разряда в иных разрядных книгах определение *Таруской* отсутствует [Разрядная книга 1475–1598 гг., с. 34; Милюков, с. 32], что позволяет исследователям идентифицировать князя Ивана Борисовича разряда 7010 г. как удель-

⁶ Иван Никитич Смолда (уп. 1493–1504), архиепископ Иоасаф (уп. 1481–1513/1514), Иван Михайлович Репня (уп. 1491–1523), Андрей Михайлович Пенинский (уп. 1500–1514), Василий Владимирович Каша (уп. 1493–1503) [Хоруженко, с. 179, 180, 215, 224, 254].

⁷ См. указания на эти источники: [Горский, 2004а, с. 158, прим. 237; Горский, 2004б, с. 286, прим. 34; Горский, 2020, с. 121, прим. 510].

ного князя Рузского, племянника Ивана III [Экземплярский, с. 363; Зимин, 1982, с. 192]⁸. Но, вероятно, чтение разрядной книги 1475–1605 гг. хоть и не предпочтительно перед иными редакциями разрядных книг, но в свете показаний помянника вполне допустимо. Судя по данным синодика Усп. 64, какой-то князь Борис Тарусский действительно существовал и мог оставить сына Ивана. Идентификация князя Ивана Борисовича (уп. 1502 г.) как внука (или племянника, см. прим. 3) князя Василия Ивановича Тарусского (уп. 1449 г.), по крайней мере, не вызывает возражений по соображениям хронологии.

Следующее лицо в помяннике князей Тарусских – княгиня-инокия Евфросиния. Можно предположить, что Евфросинию в миру звали Евдокией (Авдотьей). Имеющаяся в настоящее время статистика не позволяет судить, насколько замена мирского имени Евдокия на иноческое Евфросиния была популярна, но, во всяком случае, она была вполне обычна [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., с. 71, 72, 223–224]. Княгиня Авдотья Тарусская известна и по иным источникам.

В разъезжей грамоте Троице-Сергиеву монастырю, датированной периодом 1496–1504 гг.⁹, упоминаются мужи на разъезде «Ѡат(ь)ан Климов, намѣстник кн(а)г(и)нин Ѡвдот(ь)ин торѠские, да Григорей Микитин с(ы)нѣ, кѣнагинин же Ѡвдот(ь)инѣ торѠские» [Акты социально-экономической истории, с. 521, № 610]. Разъезд производился между вотчинами Троицкого монастыря и князей Оболенских-Долгоруковых, расположенными непосредственно на границе будущих Тарусского и Оболенского уездов. Совершенно ясно, что княгиня Авдотья владела по крайней мере западной частью Тарусского княжества, управляя здесь через своих наместников и других должностных лиц. Не особенно рискуя, можно предположить, что княгиня Авдотья управляла княжеством в качестве опекуны своего малолетнего сына (возможно, Ивана Борисовича).

Княгиня Авдотья в качестве уже бывшей тарусской вотчинницы упоминается и в духовной грамоте великого князя Ивана III (1504 г.). В числе прочих владений великий князь отписал своему сыну Василию «горѠд ТорѠсѠ з ГорѠдѠцѠм, и с Ъскан(ь)ю, и с Мышегою, и с КолѠдною, и со кѣнагининскою вотчиною Ѡвдот(ь)иною» [Духовные и договорные грамоты, с. 354, № 89]. В именном указателе к «Духовным и договорным грамотам», где была издана духовная

---

⁸ Для Н. М. Карамзина упомянутое в разряде смоленского похода 1502 г. лицо – «племянник государев Иван Торуский» [Карамзин, т. 6, с. 193]. Предположение о дефектах в тексте разряда смоленского похода 1502 г., помимо близости *Таруской – Рузской*, может опираться на прецеденты: во главе полка левой руки здесь указан не существовавший князь Федор Иванович Рязанской вместо Федора Васильевича. Сам переписчик отметил варианты *Костентин Ушатой Ерославской – Костентин Ерославов* (то есть Оболенский).

⁹ Грамота датирована публикаторами «до конца княжения в[еликого] кн[язя] Ивана III» (то есть 27 октября 1505 г.), но ее следует датировать до 16 июня 1504 г. – первого упоминания его духовной грамоты. В ней княгиня Авдотья отмечена уже как бывшая вотчинница (см. ниже).

Ивана III, княгиня Авдотья определена как «в[еликая] кн[яги]ня, жена в[еликого] кн[язя] московского Дмитрия Ивановича» [Духовные и договорные грамоты, с. 493], с чем трудно согласиться. Определение земель через их столь давнюю владельческую принадлежность (вдова Дмитрия Донского умерла в 1407 г.) маловероятно, к тому же великая княгиня не имела вотчин в Тарусском княжестве¹⁰.

Согласно духовной грамоте 1504 г., в вотчину княгини Авдотьи не входили собственно Таруса (вероятно, с будущим Окологородным станом Тарусского уезда) и волости Городец (соотносится с Городецким станом Тарусского уезда), Искань (правобережная часть Городецкого стана), Мышега (Мышецкий стан) и Колодна (не локализована [Дебольский, ч. 2, с. 42])¹¹. Вероятно, вотчина Авдотьи должна была располагаться в пределах других станов будущего Тарусского уезда: Селицкого, Маковского и Полейского. «Княгининская вотчина Овдотьи-на» в духовной Ивана III уже понимается как вотчина великого князя. Неясно, когда, в какой форме и на каких условиях она была отчуждена от последних тарусских князей. Вероятно, вкладчицей Московского Успенского собора и непосредственной составительницей родового поминания, внесенного в соборный синодик, выступала княгиня Авдотья/Евдокия («[Род княгини] Торвзской»). Имя княгини инокини Евфросинии, внесенное в поминание последним, является, скорее всего, позднейшей допиской.

Помянник князей Тарусских в составе синодика Усп. 64 допускает иные, альтернативные уже сформулированным интерпретации важнейших актовых и делопроизводственных источников XV – начала XVI в. В ряде случаев они могут рассматриваться лишь как допустимые, в других – как вполне достоверные.

Список литературы

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков ; сост. и прим. С. Б. Веселовского. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1. 804 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / подг. к печати Л. В. Черепнин. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Ч. 1. 400 с.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М. : Наука, 1975. 215 с.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий : в 2 т. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 2. 539 с.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. [Вып.] 5. М. : Индрик, 2004а. С. 114–190.

¹⁰ Исследование состава вотчин великой княгини Евдокии Дмитриевны, их локализация в пределах позднейших уездов проведены В. Н. Дебольским [Дебольский, ч. 1, с. 33–34].

¹¹ А. В. Шеков соотносит тарусскую волость Колодну с Колоденским станом Тульского уезда [Шеков, 2012, с. 24, 199, 255; Шеков, 2018, с. 26, 334, 343]. К этой версии следует отнестись с известной осторожностью: тарусские земли и будущий Колоденский стан разделяли земли Алексинского и Тульского уездов.

Горский А. А. Русь : От славянского расселения до Московского царства. М. : Языки славян. культуры, 2004б. 390 с.

Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XII – XV в. М. : Индрик, 2010. 176 с.

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник : [в 2 ч.]. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901–1902. [Ч. 1.] 37 с. [Ч. 2.] 59 с.

Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся : в 20 ч. / изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М. : Тип. Компании типографич., 1788. Ч. 6. V, 506 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. к печати Л. В. Черепнин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 586 с.

Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 42–87.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М. : Мысль, 1982. 333 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М. : Наука, 1988. 350 с.

Истомина Г. И. Описание рукописей Успенского собора // ЧОИДР. 1895. Кн. 3, отд. 2. С. 1–26.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1999. Т. 6. 468 с.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М. : Изд. центр РГГУ, 1995. 238 с.

Миллюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901. 348 с.

ОР ГИМ. Собр. Успенского собора. № 64 (Синодик Московского Успенского собора, XVI в.). 343 л.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, введ. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 3 т. / под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Т. 1. Ч. 1. 188 с.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 340 с.

Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М. : Квадрига, 2019. 480 с.

Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XII – середина XVI в. М. : Квадрига : Рус. панорама, 2012. 364 с.

Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств : Середина XIII – середина XVI в. М. : Квадрига, 2018. 522 с.

Экземлярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. : биогр. очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям : в 2 т. СПб. : Изд. И. И. Толстого, 1891. Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. 706 с.

References

Buganov, V. I. (Ed.). (1966). *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [The Razryad Book of 1475–1598]. Moscow, Nauka. 614 p.

Buganov, V. I. (Ed.). (1977). *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. v 3 t.* [The Razryad Book of 1475–1605. 3 Vols.]. Moscow, Institut istorii SSSR. Vol. 1. Part 1. 188 p.

Buchkova, M. E. (1975). *Rodoslovnyye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Genealogical Books of the 16th and 17th Centuries as a Historical Source]. Moscow, Nauka. 215 p.

Cherepnin, L. V. (Ed.). (1950). *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv.* [Testaments and Treaties of the Grand Princes and Apanage Princes in the 14th – 16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 586 p.

Cherepnin, L. V. (Ed.). (1951). *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaistva XIV–XVI vekov* [Acts of Feudal Landownership and Economy in the 14th – 16th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Part 1. 400 p.

Debol'skii, V. N. (1901–1902). *Dukhovnye i dogovornye gramoty moskovskikh knyazei kak istoriko-geograficheskii istochnik* [Testaments and Treaties of the Muscovite Princes as a Source for History and Geography]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. [Part 1]. 37 p. Part 2. 59 p.

Ekzempl'yarskii, A. V. (1891). *Velikie i udel'nye knyaz'ya severnoi Rusi v tatarskii period, s 1238 po 1505 g.: biograficheskie ocherki po pervoistochnikam i glavneishim posobiyam v 2 t.* [Grand Princes and Apanage Princes of Northern Rus' in the Tatar Period, from 1238 to 1505: Biographical Essays on Primary Sources and Major Guides. 2 Vols.]. St Petersburg, Ed. by I. I. Tolstoy. Vol. 2. Vladetel'nye knyaz'ya vladimirskikh i moskovskikh udelov i velikie i udel'nye vladetel'nye knyaz'ya suzdal'sko-nizhegorodskie, tverskie i ryazanskie. 706 p.

Gorskii, A. A. (2004a). Moskovskie “primysly” kontsa XIII – XV v. vne Severo-Vostochnoi Rusi [Moscow Properties in the Late 13th – 15th Centuries outside Northeastern Rus']. In *Srednevekovaya Rus'*. [Iss.] 5. Moscow, Indrik, pp. 114–190.

Gorskii, A. A. (2004b). *Rus'*. *Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva* [Rus'. From Slavic Settlement to the Tsardom of Muscovy]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 390 p.

Gorskii, A. A. (2010). *Ot zemel'k velikim knyazheniyam: “primysly” russkikh knyazei vtoroi poloviny XII – XV v.* [From Lands to Grand Principalities: The “Primysly” of the Russian Princes in the Second Half of the 12th – 15th Centuries]. Moscow, Indrik. 176 p.

Grekov, B. D., Veselovskii, S. B. (Eds.). (1952). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. v 3 t.* [Acts of the Economic and Social History of Northeastern Rus' in the Late 14th – Early 16th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 804 p.

Istomin, G. I. (1895). *Opisanie rukopisei Uspenskogo sobora* [Description of the Manuscripts of the Dormition Cathedral]. In *ChOIDR*. Book 3. Part 2. Department 2, pp. 1–26.

Karamzin, N. M. (1999). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12 t.* [History of the Russian State. 12 Vols.] / ed. by A. N. Sakharov. Moscow, Nauka. Vol. 6. 468 p.

Khoruzhenko, O. I. (2019). *Istoricheskaya geografiya Obolenskogo uyezda XVII–XVIII vekov* [A Historical Geography of Obolensk Uyezd in the 17th – 18th Centuries]. Moscow, Kvadriga. 480 p.

Kobrin, V. B. (1995). *Materialy genealogii knyazhesko-boyarskoi aristokratii XV–XVI vv.* [Materials for the Genealogy of the Princely and Boyar Aristocracy in the 15th–16th Centuries]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 238 p.

Milyukov, P. N. (1901). *Drevneishaya razryadnaya kniga ofitsial'noi redaktsii (po 1565 g.)* [The Oldest Razryad Book of the Official Redaction (to 1565)]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnosti rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 348 p.

Novikov, N. (Ed.). (1788). *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika, soderzhashchaya v sebe sobranie drevnostei rossiiskikh, do istorii, geografii i genealogii rossiiskoi kasayushchikhsya v 20 ch.* [An Old Russian Library Containing a Collection of Russian Antiquities Relating to Russian History, Geography, and Genealogy. 20 Parts]. 2nd Ed. Moscow, Tipografiya Kompanii tipograficheskoi. Part 6. V, 506 p.

OR GIM [Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. *Sobranie Uspenskogo sobora*. No. 64. Sinodik moskovskogo Uspenskogo sobora, XVI v. 343 l.

Shekov, A. V. (2012). *Verkhovskie knyazhestva. Seredina XII – seredina XVI v.* [Upper Oka Principalities. The Mid-12th – Mid-16th Centuries]. Moscow, Kvadriga, Russkaya panorama. 364 p.

Shekov, A. V. (2018). *Politicheskaya istoriya i geografiya Verkhovskikh knyazhestv. Seredina XIII – seredina XVI v.* [The Political History and Geography of the Upper Oka Principalities. The Mid-13th – Mid-16th Centuries]. Moscow, Kvadriga. 522 p.

Uspensky, B. A., Uspensky, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Rus⁷]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 340 p.

Vlas⁴ev, G. A. (1906). *Potomstvo Ryurika: materialy dlya sostavleniya rodoslovii v 2 t.* [Rurik's Posterity: Pedigree Materials. 2 Vols.]. St Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg. Vol. 1. Knyaz'ya Chernigovskie. Part 2. 539 p.

Zimin, A. A. (1958). Sostav Boyarskoi dumy v XV–XVI vv. [Personnel of the Boyar Duma in the 15th – 16th Centuries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1957*. Moscow, Izdatel'svo Akademii nauk SSSR, pp. 42–87.

Zimin, A. A. (1982). *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletii (ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii)* [Russia at the Turn of the 16th Century (Essays on Social and Political History)]. Moscow, Mysl'. 333 p.

Zimin, A. A. (1988). *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v.* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Centuries]. Moscow, Nauka. 350 p.

The article was submitted on 10.06.2020

**СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ ИЗ РОДА БАЙМАКОВЫХ-
РЕЗАНОВЫХ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА***

Андрей Беляков

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**SERVICE TATARS IN THE DIPLOMATIC SERVICE
OF THE MUSCOVITE STATE:
THE BAYMAKOV-REZANOV FAMILY**

Andrey Belyakov

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Very little is known about diplomatic professionals specialising in eastern affairs in the Muscovite state until the seventeenth century. The issue has only occasionally been touched upon in some research works. This is explained by the limited number of surviving sources. For this reason, the Baymakov-Rezanov family is unique, as the extant data make it possible to trace the uninterrupted service of this clan's representatives over the course of a century. This is thanks to cadastres and embassy records from both sides, a few extant documents from the Ambassadorial Prikaz, and the family's persistent nickname. Ambassadorial service was a family business where traditions were passed from generation to generation, from elder sons to younger ones. Several generations of Baymakov-Rezanovs took part in organising the diplomatic contacts of the Muscovite state with Muslim countries as reconnaissance riders (Rus. *stanichniki*) and interpreters (Rus. *tolmachi*). They repeatedly headed diplomatic missions and were very well paid for their work. The examination of their family's story makes it possible to observe the organisation of diplomatic service from a longer historical perspective. Initially, the technical side

---

* *Citation:* Belyakov, A. (2021). Service Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: The Baymakov-Rezanov Family. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 886–901. DOI 10.15826/qr.2021.3.616.

Цитирование: Belyakov A. Service Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: The Baymakov-Rezanov Family // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 886–901. DOI 10.15826/qr.2021.3.616 / Беляков А. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 886–901. DOI 10.15826/qr.2021.3.616.

of contacts with the countries of the east was organised by princely Tartars, who served the grand prince proper. They were provided with land close to Moscow. Gradually, they started forming smaller groups of specialists, such as translators (Rus. *bakshei*), *tolmachi*, *stanichniki*, and the newly baptised (Rus. *novokrescheny*). This structure was largely destroyed by the Time of Troubles. This affected the circle of people recruited to the service; it grew considerably and was quite often created in accordance with the demands of the moment. Over time, it was predominated by service Tartars from Meshchera. The classic model of the peripheral staff of the Ambassadorial Prikaz, consisting of translators and *tolmachi*, only formed in the mid-seventeenth century as inherited positions dwindled significantly.

Keywords: Muscovite state in the sixteenth and seventeenth centuries, Ambassadorial Prikaz, Baymakov-Rezanovs, service Tartars, *stanichniki*, *tolmachi*

О профессионалах, привлекавшихся к дипломатической службе на восточном направлении в Московском государстве до XVII в., нам известно очень мало. В разных аспектах данная проблематика поднималась только в отдельных работах. Главная причина этого кроется в плохой сохранности документов. На общем фоне ситуация с семьей служилых татар Баймаковых-Резановых уникальна. Источники позволяют проследить непрерывную службу представителей рода более чем за столетие. Это стало возможным благодаря взаимному дополнению сведений писцовых и посольских книг, немногочисленным сохранившимся документам Посольского приказа, а также устойчивому бытованию родового прозвища. Посольская служба являлась длительное время семейным делом. Ее секреты передавались от отца к сыну, от старшего брата к младшему. Несколько поколений семьи Баймаковых-Резановых непосредственно участвовали в организации дипломатических контактов Московского государства с мусульманскими странами в качестве станичников и толмачей. Их неоднократно ставили во главе дипломатических миссий. За свою службу они получали высокое материальное вознаграждение. Сделанные благодаря изучению истории семьи наблюдения позволяют взглянуть на организацию дипломатической службы в широкой исторической перспективе. Первоначально технической организацией контактов со странами Востока занимались великокняжеские татары, служившие непосредственно самому великому князю. Их селили и наделяли землей в непосредственной близости от Москвы. Постепенно из них стали выделяться узкоспециализированные категории служащих: переводчики (бакшеи), толмачи, станичники, новокрещены. Данная структура оказалась в значительной мере разрушена событиями Смутного времени. В первую очередь это касалось круга лиц, из которых набирались служащие. Он значительно расширился и во многом стал сиюмоментным. Постепенно здесь начали преобладать служилые татары из Мещеры. Классическая модель состава вспомогательных служащих Посольского приказа, состоящая из переводчиков и толмачей, сложилась только к середине XVII в. При этом степень наследственности для подобной службы серьезно сократилась.

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII вв., Посольский приказ, Баймаковы-Резановы, служилые татары, станичники, толмачи

Архив Посольского приказа является одним из наиболее сохранившихся из всех собраний документов центральных органов власти России XVI–XVII в. Но материалы по персональному составу внешнеполитического ведомства в нем в подавляющем большинстве относятся к XVII – началу XVIII в. Здесь мы имеем возможность в достаточной мере выявить структуру служащих приказа [Лисейцев; Куненков; Беляков, 2017; Беляков, Гуськов и др.]. А вот наши знания о служащих внешнеполитического ведомства XVI в. остаются на уровне развития исторической науки начала XX в. [Белокуров; Савва, 1917; Савва, 1983]. Однако без четкого понимания того, как формировалась и эволюционировала посольская служба на раннем этапе, мы не можем понять природу изменений в период ее расцвета в XVII в. В последнее время наметилась положительная тенденция в изучении великокняжеских служилых татар, без которых дипломатические контакты со странами Востока были немыслимы [Зайцев; Моисеев, 2016; Виноградов; Моисеев, 2017; Моисеев, 2019]. Созданы предпосылки для написания исследований по отдельным семьям, служившим на дипломатическом поприще не одно поколение. Полученные результаты позволяют лучше понять процессы, протекавшие в Посольском приказе в XVI–XVII вв., и значительно скорректировать устоявшиеся в науке представления.

Из всех категорий служащих внешнеполитического ведомства служилые татары были единственными, кто создавали устойчивые семейные кланы, фиксируемые не одно поколение. Имеющиеся источники позволяют вычлнить целый ряд подобных семей. В данной работе рассматривается судьба служилых татар Резановых-Баймаковых.

20 июня 1520 г. Василий III отпустил из Москвы в Константинополь посольство во главе с Василием Третьяком Михайловым сыном Губиным. В состав миссии включили группу служилых татар, возглавлявшихся Девлет-Чаром (Чара, Чараб) Баймаковым (Имаковым): «...и иных татар Девлет-Чару толмачити велел». Вместе с Девлет-Чаром в посылку отправили и его младшего брата Резана (Рязан). Братьям, в частности, поручили вести тайные переговоры о возможном выезде в Москву крымских царевичей Саадет-Гирея б. Менгли-Гирея и Геммет-Гирея б. Ахмада [Моисеев, 2006, с. 491–492]. Девлет-Чар являлся ключевой фигурой при общении с мусульманами как по дороге в Турцию, так и непосредственно в Константинополе. В наказе отмечалось: «А в Азове Третьяку от великого князя кадыю и бургану поминок и грамота послати с Девлет-Чаром, да с ним казака, а самому Третьяку с грамотою и с поминком не ходити ни к кому» [Сборник РИО, т. 95, с. 682, 691–694, 700–701]. Некто Девлетчар Баймаков (голова?) в мае 1549 г. во главе отряда поместных татар был послан в Козельск. Там им следовало давать по денный корм по полуденге и на десять лошадей по осьмине овса [Акты, с. 51]. Других сведений о Девлет-Чаре обнаружить не удалось.

Братья явно происходили из числа великокняжеских служилых татар, испомещенных под Москвой и обеспечивавших дипломати-

ческие контакты со странами Востока [Зайцев]. Эта служба являлась наследственной. Ее секреты передавались от отца к сыну, от старшего брата к младшему. Это видно на примере Девлет-Чара и Резана. Для Резана посылка не была первой, иначе ему не поручили бы вести самостоятельные переговоры с царевичем Геммет-Гиреем. Братья пользовались авторитетом как грамотные специалисты. В 1538 г. крымский хан Сахиб-Гирей писал Ивану IV: «присылал еси с Микитою толмача, ни слова говорити знает, ни сам догодаетца, толмачи Рязан да Девлетчар и сами говорити умеют, и от людей сказати умеют же, таков толмач надобе» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 537–537 об.]. Девлет-Чар, о котором говорится в документе, это не брат Резана, а его тезка, представитель другого рода великокняжеских татар – Девлет-Чар Бахметев сын Белов. В посольских книгах служилые татары зачастую называются только по именам или же по имени и отчеству. Это значительно усложняет их точную идентификацию. Известных по документам станичных голов Мамкея и Келдиша Девлетчаровых мы не можем отнести к рассматриваемой семье. А вот посланный в Крым в конце 1530-х – начале 1540-х гг. казак Акелдиюр Баймаков может претендовать на родство с ними [Опись, 1990, с. 376].

В следующий раз Резан встречается на страницах посольских книг в 1539 г. Крымский Ибрагим-паша просил у Ивана IV опасную грамоту с печатью, «штобы были мы, в котором в твоём украинном городе» для литовской войны. Письменную просьбу дополнительно продублировали через толмача Резана [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 578 об. – 579 об.]. 7 ноября 1542 г. в Москву прибыло посольство от бия Ногайской Орды Ших-Мамаю. В ответ к бию послали Резана и Темира Агишева с великокняжескими грамотами [ПСРЛ, т. 13, с. 140, 439]. В источнике он один раз назван Баимовым, а другой – Баймаковым. Но речь явно идет о нашем герое. Тем самым, ему поручалась самостоятельная миссия. При этом в подчинении Резана оказались как казаки его станицы, так и казаки Темира Агишева. В ногайских степях служилому татарину удалось наладить хорошие связи. В 1548 г. от бия Юсуфа в Москву пришла грамота с гонцом, который отрекомендован следующим образом: «А грамоту послал еси с Резановым названным сыном со Аккулуем» [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг., с. 243]. В 1550 г. уже бий Исмаил просил прислать к нему «сына боярского или дву, да Рязана» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 3. Л. 91.]. Резан более не встречается на страницах посольских книг. Как и его старший брат, он со временем стал называться толмачом (переводчиком устной речи). Этот факт совсем не говорит о том, что они не имели навыков письменного перевода. Термин «переводчик» нечасто употребляется по отношению к специалистам по иностранным языкам в XVI в., он утвердился в приказной практике только в последней четверти XVI в. В описи Царского архива XVI в. в документах о приведении к вере иноземцев, владевших языками, о них вообще

не упоминается: «тетрадь толмачей и новокрещенов, приведены к целованию» [Описи, с. 39].

Осенью 1534 г. к Волошскому воеводе Петру (Петр IV Рареш Молдавский) с сообщением о смерти Василия III и о вокняжении его сына Ивана IV послали татарина Бахтияра (Бахтеара) Баймакова [ПСРЛ, т. 13, с. 80]. Это еще один брат из семьи Баймаковых. В июле 1553 г. он был отправлен в Ногайскую орду к мирзе Исмаилу. Тогда же к Касай мирзе послали племянника Бахтияра Девлет-Хозю (Ходжу) Резанова [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг., с. 122, 132, 134]. В июле 1554 г. из ногайской посылки вернулся Бисуб (Бисуп) Бахтеяров. Был ли он сыном Бахтеяра Баймакова, мы на настоящий момент однозначно сказать не можем. В это же время упоминается еще один член семьи: 26 апреля 1555 г. из Темникова в Москву прислали татарина Кудояра Баймакова, посланного перед этим с Петром Тургеневым в Астрахань [Там же, с. 154–154].

В сентябре 1557 г. в Москву из Сибири в сопровождении сибирского посла вернулись Девлет-Хозя и Собаня (Собан, Собаней) Резановы. Они посылались принимать шерть у Тайбугида князя Едигера и собирать дань с подвластных ему племен: «да грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю положил» [ПСРЛ, т. 13, с. 285]. Братья возглавляли эту миссию. Это известие ставит вопрос об уровне грамотности Девлет-Хози и Собаней, ведь они должны были следить за проходившей процедурой шертования. При этом им следовало уделять внимание как обрядовой части, так и фиксации тех обязательств, что брала на себя сибирская сторона на бумаге. По-видимому, братья хорошо владели и русским языком, в том числе и письменным. Наказы послам и посланникам писались на русском языке. На нем же в архив приказа поступали статейные списки участников дипломатических миссий. Собаней посылался в Сибирь еще как минимум один раз. В ноябре 1559 г. он приехал в столицу с частью очередной дани [Там же, с. 313]. Это позволяет предположить, кто из служилых татар сопровождал Третьяка Чабукова, когда он осенью 1571 г. поехал принимать шерть хана Кучума, пришедшего к этому времени к власти в Сибири [Беляков, 2021]. Шертование проходило на татарском языке. Третьяку требовалось переводить то, что происходило при этом. Также необходимо было переводить и речь русского посланника сибирскому хану. Девлет-Хозя и Собан оказались лучшими претендентами для этого, тем более что в этот период они не отмечены в других посылках.

Весной 1558 г. Бахтияр Баймаков вновь посылается в Ногайскую орду, на этот раз в составе посольства Елизария Мальцева [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг., с. 264].

Как мы видим, на первый план выходят представители второго поколения семьи, дети Резана. Собана Резанова отправили в июле 1560 г. в Ногайскую орду вместе с послами бия Исмаила [Там же, с. 320].

По-видимому, его миссия оказалась успешной. В августе 1561 г. Собаней во главе станицы из пяти человек опять отправляется к бию Исмаилу [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг., с. 338]. 16 декабря 1561 г. в Крым с грамотой послали Девлет-Хозя Резанова во главе станицы служилых татар [ПСРЛ, т. 13, с. 339; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 12 об.]. В июле 1563 г. он вновь привозил грамоты крымскому хану [Моисеев, 2016, с. 179]. 8 сентября 1564 г. Девлет-Хозя вернулся из следующей крымской посылки [ПСРЛ, т. 13, с. 369]. В следующий раз он фиксируется в Крыму в 1567 г. [Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг., с. 69].

Вновь на страницах посольских книг встречается Бисуб Бахтеяров. Осенью 1563 г. он отправлен в Ногайскую Орду к бию Исмаилу [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг., с. 95]. По дороге стало известно о смерти Исмаила. Боясь очередных неурядиц в Ногайской Орде, станица с поминками, полагавшимися бию и мирзам, зазимовала в Астрахани [Там же, с. 125]. Бисуб позднее отдаст поминки Михаилу Тимофееву, а сам по государеву указу отправится в Москву [Там же, с. 130]. Но вернулся в Москву он только в октябре 1564 г. вместе с посольством М. Петрова [Там же, с. 169].

В декабре 1566 г. в Крыму в составе миссии Л. З. Новосильцева отмечен Бидей (Бибей) Бахтеяров [Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг., с. 84]. Похоже, это еще один сын Бахтеяра Баймакова. На это указывает тот факт, что в состав миссии были включены его предполагаемые двоюродные братья, более опытный Девлет-Хозя и Собаня Резанов. Все трое отмечены толмачами, хотя Собаня и Девлет-Хозя называются при этом и станичными головами [Там же, с. 69, 77, с. 94]. В посольской книге упоминаются дары, полученные членами миссии от крымского хана «на приезд»: царь дал Девлет-Хозе кутню¹, а татарам и кречетникам пожаловал по кафтану да по «сапозем» [Там же, с. 116]. Тем самым дается указание на старшинство Девлет-Хозя. Собаня отмечен в Крыму и после возвращения Л. З. Новосильцева, до августа 1569 г. Служилый татарин в столь долгой посылке вынужден был занять деньги «на харч». Позднее занятые им 24 руб. были заплачены из государевой казны [Там же, с. 253, 321–322]. В литературе встречается ошибочное утверждение о том, что Собаня входил в миссию А. Ф. Нагова, находившегося в Крыму с 1563 по 1573 г. [Путешествия, с. 373], но это не так. Собаня побывает в Крыму и в составе миссии И. Мяснова. Он вернется в Москву в 1577/78 г. [Опись, 1990, с. 379]. В это же время, весной 1565 г., в Ногайскую Орду во главе станицы служилых татар послали еще одного сына Резана, Ураза. Это стало началом его карьеры. Станица Ураза была отправлена к мирзе Тиналею б. Кошуму. В общем списке адресатов имя мирзы находилось

¹ Кутня – бухарская ткань из шелка и хлопка, обычно полосатая [Словарь русского языка XI–XVII вв., т. 8, с. 148].

на шестом месте из восьми. При этом Ураз не возглавлял миссию, а только был приставлен к сыну боярскому Ивану Елизарову сыну Михнову [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг., с. 122, 172].

В 1570-е гг. представители рода продолжают регулярно отмечаться как участники посольских посылок. В 1570 г. Девлет-Хозя отправили в Турцию в составе миссии И. П. Новосильцева [Путешествия, с. 73, 78, 93, 99]. В грамоте от февраля 1572 г. крымский хан Девлет-Гирей утверждает, что Собаней остался должен 50 руб. его слуге Ибрагиму. Иван IV велел заплатить эти деньги из своей казны [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг., с. 110]. 26 октября 1576 г. Девлет-Хозя отправляется в Крым в составе миссии посланника Е. Л. Ржевского [Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг., с. 263]. В 1577 г. в Ногайскую Орду посылался Ураз Резанов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 34 об.]. В 1578/79 г. он вновь едет в Ногайскую Орду с сыном боярским П. Девочкиным. Посылка растянулась на два года, а когда их наконец отпустили в Россию, то ограбили, отняли имущество и всех их людей. Посольские посылки были делом трудным и опасным. Мы знаем множество случаев ограблений, избиений и даже убийств переводчиков и толмачей, отправлявшихся в мусульманские страны (в первую очередь в Крым). Однако это также была хорошая возможность поправить свое материальное положение путем проведения различных торговых операций.

Сохранились челобитные станичников Посольского приказа 1588 г. об увеличении их жалования за крымскую посылку в посольстве с И. Мясным. В них содержатся интересные сведения о Собанее. Оказывается, он служил еще в 1588 г. и имел значительное жалование: поместный оклад в 400 четей и годовой денежный оклад в 30 руб. [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1584 г. Д. 1. Л. 3]. В Коневском стане Коломенского уезда ему принадлежало 376 четей с полуосминою земли, 200 копен сенокосов и 11 десятин леса [Писцовые книги, с. 415–416; Моисеев, 2017]. У него также фиксируется поместье в Замыцкой волости Московского уезда [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Москва. Кн. 9839. Л. 674–679; Оп. 1. Кн. 9808. Л. 415 об. 418, 454–457]².

Девлет-Хозя также был еще жив. В 1588/89 г. он получил ввозную грамоту на половину деревни в Перемышльской волости Московского уезда [Антонов, № 2734]. Тогда же впервые отмечен Куводердей (Кудобердей) Уразов сын Резанов. В 1584/85 г. он получил ввозную грамоту на жеребей села в той же Перемышльской волости Московского уезда [Там же, № 2733]. Возможно, Девлет-Хозя скрывается под именем толмача Девлета, проживавшего в Нижнем Новгороде с 1591 по 1593 г. у крымской царицы Ертуган, вдовы царевича Мурад-Гирея. Он же сопровождал ее до Новосилия, где царицу должны были передать крымским послам [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 85, 225].

² Указано А. В. Дедуком.

Позднее начал службу в станичниках (голова) Девлекей Девлет-Хозин (Девлеткозин) сын Резанов. В марте – августе 1610 г. он ездил с посланником П. Вражским в Ногайскую Орду. В 1613 г. с гонцом В. Пургусовым посылался в Крым. В 1613–1614 гг. ездил туда же в составе миссии С. Протасьева. В 1614 г. с толмачом Т. Баубековым вновь посылался с грамотами в Крым. В 1615–1616 гг. был направлен с грамотами в Хиву, в июле 1617 г. послан с грамотой в Турцию. В сентябре 1619 г. приехал в Москву с крымским гонцом Сеиф-уланом [Лисейцев, с. 388; Опись, 1977, с. 78].

28 марта 1615 г. в Серпухов запечатали грамоту по челобитью станичного головы Девлекея Резанова с товарищами на 188 четей помещной земли. Под «товарищами», возможно, скрываются служилые татары его станицы. Станица Посольского приказа, как правило, состояла из пяти человек. В ее состав могли входить и родственники Девлекея. Несколько ранее, 4 апреля 1613 г., по челобитью служилых татар Посольского приказа Девлеткилдея Резанова с братом запечатали грамоту в тот же Серпухов о пожаловании им поместья в 60 четей [Документы, с. 69, 354]. Вскоре после смерти Девлекея его семья перешла в православие, жена стала Авдотьей Ивановной, а дочь – Соломонидой. Авдотья вышла замуж за стрелецкого сотника И. В. Алалыкина. Соломониду выдали за К. Н. Товодакова (Тойдакова, Товойдакова), иноземца «гречанина», который в 1621/22 г. был записан в дворяне [Боярская книга, с. 208; Белоусов, с. 392]. Девлекей за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском был пожалован переводом части его поместий в Перемышльской волости в вотчину. В 1633 г. Соломонида и ее дядя Петр Девлеткозин продали часть вотчины З. Шишкину, остальные земли стали приданым Соломоницы [Записные вотчинные книги, № 5978–42, 5977–30, 5980–19]. В семье еще один человек получил перевод части поместий в вотчину за московское осадное сидение, правда, 1618 г., когда город пытался захватить польский королевич Владислав, это Ураз Девлет-Козин (Ураздевлей Козин сын Резанов). География его землевладения несколько шире: Московский уезд – Перемышльская и Замыцкая волости, Боровский уезд – Галицкая волость. Возможно, вотчину получил и Филипп Резанов [Памятники, с. 85, 86, 175].

У Девлет-Хозея имелся еще один сын, Исенгильдей. 24 апреля 1607 г. Исенгильдей Девлеткозин был отправлен с гонцом С. Ушаковым в Крым. Он имел поместья в Московском, Коломенском и Юрьевском уездах [Лисейцев, с. 387].

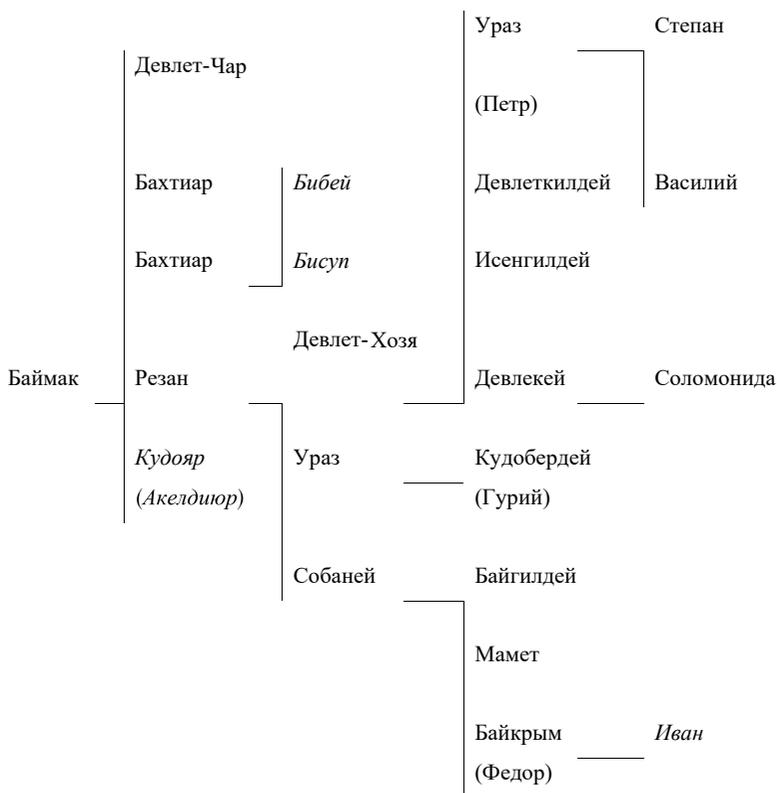
Сыном Собани Резанова был Байгилдей Собанин. В 1603/04 г. его отправили в Крым с А. Хрущовым. Оттуда он вернулся в Москву, сопровождая крымского гонца. В 1606 г. он был отправлен в Крым с посольством А. Воейкова и вернулся в Москву в начале 1607 г., а 24 апреля 1607 г. вновь был отправлен в Крым с С. Ушаковым. Ему принадлежали поместья в Московском, Коломенском и Юрьевском уездах. Позднее он ездил в Крым с В. Пургусовым (вернулись раньше

марта 1610 г.). В июле 1611 г. находился в первом ополчении и был отправлен в Рязань на переговоры с ногайскими мурзами. Последний раз встречается в документах Посольского приказа в 1613/14 г. [Лисейцев, с. 387]. В 1626 г. станичный татарин Мамет Собанин был послан в Крым [Беляков, 2017, с. 183; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 40. Л. 22; 1626 г. Д. 59. Л. 99]. В 1630–1631 гг. в приказе отмечен толмач (станичник) поместный новокрещен Федор (Байкрым) Сабанеев (Собанин) [Куненков, с. 481], отправленный в Крым [РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1630 г. Д. 3. Л. 10; 1631 г. Д. 4. Л. 6 об.]. Позднее в Посольском приказе упоминается станичник Иван Сабанин, возможно, сын Федора [РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 1].

После Смуты Резановы начинают переходить в православие. Ураз Девлет-Хозин становится Петром, а его дети – Степаном [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. Д. 4. Л. 135 об.] и Василием [Записные вотчинные книги, № 5996–14], Байкрым Девлет-Хозин – Федором [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Москва. Кн. 9839. Л. 674–679], Кувобердей (Кудобердей) Уразов – Гурием [Памятники, с. 530]. Михаил Егилдеев сын Резанов, возможно, приходился внуком Собанею Резанову. О его землевладении сказано: «что было преж того за тотарином за Собанею Резановым» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Москва. Кн. 9839. Л. 674–679; Оп. 1. Кн. 9808. Л. 415 об. –418, 454–457]. Некоторых представителей рода из-за отсутствия отчеств нельзя точно встроить в общую генеалогическую схему: это Резанов Клементий и его дочь Ульяна [Записные вотчинные книги, № 5970–13], Филипп Резанов [Памятники, с. 86]. Предположим, что Филипп был сыном или внуком Собанея Резанова, унаследовавшим его коломенское поместье (см. рис.).

С 1580-х гг. за представителями рода отмечаются поместья в Замыцкой волости Московского уезда. Но есть указания на то, что первоначально землевладение рода находилось в Коломенском уезде. Так, Федор Резанов назван коломенским новокрещеном [Памятники, с. 86], а Ульяна Клементьева была замужем за коломенским новокрещеном А. И. Богатыревым [Записные вотчинные книги, № 5970–13]. Об этом же говорит и обширное поместье Собанея Резанова в Коломенском уезде. В 1577/78 г. в Комареве стане Коломенского уезда был испомещен некто Гришка Резанов. В Большом Микулине стане упоминается некий Гуля Собаев. К тому же здесь отмечен топоним – селище Резаново [Писцовые книги, с. 337, 396–397, 543–544]. По-видимому, они имели самое прямое отношение к коломенским великокняжеским служилым татарам XV–XVI вв. [Зайцев].

Проследить историю семьи Резановых-Баймаковых более чем за сто лет удалось благодаря сочетанию нескольких факторов: это устойчивое сохранение родового прозвища, компактное размещение землевладения семьи, упоминание их совместных служб. Большую часть этого времени они являлись станичниками. На рубеже XVI–XVII вв. регулярно фиксируются случаи, когда должность станичного головы передавалась по наследству от отца к сыну. Однако у Ре-

Родословная Баймаковых-Резановых³

зановых имеется особенность: все известные представители семьи в XVI в. являлись станичными головами, при этом их общая численность постепенно возрастала к концу XVI в. Указывает ли рост количества Резановых на общее увеличение численности станичников Посольского приказа, или же это фиксация постепенного влияния семьи во внешнеполитическом ведомстве, мы не знаем.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют создать всеобъемлющей картины развития института великокняжеских татар. Но сделанные наблюдения дают возможность предположить, как происходила трансформация данной этнической группы. Неизвестно, насколько замкнута была эта корпорация. Можно только догадываться, когда она возникла как необходимый элемент для надежных контактов с Золотой Ордой, а далее с государствами Востока. Однако ее базовые структурные элементы сформировались, по-видимому, очень быстро. Определяющим понятием было «вели-

³ Курсивом отмечены лица, которых нельзя однозначно отнести к рассматриваемому роду.

кокняжеский служилый татарин» (с середины XVI в. – «служилый татарин Посольского приказа»). Этот статус получали за личную службу великому князю (царю). Он выделял его обладателя из массы иных служилых татар. О численности этой категории служилых людей сведений немного. На рубеже XV–XVI вв. их было не менее 150 человек. Но одновременно с сокращением числа мусульманских государств, с которыми были установлены устойчивые дипломатические контакты (захват Москвой Казанского, Астраханского и Сибирского ханств), их численность сокращается.

На рубеже XVI–XVII вв. мы наблюдаем несколько десятков станичников Посольского приказа. Внутри себя они дробились на наименьшие структурные единицы, способные самостоятельно выполнять поставленные перед ними задачи, – станицы, во главе каждой из которых стоял станичный голова. Неизвестна их изначальная численность. Возможно, она равнялась привычному для ордынцев десятку или же более позднему котлу/кошу. За основу последнего бралось количество людей, которых можно было накормить из одного котла. В XVI в. станица чаще всего состояла из пяти человек. В зависимости от конкретной задачи в посылку могли отправить как одну, так и несколько станиц одновременно. Изначально великокняжеские татары призваны были сопровождать людей, посылавшихся в ставку к хану, или же самостоятельно доставлять ту или иную корреспонденцию, или же сообщать известия устно. В их функции входили обязанности более поздних гонцов и приставов. При сопровождении русских посланников, не владевших татарским языком или же знавших его в недостаточной мере, они должны были выступать в роли переводчиков. Судя по данным посольских книг, термины «толмач» и «станичный голова» выступают как синонимы. До конца XVI в. понятие «переводчик» практически не встречается. Мы вправе предположить, что станичные головы одновременно могли выступать в роли переводчиков как устной (толмачей), так и письменной (собственно переводчиков) речи.

Требования к рядовым станичникам были несколько ниже. Но изъясняться на русском и татарском языках они были обязаны. Роль станичников-толмачей в XVI–XVII вв. во время дипломатических посылок являлась первостепенной. Русских представителей посольских миссий в страны Востока сильно ограничивали в свободе передвижения. Поэтому именно на станичников падала обязанность сбора различных известий и слухов, а также создания агентурной сети среди местного населения. В какой-то момент стали особо выделяться лица, знавшие несколько языков и разбирающиеся в тонкостях арабской графики. В ряде случаев русские источники называют их бакшеями и переводчиками [Моисеев, 2019; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 1 об., 2].

В последней четверти XVI в. наметился процесс специализации служилых татар на переводчиков, толмачей и станичников, но даже в первой четверти XVII в. он не был окончательно завершен [Лисейцев]. Служба в толмачах стала более престижной и денежной. В пер-

вой половине XVII в. станичники регулярно подавали челобитные о верстании их в толмачи. В случае принятия православия они могли претендовать на попадание в нижнюю страту государева двора.

Постепенно происходит упрощение этой структуры. К середине XVII в. в составе внешнеполитического ведомства остаются только переводчики и толмачи. Станичники как особое подразделение постепенно ликвидируются или же передаются в ведение иного приказа. В обязанности толмачей включается большое количество ранее не свойственных им функций: посылки в другие приказы, содержание колодников, закупка товаров для приказного обихода и др. Кардинально меняется и база комплектования толмачей: на смену потомкам великокняжеских служилых татар приходят мещерские и романовские татары, недавние выходцы с Востока и русские военнопленные, пожалованные в толмачи за «выход и полное терпение». А после 1646 г. обязательным условием службы в толмачах стало исповедование православия [Куненков; Беляков, 2017]. В среде переводчиков восточных языков все активнее проявляется тенденция к засилью выходцев из Мещеры. Исключением остаются специалисты по персидскому и арабскому языкам: ими по преимуществу становились недавние выходцы из Средней Азии, Персии или же астраханские жители [Беляков, Гуськов и др.]. Рубеж XVI–XVII вв. ознаменовался еще одним серьезным новшеством: если ранее служилые татары помещались в непосредственной близости от Москвы, то теперь география распространения поместий стала значительно шире, но с явным преобладанием Мещеры.

Так история семьи Резановых-Баймаковых позволяет нам показать, как эволюционировала система служилых татар, привлекавшихся к несению дипломатической службы в Московском государстве. Это только предварительные наблюдения, ставящие задачи на перспективу для того, чтобы детально понять, как работал институт служилых великокняжеских татар.

Список литературы

Акты служилых земледельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М. : Археогр. центр, 1997. Т. 1. 432 с.

Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатий. Вып. 8. М. : Дрвлекхранилище, 2002. 656 с.

Белокуров С. А. О Посольском приказе. М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1906. 170 с.

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : [Б. и.], 2009. Т. 2. 464 с.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб. : Нестор-История, 2017. 368 с.

Беляков А. В. Русско-сибирские дипломатические контакты по сведениям «Титулярника» 1577 г.: новое прочтение старых документов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 56–65. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.004.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Перевод-

чики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М. : ИРИ РАН, 2019. С. 187–208.

Боярская книга 1639 г. М. : ИРИ РАН, 1999. 266 с.

Виноградов А. В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства с Крымским ханством 60–90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 84–91.

Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1994. 479 с.

Зайцев И. В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае // The Japan Council for Russian and East European Studies : [website]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (accessed: 13.03.2020).

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М. : Древлехранилище, 2010. 1658 с.

Куненков Б. А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство : дис. ... канд. ист. наук. Брянск : [Б. и.], 2007. 586 с.

Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М. : ИРИ РАН, 2003. 485 с.

Моисеев М. В. Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сб. материалов конф. 2002–2004 гг. М. : Древлехранилище, 2006. С. 484–504.

Моисеев М. В. Служилые татары – гонцы Посольского приказа XVI в. : материалы для биогр. словаря // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 175–181.

Моисеев М. В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестн. Ун-та Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–248.

Моисеев М. В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М. : ИРИ РАН, 2019. С. 83–87.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. : в 2 ч. / под ред. С. О. Шмидта. М. : [Б. и.], 1977. Ч. 1. 416 с.

Опись архива Посольского приказа 1673 г. : в 2 ч. / под ред. С. О. Шмидта. М. : [Б. и.], 1990. Ч. 1. 526 с.

Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М. : Вост. лит., 1960. 195 с.

Памятники истории Восточной Европы. Т. 8. Осадный список 1618 г. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. 578 с.

Писцовые книги Московского государства : в 2 ч. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1872. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. 1. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. 924 с.

ПСРЛ : в 46 т. М. : Языки славян. культур, 2000. Т. 13. 544 с.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М. В. Моисеев. М. : Рус. витязи, 2016. 400 с.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. / отв. ред. И. В. Зайцев. М. : Марджани, 2016. 400 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала : Дагестан. книж. изд-во, 1995. 360 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань : Татар. книж. изд-во, 2006. 391 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг. / сост. Д. А. Мустафина. Казань : Татар. книж. изд-во, 2018. 231 с.

Путешествия русских послов XVI–XVII веков / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Наука, 2008. 490 с.

РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8, 20; Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 3; Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1584 г. Д. 1; Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. 1630 г. Д. 3. 1631 г.

Д. 4; Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1625 г. Д. 40. 1626 г. Д. 59. 1589 г. Д. 25; Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1. 1619 г. Д. 4; Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 980. Оп. 2. Москва. Кн. 9839.

Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков : Тип. Т-ва потребителей о-в Юга России, 1917. 401 с.

Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. М. : Ин-т истории СССР Акад. наук СССР, 1983. 422 с.

Сборник РИО – Сборник Русского императорского исторического общества : [в 148 т.]. СПб. : [Б. и.], 1867–1916. Т. 95. 788 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–. Т. 8. 352 с.

References

Antonov, A. V. (2002). Chastnye arkhivy russkikh feodalov XV – nachala XVII veka [Private Archives of Russian Feudal Lords of the 15th – Early 17th Centuries]. In *Russkii diplomatirii*. Moscow, Drevlekhranilishche. 656 p.

Antonov, A. V., Baranov, K. V. (Eds.). (1997). *Akty sluzhilykh zemledel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. Vol. 1. 432 p.

Antonov, A. V., Berelowitch, A., Nazarov, V. D. (Eds.). (2010). *Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.* [The Patrimonial Books of the Domestic Prikaz of 1626–1657]. Moscow, Drevlekhranilishche. 1658 p.

Belokurov, S. A. (1906). *O Posol'skom prikaze* [On the Ambassadorial Prikaz]. Moscow, Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. 170 p.

Belousov, M. R. (2009). *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskii istochnik v 2 t.* [Boyar Lists from 1645–1667 as a Historical Source. 2 Vols.]. Kazan, S. n. Vol. 2. 464 p.

Belyakov, A. V. (2017). *Sluzhashchie posol'skogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Ambassadorial Prikaz, 1645–1682]. St Petersburg. Nestor-Istoriya. 368 p.

Belyakov, A. V. (2021). Russko-sibirskie diplomaticheskie kontakty po svedeniyam “Titulyarnika” 1577 g.: novoe prochtenie starykh dokumentov [Russo-Siberian Diplomatic Contacts according to the *Titulyarnik* of 1577: A New Reading of Old Documents]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (83), pp. 56–65. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.004.

Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (2019). *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: personal'nyi sostav (predvaritel'nye dannye)* [Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th Century: Personnel (Preliminary Data)]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 187–208.

Boyarskaya kniga 1639 g. [Boyar Book from 1639]. (1999). Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 266 p.

Kunenkov, B. A. (2007). *Posol'skii prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo* [The Ambassadorial Prikaz in 1613–1645: Structure, Employees, Paperwork]. Dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, S. n. 586 p.

Likhachev, D. S. (Ed.). (2008). *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vekov* [Travels of Russian Ambassadors of the 16th – 17th Centuries]. St Petersburg, Nauka. 490 p.

Liseitsev, D. V. (2003). *Posol'skii prikaz v epokhu Smuty* [The Ambassadorial Prikaz in the Time of Troubles]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 485 p.

Moiseev, M. V. (2006). Vyezdy “tatar” i vostochnaya politika Rossii v XVI veke [Departures of the “Tatars” and the Eastern Policy of Russia in the 16th Century]. In *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh. Sbornik materialov konferentsii 2002–2004 gg.* Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 484–504.

Moiseev, M. V. (2016). Sluzhilye tatory – gontsy Posol'skogo prikaza XVI v. Materialy dlya biograficheskogo slovarya [Service Tatars – Messengers of the Ambassadorial Prikaz in the 16th Century. Materials for a Biographical Dictionary]. In *Srednevekoveye tyurkotatarskie gosudarstva*. No. 8, pp. 175–181.

Moiseev, M. V. (2017). Zemlevladienie sluzhilykh tatar v Kolomenskom uезде v kontse XVI v. (predvaritel'nye zamechaniya) [Land Ownership of the Service Tatars in Kolomna Uyezd in the Late 16th Century (Preliminary Comments)]. In *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. No. 2, pp. 236–248.

Moiseev, M. V. (2019). Teneshevy-Baksheevy: sem'ya perevodchikov i tolmachei XVI v. [The Teneshev-Baksheevs: A Family of Translators and Interpreters in the 16th Century]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 83–87.

Moiseev, M. V. (Ed.). (2016). *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Embassy Book on Relations of the Muscovite State with the Crimea. 1567–1572]. Moscow, Russkie vityazi. 400 p.

Moiseev, M. V. (Ed.). (2016). *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571–1577 gg.* [The Embassy Book on Relations of the Muscovite State with the Crimea. 1571–1577]. Moscow, Mardzhani. 400 p.

Mustafin, D. A. (Ed.). (2018). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1561–1566 gg.* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1561–1566]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 231 p.

Mustafin, D. A., Trepavlov, V. V. (Eds.). (2006). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1551–1561 gg.* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 391 p.

Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy [Artefacts of the History of Eastern Europe]. (2009). Vol. 8. Osadnyi spisok 1618 g. Moscow, Warszawa, Drevlekhranilishche. 578 p.

Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva v 2 ch. [Muscovite Writing Books. 2 Parts]. (1872). St Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Part 1. Pistsovye knigi XVI veka. Department 1. Mestnosti gubernii Moskovskoi, Vladimirskoi i Kostromskoi. 924 p.

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1489–1549 gg. [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. (1995). Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 360 p.

PSRL v 46 t. [Complete Collection of Russian Chronicles. 46 Vols.]. (2000). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 13. 544 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 123 (Snosheniya Rossii s Krymom). List 1. Book 8, 20; Stock 127 (Snosheniya Rossii s nogaiskimi tatarami). List 1. Book 3; Stock 131 (Tatarskie dela). List 1. 1584 g. Dos. 1; Stock 138 (Dela o Posol'skom prikaze i sluzhivshikh v nem). List 1. 1630 g. Dos. 3. 1631 g. Dos. 4; Stock 141 (Prikaznye dela starykh let). List 1. 1625 g. Dos. 40. 1626 g. Dos. 59. 1589 g. Dos. 25; Stock 150 (Dela o vyezdakh inostrantsev v Rossiyu). List 1. 1619 g. Dos. 4; Stock 1209 (Pomestnyi prikaz). List 1. Book 980. List 2. Moskva. Book 9839.

Savva, V. I. (1917). *O Posol'skom prikaze v XVI v.* [On the Ambassadorial Prikaz in the 17th Century]. Khar'kov, Tipografiya Tovarishchestva potrebitel'skikh obshchestv Yuga Rossii. 401 p.

Savva, V. I. (1983). *D'yaki i pod'yachie Posol'skogo prikaza v XVI veke* [Secretaries and Clerks of the Ambassadorial Prikaz in the 16th Century]. Moscow, Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR. 422 p.

Sbornik RIO – Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva [v 148 t.] [Collection of the Russian Imperial Historical Society. 148 Vols.]. (1867–1916). St Petersburg, S. n. Vol. 95. 788 p.

Schmidt, S. O. (Ed.). (1960). *Opisi Tsarskogo arkhiva XVI v. i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 g.* [Inventories of the Royal Archives of the 16th Century and the Archive of the Ambassadorial Prikaz of 1614]. Moscow, Vostochnaya literatura. 195 p.

Schmidt, S. O. (Ed.). (1977). *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 g. v 2 ch.* [Inventory of the Archive of the Ambassadorial Prikaz of 1626. 2 Parts]. Moscow, S. n. Part 1. 416 p.

Schmidt, S. O. (Ed.). (1990). *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1673 g. v 2 ch.* [Inventory of the Archive of the Ambassadorial Prikaz of 1673. 2 Parts]. Moscow, S. n. Part 1. 526 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language in the 11th – 17th Centuries]. (1975–). Moscow, Nauka. Vol. 8. 352 p.

Veselovsky, S. B. (Ed.). (1994). *Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.)* [Documents of the Book Printing Prikaz (1613–1615)]. Moscow, Nauka. 479 p.

Vinogradov, A. V. (2016). Sluzhilye tatory Posol'skogo prikaza v osushchestvlenii diplomaticheskikh svyazei Russkogo gosudarstva s Krymskim khanstvom 60–90-kh godov XVI veka [Service Tatars of the Ambassadorial Prikaz in the Implementation of the Diplomatic Relations of the Russian State with the Crimean Khanate in the 1560s–1590s]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. No. 8, pp. 84–91.

Zaitsev, I. V. (2013). Velikoknyazheskie sluzhilye tatory v XV – pervoi polovine XVI v. i ikh zemlevladienie v Moskovskom krae [Grand Princely Service Tatars in the 15th – First Half of the 16th Centuries and Their Land Ownership in Moscow Region]. In *The Japan Council for Russian and East European Studies* [website]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaitsev.pdf> (accessed: 13.03.2020).

The article was submitted on 10.04.2020

ДОЛГОВАЯ РАСПИСКА НА ДОЩЕЧКЕ ИЗ МАНГАЗЕИ*

Евгений Вершинин

Институт археологии Севера,
Нефтеюганск, Россия

Георгий Визгалов

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

A PROMISSORY NOTE ON A WOODEN TABLET FROM MANGAZEYA

Evgeny Vershinin

Institute for the Archaeology of the North,
Nefteyugansk, Russia

Georgiy Vizgalov

Surgut State University,
Surgut, Russia

The reason that prompted the authors to write this article was an archaeological artifact (found in 2009 during excavations of the Mangazeya settlement) in the form of a pine tablet with Cyrillic letters carved on it. The analysis of the inscription demonstrates that it was neither an educational text nor a meaningless set of letters. This was a completely coherent document, called “a debt bondage” (Rus. *кабала*) in the seventeenth century and earlier and “a promissory note” later. The document refers to private legal acts, but due to the absence of surnames and the names of witnesses confirming its contents, it is difficult to consider this promissory note a completed legal act. The appearance and content of the tablet refer to similar private legal acts from the northwest of Russia (Veliky Novgorod and Pskov) and demonstrate certain archaic features. This proves the survivability of northern Russian culture in colonised northern Siberia (where

---

* *Citation:* Vershinin, E., Vizgalov, G. (2021). A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617.

Цитирование: Vershinin E., Vizgalov G. A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617 / Вершинин Е., Визгалов Е. Долговая расписка на дощечке из Мангазеи // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617.

for obvious reasons there was a deficit of paper, an already common material in the seventeenth century). The promissory note from Mangazeya is a sample of everyday writing, a rather archaic form of private legal act that existed in the Novgorodian north long before the start of the Russian colonisation of Siberia.

Keywords: Russian epigraphy of Siberia of the seventeenth century, Mangazeya settlement, Novgorod everyday writing of the seventeenth century

Поводом для написания данной статьи послужил археологический артефакт, представляющий из себя сосновую дощечку, на которой вырезаны кириллические буквы (найден в 2009 г. при раскопках городища Мангазея). Разбор надписи показал, что это не учебный текст и не бессмысленный набор букв. Это вполне связный текст документа, который в XVII в. и ранее назывался заемной кабалой, а в наше время называется долговой распиской. Документ относится к виду частных правовых актов, и только отсутствие фамилий и имен свидетелей, подтверждающих его содержание, мешает считать эту долговую расписку законченным юридическим актом. Внешний вид и содержание дощечки восходят генетически к подобным частноправовым актам Северо-Запада России (Новгороду Великому и Пскову) и несут архаичные черты. Она свидетельствует о живучести северно-русской культуры в условиях колонизировавшейся северной Сибири (где по вполне понятным причинам мог наблюдаться дефицит уже привычного для XVII в. материала для письма – бумаги). Долговая расписка на дощечке из сибирской Мангазеи являет собой образец бытового письма, имеющий весьма архаичный вид частноправового акта, бытовавший на Новгородском Севере задолго до начала русской колонизации территории Сибири.

Ключевые слова: русская эпиграфика Сибири XVII в., город Мангазея, новгородская бытовая письменность XVII в.

При раскопках городища Мангазея, расположенного на северо-западе Западной Сибири на реке Таз, благодаря хорошей сохранности в мерзлотном слое органических материалов были найдены различные надписи. Всего за период новых раскопок Мангазеи с 2001 по 2013 г. найдено 28 надписей и около 40 различных знаков (звезды, «сорочья лапа», ромбы, кресты, зигзаги и др.). Плотность находок с надписями довольно высокая, особенно если учесть, что они найдены на площади 1 186 м² в культурном слое, накопившимся не более чем за первую треть XVII в., и местами этот слой уже раскапывался в 1970 и 1973 гг.

Одна надпись сделана на обрезке кожи, и две – на бересте, все остальные выполнены на деревянных предметах – бондарных днищах, крышках и клепках, на тарелке, шахматной доске, обломках досок, бирках. Несмотря на то, что фрагменты бересты тщательно просматривались, на них, кроме орнамента, больше не обнаружено ни надписей, ни отдельных букв. Надписи же на деревянных предметах, скорее всего, обозначают имена и прозвища владельцев груза,

что свидетельствуют о распространении грамоты среди жителей Мангазеи. Письмо на бересте в XVII в. было уже редкостью и сохранялось вследствие дефицита бумаги только на периферии (известны, например, берестяные ясачные книги, составленные в Якутии в отдаленных зимовьях). В Мангазее из двух надписей на бересте одна процарапана на фрагменте изделия, это начало челобитной: «ц[а]рю г[осу]да[р]ю в[е]ликому» [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 292]; другая написана чернилами на днище берестяного туеса [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 312, рис. 248–20].

Самым интересным открытием раскопок 2009 г. стала находка дощечки, на которой вырезан полный письменный документ. Обнаружена она в усадьбе 2, которая состояла из пяти построек, поставленных в Г-образной форме. Постройки были представлены двумя избами с общими сенями между ними и двумя амбарами – хлевами [Там же, с. 77, 118]. Дощечка была найдена в культурном слое нижнего строительного яруса постройки 2б, который датируется по данным дендрохронологии не ранее 1620 г. и не позднее 1631 г. В 1629–1631 гг. усадьба 2 погибла от пожара во время конфликта между воеводами Палицыным и Кокоревым [Там же, с. 105].

Дощечка сделана из сосновой доски как бы специально под надпись. Поверхность аккуратно обстругана ножом, торцы коротких сторон срезаны под углом 45°. Размеры – 14,8 см × 6,8 см, толщина – 0,6–0,7 см. На дощечке по ширине аккуратно вырезана надпись на обеих сторонах, состоящая из шести полных строк и одной неполной (пять строчек на лицевой стороне, две – на оборотной). Надпись читается следующим образом:

сеязтеретепетровъсы
 ньзаняльесиунечеяо
 чифоровасынапедеса
 терубледенгамаклатися
 аодятибесриписимесе
 цаагустанатопо
 суси

Нами произведено разделение на слова и вставлены (в квадратных скобках) пропущенные буквы:

Се яз Тере[н]те[й] Петровъ сы
 нь заняль еси у Нечея О
 [н]чифорова сына педеса
 те рубле денгама клатися
 а оядати бес [п]риписи месе
 ца а[в]густа на то по
 с[л]уси

В переводе на современный русский язык надпись предельно понятна:

Я, Терентий Петров сын, занял у Нечей Ончифорова сына пятьдесят рублей наличными деньгами. А отдать без процентов в августе месяце. На то свидетели...

Таким образом, перед нами долговая расписка или, по терминологии XVII в., заемная кабала (ил. 1, 2 на цв. вклейке). С лингвистической точки зрения этот документ представляет собой образец бытового письма, генетически восходящий к бытовому письму северо-западных областей Руси (Новгорода и Пскова). Благодаря открытию такого пласта русской культуры, как берестяные грамоты, живой разговорный язык средневекового Новгорода XI–XV вв. и его отражение в бытовой письменности все более поддаются научной реконструкции. Давно известно, что промысловая колонизация Северо-Западной Сибири в XVI–XVII вв. осуществлялась в основном выходцами с Русского Севера, которые сохраняли и транслировали древненовгородские культурные традиции. Поэтому при интерпретации найденной в Мангазее дощечки обращение к севернорусским образцам вполне естественно.

Не являясь специалистами по исторической лингвистике, мы воспользуемся профессиональными наблюдениями А. А. Зализняка над новгородским диалектом и языком берестяных грамот. Мы уверены, что займодавец Нечей Очиферов в то же самое время в бумагах мангазейской приказной избы писался бы как Анциферов (в соответствии с доминирующим в официальной письменности московским говором). О замещении букв в новгородских берестяных грамотах А. А. Зализняк пишет: «Смещение *ц* и *ч* объяснялось просто: в диалекте древних новгородцев фонемы *ц* и *ч* совпали, т. е. на месте их обеих новгородцы произносили один и тот же звук. Это явление – так называемое цоканье – хорошо известно и поныне в севернорусских говорах... Существовало здесь не то, какой именно звук произносится, а сам факт неразличения двух фонем» [Зализняк, с. 430].

Определенную трудность представляло прочтение слова, обозначающего взятую в долг сумму. Если в конце третьей строки все-таки отчетливо читается «педеся», то в начале четвертой различимы две изогнутые палочки, которые можно прочитать и как «сс», и как «те». По смыслу текста слово должно читаться как «педесяте». Слово «рубле» с современной точки зрения не закончено. В официальном делопроизводстве написали бы, скорее всего, «рублев». Однако сочетание двух слов, которые одинаково заканчиваются на *-е*, навело на мысль о диалектном говоре автора долговой расписки. И здесь опять же на помощь пришли исследования А. А. Зализняка. Ученый отметил в древнем новгородском диалекте окончание *-е* (правда, в именительном падеже мужского рода и соответствующих глаголах и прилагательных). Анализ берестяных грамот привел А. А. Зализняка

к выводу, что в живой речи новгородцев XI–XII вв. формы с *-e* были господствующими, а данная диалектная особенность уходит в еще дописьменную эпоху (примеры из берестяных грамот: *хлебе, брате, саме, приише, дешеве* и т. д.). А. А. Зализняк пишет, что «происхождение древненовгородского окончания *-e* окружено ореолом загадочности... научная дискуссия продолжается. Ясно, однако, что мы имеем дело с явлением глубокой древности, которое уже в начальную эпоху существования Киевской Руси составляло важное различие между древненовгородским диалектом и южными диалектами восточнославянской зоны» [Зализняк, с. 445–446]. Поэтому, видимо, было бы ошибкой считать автора долговой расписки малограмотным человеком; он писал по правилам бытового северорусского письма и именно так, как его научили писать.

Таким образом, языковые особенности долговой расписки заставляют предполагать в ее авторе выходца с Русского Севера (что, впрочем, неудивительно). Но не только лингвистика уводит мангазейскую дощечку в область новгородско-псковской старины. О записях на досках долговых обязательств историкам было известно давно из письменных источников летописного и юридического характера. Как известно, наиболее удобный и дешевый материал для письма – бумага – постепенно входит в русский обиход только с середины XIV в. (завозилась из стран Западной Европы). До этого в письменности использовался пергамен, бывший достоянием элитарной книжно-церковной культуры. Берестяные грамоты, весьма разнообразные по содержанию, показали, что народная культура в средневековой Руси вовсе не была «культурой безмолвствующего большинства». Помимо бересты, широкое распространение в Северо-Западной Руси имели (как материал для письма) дощечки. О них говорится только в сугубо специальной научной литературе, и то порой не без ошибок. Так, в солидном издании памятников русского законодательства (при комментировании Псковской судной грамоты) сказано: «Доска (дѣска) – письменный акт, примитивный юридический документ» [Российское законодательство, т. 1, с. 353]. Согласитесь, что из этого определения трудно что-либо понять.

Между тем, письменные источники официального характера указывают на распространенность записей на «досках», и записи эти обязательно связаны с долгом (займом, ссудой). Новгородская Первая летопись под 1209 г. сообщает о восстании новгородцев против семьи посадника Дмитра Мирошкинича и о конфискации по решению веча имущества этой боярской семьи¹. Имущество было разделено – «по 3 гривне по всему городу», «а что на дѣщъках, а то князю оставиша». Когда немного позднее в Новгород прибыл князь Святослав Всеволодович, то новгородцы «даша дѣщки Дмитровы Свято-

---

¹ В. Л. Янин убедительно доказывает, что восстание против Дмитра Мирошкинича имело место в 1207 г. См.: [Янин, с. 117, 118].

славу, а бяше на них бецисла», то есть посадник держал у себя целый архив долговых расписок на дощечках [ПСРЛ, т. 3, с. 51, 248; Тихомиров, с. 237–244].

Долговые дощечки активно присутствуют в Псковской судной грамоте. Как считается, известный нам ее окончательный вариант был создан в 1460-е гг. В Псковской судной грамоте 120 статей, большинство из которых основываются на «пошлине» (от выражения «как пошло, повелось»). Судная грамота содержит 13 статей, где фигурируют «доски», причем обязательно связанные со ссудой или долгом. Вот как их комментируют В. Л. Янин и А. А. Зализняк: «Очевидно... что под “доской” понималась долговая расписка, не имеющая официального оформления. Такая расписка признавалась действительной, если она была выдана на сумму меньше рубля. Более значительные ссуды оформлялись иначе – составлением записи, копия которой помещалась в государственном архиве Пскова – “ларе св. Троицы”, и взятием закладов, оговоренных в такой записи... Что касается внешнего вида “досок”, то М. Н. Тихомиров полагал, что под ними могли иметься ввиду акты, записанные в снабженную переплетом из досок книгу, а А. А. Зимин допускал, что “доской” мог быть и частноправовой акт, написанный на бересте» [Янин, Зализняк, с. 82]. Исследователи правомерно возражают против этого: «Берестяные записи о разного рода долгах нам достаточно хорошо известны, однако и они не могли иметь официальной силы расписок, представляя собой лишь памятные заметки кредиторов, составленные для себя. Гарантию ссудной записи могли дать только такие ее формы, которые или фиксировались послухами, или же сопровождались противными (копиями. – Е. В., Г. В.), то есть своего рода квитанциями. Вместе с тем подобные записи должны обладать определенной долговечностью, которую отнюдь не обеспечивает берестяное письмо. По-видимому, именно вырезанные на дереве записи отвечают последнему условию, что соответствует и наименованию ссудных документов, обеспечивающих возврат небольших сумм, “досками”» [Там же]. На фоне этих рассуждений не совсем понятно, почему сам В. Л. Янин был склонен (по крайней мере в 1986 г.) принять за «доски» письменных источников найденные при раскопках в Новгороде полукруглые в сечении деревянные плашки с зарубками и краткими надписями. Мангазейская находка заставляет понимать текст летописи буквально: долговые расписки вырезались на дощечках.

Обратимся к некоторым статьям из Псковской судной грамоты. В ст. 30 (комментарии к ней В. Л. Янина приведены выше) говорится:

А кто имет дават серебро в заим, ино дати до рубля без заклада и без записи, а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь [сочи]ти (сочить – искать, возбуждать дело. – Е. В., Г. В.) ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля – ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

Поясним здесь только, что под «записью» подразумевается подробная опись вещей, отданных в заклад. Ст. 36:

А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница – ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись; а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет [Российское законодательство, т. 1, с. 334, 335].

Создается впечатление, что долговые обязательства, оформленные записями только на досках, были весьма распространены, и дело дошло до «Божьего суда» в виде судебных поединков.

Историки русского права согласны в том, что долговая запись на доске XIII–XV вв. являлась неформальным договором даже при наличии залога. Тем не менее, зафиксированное в письменном виде долговое обязательство стало, безусловно, шагом вперед по сравнению с более ранними устными сделками. Можно высказать предположение, что послухи (свидетели, поручители) «перешли» в письменный период оформления актов из дописьменного периода, когда они являлись единственными гарантами выполнения условий сделки. Существование и значительная роль послухов при заключении договоров самого разного характера прослеживаются в юридической практике Руси (России) на протяжении нескольких веков. Решающая роль послухов при решении спорных дел отражена еще в Судебнике 1550 г. (ст. 15). В нем рассматривается казус, когда истец, не имея заемной кабалы (то есть долгового обязательства), ссылается только на послухов. Далее конкретизируется ситуация, при которой показания послухов, свидетелей сделки, расходятся. В таком случае послухи, давшие разные показания, были обязаны выйти на судебный поединок. Отказ от поединка послухов, согласных с истцом, означал поражение истца в суде [Российское законодательство, т. 2, с. 99].

Обратимся снова к мангазейской дощечке. Ее находка уникальна, так как даже при раскопках Великого Новгорода, продолжающихся уже 60 лет, подобного артефакта не было найдено. Причина этого, очевидно, проста: долговые расписки на досках, имевшие широкое хождение в средневековых Новгороде и Пскове, должны были уничтожаться после уплаты долга кредитору (разве не так поступает современный человек, занявший деньги у другого частного лица, со своей распиской?). Можно предположить, что долговая запись из Мангазеи потому и сохранилась, что оказалась несостоявшимся актом (заемной кабалой) – имена послухов в ней отсутствуют. Генетически восходящая к новгородско-псковским «доскам», мангазейская дощечка демонстрирует живучесть традиций северорусской культуры в географическом и хронологическом срезе: от Северо-Западной Руси через Поморье в Сибирь, от домонгольской Руси до XVII в. Скорее всего, долговая запись на дощечке была вызвана дефицитом бумаги

в заполярной Мангазее, но важен тот факт, что архаичный для XVII в. способ заключения сделки по займу не был забыт.

К сожалению, ни в имеющейся литературе, ни в известных нам опубликованных и архивных источниках пока не удалось обнаружить имен Терентия Петрова и Нечая Ончифорова. Датировать документ, исходя только из его содержания, не представляется возможным. Можно только предположить, что он относится ко времени расцвета Мангазеи (первая треть XVII в.), когда в городе оставалось на зимовку значительное количество промышленных людей, собиравшихся на соболиные промыслы. Возможно, что Терентий Петров был не рядовым промышленником, а хозяином артели покручников (промышленников, которые «покрутились» на соболиные промыслы за счет снаряжения более состоятельного лица и поэтому попали от него в определенную зависимость). О том, что сам Петров не собирался на промыслы, свидетельствует тот факт, что он намеревался вернуть долг в срок менее года (может, поэтому в расписке нет ни одной даты, кроме указания на месяц). Промысел пушного зверя к востоку от Мангазеи занимал не менее двух-трех лет.

Насколько известно из истории первоначальной колонизации Сибири, заемные кабалы не были редкостью, но писались они, как правило, на бумаге. Так, в 1646 г. в Якутске разбиралось дело по челобитной торгового человека Н. Агапитова, который предъявил в воеводской избе просроченную заемную кабалу. Еще в 1641 г. семеро казаков (среди них Семен Дежнев и Михаил Стадухин) заняли у Агапитова 15 рублей с обязанностью вернуть до 9 мая 1642 г. В случае невозвращения денег в срок условия кабалы предусматривали рост процентов (20 % годовых). В кабале назван один послух, тоже из казаков [Русские мореходы, с. 105–106]. Долговая расписка из Мангазеи также предусматривала возвращение денег в срок без процентов («без приписи»). Если сравнить эти два документа, то якутский действительно можно назвать заемной кабалой, соответствующей юридическим нормам своего времени, а мангазейский – архаичной долговой распиской, отчего ценность мангазейской находки только возрастает.

Список литературы

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Караван, 2017. 360 с.

Зализняк А. А. Послесловие лингвиста // Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М. : Языки рус. культуры, 1998. 464 с.

ПСРЛ : в 46 т. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. : Языки славян. культуры, 2000. 723 с.

Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридич. лит., 1984–1994. Т. 1. Законодательство Древней Руси. 430 с. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 530 с.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах : сб. док. / сост. М. И. Белов. Л. ; М. : Изд-во Главсевморпути, 1952. 386 с.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М. : Госполитиздат, 1955. 280 с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 388 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. : Наука, 1986. 312 с.

References

Belov, M. I. (Ed.). (1952). *Russkie morekhody v Ledovitom i Tikhom okeanakh. Sbornik dokumentov* [Russian Sailors in the Arctic and Pacific Oceans. A Collection of Documents]. Leningrad, Moscow, Glavsevmorputi. 386 p.

Chistyakov, O. I. (Ed.). (1984–1994). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi 430 p. Vol. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. 530 p.

PSRL v 46 t. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. (2000). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 723 p.

Tikhomirov, M. N. (1955). *Krest'yanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi. XI–XIII vv.* [Peasant and Urban Uprisings in Russia. 11th – 13th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 280 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2008). *Mangazeya: novye arkhologicheskie issledovaniya* [Mangazeya: New Archaeological Research]. Yekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan. 296 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2017). *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: The Manor of the Polar City]. Nefteyugansk, Yekaterinburg, Karavan. 360 p.

Yanin, V. L. (1962). *Novgorodskie posadniki* [Novgorod Posadniks]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 388 p.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod Birch Bark Manuscripts (from Excavations of 1977–1983)]. Moscow, Nauka. 312 p.

Zaliznyak, A. A. (1998). Posleslovie lingvista [The Afterword of a Linguist]. In Yanin, V. L. *Ya poslal tebe berestu...* 3rd Ed. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 464 p.

The article was submitted on 16.05.2020

**ХЛЕБНЫЙ РЫНОК С НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДО КОНЦА
ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ:
БЫЛА ЛИ «РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН»?***

Артур Мустафин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**THE GRAIN MARKET BETWEEN THE REIGNS OF ALEXEY
MIKHAILOVICH AND CATHERINE THE GREAT:
WAS THERE A 'PRICE REVOLUTION'?****

Arthur Mustafin

HSE University,
Moscow, Russia

The author of this article attempts to reveal and systematise archival data on grain prices in Russia between the 1650s and 1700s and analyse their dynamics by comparing them with data for the eighteenth century. The study is based on a wide range of archival sources from the funds of the RSAAA (RGADA), CSA of Moscow (TsGA of Moscow), DM NLR (OR RNB), and SFI CANNR (GKU TsANO). The data from these sources make it possible to construct time series describing rye and oat price dynamics in the northern and central non-black earth regions of Russia. The author substantiates the homogeneity and reliability of the data received and determines the real prices. The resulting numbers make the author doubt the “price revolution” in eighteenth-century Russia. Throughout the eighteenth century, the average real prices remained below the level of the 1660s and 1670s. Only in the 1790s did prices briefly exceed this level. Overall, the Russian grain market was characterised by long-term price fluctuations.

---

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 19–04–060) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

** *Citation*: Mustafin, A. (2021). The Grain Market between the Reigns of Alexey Mikhailovich and Catherine the Great: Was there a ‘Price Revolution’? In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 911–926. DOI 10.15826/qr.2021.3.618.

Цитирование: Mustafin A. The Grain Market between the Reigns of Alexey Mikhailovich and Catherine the Great: Was there a ‘Price Revolution’? // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 911–926. DOI 10.15826/qr.2021.3.618 / Мустафин А. Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен»? // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 911–926. DOI 10.15826/qr.2021.3.618.

The author aims to explain this dynamic by analysing supply and demand in the grain market. More particularly, for the first time in the historiography, the author examines the connection between Russian grain prices and yield in the second half of the seventeenth and eighteenth centuries. It is established that in most cases, the relationship between these indicators was direct: as grain yield increased, prices did too. The article explains this seeming paradox. The data published by the author help not only to estimate the impact of various factors on grain prices during the period in question, but also solve practical tasks regarding various price indicators in grain equivalents.

Keywords: Russia in the seventeenth and eighteenth centuries, price revolution, monastery account books, time series, grain yield, grain prices

В статье предпринята попытка, во-первых, выявить и систематизировать архивные данные о хлебных ценах в России за 1650–1700-е гг., во-вторых, сопоставив их с опубликованными данными за XVIII в., проанализировать их динамику. Представленная работа основана на материале монастырских приходо-расходных книг из фондов РГАДА, ЦГА Москвы, ГКУ ЦАНО, ОР РНБ. Почерпнутые из источников сведения позволили построить временные ряды, описывающие динамику цен на рожь и овес в Северном и Центрально-Нечерноземном районах России. Обосновываются однородность и достоверность полученных автором данных, определяются реальные цены. Полученная таким образом динамика цен на хлеб ставит под сомнение точку зрения о «революции цен» в России в XVIII в.: практически на протяжении всего столетия реальные средние цены на рожь и овес оставались ниже уровня 1660–1670-х гг., и только в 1790-е гг. они ненадолго преодолели этот уровень. В целом для российского хлебного рынка были характерны долговременные колебания цен. Автор ставит целью объяснить эту динамику путем анализа факторов спроса и предложения на рынке хлеба. В частности, впервые в историографии рассматривается связь между российскими хлебными ценами и урожайностью во второй половине XVII–XVIII вв. Выявлено, что в большинстве случаев рост урожайности сопровождался не ожидаемым снижением цен на рожь и овес, а, напротив, их повышением. Предложено объяснение прямой корреляции между этими показателями. Опубликованные данные позволяют исследователям не только глубже изучить вопрос о факторах динамики и географии российских цен изучаемого периода, но и решать прикладные задачи, требующие определения хлебного эквивалента для различных ценовых показателей.

Ключевые слова: Россия XVII–XVIII вв., революция цен, монастырские приходо-расходные книги, временные ряды, урожайность, хлебные цены

Сведения о хлебных ценах активно используются исследователями при решении широкого спектра задач историко-экономического характера. Прежде всего историков интересуют не первичные данные, отраженные в источниках, а средние цены, которые, собственно, позволяют описать и объяснить динамику и географию цен. Такого

вида цены рассчитаны в исследованиях А. Г. Манькова и Б. Н. Миронова. На настоящий момент их работы остаются единственными в своем роде, и они позволяют описать изменение цен в XVI [Маньков], а также в XVIII–XIX вв. [Миронов, 1985]. Иначе говоря, фактически не изученным остается движение российских цен XVII столетия. Однако в современной историографии мы наблюдаем активное стремление расширить границы известного: историки провели колоссальную работу по выявлению и публикации первичных данных о ценах [Башнин; Дмитриева, Козлов; Хозяйственные книги и др.]. Обращение к этим публикациям, а также к архивным материалам¹ позволило нам в представленном исследовании дать общую картину движения хлебных цен в Северном и Центрально-Нечерноземном районах в 1650–1700-е гг.

Кроме того, исследуемый нами период представляется чрезвычайно важным в свете дискуссии о «революции цен» в России. Дело в том, что, несмотря на фрагментарность сведений о российских ценах за XVII в., историки выдвинули ряд концепций о влиянии на их движение так называемой «революции цен» в Европе в XVI–XVII вв. Так, по наблюдениям А. Г. Манькова, «XVI в. в истории Русского государства характеризуется непрерывно повышающейся конъюнктурой цен на хлеб», которые за столетие выросли в 4–4,5 раза [Маньков, с. 42]. Оценивая в том числе рост цен и на другие товары, историк в своей монографии приходит к выводу, что русский рынок переживал в этот период «процессы, аналогичные тем, которые известны в Западной Европе под именем “революции цен”» [Там же, с. 99]. Однако его ученик Б. Н. Миронов выдвинул противоположную концепцию, согласно которой в XVI–XVII вв. инфляция в Европе не затронула Россию, и только «в XVIII в. русские цены повысились примерно на столько, на сколько их подняла “революция цен” в Европе, то есть в 5–6 раз» [Миронов, 1971, с. 53]. Компромиссную позицию занял Пол Бушкович: в России произошли две революции цен, а именно в 1550–1620-е гг. и в следующем XVIII столетии [Bushkovitch, p. 54]. В отличие от своих предшественников, он в своей монографии представил анализ хлебных цен за XVII в., пояснив, какие именно данные им использовались, – опубликованные Ю. А. Тихоновым цены на рожь [Тихонов]. Однако эти данные охватывают только ряд городов центральных уездов, причем крайне скудно представлены сведения за вторую половину столетия.

Остается упомянуть исследование Ричарда Хейли, в котором хотя и не затрагивается проблематика «революции цен», но также моделируется их общее движение на основе опубликованных сведений. По расчетам исследователя, пик цен на рожь и овес за 1600–1720-е гг. пришелся на начало 1660-х гг. [Hellie, p. 13–18]. Это скачок цен на

---

¹ Автор выражает благодарность за помощь в выявлении архивных данных М. Д. Аксеновой, Д. В. Бондаревой, А. О. Видничук, Я. Р. Дзюбинскому, К. Д. Москалевой, А. Д. Новиковой.

столько выражен, что на первый взгляд ставит под сомнение все вышеупомянутые концепции о «революции цен» в России. Однако полученные историком данные неоднородны и, соответственно, нерелевантны для описания динамики цен. В самом деле, данные взяты из опубликованных источников совершенно различного происхождения, а при построении рядов цен не учитывались их сопоставимость по территории, а также изменения в денежной системе. Но главным недостатком представляется то, что исследователь в своей монографии фактически ограничился демонстрацией графиков, не представив используемые им первичные и вторичные данные. Таким образом, достаточно проблематично проверить и скорректировать его результаты, применить их при решении исследовательских задач.

Так или иначе, упомянутые историографические лакуны и дискуссии отражают те многочисленные статистические проблемы и ограничения, с которыми сталкиваются исследователи при выявлении первичных данных, построении рядов цен и их анализе. Эти трудности бывают трех типов.

Прежде всего следует упомянуть проблемы однородности данных, поскольку главным условием правильного формирования динамических (временных) рядов является сопоставимость уровней, образующих ряд [Мазур, с. 273; Полетаев, с. 235–237]. Эти проблемы неизбежно возникают, когда исследователи выявляют цены, обращаясь к различным видам и разновидностям источников. В результате образуется совокупность неоднородных данных, которые, в частности, несопоставимы по методике учета, моменту регистрации, достоверности, единицам измерения. Поэтому однородность построенных нами рядов прежде всего обеспечивается тем, что мы сознательно использовали данные только монастырских приходо-расходных книг. Вместе с тем при определении динамики *реальных цен* мы учитывали изменения веса четверти, а также содержания серебра в рубле в изучаемый период.

Кроме того, существуют трудности не только построения временных рядов, но и смыкания, сравнения их с другими рядами. Иначе говоря, приходится учитывать методику исследователей, полученные ряды которых целесообразно использовать. К примеру, в нашем исследовании выявленные цены в Северном и Центрально-Нечерноземном районах за вторую половину XVII в. сравниваются, с одной стороны, с соответствующими рядами по урожайности, составленными Е. И. Индовой [Индова], а с другой – с хлебными ценами по XVIII в., выявленными Б. Н. Мироновым [Миронов, 1985]. Однако следует заметить, что представленное упомянутыми исследователями районирование несколько различается. В частности, Б. Н. Мироновым Вологодская губерния отнесена к Центрально-Нечерноземному району [Там же, с. 34–35], что не совсем традиционно. Это потребовало от нас построения отдельных рядов цен по Вологодской губернии, для того чтобы оценить влияние на результаты ее включение в упомянутый район. Кроме того, исследования Е. И. Индовой и Б. Н. Ми-

ронова предопределили то, что мы строим интервальные ряды цен по десятилетиям, используя простую среднюю арифметическую. При этом сперва рассчитываем среднюю цену за год, а потом – за десятилетие, что позволяет уменьшить ошибку репрезентативности. Вместе с тем мы не ограничивались построением интервальных рядов по десятилетиям, охватывающим отдельные регионы; источники позволили нам построить ряды погодных цен в Вологде.

Наконец, упомянем третий тип трудностей, касающийся вопроса надежности данных. Монастырские приходо-расходные книги выгодно отличаются от других видов источников, из которых мы также можем почерпнуть информацию о ценах. Так, в приходо-расходных книгах, в отличие от ведомостей, зафиксированы первичные данные. И, как правило, в них при описании сделок зафиксированы, помимо цены, количество проданного (купленного) товара и полученная (потраченная) сумма денег. Иначе говоря, выполнив соответствующие расчеты, можно проверить, не допустили ли составители книг ошибок при описании сделок. Кроме того, монастырские приходо-расходные книги не вызывают изрядной доли скептицизма, в отличие от источников, созданных в стенах государственных учреждений (приказных приходо-расходных книг, ведомостей, таможенных книг и др.) [Базилевич; Мустафин, 2017]. Тем не менее, данные монастырских книг требуют проверки. Здесь мы не можем обходиться только их сравнением с отдельными данными, почерпнутыми из других источников, хотя мы и не обнаружили принципиального расхождения при сравнении цен из монастырских книг со сведениями из таможенных книг [Таможенные книги] и ведомостей [РГАДА. Ф. 248. Кн. 814]². Такой подход, основанный на неполной индукции, не позволяет сделать правомерные выводы о достоверности основной совокупности данных. Наиболее же релевантный способ проверки статистических данных – это сравнительный анализ временных рядов взаимосвязанных показателей. Такой подход основывается на посылке о согласованности процессов, имеющих тесную причинно-следственную (или корреляционную) связь. Иначе говоря, если удастся установить синхронность изменения хлебных цен и каких-либо связанных с ними показателей, то это будет свидетельствовать в пользу их надежности [Миронов, 1991, с. 56–64; Мустафин, 2017, с. 197].

Обратимся к полученным результатам. Ниже представлены номинальные цены, то есть выраженные фактически в тех единицах измерения объема и денежных единицах, как и в источниках (здесь только потребовалось, к примеру, алтыны и деньги выражать в копейках, а осьмины и четверики – в четвертях). Именно такого вида цены позволяют различные ценовые показатели выражать в хлебном эквиваленте,

---

² Сенатская книга № 814 содержит, как считается, наиболее ранние известные ведомости о справочных ценах, которые охватывают период с 1708 по 1723 г. Поэтому для решения описанной задачи мы обратились к монастырским приходо-расходным книгам 1710-х гг. [РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 255, 279, 280, 467; Ф. 1447. Оп. 1. Д. 1].

что весьма важно, поскольку покупательная способность российского рубля в изучаемый период заметно изменялась. Используя эти данные, мы можем привести к общему знаменателю и сравнить налоги, сборы, оброки, жалования, цены на другие товары и т. д. Причем нередко хлебные цены позволяют совершенно иначе оценить исследуемые показатели. К примеру, обратимся к исследованию Н. Н. Петрухинцева, посвященному проблемам формирования офицерского корпуса в России XVIII в. Историк выявил, что в 1663 г. генеральское жалование для служивших в России иностранцев было установлено в размере 1 200 руб. в год. При этом он замечает, что это жалование, «учитывая инфляцию и падение стоимости рубля вдвое, было, однако, чуть ниже установленного в 1711 г. Петром I штатного генеральского (от 1 800 руб. у генерал-майора до 3 600 руб. у генерал-аншефа (19 февраля 1711 г.))» [Петрухинцев, с. 284]. В действительности, если мы сравниваем цены 1660-х и 1710-х гг., то инфляции не наблюдается. Так, в Центрально-нечерноземном районе средняя цена четверти овса в 1660-е гг. составляла 61 коп. (табл. 1), а в 1710-е гг. – 35 коп. [Миронов, 1985, с. 190]. Используя эти данные, мы можем рассчитать, что генерал российской армии на свое жалование мог купить в первом периоде 1 967 четвертей овса (= $1200 \cdot 0,61$), а во втором – 5143 четверти овса (= $1800 \cdot 0,35$). Как мы видим, фактически жалование выросло более чем в 2,5 раза.

Таблица 1

Номинальные цены на рожь и овес (в серебряных копейках за четверть)

Товар	Район	1650–1659	1660–1669	1670–1679	1680–1689	1690–1699	1700–1709
Рожь	Северный район (без включения Вологодской губернии)	47	123	118	60	92	74
	Вологодская губерния (в границах на начало XX в.)	44	124	83	60	63	56
Овес	Северный район (без включения Вологодской губернии)	26	63	62	31	41	–
	Вологодская губерния (в границах на начало XX в.)	22	59	43	29	37	23
	Центрально-Нечерноземный район (с включением Вологодской губернии)	32	61	50	36	38	25

Сост. по: ОР РНБ. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 26, 37, 49, 89, 106, 112, 172, 176, 189, 228, 683; Ф. 236. Оп. 1. Д. 67; Ф. 1195. Оп. 1. Д. 5, 12; Ф. 1201. Оп. 1. Д. 54, 56, 58, 63, 66, 71, 139, 140, 154, 162, 165, 171, 174, 177, 345,

416, 505, 512, 519, 529, 530, 535, 554, 658, 749, 944, 950, 986 ч. 4, 6, 7, 9; Оп. 2. Д. 543; Оп. 5. Д. 760; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 281, 1455, 1459, 1460, 1479, 1480–1486, 1494, 1508, 1514, 1515, 1522, 1553, 1557, 1560, 1564, 1593, 1606, 1608; Оп. 2. Д. 105; ГКУ ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 132, 305; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 21а, 23; Башнин, с. 288, 335–336; Дмитриева, с. 24; Разходная книга, с. 4, 43; Хозяйственные книги, с. 697, 703, 707, 711, 717–718, 732.

Здесь мы в качестве хлебного эквивалента использовали сведения о ценах на овес в Центрально-Нечерноземном районе – наиболее репрезентативные данные. В остальных случаях приходилось по крупницам собирать сведения о хлебных ценах. Дело в том, что наше исследование подтверждает наблюдения специалистов по истории монастырей, которые обратили внимание на очень скромные объемы продаваемого ими хлеба по сравнению с запасами, которыми они располагали [Дадыкина, с. 126]. В самом деле, значительная часть исследованных нами монастырских книг не содержит каких-либо сведений о ценах на хлеб, однако свидетельствует об изрядных запасах хлеба [РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 333, 939, 940; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 922, 1462, 1465]. Мы можем предположить, что это главным образом связано с его низкой товарностью в изучаемый период. Как известно, только в конце XVIII – XIX в. российский хлеб будет играть заметную роль на внутреннем и внешнем рынках [Миронов, 1985, с. 50–51]. Несколько иначе дело обстоит собственно со сведениями о ценах на овес в Центрально-Нечерноземном районе. Эти сведения достаточно часто встречаются в расходных книгах монастырских служителей, отправлявшихся в Москву и фиксировавших в них траты на покупку овса для лошадей.

Для оценки собственно динамики хлебных цен нам необходимо выразить их в граммах серебра и таким образом получить реальные цены. Дело в том, что в рассматриваемую эпоху содержание ценного металла в рубле неоднократно снижалось: в 1691 г. содержание рубля было снижено с 43,42 до 35,5 г серебра, а с 1699 по 1710 г. оно уже составляло 24,72 г [Миронов, 1985, с. 36]. Выявленные Б. Н. Мироновым хлебные цены за XVIII в. также нами были выражены в граммах серебра с учетом того, что его содержание в рубле в 1711–1730 гг. составляло 20,59 г, в 1731–1763 гг. – 20,74 г, а с 1764 г. до конца столетия – 18 г [Там же]. Кроме того, необходимо учесть тот факт, что в изучаемый период вес четверти наиболее заметно изменился в 1679 г., когда он увеличился на треть. Так, до 1679 г. вес четверти ржи составлял 6 пудов, а после – 8 пудов [Тихонов, с. 103].

Все это позволило сравнить динамику хлебных цен за полтора столетия. Как мы видим, в середине столетия произошел скачок цен, в результате которого в 1660-е гг. они достигли своего пика (табл. 2). Подчеркнем, что при определении стоимости хлеба в начале этого десятилетия не возникло каких-либо затруднений в связи с происходившим тогда обесцениванием медных денег: в исследованных нами книгах указывалось то, какими именно деньгами

уплачивались товары. Далее, в 1670-е гг., цены оставались практически на том же уровне, однако в следующем десятилетии значительно (почти в два раза) снизились и продолжили снижаться до 1700-х гг., когда они достигли минимальных значений на протяжении полутора столетий. В последующие десятилетия цены существенно не изменялись, только в 1720-е и 1740-е гг. наблюдается некоторое их повышение. Однако начиная с 1760-х гг. хлебные цены стремительно росли, и в 1790-е гг. они достигли максимальных значений.

Таблица 2

**Урожайность (в самах) и цены на рожь и овес
(в граммах серебра за четверть)**

Годы	Северный район				Центрально-нечерноземный район	
	Рожь		Овес		Овес	
	цена	урожайность	цена	урожайность	цена	урожайность
1650–1659	27,2	2,5	15,1	1,8	18,5	2,8
1660–1669	71,2	3	36,5	4,1	35,3	3,3
1670–1679	68,3	3	35,9	3,6	28,9	2,7
1680–1689	26,1	2,7	13,5	2,4	15,6	4
1690–1699	29,5	5,1	14,6	4,9	13,1	2,7
1700–1709	18,3	–	–	–	6,2	–
1710–1719	26,5	2,6	13,5	2,9	7,3	2
1720–1729	37,3	4,1	18,9	4,1	11,4	3,2
1730–1739	27,9	2,8	13,8	3,3	9,6	3,1
1740–1749	32,7	3,7	20,2	2,9	12,2	3,2
1750–1759	29,6	3,5	18	3,4	12,1	3,1
1760–1769	39,1	3,8	18,5	4,2	14,7	3,4
1770–1779	47,4	4	26,6	4	21,2	3,5
1780–1789	71,1	2,8	32	3,1	27,1	2,7
1790–1799	108,8	3,1	62,4	2,7	45,3	2,5

Сост. по источникам, указанным в табл. 1, а также по опубликованным данным [Миронов, 1985, с. 190–203; Индова].

Полученная динамика хлебных цен ставит под сомнение концепцию Б. Н. Миронова о «революции цен» в России в XVIII в. [Миронов, 1971]. Во-первых, практически на протяжении всего столетия хлебные цены оставались ниже уровня 1660–1670-х гг.

Только в 1790-е гг. они преодолели этот уровень, но не более чем в два раза. Когда же мы обращаемся к истории европейских цен, то наблюдаем, что в период «революции цен» они достигли рекордных для своего времени уровней [Braudel, p. 464–484; Fischer, p. 4–6]. Во-вторых, как после 1660–1670-х гг., так и после 1790-х гг.³ российские хлебные цены вскоре возвращались к уровням предшествующих десятилетий. В целом для российского хлебного рынка, как мы видим, характерны долговременные колебания цен. Все это контрастирует с движением европейских цен в раннее Новое время: хотя во второй половине XVII в. наблюдалось некоторое их снижение, они не возвращались к прежним уровням, и в их в движении присутствует ярко выраженный так называемый тренд [Там же] (табл. 3).

Таблица 3

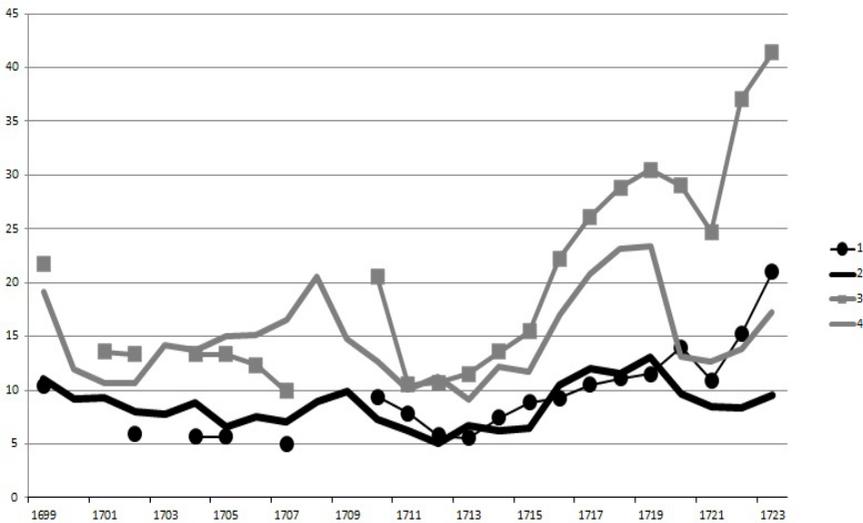
**Номинальные цены на рожь и овес в Вологде
(в серебряных копейках за четверть)**

Год	Рожь	Овес	Год	Рожь	Овес
1650	39	20	1673	65	–
1651	40	19	1674	66	37
1652	39	19	1675	60	30
1653	35	19	1676	60	30
1654	38	20	1677	60	30
1655	36	24	1680	50	30
1656	–	31	1684	50	25
1660	–	50	1690	50	36
1663	138	60	1699	88	42
1664	136	63	1701	55	–
1665	110	–	1702	54	24
1666	108	–	1704	54	23
1667	111	60	1705	54	23
1668	120	65	1706	50	–
1669	70	40	1707	40	20

Сост. по: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 54, 56, 58, 63, 154, 162, 165, 171, 174, 416, 530, 535; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 1460, 1481, 1482, 1484–1486, 1553, 1605, 1606.

³ Опубликованные Б. Н. Мироновым данные о хлебных ценах за XVIII и XIX вв. проблематично сравнить: последние выражены в копейках за пуд. Выразив их в граммах серебра за четверть, мы можем оценить снижение реальных цен в первой трети столетия [Миронов, 1985, с. 197–257]. К примеру, в Северном районе средняя цена четверти ржи в 1800-е гг. составляла 95 г серебра, в 1810-е гг. она снизилась до 71 г, а в 1820-е гг. – до 30 г. Таким образом, средняя цена за это время не только опустилась ниже пиковых значений XVII в., но и стала сопоставима с уровнем 1690-х гг.

Подчеркнем, что здесь нами высказаны сомнения в отношении использования метафоры «революция цен» для описания динамики российских цен. Но сказанное вовсе не означает, что европейские цены не влияли на конъюнктуру российского рынка хлеба. Конечно, вопрос о характере и степени этого влияния требует специального исследования. Однако на локальном примере мы можем наблюдать заметную корреляцию между показателями: коэффициент корреляции между хлебными ценами в Вологде [РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 154, 162, 165, 171, 174, 416; Миронов, 1985, с. 194] и Эстергетланде [Hansson, s. 33–34], южной шведской провинции, за 1699–1723 гг.⁴ составляет 0,5⁵. Это позволяет допускать некоторое влияние внешнего спроса на динамику цен на российский хлеб. Собственно, на графике мы также можем наблюдать синхронность между этими показателями, в том числе между ценами на вологодские рожь и овес (рис. 1). Коэффициент корреляции между последними составляет 0,9 (см. табл. 3). Все это добавляет веса в пользу надежности имеющихся данных.

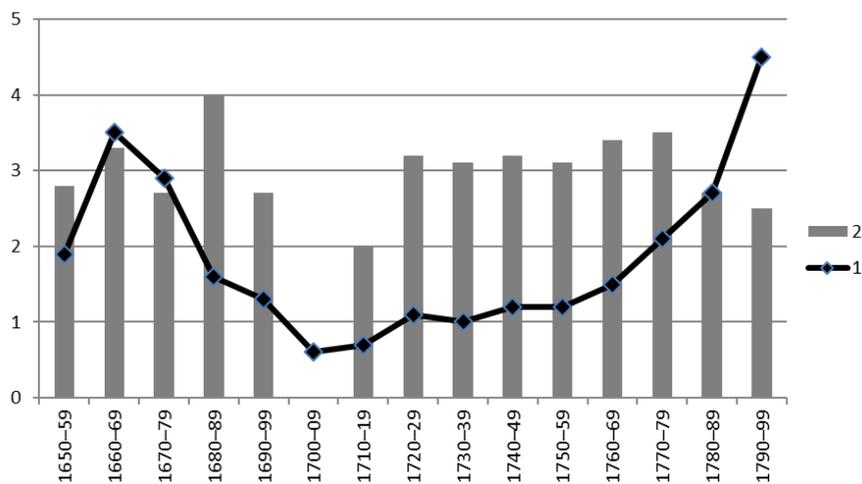
1. Цены на рожь и овес в Вологде (в граммах серебра за четверть) и Эстергетланде (в граммах серебра за баррель):
 1 – цена на овес в Вологде; 2 – цена на овес в Эстергетланде;
 3 – цена на рожь в Вологде; 4 – цена на рожь в Эстергетланде

Сост. по: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 154, 162, 165, 171, 174, 416; Hansson, s. 33–34; Миронов, 1985, с. 194.

⁴ Верхняя граница обусловлена тем, что Б. Н. Мироновым опубликованы сведения о ценах в Вологде за 1710–1723 гг., а следующий его ряд цен в Вологде начинается только с 1744 г.

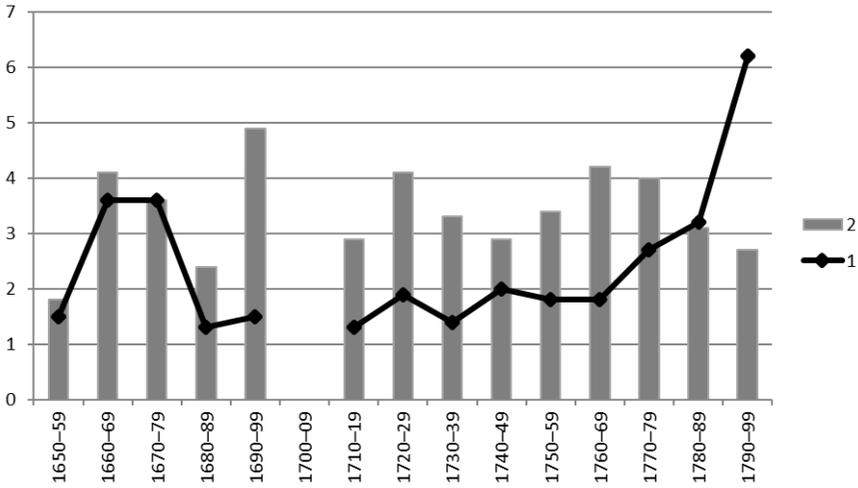
⁵ Величина коэффициента корреляции от 0,5 до 0,7 интерпретируется как «умеренная связь» [Мазур, с. 544].

Следует также рассмотреть и вопрос о влиянии урожайности на динамику российских цен. Именно урожайность, как правило, рассматривается в качестве ключевого фактора, определявшего колебания цен в доиндустриальную эпоху [Полетаев, с. 82–87]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют отвести им более скромную роль (рис. 2–4). Очевидно, что данные по урожайности не позволяют объяснить скачок хлебных цен, произошедший в 1660-е и 1790-е гг.: в эти десятилетия урожайность оставалась примерно на среднем уровне. Тем не менее, некоторая синхронность все же наблюдается. Так, можно заметить, что в большинстве случаев периоды роста цен совпадают с периодами роста урожайности, и наоборот. И это весьма удивительно, поскольку рост последнего показателя, обуславливавший увеличение предложения хлеба, должен был предопределить снижение цен на него. Мы можем предположить, что причины этой синхронности связаны с влиянием факторов спроса, а именно ограничений (в том числе временных) на винокурение и вывоз хлеба в неурожайные годы [ПСЗ-1, т. 42, ч. 2, с. 1218–1222, 1265–1267]. В частности, ограничения вывоза хлеба правительство за редким исключением перестало вводить только после 1762 г. в связи с либерализацией внешней торговли [Мустафин, 2017, с. 199–200]. Вероятно, это и предопределило то, что в последней трети столетия мы уже наблюдаем обратную корреляцию между показателями: периоды роста цен совпадают с периодами снижения урожайности.

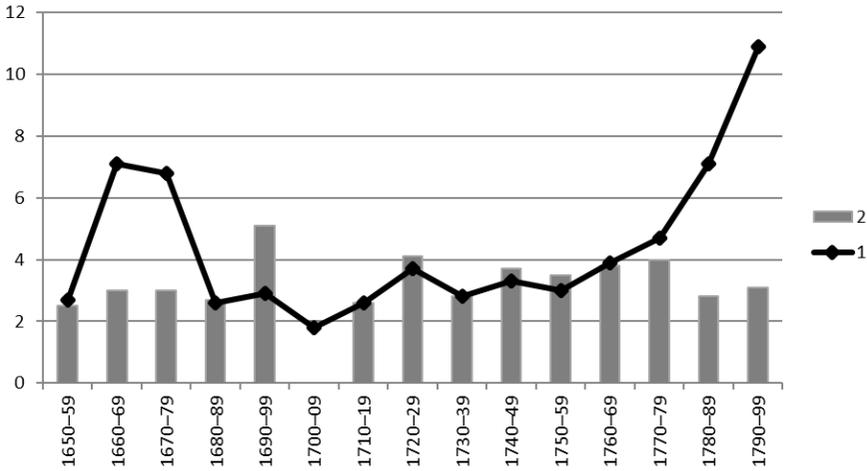
2. Цена (в граммах серебра за 1/10 четверти) и урожайность (в самах) овса в Центральном-Нечерноземном районе:
1 – цена на овес; 2 – урожайность овса

Сост. по: см. табл. 2.

3. Цена (в граммах серебра за 1/10 четверти) и урожайность (в самах) овса в Северном районе:
1 – цена на овес; 2 – урожайность овса

Сост. по: см. табл. 2.

4. Цена (в граммах серебра за 1/10 четверти) и урожайность (в самах) ржи в Северном районе:
1 – цена на рожь; 2 – урожайность ржи

Сост. по: см. табл. 2.

Еще одно объяснение динамики цен мы находим в военных и социальных конфликтах. Как правило, экономические историки лишь соотносят периоды конфликтов с периодами роста и сниже-

ния цен: весьма проблематично количественно оценить влияние данного фактора на экономическую динамику. В частности, этот метод применял Б. Н. Миронов, пришедший к выводу, что никакой четкой зависимости между движением цен и войнами XVIII – начала XX в. не прослеживается [Миронов, 1985, с. 126]. По всей видимости, это справедливо и для предшествующих десятилетий. Так, Русско-польская (1654–1667) и Русско-шведская войны (1656–1658) сказались на росте цен, в том числе опосредовано через влияние финансовых реформ [Лазарев]. Однако Северная война (1700–1721) не столь заметно отразилась на динамике региональных цен. Что касается влияния социальных конфликтов XVII в., то здесь мы можем отметить только Соловецкое восстание (1668–1676) и восстание Степана Разина (1667–1671), которые, вероятно, и обусловили высокие цены на рубеже десятилетий.

Подведем итоги. Рассмотренная динамика цен ставит под сомнение концепцию о революции цен в России в XVIII в.: практически на протяжении всего столетия хлебные цены оставались ниже уровня 1660–1670-х гг., и только в 1790-е гг. они ненадолго преодолели его. И хотя и нельзя исключать влияние европейского рынка, однако считать его ключевым фактором, определявшим российские цены, было бы неверным. Это справедливо и по отношению к другим факторам, в том числе к урожайности, к влиянию военных и социальных конфликтов. Разумеется, вопрос о факторах цен требует дальнейшего глубокого изучения. Тем не менее, выявленная синхронность между хлебными ценами и рассмотренными показателями свидетельствует в пользу надежности имеющихся данных.

Список литературы

Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 71–90.

Башилин Н. В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666–1667 гг. // Тр. С.-Петербург. ин-та истории РАН. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 226–340.

ГКУ ЦАНО. Ф. 998 (Макарьевский Желтоводский мужской монастырь). Оп. 588. Д. 132, 305.

Дадыкина М. Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 123–140. DOI 10.15826/qr.2016.3.179.

Дмитриева З. В., Козлов С. А. Взимание налогов с монастырских вотчин в годы Русско-польской войны (1654–1667) // Петерб. ист. журн. 2017. № 4. С. 7–31.

Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет : (Вторая половина XVII – XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 141–155.

Лазарев Я. Факторы, механизмы и ресурсы устойчивого контроля Российским государством территории «Малой России» (XVII в., вторая половина) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2. С. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 274 с.

Миронов Б. Н. Революция цен в России в XVIII в. // *Вопр. истории.* 1971. № 11. С. 49–61.

Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л. : Наука, 1985. 301 с.

Миронов Б. Н. История в цифрах : Математика в исторических исследованиях. Л. : Наука, 1991. 165 с.

Мустафин А. Р. «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII веке // *Рос. история.* 2017. № 2. С. 198–209.

Мустафин А. Аберрация налогового бремени Петровской эпохи в исторических исследованиях // *Quaestio Rossica.* Т. 7. 2019. № 4. С. 1214–1228. DOI 10.15826/qf.2019.4.434.

ОР РНБ. Ф. 1283 (Онежский Крестный монастырь). Оп. 1. Д. 22.

Петрухинцев Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // *Quaestio Rossica.* 2014. № 2. С. 263–292.

Поletaев А. В., Савельева И. М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М. : Юстицинформ, 2009. 272 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 42.

Разходная книга Новгородского митрополита Никона 7160 года // *Временник Императорского общества истории и древностей российских.* 1852. Кн. 13. С. 1–62 (3 pag.).

РГАДА. Ф. 196 (Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 26, 37, 49, 89, 106, 112, 172, 176, 189, 228, 683; Ф. 236 (Патриарший (Синодальный) дворцовый приказ). Оп. 1. Д. 67; Ф. 248 (Сенат). Кн. 814; Ф. 1195 (Крестный Онежский мужской монастырь). Оп. 1. Д. 5, 12; Ф. 1201 (Соловецкий мужской монастырь). Оп. 1. Д. 54, 56, 58, 63, 66, 71, 139, 140, 154, 162, 165, 171, 174, 177, 333, 345, 416, 505, 512, 519, 529, 530, 535, 554, 658, 749, 939, 940, 944, 950, 986 ч. 4, 6, 7, 9; Оп. 2. Д. 543; Оп. 5. Д. 760; Ф. 1441 (Кириллов Белозерский мужской монастырь). Оп. 1. Д. 281, 922, 1455, 1459, 1460, 1462, 1465, 1479, 1480–1486, 1494, 1508, 1514, 1515, 1522, 1553, 1557, 1560, 1564, 1593, 1606, 1608; Оп. 2. Д. 105, 255, 279, 280, 467; Ф. 1447 (Вознесенская Давыдова мужская пустынь). Оп. 1. Д. 1.

Таможенные книги Московского государства XVII века : в 3 т. / под ред. А. И. Яковлева. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1951. Т. 2. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг. 898 с. Т. 3. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг. 886 с.

Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России : Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М. : Наука, 1974. 335 с.

Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2018. 896 с.

ЦГА Москвы. Ф. 421 (Московский ставропигиальный мужской Донской монастырь). Оп. 1. Д. 21а, 23.

Braudel F., Spooner F. Prices in Europe from 1450 to 1750 // *Cambridge Economic History of Europe.* Vol. 4. The Economy of Expanding Europe in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1967. P. 378–486.

Bushkovitch P. The Merchants of Moscow, 1580–1650. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. 212 p.

Fischer D. H. The Great Wave : Price Revolutions and the Rhythm of History. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. 536 p.

Hansson G. Såld spannmål av kyrkotionden. Priser i Östergötland under Sveriges stormaktstid. Tabell- och diagrambilaga. Umeå : Umeå universitet, 2006. 131 s.

Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago ; L. : Univ. of Chicago Press, 1999. 671 p.

References

Bashnin, N. V. (2015). Arkhiepiskop Vologodskii i Belozerskii Simon i ego prikhodorrashkodnaya kniga “moskovskoi ezdy” 1666–1667 gg. [Archbishop Simon of Vologda and Belozersk and His Account Book of the “Moscow Trip”, 1666–1667]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 226–340.

Bashnin, N. V. (Ed.). (2018). *Khozyaistvennyye knigi Vologodskogo arkhiepeiskogo doma Svyatoi Sofii XVII – nachala XVIII v.* [The Economy Books of the Vologda Archepiscopal Palace of St Sophia from the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 896 p.

Bazilevich, K. V. (1936). K voprosu ob izuchenii tamozhennykh knig XVII v. [The Question of Studying 17th-Century Customs Books]. In *Problemy istochnikovedeniya*. Iss. 2. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 71–90.

Braudel, F., Spooner, F. (1967). Prices in Europe from 1450 to 1750. In *Cambridge Economic History of Europe. Vol. 4. The Economy of Expanding Europe in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 378–486.

Bushkovitch, P. (1980). *The Merchants of Moscow, 1580–1650*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 212 p.

Dadykina, M. (2016). Upravlyaya prostranstvom: organizatsiya Spaso-Prilustskim monastyrem vodnykh kommunikatsii i ikh struktura (XVI–XVII vv.) [Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in the Spaso-Prilustsky Monastery (16th–17th Centuries)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3. pp. 123–140. DOI 10.15826/qr.2016.3.179.

Dmitrieva, Z. V., Kozlov, S. A. (2017). Vzimanie nalogov s monastyr'skikh votchin v gody russko-pol'skoi voyny (1654–1667) [Collection of Taxes from Monastery Estates at the Time of the War between Russia and Poland (1654–1667)]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 4. pp. 7–31.

Fischer, D. H. (1996). *The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 536 p.

GPU TsANO [State-Funded Institution Central Archive of Nizhny Novgorod Region]. Stock 998 (Makar'evskii Zheltovodskii muzhskoi monastyr'). List 588. Dos. 132, 305.

Hansson, G. (2006). *Säld spannmål av kyrkotionden. Priser i Östergötland under Sveriges stormaktstid. Tabell- och diagrambilaga*. Umeå, Umeå universitet. 131 s.

Hellie, R. (1999). *The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725*. Chicago, L., Univ. of Chicago Press. 671 p.

Indova, E. I. (1970). Urozhai v Tsentral'noi Rossii za 150 let. (Vtoraya polovina XVII – XVIII v.) [Harvests in Central Russia over 150 Years (Second Half of the 17th – 18th Centuries)]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1965*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 141–155.

Lazarev, Ya. (2018). Faktory, mekhanizmy i resursy ustoichivogo kontrolya Rossiiskim gosudarstvom territorii “Maloi Rossii” (XVII v., vtoraya polovina) [Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 2, pp. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

Man'kov, A. G. (1951). *Tseny i ikh dvizhenie v russkom gosudarstve XVI veka* [Prices and Their Movement in the Russian State of the 16th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 274 p.

Mazur, L. N. (2010). *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 608 p.

Mironov, B. N. (1971). Revolyutsiya tsen v Rossii v XVIII v. [The Price Revolution in Russia in the 18th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 49–61.

Mironov, B. N. (1985). *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII–XIX vv.)* [Bread Prices in Russia over Two Centuries (18th–19th Centuries)]. Leningrad, Nauka. 301 p.

Mironov, B. N. (1991). *Istoriya v tsifrakh. Matematika v istoricheskikh issledovaniyakh* [History in Figures: Mathematics in Historical Research]. Leningrad, Nauka. 165 p.

Mustafin, A. (2019). Aberratsiya nalogovogo bremeni Petrovskoi epokhi v istoricheskikh issledovaniyakh [The Tax Burden in the Petrine Era: Historiographical Discussions]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 4, pp. 1214–1228. DOI 10.15826/qr.2019.4.434.

Mustafin, A. R. (2017). “Vedomosti odna s drugoyu nikakogo skhodstva ne imeyut”: verifikatsiya dannykh o khlebynykh tsenakh v Rossii v XVIII veke [“The lists bear no resemblance to each other”: Verification of Grain Prices in 18th-Century Russia]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 198–209.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 1283 (Onezhskii Krestnyi monastyr’). List 1. Dos. 22.

Petrukhintsev, N. (2014). “Finansy voiny” i ofiterskii korpus polkov “novogo stroya” v voennoi reforme Alekseya Mikhailovicha (1663) [“War Finance” and the Officer Corps of the “New Order” Regiments in Tsar Aleksey Mikhailovich’s Military Reform (1663)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 263–292.

Poletaev, A. V., Savel’eva, I. M. (2009). “Tsikly Kondrat’eva” v istoricheskoi retrospektive [“Kondratyev Cycles” in Historical Retrospective]. Moscow, Yustitsinform. 272 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 42.

Razkhodnaya kniga Novgorodskago mitropolita Nikona 7160 goda [The Account Book of Nikon, Metropolitan of Novgorod, 7160]. (1852). In *Vremennik Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh*. Book 13, pp. 1–62 (3 p.).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 196 (Rukopisnoe sobranie F. F. Mazurina). List 1. Dos. 26, 37, 49, 89, 106, 112, 172, 176, 189, 228, 683; Stock 236 (Patriarshii (Sinodal’nyi) dvortsovyi prikaz). List 1. Dos. 67; Stock 248 (Senat). Book 814; Stock 1195 (Krestnyi Onezhskii muzhskoi monastyr’). List 1. Dos. 5, 12; Stock 1201 (Solovetskii muzhskoi monastyr’). List 1. Dos. 54, 56, 58, 63, 66, 71, 139, 140, 154, 162, 165, 171, 174, 177, 333, 345, 416, 505, 512, 519, 529, 530, 535, 554, 658, 749, 939, 940, 944, 950, 986, Part 4, 6, 7, 9; List 2. Dos. 543; List 5. Dos. 760; Stock 1441 (Kirillov Belozerskii muzhskoi monastyr’). List 1. Dos. 281, 922, 1455, 1459, 1460, 1462, 1465, 1479, 1480–1486, 1494, 1508, 1514, 1515, 1522, 1553, 1557, 1560, 1564, 1593, 1606, 1608; List 2. Dos. 105, 255, 279, 280, 467; Stock 1447 (Voznesenskaya Davydova muzhskaya pustyn’). List 1. Dos. 1.

Tikhonov, Yu. A. (1974). *Pomeshchich’i krest’yane v Rossii. Feodal’naya renta v XVII – nachale XVIII v.* [Landlord Peasants in Russia. Feudal Rent in the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow, Nauka. 335 p.

TsGA Moskvyy [Central State Archive of Moscow]. Stock 421 (Moskovskii stavropigial’nyi muzhskoi Donskoi monastyr’). List 1. Dos. 21a, 23.

Yakovlev, A. I. (Ed.). (1950–1951). *Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII veka v 3 t.* [Customs Books of the Moscow State of the 17th Century. 3 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. Severnyi rechnoi put’: Ustyug Velikii, Sol’vychevodsk, Tot’ma v 1650–1656 gg. 898 p. Vol. 3. Severnyi rechnoi put’: Ustyug Velikii, Sol’vychevodsk, Tot’ma v 1675–1680 gg. 886 p.

The article was submitted on 04.12.2020

**УТРАЧЕННОЕ ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКОГО ГЕОРГУ
ВИЛЬГЕЛЬМУ ДЕ ГЕННИНУ: К ИСТОРИИ ЭКСПЕРТНОЙ
МЫСЛИ И АНТИКВАРНОГО РЫНКА***

Татьяна Базарова

Александра Чиркова

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**PETER THE GREAT'S LOST LETTER TO GEORG WILHELM
DE HENNING: ON THE HISTORY OF EXPERT THOUGHT
AND THE ANTIQUES MARKET****

Tatiana Bazarova

Aleksandra Chirkova

St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

The elements of expert analysis established in Russian academic circles by the late nineteenth century, when auxiliary historical disciplines became an indispensable part of the academic base of historical knowledge, are described in this article with reference to a lost letter by Peter I to Georg Wilhelm de Henning sent on 24 December 1724. These elements include the study of the letter, the stages and methods of introducing it into scholarly circulation, and the assessment of its significance and value in monetary terms. It is established that the original of the letter ended up in a private collection in the early twentieth century and became inaccessible to historians. However,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ в рамках проекта № 075–15–2020–786 «История письма европейской цивилизации».

** *Citation:* Bazarova, T., Chirkova, A. (2021). Peter the Great's Lost Letter to Georg Wilhelm de Henning: On the History of Expert Thought and the Antiques Market. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 927–944. DOI 10.15826/qr.2021.3.619.

Цитирование: Bazarova T., Chirkova A. Peter the Great's Lost Letter to Georg Wilhelm de Henning: On the History of Expert Thought and the Antiques Market // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 927–944. DOI 10.15826/qr.2021.3.619 / Базарова Т., Чиркова А. Утраченное письмо Петра Великого Георгу Вильгельму де Геннину: к истории экспертной мысли и антикварного рынка // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 927–944. DOI 10.15826/qr.2021.3.619.

handwritten copies, a draft, and descriptions have survived. The article analyses the work with Peter I's letter performed by the members of the commission for the publication of Peter the Great's letters and papers, as well as by the first owner of the letter, N. K. Bogushevsky, the Parisian antiquarian Noël Charavay, into whose hands the letter fell a decade after its former owner's death, and N. P. Likhachev, a prominent specialist in a number of auxiliary historical disciplines to whom the antiquary turned for an expert opinion. While researching the copies and descriptions of Peter I's letter, the authors used traditional methods of expert analysis of the missing original found in the collections of St Petersburg Institute of History (Russian Academy of Sciences), the Russian State Archive of Ancient Acts, and the National Archives of France. Referring to handwritten materials from the Russian State Archive of Literature and Arts, the Russian State Library, and sales catalogues, the authors carry out a brief analysis of the Western European and Russian antiques market in the late nineteenth – early twentieth centuries in relation to Russian documents from the eighteenth century (prices and demand). The attribution of authenticity to historical documents (including the first Russian emperor's autographs) was not only an issue of the reliability of historical knowledge or academic interest, but also one of reputation of connoisseurs, collectors, antiquarians, and the experts they turned to. At the same time, reputation helped ensure the quality of expertise and was a tool for raising this through horizontal connections within the professional community.

Keywords: Peter the Great, Georg Wilhelm de Henning, authenticity examination, antiques market, autograph collection, Nikolai P. Likhachev, Noël Charavay

На примере утраченного письма Петра I, отправленного В. И. Геннину из Санкт-Петербурга 24 декабря 1724 г., – его изучения, этапов и методов введения в научный оборот, оценки значимости и стоимости, выраженной в денежном эквиваленте, – показаны те элементы экспертного анализа, которые закрепились на русской почве к концу XIX в., когда вспомогательные исторические дисциплины стали неотъемлемой частью научной базы исторического знания. Установлено, что оригинал письма в начале XX в. попал в частную коллекцию и оказался недоступен для историков. Выявлены сохранившиеся до наших дней его рукописные копии и черновой отпуск. Проанализирована работа с письмом российского императора членов Комиссии по изданию писем и бумаг Петра Великого, первого владельца подлинника Н. К. Богусhevского, парижского антиквара Н. Шараве, к которому подлинник попал в руки спустя десятилетие после смерти владельца, и Н. П. Лихачева – выдающегося специалиста по вспомогательным историческим дисциплинам, к которому антиквар обратился за экспертной оценкой. Авторы статьи использовали традиционные методы экспертного анализа для изучения копий и описаний утраченного подлинника, выявленных в собраниях СПбИИ РАН, РГАДА и Национального архива Франции. На основе рукописных материалов РГАЛИ, НИОР РГБ и каталогов продаж впервые произведе-

ден анализ западноевропейского и российского антикварного рынка рубежа XIX–XX вв. применительно к русским документам XVIII в. в отношении цен и спроса. Сделан вывод, что письмо Петра I представляло собой необычайную редкость для частных коллекционеров. Атрибуция подлинности рукописных документов (в том числе автографов первого российского императора) становилась вопросом не только достоверности исторического знания и академического интереса, но и репутации знатоков-коллекционеров, антикварных домов и привлекаемых ими экспертов. Одновременно с этим репутация являлась гарантом качества экспертизы и инструментом повышения ее уровня за счет горизонтальных связей внутри профессионального сообщества.

Ключевые слова: Петр I, В. И. Геннин, экспертиза подлинности, антикварный рынок, коллекционирование автографов, Н. П. Лихачев, Н. Шарав

Обращение к любому источнику информации неизменно ставит перед исследователем вопрос о подлинности как самого источника, так и содержащихся в нем сведений. В случае с рукописным материалом за время развития вспомогательных (специальных) исторических дисциплин экспертным сообществом для разных видов письменности и различных типов письменных свидетельств былработан богатый инструментарий. Одним из проверенных инструментов экспертизы подлинности актового материала – фактически с зарождения дипломатики в XVII в. – является учет всех сохранившихся до нашего времени актов, вышедших от имени того или иного властного лица, из стен того или иного учреждения или касающихся того или иного региона. Такой подход может быть реализован в виде тематических сборников документов (полнотекстовых публикаций памятников), в виде регестов (подробных аннотаций, включающих в себя все исторические сведения, сохранившиеся в тексте документа) или даже в виде простых атрибуционных перечней, куда наравне с подлинниками также включаются известные копии, подделки, сомнительные экземпляры (*spuria*) и те документы, которые известны лишь по упоминаниям или фрагментам (*deperdita*).

Главным образом такой скрупулезный поход применяется в отношении древних или средневековых актов. Одним из примеров основанного на данном подходе издания памятников Нового времени является многотомная публикация «Писем и бумаг императора Петра Великого». Идея публикации письменного наследия первого российского императора принадлежала академику (и будущему директору Публичной библиотеки) Афанасию Федоровичу Бычкову (1818–1899). В декабре 1872 г. была образована Комиссия по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого», в которую вошли ведущие российские ученые-историки. В течение многих лет кропотливый поиск и копирование документов осуществлялись в собраниях российских и зарубежных архивов и библиотек. Не оставили без внимания члены комиссии

и частные коллекции. Всего к 1885 г. было выявлено и скопировано около 15 тыс. документов, которые систематизировались по хронологическому принципу¹ [Подъяпольская, с. 66–67].

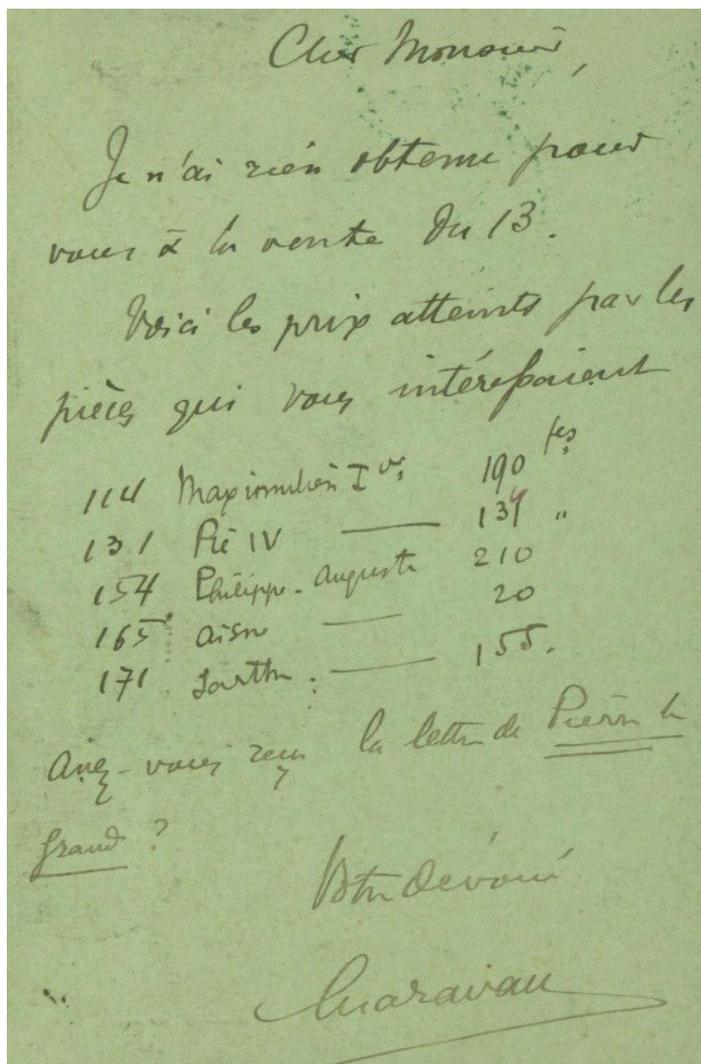
В настоящее время эти копии хранятся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (ф. 270, «Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого»). Последний из вышедших из печати томов включает документы июня – декабря 1713 г. [Письма и бумаги, т. 13, вып. 2], остальные бумаги первого российского императора еще ждут своей публикации. Поэтому современные историки продолжают активно использовать собранные комиссией материалы.

При копировании писем Петра I обязательно указывалось место их хранения. Ссылки на государственные архивы дают исследователям возможность найти оригиналы автографов. Указание на частное собрание в большинстве случаев означает, что документ утрачен. Когда сверить копию с оригиналом не представляется возможным, приходится полагаться на высокую квалификацию членов комиссии и лиц, которых привлекали к копированию. Дополнительную информацию может дать выявление и сравнение различных рукописных и опубликованных копий документа.

В фонде 270 сохранилось несколько десятков копий писем Петра I В. И. Геннину (1676–1750), лишь часть которых опубликована на страницах продолжающегося издания. В 1698 г. уроженец графства Нассау Вильгельм Георг (Вилим Иванович) был принят на царскую службу фейерверкером (сержантом артиллерии). Он участвовал в первых сражениях Северной войны, а в 1713 г. стал комендантом Олонца. С этого времени его дальнейшая служба государю была тесно связана с развитием русской металлургии и горного дела, строительством и модернизацией заводов в Карелии и на Урале. Неудивительно, что жизнь и деятельность генерал-майора продолжают привлекать внимание историков [Корепанов; Серов, Федоров, с. 369–385; Редин, 2020, с. 122–130]. Не прекращаются изучение и введение в научный оборот переписки государя с В. И. Генниным [Геннин; Редин, 2003, с. 36–63]. Однако одно из последних писем государя, отправленное генерал-майору 24 декабря 1724 г., оригинал которого в XIX в. находился в частной коллекции, длительное время оставалось неизвестным широкому кругу историков. В 2020 г. был опубликован сохранившийся в РГАДА черновой отпуск данного письма [Законодательные акты, с. 713]². В Архиве СПбИИ РАН, помимо рукописной копии отпуска, имеется и копия оригинала (см. прил.). После текста документа указано, что подлинник «принадлежит барону Николаю Казимировичу Богушевскому» [Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 551 об.].

¹ В 1887 г. вышел первый том, включавший документы за 1688–1701 гг. [Письма и бумаги, т. 1].

² Комиссия по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого» скопировала и черновой отпуск письма [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 554–554 об.].

Открытка Н. Шараве из Парижа Н. П. Лихачеву. 15 декабря 1902 г.
Postcard of Noël Charavay from Paris to N. P. Likhachev. December 15, 1902

Один из создателей Псковского археологического общества археограф и библиофил Н. К. Богушевский (1851–1891) был увлеченным собирателем автографов. Он много путешествовал по Западной Европе, посещал аукционы, обменивался с коллегами каталогами. К 1884 г. коллекция, которую он планировал подарить Императорской публичной библиотеке, достигла 12 тыс. единиц. Однако коллекционеру не удалось осуществить свой замысел: в тот год почти все собрание документов погибло во время пожара, и его пришлось воссоздавать практически с нуля. За несколько

лет Н. К. Богушевский довел число документов до 3 тыс. и собирался увеличить собрание автографов, чтобы передать Публичной библиотеке. Тяжелая болезнь и смерть нарушили эти планы. Собрание Н. К. Богушевского унаследовала его сестра Ольга, которая не выполнила пожелание брата [Огнева, с. 61–64]. В 1896 г. Сотби, Уилкинсон и Ходж опубликовали каталог коллекции автографов барона Н. К. Богушевского. Среди выставленных на продажу 488 документов было и письмо первого российского императора В. И. Геннину от 24 декабря 1724 г. (в каталоге № 351) [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 8. Л. 20]. В начале XX в. этот автограф Петра I появился на антикварном аукционе в Париже.

Н. К. Богушевский переписывался с известными русскими и европейскими коллекционерами и историками, в том числе и с А. Ф. Бычковым [Огнева, с. 61–62]. Поэтому Комиссия по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого» в поисках автографов государя обратилась за помощью к псковскому собирателю. Об этом свидетельствует еще одна копия письма государя В. И. Геннину от 24 декабря 1724 г., выполненная Н. К. Богушевским [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 552–552 об.]. По-видимому, коллекционер прислал в Санкт-Петербург копии и других писем Петра I, адресованных В. И. Геннину³.

Третья рукописная копия вышеупомянутого письма государя была обнаружена среди бумаг видного коллекционера рукописей будущего академика Н. П. Лихачева (1862–1936). Изучение переписки ученого с одним из его постоянных контрагентов парижским антикваром Н. Шараве [Архив СПбИИ РАН. РС. К. 238. Доп. опись. Д. б/н]⁴ позволяет не только прояснить дальнейшую судьбу оригинала письма первого российского императора, но и получить представление об обстоятельствах, в которых происходило становление отечественной экспертизы рукописей. Появляется возможность затронуть такой аспект значимости культурного наследия, как его ценность, выраженная в денежном эквиваленте, – параметр, нередко ускользающий от внимания историков, но чрезвычайно важный для организаторов выставок, хранителей музеев, архивов и библиотек.

В конце XIX – начале XX в. Ноэль Шараве (1861–1932), кавалер ордена Почетного легиона, входил в число видных европейских экспертов в определении подлинности рукописей и автографов. Его

³ Сохранились выполненные Н. К. Богушевским копии двух писем Петра I от 16 июля и 15 августа 1723 г. Скопирована была и помета на письме от 16 июля 1723 г.: «1723 сентября в 5 день курьер Федор Вельяминов в Екатеринбургские заводы». О втором письме Н. К. Богушевский сообщил, что оно представляло собой копию на немецком языке, выполненную В. И. Гениным [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 552–553]. Возможно, псковский коллекционер оказался обладателем части личной канцелярии В. И. Генина.

⁴ Основной массив переписки хранится в [СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 130; Оп. 3. Д. 33].

торговое предприятие заслужило самые лестные отзывы со стороны Н. П. Лихачева: «Первый по значению и научности торговый дом на улице Фюрстенберг. <...> Там находил я желанные звенья великой дипломатической выставки, о коей я мечтал» [Лихачев, 1991, с. 203]. Фирма была основана в 1845 г. отцом Ноэля Жаком Шараве (1809–1867) и первоначально называлась «Maison Charavay frères» («Дом братьев Шараве»). В 1865 г. младший брат Жака энциклопедист и издатель Габриэль Шараве (1818–1879) открыл собственную книготорговлю. Основное предприятие, уже носившее имя «Maison J. Charavay aîné» («Дом Ж. Шараве-старшего»), во времена Н. П. Лихачева сначала находилось под руководством старшего из сыновей основателя Этьена (1848–1899), заслужившего репутацию лучшего эксперта-почерковеда Европы, а в 1894 г. перешло к Ноэлю. Торговый дом выпускал журнал, посвященный вопросам экспертизы, – «L'amatateur d'autographes» («Любитель автографов»), где однажды была опубликована статья Н. П. Лихачева [Likhatsheff; Лихачев, 1990, с. 286–289], и ежемесячные каталоги с продолжавшейся нумерацией под названием «Bulletin d'autographes à prix marqués» («Бюллетень автографов с обозначенными ценами»). Помимо этого, при распродаже крупных частных коллекций издавали аукционные каталоги.

Судя по сохранившейся корреспонденции Н. П. Лихачева с иностранными коллегами, его переписка с Ноэлем Шараве была и самой продолжительной (1898–1917), и самой объемной (письма Н. Шараве занимают более 250 листов). В основном она касалась обсуждения цен на рукописные памятники, предложений о покупке со стороны Н. Шараве, заказов со стороны Н. П. Лихачева и вопросов подлинности конкретных автографов, посылавшихся друг другу на экспертизу обычной почтой [Лихачев, 1990, с. 291–294]. Случались и взаимные проверки уровня профессионализма с пересылкой сомнительных или сложных в атрибуции грамот и писем [Там же, с. 293].

Вероятно, что и вышеупомянутый автограф Петра I был послан в Санкт-Петербург в обычном почтовом конверте с той же целью – менее, чем через год после публикации у Н. Шараве заметки Н. П. Лихачева о поддельных итальянских автографах [Likhatsheff].

Paris, le 9 décembre 1902

Cher Monsieur,

Voudriez-vous me rendre le grand service de me donner une analyse de quelques lignes sur le contenu de la lettre de Pierre le Grande, que vous trouverez sous ce pli; vous m'obligeriez beaucoup.

Je vous prie d'excuser l'indiscrétion que je commets en abusant ainsi de vos moments. Je serai heureux de vous rendre le même service à l'occasion. J'ajoute

à mon indiscretion en vous priant de me retourner la pièce le plus tôt qu'il vous sera possible, par ce qu'elle doit être comprise dans une vente du mois de janvier prochain.

Mille excuses et merci d'avance.

Votre tout dévoué
Charavay⁵.

Следующее упоминание о письме Петра I встречается в открытке, отосланной из Парижа 15 декабря 1902 г. Сообщая коллекционеру о том, что ничего не приобрел по его заказам на собственном аукционе 13 декабря и назвав итоговую цену, за которую ушли документы, явно большую, чем они договорились с Н. П. Лихачевым, Н. Шараве спрашивал в постскриптуме: «Avez-vous reçu la lettre de Pierre le Grande?»⁶ – и выделил имя российского императора подчеркиванием (см. ил.).

Помимо писем Н. Шараве, сохранился черновик транскрипции документа, сделанный Н. П. Лихачевым, а также и снабженная пометой «Копия» транскрипция, переписанная другой рукой – с правками и дополнением ученого. Очевидно, это черновик отправленного в Париж экземпляра. Имеется и черновое описание письма Петра I, выполненное Н. П. Лихачевым: карандашом – по-русски, чернилами – по-французски с правкой карандашом перед перепиской набело. Приведем русский вариант описания:

Письмо (правильнее – «указ»)⁷ адресовано генерал-майору Гильом⁸ (де) Геннингу⁹ (ум. 1750)¹⁰, известному деятелю по горному делу, главному директору Сибирских заводов (с марта 1722 года). Император благодарит Геннинга за труды по приисканию руд и вызывает его немедленно в Петербург ради «нужнейших дел». Ехать предписы-

⁵ Письмо написано на бланке журнала «L'Amateur d'autographes. Revue rétrospective et contemporaine» с указанием адреса антиквара: «3, Rue de Furstenberg. Paris (VIe)».

«Париж, 9 декабря 1902 г.

Милостивый государь, не согласитесь ли Вы оказать мне великую услугу – передать в нескольких строках содержание письма Петра Великого, которое Вы найдете в этом конверте? Очень бы Вы меня тем обязали. Прошу Вас извинить мою бестактность, если я злоупотребляю Вашим временем. Был бы счастлив оказать Вам при случае подобную услугу. Присовокуплю к моей бестактности просьбу возвратить мне этот документ как можно скорее, поскольку он должен быть выставлен на торги в ближайшем январе месяце.

Тысяча извинений, заранее Вам благодарен.

Всегда преданный Вам Шараве
(здесь и далее пер. с фр. А. В. Чирковой).

⁶ «Получили ли Вы письмо Петра Великого?»

⁷ Вставлено поверх строки.

⁸ Зачеркнуто «Вильгельму».

⁹ Выделено подчеркиванием.

¹⁰ Вставлено поверх строки.

вается как можно скорее, «по почте». Извещает, что новая медь Пысгорских заводов получена и очень хороша. Предписывает захватить с собою побольше карандашной массы, чтобы ее отделать в дерево уже в Петербурге.

Письмо 2 стр. in 4° написано писарской рукой, автограф императора – только его подпись «Петр». Помета («24 Дек. 1724 г.») дня написания сделана секретарем. Приписка (postscriptum)¹¹ о карандаше продиктована после и также написана рукой одного из секретарей.

Помета на обороте свидетельствует, что Геннинг¹² получил указ¹³ 16 января 1725 года.

Во французском переводе изначальный вариант *scribe* («писец») Н. П. Лихачев заменил на *copiste* («переписчик»), чтобы подчеркнуть, что автором документа является сам император. При изложении содержания опущен ряд обстоятельств, важных с исторической точки зрения. Коллекционер сосредоточился на привлекательных «редкостях», как было принято делать при описаниях писем и документов в аукционных каталогах.

В каталоге Н. Шараве 22 января 1903 г. описание сократили еще больше: остались лишь пассажи об императорской благодарности, приказание прибыть по неотложным делам в Санкт-Петербург на перекладных и замечание о том, что медь *des mines de Pyskor* хорошего качества [Catalogue, p. 21]. Само письмо обозначено в каталоге как *L. s.* (принятое среди собирателей автографов сокращение от *littera signata*, где интерес представляет только сама подпись), как очень редкое (*très rare*) и экземпляр прекрасной сохранности (*précieuse pièce*). Вероятно, редкости документа и имени Петра I было достаточно для привлечения внимания собирателей, и пассаж о карандашах, любопытный в контексте российских реалий, для европейской публики представлялся излишним.

Описание разместили, как это было заведено в каталогах автографов, согласно алфавитному порядку, между письмом с подписью папы Пия IX и собственноручным письмом маркизы де Помпадур, обозначенным как весьма занятное (*très jolie lettre*). Документ выставили под номером 115 bis. Это означает, что общее описание распродаваемой коллекции составили без автографа Петра I, но Н. П. Лихачев успел со своей экспертизой к верстке. Н. Шараве ждал атрибуции русского знатока: документ был анонсирован среди других наиболее привлекательных автографов на обложке каталога как *un ukase de Pierre le Grand* («указ Петра Великого») и помещен в самом начале среди документов, касавшихся членов французской королевской фамилии, уже по хронологии: после Лу-

¹¹ Так у Н. П. Лихачева.

¹² Выделено подчеркиванием.

¹³ Зачеркнуто «письмо».

изы Савойской, Екатерины Медичи и Анны Австрийской, но перед Людовиком XV, Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой.

В антикварных каталогах, сохранившихся в Национальном архиве Франции [AN. Sér. AB XXXVIII. N. 113], имеются специальные вклейки с указанием итоговых цен. Поэтому известно, что письмо Петра I продали за 174 франка. Для сравнения: «соседние» лоты ушли за 25 (автограф Пия IX) и за 130 франков (автограф мадам де Помпадур). Не доставшееся Н. П. Лихачеву на аукционе 13 декабря 1902 г. соглашение между цистерцианским аббатством Омон (Aumône) и архидьяконом Ле-Мана 1191 г. было продано за 155 франков, королевская привилегия парижским мясникам Филиппа-Августа 1212 г. – за 210 франков, собственноручное письмо немецкого императора Максимилиана I 1501 г., адресованное его дочери, наместнице Нидерландов, за 190 франков.

Подписанные российскими императорами письма и указы, безусловно, представляли особый интерес для собирателей исторических документов с автографами. В Западной Европе этот интерес был вызван редкостью подобного рода материалов на антикварном рынке, в самой Российской империи – особой значимостью монарших персон и связью такого рода памятников с событиями отечественной истории. Любопытна характеристика антикварного рынка 1880–1890-х гг., оставленная Н. П. Лихачевым в его «Воспоминаниях» 1925 г.: «Вообще же цены в России были дороги, и лучше было искать в Западной Европе, куда уходили и многие русские коллекции... В Западной Европе центр внимания был обращен на письма. Хартии и документы, архивно-исторический материал не интересовали ни массу собирателей, ни миллиардеров. Приобретали его государственные архивы и музеи и немногие отдельные личности. <...> Трудности описания хартий, их определения хронологического и в смысле подлинности были причиной, что документы не попадали в каталоги» [Лихачев, 1991, с. 198–199]. По сохранившимся при русских документах XVIII в. в коллекции Н. П. Лихачева антикварным обложкам с его пометами [Архив СПбИИ РАН. РС. К. 238. Оп. 2] можно судить, что изрядное число памятников письменности собиратель приобрел через европейских антикваров.

В научной библиотеке Н. П. Лихачева, унаследованной от делом Библиотеки РАН при СПбИИ РАН, сохранилась полная подборка ежемесячных каталогов другой парижской фирмы, связанной с младшей ветвью семейства Шараве. Этот второй известнейший парижский антикварный дом принадлежал младшему брату основателя первого дома Габриэлю, купившему в 1865 г. фирму Огюста Лаверде («Maison Laverdet»), основанную в 1838 г. Во времена собирательства Н. П. Лихачева с 1892 г. предприятие находилось под управлением супруги основателя Розы Тритц

(1838–1918) и более всего было известно под неофициальным названием «Дом вдовы Габриэля Шараве». Сравнивая два антикварных дома, Н. П. Лихачев писал, что вторая фирма «была несколько менее значительна по материалам, но также иногда владела превосходными вещами» [Лихачев, 1991, с. 204], и отмечал при этом высокое качество экспертизы и уровень регулярно издававшихся каталогов «Revue des autographes» («Обзор автографов»). В своем описании письма Петра I Н. П. Лихачев явно ориентировался на манеру «Revue» делать разжигающие интерес «экстракты» из исторических документов.

Просмотр выпусков «Revue» за 1899–1903 гг. дает представление о состоянии парижского антикварного рынка в отношении русских автографов и документов. Первый вывод, который можно сделать в результате этого просмотра, – российские материалы были очень редки. В каждом ежемесячном выпуске 1899–1902 гг., состоявшем из 270–290 номеров, только один-два документа были связаны с историей России. Как правило, выставлялись на продажу письма и автографы художников, писателей, деятелей науки и политических фигур XIX в. 1903 г. оказался беден на русские материалы: они в каталогах фирмы Г. Шараве почти не встречались. Наиболее высокую цену объявили на подлинные автографы российских императоров. Письмо Николая II королю Вюртембергскому 1850 г. [Revue, № 222, п. 187] выставили в мае 1899 г. за 40 франков. Письмо Александра II королю Голландии 1860 г. изначально оценили так же [Revue, № 224, п. 6], через год (в декабре 1900 г.) снова выставили, но уже за 30 франков [Revue, № 241, п. 2].

В каталогах 1899–1902 гг. XVIII столетие представлено лишь несколькими документами. Самым дорогим лотом являлась подборка из 12 писем фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова (1727–1797). Его письма за 1768–1771 гг. на французском языке были адресованы английскому послу в Неаполитанском королевстве сэру В. Гамильтону и вскользь упоминали отдельные события Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Эту подборку выставили в октябре 1899 г. за 300 франков [Revue, № 227, п. 233]. Адресованное В. Гамильтону письмо другого русского дипломата, графа С. Р. Воронцова (1778 г., без раскрытия содержания), оценили в 15 франков [Revue, № 239, п. 258].

Письмо вице-канцлера А. И. Остермана из Москвы 1730 г. выставили в июне 1900 г. за 30 франков без раскрытия содержания, но с пометкой «весьма редкое» (*très rare*) – видимо, письмо было написано на русском языке. Примечательно, что А. И. Остермана ради привлечения дополнительного внимания назвали «секретарем Петра Великого» [Revue, № 235, п. 214]. Немецкий перевод письма Петра I (имя государя вынесли в заглавие лота) «к герцогу Курляндскому» из Копенгагена 25 июля 1716 г., где царь сооб-

щает о смерти своей сестры Натальи Алексеевны¹⁴, оценили в 10 франков [Revue, № 236, п. 267]. Под заголовком «Russie» были выставлены за 20 франков два анонимных французских письма, составленных в марте – апреле 1710 г. в Варшаве и Данциге, с сообщениями о текущих событиях Северной войны [Revue, № 224, п. 277], и три письма дипломата Пуссена, известного тем, что в 1715 г. он сопровождал в Швецию французского посла. В 1710 г. Пуссен находился в Копенгагене и упомянул русского царя, пораженного неудачами своих союзников [Revue, № 230, п. 322]. Если существовала хоть какая-то возможность привязать документ к царственной особе, это непременно находило отражение и в описании лота, и в его размещении под заголовком с именем монарха. Оцененное в 10 франков анонимное письмо 1722 г. английского посла в Голландии о Персидском походе Петра I [Revue, № 256, п. 314] для привлечения внимания было озаглавлено как «Pierre le Grand (histoire de)»¹⁵.

Для российских коллекционеров и антикваров документы Нового времени также представляли чрезвычайный интерес. Упоминания о грамотах XVIII в. встречаются в переписке Н. П. Лихачева со знаменитым московским антикваром Павлом Петровичем Шибановым (1864–1935). По признанию Н. П. Лихачева, тот был первым русским книготорговцем, приступившим к торговле историческими документами: «П. П. Шибанов как инициатор в этой области: первый специальный каталог продажных автографов (документы встречались и в книжных каталогах). Произвольность цен, случайность нахождения автографов и случайность оценки; обычная дороговизна и несоразмерность» [Лихачев, 1991, с. 197]. Правда, из-за краткости упоминаний тех или иных документов в переписке трудно судить, идет ли в каждом конкретном случае речь о рукописных памятниках или о так называемых «летучих изданиях» – печатных указах, которые также могли иметь монаршую подпись [НИОР РГБ. Ф. 342 (Шибановы). Карт. 27. Д. 49. Л. 33; РГАЛИ. Ф. 561 (Шибанов). Оп. 1. Д. 103. Л. 29, 41, 43].

Высокую цену на петровские автографы, сложившуюся на российском антикварном рынке, отмечал и двоюродный брат Николая Петровича казанский археолог Федор Андреевич Лихачев. 29 января 1914 г. он написал П. П. Шибанову:

Кроме того, возвращаю Вам рукописный каталог, который Вы прислали для брата. Вместе с каталогом Вы найдете пачку (кажется, 71 экз.) документов, которые я покорнейше прошу Вас просмотреть и мне потом сообщить, представляют ли они на Ваш взгляд интерес

¹⁴ Царевна Наталья Алексеевна скончалась в Санкт-Петербурге 18 июня 1716 г.

¹⁵ Документ приобрел Н. П. Лихачев [Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. К. 39 (Россия). Карт. 635. № 4].

и какая может быть их (приблизительно, конечно) стоимость. Бумаги петровского времени мне кажутся сомнительными. Остальные более, по-моему, интересны и как автографы, и как известный исторический материал. <...> Буду Вам чрезвычайно благодарен за сообщение Вашего мнения. Когда пошлете бумаги мне обратно, то, пожалуйста, стоимость пересылки или наложите, или сообщите мне о ней в письме [РГАЛИ. Ф. 561 (Шибанов). Оп. 1. Д. 103. Л. 77].

К этому письму прилагалась карандашная записка антиквара. В ней были расписаны отдельные документы из этой «пачки» и к ним добавлены цены – очевидно, в рублях: письмо Петра I – 200, письмо царевича Алексея Петровича – 300, письмо А. Д. Меншикова – 50, автографы М. И. Голенищева-Кутузова – 100, «документы, касающиеся до коронации Александра I», – 100, три автографа Т. Костюшко – 100, «разные документы времени Петра II» – 50.

В качестве свидетельства большого коллекционерского интереса (и типичного курьеза) можно рассматривать упоминание о подделках автографов Петра I, которое встречается у этнографа, драматурга и коллекционера Е. П. Иванова (1887–1967): «Грамота бы интересная – петровская, да подписи самого нет. Отнести к старику Петрову в Леонтьевский – он подпишет, и цена будет...» [Иванов, с. 83]. Этот анекдот вместе с характеристикой уровня экспертизы у П. П. Шибанова и явной беспомощностью сотрудников «Вдовы Габриэля Шараве» в случае с русскоязычными документами свидетельствует, насколько ценна была консультация русского ученого в ответ на запрос Н. Шараве.

Таким образом, подлинное письмо Петра I, проданное в Париже на аукционе Н. Шараве в 1903 г., происходило из собрания псковского коллекционера и после его смерти (1891) уже успело побывать в одной из иностранных коллекций автографов, откуда и попало в руки французского антиквара. Оно представляло необычайную редкость для европейского рынка, имя российского императора совершенно закономерно вынесли на обложку каталога, и в этой связи вопрос о его подлинности имел первостепенное значение для репутации аукциона.

За дружеской просьбой Н. Шараве кратко передать содержание выставяемого на продажу письма скрывался в первую очередь запрос об экспертизе как самого документа, так и автографа российского императора. Таким образом солидная парижская фирма не только признавала высокое реноме русского ученого, но и оказывалась в некотором долгу перед постоянным покупателем, что нашло отражение в постоянном сотрудничестве Н. П. Лихачева с домом Н. Шараве. Анализ переписки показывает, каким образом происходило взаимное обучение экспертов-почерковедов и какие элементы экспертизы подлинности исторических документов выходили в то время на первый план: умение прочесть старинное

письмо и составить качественную транскрипцию с подробной аннотацией, способность различать разные руки, навык атрибуции автографов исторических лиц, знакомство с историческими реалиями, чтобы оценить содержание документа, и знание принципов делопроизводства эпохи. Возраст бумаги и состав чернил не принимались в расчет, так как в начале XX в. изготовление чернил по старинным рецептам еще было в ходу, а старинная бумага встречалась в обиходе и активно использовалась фальсификаторами. Самым важным критерием качества экспертизы была репутация в кругу профессионального сообщества.

Современные методы атрибуции, основанные на анализе больших данных (кластерный анализ в текстологии, распознавание образов с помощью нейронных сетей¹⁶), возможно, обеспечат вхождение в круг экспертов широкой научной общественности и позволят в каждом конкретном случае формализовать критерии подлинности исторических документов хотя бы для их вербального описания. Пока же в основе современной экспертизы, как и столетия назад, лежат личный опыт и «насмотренность» профессионала, что также обеспечивается традицией атрибуций, доставшейся нам от прошлых поколений, и постоянными контактами внутри экспертного сообщества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1724 г., декабря 24. – Письмо Петра I из Санкт-Петербурга В. И. Геннину с указанием прибыть в столицу и благодарностью за труды

Господин генерал-маеор. Писма ваши до нас все исправно дошли, и о чем вы писали, на те дела резолюция учинена, и указы о том к сибирскому губернатору и к вам из Сената посланы, (и тем делам, на которые учинена резолюция, прилагаетца при сем резэстр). Однакож разсудили мы, чтоб для других нужнейших дел приезжали вы к нам. Того для, разпорядя тамошние дела и поруча оные, кому верить, приезжай к нам как наискоря на почте.

Что же писал ты ныне об отдаче вам обоих Пыскорских плавильных заводов обще с Строгановыми, и то по желанию вашему по приезде вашем сюды будет исполнено. И тех заводов новую медь мы получили, которая зело изрядная, и за труды ваши в приискании тех новых руд и в протчих

---

¹⁶ Проект по созданию алгоритма машинного чтения «Автографы Петра Велико-го: чтение технологиями искусственного интеллекта» показал успешность применения этой технологии в распознавании особенностей индивидуального почерка [Базарова, Димитров и др., с. 67–71].

завоцких делех вам благодарствуем. Также старайтесь новые серебряные руды, которые сысканы в Подволошной, опробовать и, ежели они подлинно хороши явятся, то велите тех руд более добывать и плавить.

Сосуды минеральные, которые деланы рускими учениками, до нас дошли.

Петр.

В 24 день декабря 1724, из Питербурха¹⁷.

Р. С. Карандашу тамошняго привези с собою побольше, которой можно здесь роспиловать и обделать в дерево¹⁸. //

Получено при Пискоре¹⁹, 16 день генваря 1725-го году.

[Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 551–551 об. Копия конца XIX в.]. Черновой отпуск письма опубл.: [Законодательные акты Петра I, с. 713].

Список литературы

Архив СПбИИ РАН. РС. К. 238. Оп. 2; Доп. опись. Д. б/н; РС. Ф. 270. Оп. 1. Д. 8, 107; ЗЕС. К. 39 (Россика). Карт. 635. № 4.

Базарова Т. А., Димитров Д. В. и др. Распознать и транскрибировать : Автографы Петра Великого и технологии искусственного интеллекта // Воронцово поле : Вестн. Рос. ист. о-ва. 2020. № 4. С. 64–71.

Геннин Г. В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост. М. О. Акишин. Екатеринбург : Банк культур. информации, 1995. 468 с.

Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники : сб. док. : в 3 т. / сост. Н. А. Воскресенский ; отв. ред. Е. В. Анисимов ; предисл. и подг. текста Д. О. Серова ; археограф. предисл. А. А. Богданова. М. : Древлехранилище, 2020. Т. 2. Акты об общественных классах. 762 с. Т. 3. Акты о промышленности и торговле. 848 с.

Иванов Е. П. Меткое московское слово : Быт и речь старой Москвы. 3-е изд. М. : Моск. рабочий, 1989. 320 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Лихачев Н. П. О подделке итальянских автографов / пер. с фр., прим. и послесл. Л. Г. Климанова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л. : Наука, 1990. С. 286–297.

---

¹⁷ Н. П. Лихачев отметил, что дата и место отправления письма написаны другим почерком.

¹⁸ Н. П. Лихачев выделил, что постскриптум написан третьим почерком. В опубликованном отпуске письма отмечено, что постскриптум в него добавил кабинет-секретарь А. В. Макаров [Законодательные акты, с. 713].

¹⁹ Сделанную в канцелярии В. И. Геннина запись о получении письма неверно прочитали и Н. П. Лихачев («при якоре»), и Н. К. Богушевский («при указе»).

Лихачев Н. П. Воспоминания библиофила и собирателя документов и автографов / публ., предисл. и прим. Л. Г. Климанова // Книга : Исследования и материалы. Сб. 62. М. : Книж. палата, 1991. С. 192–211.

НИОР РГБ. Ф. 342 (Шибановы). Карт. 27. Д. 49.

Огнева Л. А. Н. К. Богушевский – член Псковского археологического общества // Псков. науч.-практ., ист.-краеведч. журн. 2001. № 14. С. 61–64.

Письма и бумаги императора Петра Великого : [в 13 т.]. СПб. (Л.) ; М., 1887–2003. Т. 1. 681 с. Т. 13. Вып. 2. 888 с.

Подъяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археографический ежегодник за 1972 г. М. : Наука, 1974. С. 56–70.

РГАЛИ. Ф. 561 (Шибанов). Оп. 1. Д. 103.

Редин Д. А. Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организации делопроизводства // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. [Вып. 5.] С. 36–63.

Редин Д. А. Правоохранительная деятельность генерала В. И. Геннина как инструмент борьбы за формирование административной экстерриториальности Горного ведомства в 1720-е – начале 1730-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. : в 2 т. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. Т. 1. С. 122–130.

СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 130; Оп. 3. Д. 33.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2019. 432 с.

AN. Sér. AB XXXVIII. n. 113.

Catalogue d'une précieuse collection de lettres autographes... dont la vente aura lieu à Paris, Hôtel des Commissaires-priseurs, rue Drouot, salle n. 8, le samedi, 13 décembre 1902 à trois heures très précises du soir par le ministère de M. Delestre, Commissaire-priseur, 5, rue Saint-Georges, assisté de M. Noël Charavay, expert en autographes, rue de Furstenberg, 3.

Likhatsheff N. de. De la contrefaçon des autographes italiens // L'amateur d'autographes : Revue rétrospective et contemporaine / sous la dir. de N. Charavay. 35e année. Nouveau série. № 4. 15 avril 1902. P. 76–79.

Revue des autographes, des curiosités de l'histoire et de la biographie. № 222 (mai 1899). № 224 (juil. 1899). № 227 (oct. 1899). № 230 (jan. 1900). № 235 (juin 1900). № 236 (juil. 1900). № 239 (oct. 1900). № 241 (déc. 1900). № 256 (mars 1902).

References

AN. Sér. AB XXXVIII. n. 113.

Arkhiv SPbII RAN [Historical Archive of St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], RS [Russian Section], Coll. 238. List 2; List add. Dos. unnumbered; Stock 270. List 1. Dos. 8, 107; ZES [West-European Section]. Coll. 39 (Rossica). Box 635. No. 4.

Bazarova, T. A., Dimitrov, D. V. et al. (2020). Raspoznat' i transkribovat'. Avtografy Petra Velikogo i tekhnologii iisusstvennogo intellekta [To Recognise and Transcribe. Peter the Great's Autographs and Artificial Intelligence Technologies]. In *Vorontsovo pole. Vestnik Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva*. No. 4, pp. 64–71.

Charavay, N. (Ed.). (1902). *Catalogue d'une précieuse collection de lettres autographes... dont la vente aura lieu à Paris, Hôtel des Commissaires-priseurs, rue Drouot, salle n. 8, le samedi, 13 décembre 1902 à trois heures très précises du soir par le ministère de M. Delestre, Commissaire-priseur, 5, rue Saint-Georges, assisté de M. Noël Charavay, expert en autographes, rue de Furstenberg, 3.*

Henning, G. W. de (1995). *Ural'skaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoi I* [Letters from the Urals to Peter I and Catherine I] / ed. by M. O. Akishin. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 468 p.

Ivanov, E. P. (1989). *Metkoe moskovskoe slovo. Byt i rech' staroi Moskvy* [The Neat Moscow Word. Everyday Life and Language of Old Moscow]. 3rd Ed. Moscow, Moskovskii rabochii. 320 p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Henning in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Likhachev, N. P. (1990). O poddelke ital'yanskikh avtografov [On the Falsification of Italian Autographs] / transl. and comm. by L. G. Klimanov. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vol. 21. Leningrad, Nauka, pp. 286–297.

Likhachev, N. P. (1991). Vospominaniya bibliofila i sobiratelya dokumentov i avtografov [Memoirs of a Bibliophile and Document and Autograph Collector] / transl. and comm. by L. G. Klimanov. In *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Coll. 62. Moscow, Knizhnaya palata, pp. 192–211.

Likhatsheff, N. de (1902). De la contrefaçon des autographes italiens. In Charavay, N. (Ed.). *L'amateur d'autographes. Revue rétrospective et contemporaine*. 35e année. Nouveau série. No. 4. 15 avril 1902, pp. 76–79.

NIOR RGB [Manuscript Department of the Russian State Library]. Stock 342 (Shibanovy). Box. 27. Dos. 49.

Ogneva, L. A. (2001). N. K. Bogushevskii – chlen Pskovskogo arkhеologicheskogo obshchestva [Nikolai K. Bogushevsky as Member of the Pskov Archaeological Society]. In *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*. No. 14, pp. 61–64.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [v 13 t.] [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1887–2003). St Petersburg (Leningrad), Moscow. Vol. 1. 681 p. Vol. 13. Iss. 2. 888 p.

Pod'yapol'skaya, E. P. (1974). Ob istorii i nauchnom znachenii izdaniya "Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo" [On the History and Significance of *The Letters and Papers of Emperor Peter the Great*]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1972 g.* Moscow, Nauka, pp. 56–70.

Redin, D. A. (2003). Lichnaya kantselyariya generala de Gennina: kharakter uchrezhdeniya, shtat, sfera kompetentsii i organizatsii deloproizvodstva [The Personal Chancellery of General de Henning: The Nature of the Institution, Its Staff, Sphere of Competence, and the Organisation of Office Work]. In *Ural'skii sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. [Iss. 5.], pp. 36–63.

Redin, D. A. (2020). Pravookhranitel'naya deyatel'nost' generala V. I. Gennina kak instrument bor'by za formirovanie administrativnoi eksterritorial'nosti Gornogo vedomstva v 1720-e – nachale 1730-kh gg. [The Law Enforcement Activity of General G. W. de Henning as an Instrument of Struggle for the Formation of the Administrative Extraterritoriality of the Mining Department between the 1720s and the Early 1730s]. In *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 16–17 noyabrya 2020 g. v 2 t.* Yekaterinburg, Uchebno-metodicheskii tsentr UPI, pp. 122–130.

Revue des autographes, des curiosités de l'histoire et de la biographie. No. 222 (mai 1899). No. 224 (juil. 1899). No. 227 (oct. 1899). No. 230 (jan. 1900). No. 235 (juin 1900). No. 236 (juil. 1900). No. 239 (oct. 1900). No. 241 (déc. 1900). No. 256 (mars 1902).

RGALI [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 561 (Shibanov). List 1. Dos. 103.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2019). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [The Affairs and Destinies of Investigators under Peter I]. 2nd Ed. Moscow, Yurist. 432 p.

SPbF ARAN [Archive of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch]. Stock 246. List 2. Dos. 130; Stock 246. List 3. Dos. 33.

Voskresenskii, N. A., Anisimov, E. V. (Eds.). (2020). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. Sbornik dokumentov v 3 t.* [Legislative Acts of Peter I. Versions and Drafts, Notes, Reports, Denunciations, Petitions, and Foreign Sources. Collection of Documents. 3 Vols.] / introd. by D. O. Serov, archival introd. by A. A. Bogdanov. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. Akty ob obshchestvennykh klassakh. 762 p. Vol. 3. Akty o promyshlennosti i trgovli. 848 p.

The article was submitted on 07.01.2021

Origines

Origines

DOI 10.15826/qr.2021.3.620

УДК 930.2:81'22+091.3+94(4:470)"17"+929БорисГодунов(470)+929Иван Грозный(470)*4

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТРУД О БОРИСЕ ГОДУНОВЕ ПОСЛЕПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Вячеслав Козляков

Алла Севастьянова

Рязанский государственный университет,
Рязань, Россия

AN UNKNOWN WORK ABOUT BORIS GODUNOV FROM THE POST-PETRINE ERA

Viacheslav Kozliakov

Alla Sevastyanova

Ryazan State University,
Ryazan, Russia

This article examines a new early manuscript containing two works by an unknown compiler in the 1730s: the story of the “tyrant Ivan the Terrible” and Boris Godunov “greedy” for autocratic power. The manuscript is kept in the State Archives of Ryazan Region as part of the collection of the Ryazan Provincial Scientific Archival Commission. The study demonstrates that its brief archaeographic description was given in 1892 by Aleksey Vasilyevich Selivanov, one of the founders of the archival commission in Ryazan. Relying on watermarks, he dates the collection to about 1727; in 2001, the manuscript was described anew in a review of the manuscript collection of the State Archives of Ryazan Region. The authors analyse the part of the manuscript collection containing an essay about Boris Godunov; this essay has not been introduced into scholarly circulation previously. The article reveals the compiler’s sources, which turn out to be translations of notes taken by foreigners about Russia between the sixteenth and seventeenth centuries, more particularly the works of Jerome Horsey, Jacob Ulfeldt, Adam Olearius, and some others. Also,

---

* *Citation:* Kozliakov, V., Sevastyanova, A. (2021). An Unknown Work about Boris Godunov from the Post-Petrine Era. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620.

Цитирование: Kozliakov V., Sevastyanova A. An Unknown Work about Boris Godunov from the Post-Petrine Era // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620 / Козляков В., Севастьянова А. Неизвестный труд о Борисе Годунове послепетровского времени // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620.

the authors single out a whole series of parallel pieces of news from Jerome Horsey's notes in a little-known version of the publication in Old German about Tsar Boris' character. The authors focus on which notes would have been available to the alleged compiler of the collection in the seventeenth and early eighteenth centuries. The article contains data revealing the provenance of the work. Additionally, an assumption is made about the possible author of the published source, who was probably related to the circle of victims in the case of Artemy Volynsky. Finally, the appendix to the article contains the previously unpublished text of the manuscript about Boris Godunov.

Keywords: archival manuscript, archaeography, Boris Godunov, foreigners' essays on Russia, Russia in the 1730s

Исследуется архивная находка новой ранней рукописи, содержащей два произведения неизвестного составителя 30-х гг. XVIII в.: об истории «тирана Ивана Грозного» и «честожадного» к самодержавной власти Бориса Годунова. Рукопись хранится в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) в составе собрания Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Как показывает предпринятое изучение, ее краткую археографическую характеристику дал в 1892 г. Алексей Васильевич Селиванов, один из основателей архивной комиссии в Рязани. Он датировал сборник по филиграммам временем около 1727 г. В 2001 г. рукопись заново была описана в обзоре рукописной коллекции ГАРО. Анализируется та часть рукописного сборника, которая содержит сочинение о Борисе Годунове, до настоящего времени оно не введено в научный оборот. Раскрывается основа источников составителя: ими оказались переводы записок иностранцев о России XVI–XVII вв., в частности, сочинения Джерома Горсея, Якоба Ульфельдта, Адама Олеария и некоторых других. Выявляется целый ряд параллельных известий из записок о России Дж. Горсея в малоизвестном варианте издания на старонемецком языке о характере царя Бориса. В центре внимания стоит вопрос о том, какие из существовавших записок иностранцев могли быть доступны предполагаемому составителю сборника в изданиях XVII – начала XVIII в. Приводятся данные, раскрывающие вопрос о месте создания сочинения об Иване Грозном и Борисе Годунове. Высказывается предположение о возможном авторе публикуемого памятника, вероятно, связанном с кругом лиц, пострадавших по делу Артемия Волынского. В приложении публикуется ранее не изданный текст рукописи о Борисе Годунове, созданный неизвестным автором в 1730-х гг.

Ключевые слова: архивная рукопись, археография, Борис Годунов, записки иностранцев о России, Россия в 1730-е гг.

В ГАРО хранится сборник исторического содержания в 4⁰, состоящий из двух произведений: «Описание бесчеловечного владения Иоанна Васильевича, царя и великого князя Московского» (л. 1–57 об., первой фолиации) и «Житие Бориса Федоровича Годунова, царя

и великого князя Московского, и его супруги и сына» (л. 1–22 об., второй фолиации) [ГАРО. Собр. науч. б-ки. № 10]. Сборник впервые был кратко описан в 1892 г. А. В. Селивановым в составе рукописей Рязанской ученой архивной комиссии и датирован им по филиграммам временем около 1727 г. («Рукопись на голландской бумаге с филигранью “pro patria”») [Селиванов, с. 49] № 15; Лихачев, табл. 67, № 503 (1727 г.)]. В 2001 г. рукопись заново была описана в обзоре рукописей ГАРО, составленном Д. В. Губиным и А. А. Севастьяновой [Губин, Севастьянова, с. 12; Севастьянова, 2018, с. 9].

Исторические произведения, посвященные Ивану Грозному и Борису Годунову, – «Описание» и «Житие» – составлены по переводам иностранных сочинений о России с оригинальными авторскими комментариями. Текст «Описания» Ивана Грозного известен по публикации Л. А. Дмитриева, разыскавшего в собрании П. М. Мальцева в библиотеке Саратовского государственного университета рукопись сочинения об Иване Грозном, датируемую началом 1800-х гг. [Дмитриев]. Текст о царе Иване в саратовской и рязанской рукописях в основном одинаков.

Рязанская рукопись, содержащая два сочинения, – более ранний текст, он не только составлен раньше, но и точнее передает текст произведения в целом и его замысел. «Житие Бориса Годунова» до сих пор не было предметом научного анализа, а его публикация на страницах настоящего издания даст возможность исследователям продолжить работу над текстом двух интересных сочинений по истории России XVI–XVII вв., написанных, по-видимому, в царствование Анны Иоанновны в 1730-х гг.

Оба произведения об Иване Грозном и о Борисе Годунове составлены по одному принципу. Автор брал за основу иностранные сочинения, переводил их на русский язык и пересказывал достаточно близко к тексту, дополняя своими авторскими суждениями. Так, среди источников для составления текста об Иване Грозном Л. А. Дмитриев выделил Павла Одерборна (в саратовской рукописи переименованного в «Звероборна»), книгу голландского писателя Ламберта Боса («нидерландского автора Фон Дер Боса») о великих людях, опубликованную в 1659 г.; сочинения дипломатов, приезжавших в Москву в XVI–XVII вв. в составе посольств из Дании, Англии и Голландии, – Якоба Ульфельдта, Адама Олеария («Алеара») и Джерома Горсея. Ссылка на «капитана Горзея» позволила Л. А. Дмитриеву установить, что в этом случае автор русского текста не обращался к публикациям на английском языке, а использовал немецкий перевод сочинений англичанина Джерома Горсея 1629 г. (только там Горсей назван «капитаном»). Л. А. Дмитриев не мог разыскать это действительно редкое издание в отечественных книгохранилищах, тем более что в справочнике Кордта, на который он сослался, информация о немецком переводе Горсея была неточной [Дмитриев, с. 380; Кордт, с. 43]. Из других иностранных источников использовались

сочинения Павла Иовия Новокомского («Евия») и Александра Гваньини («Гванита»). По мнению Л. А. Дмитриева, полное отсутствие ссылок на русские источники и другие особенности саратовской рукописи «Краткого описания» об Иване Грозном свидетельствовали о существовании неизвестного «иностранныго оригинала», составленного неким «западноевропейским публицистом» XVII в. Впоследствии, как считал Л. А. Дмитриев, с этого оригинала был сделан русский перевод, датируемый, судя по языку рукописи, первой половиной XVIII в. [Дмитриев, с. 387–388].

Находка новой, более ранней рукописи, где два произведения – «Описание» Ивана Грозного и «Житие» Бориса Годунова – помещены в одном конволюте, одним почерком, с явным повторением их композиции (деление на статьи), с пересказом исключительно иностранных текстов (включая продолжение известий англичанина «Горзея»), не оставляет сомнений, что неизвестный автор стремился рассказать историю тирана Ивана Грозного и обличить «честожадность» к самодержавной власти Бориса Годунова. Более того, возможно, существовал даже более широкий замысел, включавший описание истории «Растриги» – самозванного царевича Дмитрия. Упоминая о «Гришке Атрепеве, которой в Ерославле от бедных родителей рожден», и о его дальнейшей истории, автор «жития» царя Бориса оговаривается: «оное уже в первом томе описано, и во оном обстоятельно показано, какой сей ево обман вначале счастливой успех, а наконец бесчастное окончание имел» [ГАРО. Собр. науч. б-ки. № 10. Л. 19–20] (см. также по тексту, опубликованному ниже).

Разрешается и вопрос о месте написания произведения. Высказывая в первой же статье важные для него мысли о тирании, автор описания правления Бориса Годунова пишет: «многие тираны чрез лукавство самодержавную власть к себе привлекли, но весьма малое число из них оную до третьяго поколения утвердили. Для доказательства сего перо наше не токмо в далные места странствовать, но и из Москвы, где она по сие время обреталась, выступать притчины не имеет» [Там же. Л. 2 об. –3]. Косвенным указанием на автора рукописи можно считать пробу пера на переплетном листе перед началом текста («книга гражданская, государь описал своею рукою»).

Следовательно, есть основания считать автора рукописи жителем Москвы. Правда, интерес его к истории особенный, он не только не знает русских источников, но и плохо ориентируется в датах, приводя, например, ошибочные сведения о коронации и смерти царя Федора Ивановича (1540 вместо 1584 и 1595 вместо 1598 г. соответственно), не поправляет неверные в его источнике имена королевы Магнус (великой княгини Марии Старицкой), царицы Марии Нагой. Очевидно, что эти детали для него не столь существенны, его цель – создание памфлета, обличающего захват самодержавной власти и тиранию подданных на примерах из царствований Ивана

Грозного и Бориса Годунова. Отсюда особенности его стилистики, присутствие литературных образов и иносказаний, например: «в елизейские поля отсылать» (о смерти врагов Бориса Годунова), «оперил стрелу», «монашеский клобук милее, нежели корона и скипетр», «ни единого монашеского волоса не имел», «военные тучи» и т. п. Кстати, в тексте немало слов, рождение которых связано уже с XVIII в. («кондиции», «министры», «сервиз», «винтовки», «обершталмейстер», «мундшенк», «кухмистр»).

Основными источниками автора сочинения о Борисе Годунове, как и в тексте про Ивана Грозного, являются свидетельства иностранных писателей о России. Особенно часто и обильно даются переводы из «агличанина» Джерома Горсея, они, скорее всего, сделаны по немецкому изданию [Beschreibung, pag. 153–168]. Однако нельзя исключать, что переводчик, если он знал английский язык, вполне мог использовать и английские издания Горсея, например, публикацию Пёрчеза 1626 г. (см. подробнее: [Севастьянова, 1990, с. 30–34]), тем более, что в тексте о царе Борисе автор источника составителя упомянут уже без имени: «аглинский посол», «реченный агличанин».

Сюжеты «Жития Бориса Годунова», взятые, несомненно, из записок Горсея, имеют ключевой характер. Они взаимосвязаны и складываются в небольшую «повесть о Борисе», как уже приходилось отмечать, говоря о записках агличанина [Севастьянова, 2007, с. 11–15]. В «житии» это следующие фрагменты (следуя порядку текста рукописи):

- Борис Годунов становится «опекуном и защитителем всея России» при Федоре Ивановиче;
- похищение королевы Магнус (Марии Старицкой);
- осмотр английских подарков при дворе;
- расправа с неугодными и с семьей Никиты Романовича;
- неудачная потешная охота Бориса и восхваление его челобитчиками;
- приезд Афанасия Нагого и гибель царевича Дмитрия;
- «портрет» Бориса Годунова.

Все названные сюжеты – это переводы из записок Горсея, причем иногда почти дословные (таковы, например, рассказ о подарках, описание неудачной охоты и хвалебных речей челобитчиков, рассказ об Афанасии Нагом и некоторые другие) [Горсей, с. 96–97, 101–102, 129–133, 135]. В записках Горсея ярко говорится о главной роли Бориса-правителя при царе Федоре, причем английское определение *Prince Protector* превращается в русском переводе XVIII в. в не менее выразительные и понятные современникам «опекун над всей Россией», «опекун-защититель», «опекун государственной»).

В тексте «Жития Бориса Годунова» содержатся также ссылки на Джерома Бауса – «Иеронима Бовеса» (л. 5, 18, 21), посла в Россию в 1583–1584 гг., его отчет был впервые опубликован в Англии в сборнике Гаклюйтовского общества *The Principal Navigations* в 1589 г. (но в дальнейшем изъят и заменен другим известием) [Croskey].

Но маловероятно, что в «житии» использовалось гаклюйтовское издание, тем более отчеты Бауса, а не материалы того же Горсея. Ссылки в публикуемом тексте на Джерома Бауса, высланного из России после смерти Ивана Грозного, неверны по сути: он не участвовал в описываемых событиях, а в своем известии о посольстве вообще не упоминал о Борисе Годунове. Автор рукописи, в частности, ошибочно ссылается на такое его свидетельство: «частореченной агличанин Бовес оное описывает таким образом, что Борис Феодорович, его супруга, сын и дочь окормлены ядом». Но эти события происходили 20 лет спустя после миссии посла Джерома Бауса в Россию. Косвенным подтверждением является фраза в рукописи «аглинской посол господина Брандеса о сем равномерно уведомляет...»: здесь «Брандес» – это Барнес (Джордж Барнс), управляющий Московской компанией английских купцов в Лондоне, с которым переписывался Горсей.

В ссылках автора «жития» Бориса Годунова на «Геннингио» (л. 9 об., 12 об.) можно видеть указание на «Лифляндскую хронику» Соломона Геннинга, изданную в Ростове в 1590 г. [Henning; Филюшкин]. Однако, вопреки указаниям автора рукописи, она тоже никак не могла быть связана с упоминаемыми им событиями, произошедшими при появлении самозванного царевича Дмитрия (предмет книги Геннинга был другой, и труд его был издан в 1590 г. уже посмертно). Странной выглядит и ссылка на «уведомление Пиазеция» (л. 21) о смерти Годунова. Здесь возможна оригинальная транслитерация имени перемышльского епископа Павла Пясецкого (Piasecio), его текст был издан на латинском языке в Кракове в 1645 г. Труд Пясецкого включал обзор событий в России после появления самозванца, и там действительно раскрывались обстоятельства кончины Бориса Годунова [Piasecki; Леонид; Николаев, с. 85–86]. Приведем эти фрагменты:

Рукопись «жития»
Бориса Годунова

«Хроника»
Павла Пясецкого

Л. 21 // Которая их измена по уведомлению Пиазеция ему столь прискорбна была, что он по полученному о том известию в 1605-м году апреля 13-го дня в публичной аудиенции, от сильной рези в животе, при чем у него и из носу кровь шла, скоропостижною смертию преставился.

С. 5 // Борис Годунов Князь месяца апреля в 13-й день, когда посольства государей чужеземских всенародно слушал, внезапною утробы болезнию захвачен, устами, ноздрями, ушами многое крови множество и купно душу испустил, и абие тут же мертв паде [Леонид, с. 5].

Вернемся еще раз к вопросу об авторе публикуемого текста. В статье Л. А. Дмитриева высказано интересное предположение о появлении сочинения о тирании Ивана Грозного в кругу «конфидентов» кабинет-секретаря Артемия Петровича Волинского, включая имев-

шего опыт жизни за границей и переводческих трудов А. Ф. Хруцова [Дмитриев, с. 387–388]. Действительно, Волынского обвиняли в отзыве о царе Иване Васильевиче как о «тиране», когда он работал над текстом записки императрице Анне Иоанновне. Пытаясь оправдаться, Артемий Волынский говорил на следствии, что писал «не от себя», а следовал оценкам «некоторых иноземных писателей», и «прибавил, что они пишут сие несправедливо», более того, Волынский последовал советам своих сотрудников и снял опасный отзыв о тирании Ивана Грозного [Записка, с. 156].

В перечислении провинностей Артемия Волынского в его знаменитом деле 1740 г. упоминались также и опасные аллюзии с царствованием Бориса Годунова: «настоящее правление называл временем Годуновым» [Записка, с. 161; Курукин; Лаврентьев; Петрухинцев]. В чем была опасность таких отсылок в царствование Анны Иоанновны к давним временам Смуты, что мог иметь в виду Волынский в своих разговорах, и почему его слова о прецедентах годуновского правления были восприняты так серьезно? К сожалению, документы дела Волынского сохранились с утратами и не дают возможности сослаться напрямую на какие-либо тексты его проектов. «Годуновский пример» всплыл в показаниях при обсуждении отзыва Артемия Волынского о попытке герцога Бирона устроить брак своего сына с будущей наследницей престола Анной Леопольдовной [Записка, с. 147]. Сравнение с временами Годуновых Волынский использовал в переходное время в 1731 г., намекая на царицу Евдокию Федоровну: «Ныне время Годуновых: Царица в монастыре, а Растрига в Литве» [Там же, с. 161].

Конечно, определенно утверждать, что имело место знакомство Волынского с публикуемой рукописью сочинения о Борисе Годунове, не приходится, но размышления о «тиранстве» царей и обсуждение «жадности» Бориса Годунова к самодержавной власти также грозили автору преследованием за вольнодумство. Власть вполне могла отнести на свой счет отдельные нравоучительные суждения из «Жития Бориса Годунова». Например, когда автор пишет: «коль мало два дурака при одном дворе уживаются», – простор для толкований остается очень большим, и тут вполне можно видеть намек на неприятелей Артемия Волынского, устроивших его «дело», – Бирона и Остермана. Идея обязательного возмездия тем, «кои на престол восходят чрез такие ступени, кои невинною кровию обмараны», тоже должна была волновать современников расправ и казней политических противников во времена императрицы Анны Иоанновны.

Таким образом, находка в ГАРО рукописи неизвестного труда о Борисе Годунове 1730-х гг. позволяет заново обратиться к изучению представлений современников о событиях рубежа XVI–XVII вв., их исторического самосознания и восприятия исторических фигур в контексте политических событий послепетровского времени.

(Л. 1)² // **Житие Бориса Федоровича Годунова,
царя и великаго князя Московскаго, и его супруги и сына**

Содержание

1. Жадность к владению весь род его погубил.
2. Борис Годунов избран опекуном над всею Россиею и чрез разумное свое правительство всех к себе склонил.
3. Он вдовствующую супругу прежняго великаго князя в монастырь услал.
4. Подарки, кои царю Феодору Ивановичю от королевы Елисаветы из Англии присланы.
5. Борис Федорович из опекунской своей власти некоторых знатных бояр казнил.
(Л. 1 об.) // 6. И для того ево возненавидели, почему он от лебядиной ловли убежать долженствовал.
7. И последнюю супругу тирана Ивана Васильевича в монастырь сослал, а сына ея великаго князя Дмитрия жизни лишил; також и предместия в Москве зажечь велел.
8. Никита Романович по его приказанию обворожен и оттого умер.
9. Скоропостижная смерть владеющаго великаго князя Феодора Васильевича.
10. Почему Борис Федорович долгожеланную корону на себя возложил.
11. Наружной его вид и совесть.
(Л. 2) // 12. Он во время своего владения великое беспокойствие и нападение от иностранных держав претерпевал.
13. Сослал Богдана Белскаго в сылку.
14. Скоропостижная его смерть, воспоследовавшая от досады или от отравы.
15. Почему супруга и сын его удувлены.
(Л. 2 об.) // 1. Коль легко честожадные люди чрез лукавство и злых вымыслов до высочайшей степени и власти доходить могут, толь наитруднее им во оной так утвердится, чтоб они или наследники их оттуда в подземное жилище сверзены бысть не могли. Жадность к чести и самодержавной власти есть такое пламя, которая то строение, в котором она горит, толко на малое время освещает и великолепными лучми украшает, а наконец оно и сама зажжет, и в пепел обращает: многие тираны чрез лукавство самодержавную власть к себе привлекли, но весма малое число из них оную до третьяго поколения утвердили. Для доказательства сего перо наше не токмо в далные места странствовать, (Л. 3) // но и из Москвы, где она по сие время обреталась, выступать притчины не имеет: ибо тотчас после смерти Ивана Васильевича вступил во владение такой человек, которой оное своим примером засвидетельствовать может, а имянно князь Борис Годунов, которому, как выше сего упомянуто, правительство государственное обще с Богданом Белским в силе духовной препоручено было.
2. Но коль мало два дурака при одном дворе уживаются, толь наименше многие знатные и от самодержавной жадности воспаленные министры в со-

¹ В передаче текста рукописи сохранена орфография оригинала. Пунктуация приводится в соответствии с современными правилами.

² По второй нумерации листов в рукописи.

гласии и нелицемерной дружбе состоять могут. Остроумнейшему из них все протчие (Л. 3 об.) // преимуществва уступать и ему повинн[о]ваться должны. Таким преимущественным разумом одарен был Борис, который отважился принять чин опекуна государственного, а под тем именем управлял он все дела как самодержавная особа, ибо наследной великой князь Феодор Иванович состоял под его смотрением для того, что он был родной брат молодой великой княгине. И хотя оной Феодор Иванович вскоре после кончины Ивана Васильевича царем Российским имянован и в том же 1540-м году июля 31 дня на 22-м году коронован, то однако Борис яко опекун и защититель всея России корону в сердце, в голове и в руках имел; в сердце потому, что старался оную на себя возложить; в голове – (Л. 4) // что его голова разумнея коронованной головы была, в руках – что вся власть и сила в них находилась. Феодор Иванович был весьма молод и притом умом не столь достаточен, чтоб государство по тогдашним обстоятельствам надлежащим образом управлять мог, он оказывал более охоту и искусство к звону колоколному, нежели к державе и скиптру. Борис же, напротив того, старался чрез разумное управление себя у всех в славу и почтение привести. Высокие его качества толь высоко почитались, что все подданные уповали, что по кончине великого князя и молодого Димитрия к наследию Российскаго престола и царской кароны достойнее сей разумной головы никто быть не может.

(Л. 4 об.) // А сии две особы и ему несносны были. Но между тем делал он все хорошие учреждения, ко всем христианским державам, особливо же к соседствующим, отправлял он послов, уведомляя их [о] благосклонности нового великого князя и о возобновлении древней дружбы.

3. Между тем великая княгиня Анна^{3а}, пятая (или, как иные пишут, седмая) супруга покойного великого князя Ивана Васильевича, обреталась и с сыном своим Димитрием в Угличе, где она несколько времени царское содержание имела. А старую великую княгиню, которая в Риге под честным караулом обреталась, увещевал Борис чрез аглинского посла, (Л. 5) // а оной – чрез Кронима^{4б} Бовеса, чтоб она возвратилась в Москву, к чему она сперва склонится не хотела, убоясь, что ея по прибытии в Москву в монастырь посадят, но наконец к тому согласилась и тайным образом на почтовых лошадях, кои по учреждению реченного агличанина в готовности стояли, в Россию поехала. Чрез что оной агличанин Барису^{5б} великую услугу оказал, ибо она ближайшая наследница к престолу была, токмо сам себя великому нареканию подверг, о чем он наконец хотя и сожалел, да уже позд[н]о, ибо московитяне в слове своем не устояли: сначала приняли они сию вдовствующую великую княгиню с надлежащим почтением и поклоном, також дали они ей во владение (Л. 5 об.) // некоторую область и подлежащей штат, но вскоре после того ее и с дочерью недалеко от Москвы (так, как и протчих вдов) в монастырь посадили, что ей весьма прискорбно было, и громким голосом кричала, что агличанин ея изменил и обманул.

4. Как скоро оной из Англии в Москву возвратился, и новому великому князю несколько лвов, волов, гончих сабак, римских позолоченных секиров, шпаг, винтовок и протчих иностранных оружий, тако ж разные виноградные вины, лекарственные соки, органы и протчие к музыке принадлежащие

³ Так в рукописи, правильно – «Мария».

⁴ Так в рукописи.

⁵ Так в рукописи.

инструменты, бархаты, жемчуг, серебряной высокою работою зделанной сервиз и многие (Л. 6) // сему подобные вещи от королевы Елисаветы в подарок привез, то государственной опекун Борис на другой день к нему приехал и ему росказал, какие после его отсудствия перемены происходили: что мать великаго князя Димитрия отважилась чрез разные происки его с сочленами в вражду привести и таким образом оных от него отлучила, и просил, чтоб он никаким жалобам, кроме что от него самого услышит, не верил, в протчем же сей у царскаго двора в великом почтении состоящей агличанин от тамошняго дворянства великие жалобы слышел и о разных бунтах и мятежах уведомление получил.

(Л. 6 об.) // Между тем привезенные им подарки взяты были ко двору, дабы великой князь с супругою своею, находящаяся между оными зверей, из окна пересмотреть могли. Первой подведенной зверь был молодой белой вол с черными природными пятнами, которого агличанин так обучили, что он перед великим князем на колени пал и лбом в землю поклонился; потом, как опять на ноги встал, то взглянул на всех стоящих круг его людей весьма свирепо. За ним следовали аглинские болшие сабаки, числом двенатцать, каждая сабака ведена была посолским служителем; потом подвели двух львов, а за ними протчих зверей. Органы и протчие музыкалнические инструменты (Л. 7) // с великим благодарением и удивлением приняты, и все Российские бояря признались, что никогда таких инструментов не видывали.

Сие для изьяснения тогдашних обстоятелств довольно. Станем теперь разсматривать бесчеловечные и лукавые предприятия и поступки Бориса Годунова.

5. Борис начел тех, кои ему в предприятиях его опасными быть казались, одного за другим в елизейские поля отсылать. Петр Головин, которой при покойном великом князе главным казначеем был, а ему Борису во всем супротивление чинил, послан [был] от него с Иваном Воейковым в отдаленной город (Л. 7 об.) // для изследования некоторого дела, но на дороге от онаго Воейкова, которой с Борисом в крайней дружбе обращался, жизни [был] лишен.

Князь Иван Шуйской, обер-шталмейстер и опекунов сочлен, сослан от него в сылку, и на дороге в крестьянской избе от зажженной мокрой соломы удушен. А в свойстве ли сей Шуйской князь Василью Ивановичю (которой после Годунова на Российской престол взошел) был, об оном нам известие не сообщено. Таково же поступал он и с теми, кои противу сего вышписанного роптали.

6. Но чрез такие лютости все протчие бояря опекуна крайне возненавидели и согласились между собою (Л. 8) // его убить. В некоторое время повел он частореченнаго агличанина из задних дверей с несколькими охотниками и служителями в поле, где с ястребами лебядиная и протчих птиц ловля назначена была, токмо ту охоту перервал один к нему подошедшей монах, которой ему советовал, чтоб в самой скорости оттуда удалился, для того что более пяти сот человек из бояр, придворных служителей и протчих дворян верхами к нему навстречу едут, вознамерились его лицемерным своим почтением ублажать, пока способ найдут его окружить и с собою увести.

(Л. 8 об.) // Хотя Борису уведомление и совет сего монаха и не противен был, то однако лицо его изьявляло, что ему досадно показалось, что находящаяся при нем оное слышели, а паче тому стыдился, что веселие его так скоро прервалось. Однако тому радовался, что неприятелям его не удалось поймать ту птицу, для которой они на охоту выехали, и, не говоря ни слова, сел на лошадь, и в город поскакал, и благополучно приехал во дворец, где

многие архиепископы, князья и дворяня для вручения челобитен его дожидались; ибо они иногда более двух недель к подаче прошений способного времени изобрести не могли. Аглинской посол, (Л. 9) // которого он много почитал, увидев сие, в пользу челобитчиков с ним говорил, почему он к ним и обратился, и некоторым из них поклонился, к чему реченной посол ему советовал, дабы те челобитчики против его роптать притчины не имели.

Потом принял он у них челобитные, на что они единогласно закричали: даруй, Боже, Борису Феодоровичю доброе здаровье! Даруй, Боже, ему долгие веки: а как он их напротиву того обнадежил, что прошение их великому князю предложит и к их ползе стараться будет, то ответствовали они ему: вы наш государь и царь, вы толко одно словечко скажете, (Л. 9 об.) // то мы уже и вспомошествованы.

7. Хотя же чрез лицемерность сих людей честожадность его и приумножалась, то однако многим знатным людям власть его несносна становилась, и всячески старались оную уменшить, но в скором после того времени нашел он способ молодого князя Дмитрия и весь его род, в Угличе где они содержались, казнить: буде в сем случае на известие реченного агличанина полагаются можно, ибо иные авторы уведомляют, а паче всех Геннингю утверждается в том, что мать его в то время не казнена, но ложным Дмитрием, который после того противу Бориса встал, из монастыря взята под видом, будто бы (Л. 10) // она ему родная мать. А помянутый агличанин описание свое продолжает таким образом.

Как он вторично из Англии в Москву прибыл, то сказали ему, что его великому князю и государственным членам весьма обнесли и оклеветали, токмо он не толко невинность свою в том доказал, но и честь свою противу прежняго гораздо приумножил. Однако при всем том не дозволено ему было прежде в город приехать, пока королевской полской посол ко двору своему не отправился. Между тем воду, которую к нему всякой день привазили, ядом наполняли, тако ж и всякие протчие съестные припасы. Уповательно для того, (Л. 10 об.) // что он был друг тому, которого все дворянство терпеть не могло, а имянно Российскому опекуну Борису, или и по научению самого Бориса, ибо он о тайностях его более всех ведал, что тому ныне уже и не мило стало, итак статься может, что Борис старался те тайности чрез отраву в вечное забвение закопать. Протомоя^{6г} подрядилась за знатную сумму, от которой она половину наперед получила, его отравить, в чем она после того и повинилась, мундшенк и кухмистр его отравлены оба. У одного из ево служителей чрез поднесенной ему в напиток яд по всему телу преужасные чирьи выступили. Об оном посол хотя и доложил Борису, токмо от него никакого на то ответу не получил, (Л. 11) // и таким образом страдал он, пока полской посол уехал. Три дни после его отъезда отважился он и поехал в город.

Но что зделалось потом, в первой ночи, как уже все люди спать легли, застучал некто у дверей его, почему он со служителями своими встал, и – кто там, зачем вы пришли! – спросил. На что Афонасей Нагой, брат великой княгини, которая была мать князя Дмитрия, ответствовал: о, любезный Иерониме! Князь Дмитрий умер от рук служителя своего, которой его сего вечера в шестом часу убил, и уже в допросе показал, что он то учинил по приказу (Л. 11 об.) // Бориса Феодоровича. Матери его равномерно яд поднесен, ибо у ней ногти и волосы с головы выпадают,

⁶ Так в рукописи, правильно – «портомоя».

буде у вас есть лекарство противу яду, то дайте мне поскорее, дабы бедную свою госпожу от смерти избавить. Я спрошу вас ради Бога и ради страсти Господней оным поспешить.

Посол тому весьма испугался и, хотя ему лицо его знакомо было, то, однако, не осмелился двери открывать, но чрез забор ему подал скляночку самого хорошего балсану^{7д} и жестянку с венецианским териакком.

(Л. 12) // Потом (пишет оной же посол) великую княгиню, у которой волосы выпали, в монастырь сослали, а свойственников ея, то есть брата, дядю и племянников, також и всех ея служителей в темную тюрьму посадили, куда не токмо люди, но и солнце их посещать не могло. Ис чего я с моей стороны заключаю, что мать великаго князя Димитрия от поднесенного ей яду опять исцелела, а свойственники ея, может, в той тюрьме уморены. Аглинской посол, может статся, мнил другую вдовствующую великую княгиню, из Риги приехавшую, которая с дочерью в монастырь сослана, токмо и сие невероятно, ибо он ясно именовал: мать великаго князя Димитрия, (Л. 12 об.) // которою и описание свое продолжает.

Вышереченный Геннингю пишет, что смертно убивцы (он обо многих упоминает) великаго князя Димитрия (которой в то время был девяти лет) за обещанную им великую сумму жизни лишили и весьма веселым лицом в Москву приехали, уповая за такое их злодейство великое богатство получить, токмо по научению Бориса Феодоровича равным образом убиты, дабы никто не ведал, что он в том их смертноубивстве участие имел, тако ж велел он Москву в разных местах зажечь, чтоб и тем обывателям подал случай более о домах своих, нежели (Л. 13) // о кончине великаго князя Димитрия разсуждать и сожелеть, а сам себя представлял весьма печальным и гневным и у владеющего великаго князя исходатайствовал, что многие углежаны невинным образом в сылку сосланы, а дворец до подошвы раззорен.

Аглинской посол господина Брандеса о сем равномерно уведомляет и пишет, что три дни пред тем, как у него вышереченным образом ночью порою у дверей стучали, зделался в Москве пожар, и более 12 000 домов згорело, а вынесенные ис тех домов пожитки разграблены служителями Бориса Феодоровича, которой в народе слух пропустил, что оной пожар произошел от зажигалщиков, кои к тому (Л. 13 об.) // подкуплены от Димитриевой матери и ея свойственников, которые вознамерились великаго князя и его опекуна убить, а город Москву огнем разорить. А дабы простому народу и всем прочим людям оное вероятнее показалось, то сыскал он пять человек из солдат, кои в пытке показали, что они к тому подкуплены были. Потом Крутиской архирей в провозжании многих дворян и 500 стрелцов в Углич отправлен для погребения тела великаго князя Димитрия.

8. Он вымышлял одно плутовство за другим и всегда крут себя имел великое число волшебников, которые по приказанию его, роднаго дядю, владеющего великаго князя Никиту Романовича, которой в силу духовной (Л. 14) // Ивана Васильевича Борису Феодоровичу товарищем определен был, так испортили, что он совсем языка лишился. И как аглинской посол к нему на посещение приехал, то он его чрез письмо не токмо о сем уведомил, но и притом изъяснился, что кончина его приближается. Також и Борис Феодорович Горзею одним днем сам сказал, что ссора его с Романовичем скоро прекратится, после сего оной на третей день и преставился.

⁷ То есть бальзаму.

9. Великой князь при таких обстоятельствах и сам начал бояться и оказывал желание поифир^{8с} сложить и в монастырь итти, к сему Борис ему уже давно советовал, а учинилось ли то действительно или нет, о том точного известия нигде (*Л. 14 об.*) // не нахожу. Токмо сие правда, что он на двенадцатом году своего царствования незапно в жестокую болезнь впал и скоропостижно от оной в 1595-м году^{9ж} преставился. А была ли сия скоропостижная смерть натуральная или воспоследовала от борисовскаго яду, оное безизвестно остается. Но когда възглянем на злобную совесть опекуна и на скоропостижную смерть великаго князя, то оное статся может.

10. Чрез сию смерть Борису Годунову все двери растворились ко вшествию на великокняжеской престол, ибо Феодор Иванович преставился, не оставя по себе наследников, а брат его опекуном жизни лишен. Следовательно, необходимость требовала (*Л. 15*) // избрание предъприятя. Он же довольно знал, что патриарх, митрополиты, архиереи, вновь пожалованные дворяня, полковники, кушцы и прочие люди, коим он великие благодеянии оказывал, кроме его никово другова не изберут, и для того тем смелее себя представлять мог, бутто бы ему уединенное житие милее, нежели порфир. Он требовал, чтоб его просили то принять, чево честожадное его сердце уже давно иметь желало, и тщился свое лукавство лицемерным богомолством закрывать. Ибо как они к нему пришли и его прилежно просили, чтоб он корону и державу принял, то извинялся он, что совокупленная в сем тягость и опасность мысли его совсем от онаго отвращают. (*Л. 15 об.*) // Представлялся притом, что царской престол при нынешних обстоятельствах многими трудами, беспокойствиями, ненавистию и разными злополучиями весьма силно оброс. И для того ему простой монашеской кlobук милее, нежели корона и скипетр.

А чтоб оное народу несколько вероятно показалось, то он не токмо сестру свою в монастырь отдал, но и сам туда ж за нею следовал. Однако тайным образом чрез некоторых знатных людей и друзей отвращал, чтоб никто, кроме его, избран не был, и народ бы долженствовал его к принятию престола неотступно просить. А дабы стрела (*Л. 16*) // желания его тем наискорие достигло цели, то оперил он ту еще другими крыльями, а имянно – чрез чародеев и волшебников, кои им научены были в разных местах пророчествовать, что когда он владение примет, то государство от него великую ползу иметь будет. Оное и все по желанию его исполнилось. Как скоро народ проведал, что он монашеской чин принять вознамерился и уже действительно в монастыре обретается, то собрались они множественным числом и, пав в ноги, слезно его просили, чтоб пострижением не поспешал, а учинил бы их и все государство принятием Российскаго престола счастливыми. Борис Феодорович хотя и ни единого монашеского волоса не имел, то (*Л. 16 об.*) // однако умел он себя так притворять, что казалось, бутто бы прошение и слезы народа и родной его сестры принудили его к принятию короны, которая ему милее жизни его была.

11. Естли по наружному его виду и росту разсуждать, то казался он такому возвышению на престол и достойным быть. Он имел хорошей рост, пригоjee и приятное лицо, острой разум и был велеречив, скоропонятен и разсудлив, тако ж нерасточителен, однако великолепен и не скуп, особливо к иностранным послам, учтив, милостив и раскошлив. Но находящияся притом в нем многие мерские похоти заглушили все сии похвалныя качества,

⁸ Так в рукописи, правильно – «порфиру».

⁹ Так в рукописи, правильно – «1598».

и природные (Л. 17) // его добродетели чрез то так испортились, что они наконец во всех его злых предприятиях участие имели. Ибо он, как выше сего упомянуто, на себя принял лицемерную набожность и был свиреп и лют, злых советов охотно слушал, а чародейство и чернокнижную науку весьма любил, також для временного величества и славы все свое имение расточил.

12. Что ж извинение, которое он хотя из лукавства о принятии престола приносил, справедливо было, то есть что правительство великими беспокойствиями и ненавистию окружено, оное самым делом наконец оказалось, и пророчество его збылось. Ибо хотя он (Л. 17 об.) // вскоре по прибытии престола римского императора, також и королей полскаго, шведскаго и датскаго чрез знатное посольство и подарки о заключении с ним дружжелюбнаго союза и мира просил, то однако последние три державы на его представлении иначе согласится не хотели, как на таких кондициях, кои ему весьма неприятны и несносны были. И для того те, кои его за подлые поступки, коими он на великокняжеской престол взошел, возненавидели, с теми тремя державами дружбу завел.

Государство управлял он таким же образом, как предки его, толко подданные под его владением свободнее были, как прежде. А понеже военные тучи со многих сторон (Л. 18) // его угрожали, то предпринял он брачное сочетание между дочерью своею и третьяго сына короля дацкаго, и уже все к тому приуготовлено было, точию жених в самой тот день, как брачному сочетанию бысть, в Москве преставился.

13. Но внутреннее беспокойствие (к чему он, однако, сам притчиною был) ему опаснее быть казалось, нежели сия кровопролитная война, он по уведомлению агличанина Иеронима Бовеса склонил Богдана (Л. 18 об.) // Белскаго (которого Иван Васильевич весьма жаловал), чтоб оной великому князю, которой уже и так совсем опух, я[д] поднес и тем бы жизнь его скорее прекратил, что и действительно им учинено, но ныне будучи сам владетелем, начел он его (по обычаю тиранов) опасатся и боятся. И по той притчине подкупил нескольких людей, кои противу его всякие жалобы произвели, по которому челобитью, как Белской, так и протчие с ним оговоренные бояря к отдаленнейшим границам в сылку сосланы.

Реченной агличанин при описании первого своего посольства упоминает, что Белской в Казань сослан и там в тюрьму (Л. 19) // посажен, но каково он сам себе во многих местах противуречит, таково же и при описании сего сам собою несогласен, ибо он во втором своем московском путешествии о тюрьме ничево не упоминает, а утверждается на преждереченном, то есть что Белской с протчими с ним оговоренными боярями к отдаленнейшим границам в сылку сослан. И, будучи там, все свое богатство употребил к войне противу Бориса Феодоровича, к тому ж и короля полскаго, и воеводов литовских противу его возбудил, уведомляя их, что Димитрий, третий сын великаго князя Ивана Васильевича, еще живе (Л. 19 об.) // и при нем обретается. И что оной вознамерился государство ему по справедливости принадлежащее себе покорить. После того набрал он великое войско и в том хороший успех имел, потому что знатнейшие по государству бояря Бориса Феодоровича крайне ненавидели.

Сие последнее, о чем реченной агличанин без сомнения, не прежде, как по отъезде своем из Москвы, а по прибытию в Англию известие получил, вероятнее быть кажется, нежели первое, что будто бы Белской в тюрьму посажен. Ибо что Гришка Атрепьев, которой в Ерославле от бедных родителей рожден и монахом или, по описанию (Л. 20) // помянутого агличанина, попович был и в молодых своих летах в городех вино продавал, а потом не-

которым литовским и российским господам рассказал и не уверил, что он от такого знатного поколения произошел, оное уже в первом томе описано и во оном обстоятельно показано, какой сей его обман вначале счастливой успех, а наконец несчастное окончание имел. Здесь же мы толко вознамерились описать житие Бориса Феодоровича и его кончину.

14. Как скоро в государстве слух произошел, что настоящей наследник российского престола еще жив и чудным образом (*Л. 20 об.*) // Богом от рук разбойников спасен, то Борис Феодорович знатную сумму денег тем обещал, кои сего лживаго Димитрия поймают и в Москву привезут. Но оной благополучно в Польшу убежал, а потом в скором времени с помощью сандомирского воеводы и перешедшими к нему от Бориса Феодоровича множественным числом людьми вооруженною рукою в Россию вступил и многие города занел, токмо более по добровольной здаче, нежели силою. Борис Феодорович хотя и послал против его великое войско, токмо сам в поле не выступил, и для того генералам его тем способнее было к неприятелю перейти.

(*Л. 21*) // Которая их измена по уведомлению Пиизация еми столь прискорбна была, что он по полученному о том известию в 1605-м году апреля 13-го дня в публичной аудиенции от сильной рези в животе, при чем у него и из носу кровь шла, скоропостижною смертию преставился. Токмо протчие авторы о том другое известие сообщают. Частореченной агличанин Бовес оное описывает таким образом, что Борис Феодорович, его супруга, сын и дочь окормлены ядом, от котораго он, супруга и дочь его на месте умерли, а сын еще несколько дней жил, и великим князем избран был, и после того в скором времени равную же кончину имел.

(*Л. 21 об.*) // 15. Что до Бориса Феодоровича собственной особы касается, то статья может и вероятно быть кажется, что он или сам яд принял, или оным окормлен; что же до других принадлежит, то упователно, что оной агличанин таково же ложным известием обманут, как и вся Россия, потому что другие авторы справедливее уведомляют, что по выборе Годунова сына Феодора Борисовича в великие князья непостоянные московские жители тот час склонность свою обратили к Димитрию, и новаго великого князя с его матерью и сестрою арестовали, и его власти предали, почему оной своего секретаря Ивана Богданова (*Л. 22*) // наперед в город послал, которой реченнаго новаго великого князя и его мать удавил, а потом разгласил, что они чрез принятой яд сами себе жизни лишили. И таким образом Феодор Борисович во втором месяце своего владения в 1605-м году февраля 10-го дня¹⁰ в своей комнате веревкою удушен.

Сей жалостный пример нам ясные доказательства подает, какую кончину те люди ожидать имеют, кои на престол восходят чрез такие ступени, кои невинною кровию обмараны, яд ли или глубокая печаль Борису Феодоровичу такую скоропостижную смерть навела, то однако ничто оное, как (*Л. 22 об.*) // честожадность, его сему притчиною была. Какое ж он чрез то благополучие достиг, себе и всему своему роду жалостнейшую кончину, оное всем чрезмерною жадностию воспаленным людям в пример служит. И оне совершенно уповать могут, что кто, проливая невинную кровь, корону достигает, оную таким же образом собственною своею или ближних своих наследников кровию лишатся должен.

ГАРО. Собр. науч. б-ки. № 10. Л. 1–22 об., второй фолиации.

¹⁰ Так в рукописи.

Список литературы

- ГАРО. Собр. науч. б-ки. № 10.
- Горсей Дж.* Записки о России : XVI – начало XVII в. / вступ. ст., пер. с англ. и коммент. А. А. Севастьяновой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 287 с.
- Губин Д. В., Севастьянова А. А.* Материалы к описанию собрания рукописей Государственного архива Рязанской области // Рязанская вивлиофика : ист. альм. Рязань : Александр Рутман, 2001. Вып. 2. № 16. С. 3–19.
- Дмитриев Л. А.* Вновь найденное сочинение об Иване Грозном // ТОДРЛ. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 18. С. 374–408.
- Записка об Артемии Вольнском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 147–161.
- Кордт В. О.* Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. // Збірник історико-філологічного відділу. № 38. Київ : Друк. Укр. акад. наук, 1926. 208 с.
- Курукин И. В.* Артемий Вольнский. М. : Молодая гвардия, 2011. 411 с.
- Лаурентьев А. В.* Кабинет-министр Артемий Петрович Вольнский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Вольнский: опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. 104 с.
- Леонид, архим.* Смутное время и московско-польская война. От появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года. Из славянского перевода хроники Перемышльского бискупа Павла Пясецкого // Памятники древней письменности. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1887. № LXVIII. 73 с.
- Лихачев Н. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве : ист.-археогр. очерк : с приложением 116 таблиц с изображениями бумажных водяных знаков. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 106 с.
- Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-История, 2008. 247 с.
- Петрухинцев Н. Н.* Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Вольнского // Вопр. истории. 2006. № 4. С. 30–47.
- Севастьянова А. А.* Издания и переводы сочинений Джерома Горсея (археографическое введение) // *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / вступ. ст., пер. с англ. и коммент. А. А. Севастьяновой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 5–46.
- Севастьянова А. А.* Портрет Бориса Годунова в записках Джерома Горсея // Мининские чтения : тр. науч. конф. Н. Новгород : ННГУ, 2007. С. 11–15.
- Севастьянова А. А.* Редкие рукописные книги XVII–XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2018. № 3/60. С. 7–12.
- Селиванов А. В.* Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии // Тр. Рязан. уч. архив. комиссии за 1892 год. Рязань : Тип. Губ. правления, 1893. Т. 7. Вып. 3. С. 48–52.
- Филошкин А. И.* «Лифлянская хроника» Соломона Геннинга // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 157–168.
- Beschreibung des Großfürstentums Moscow und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscau und Reussen verrichtet worden // Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schiffahrten und Reisen, welche... in Königreich, Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden. Frankfurt a/M : Verlegung W. Fizers, 1629. Pag. 153–168.
- Croskey R.* Hakluyt's Accounts of Sir Gerome Bowes' Embassy to Ivan IV // *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 61. 1983. № 4. P. 546–564.
- Henning S.* Liffländische, Churlendische Chronica. Was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... in Lifflland zu Churland und Semigalln Hertzogen... Rostock : Gedruckt durch A. Ferber der Jüngern, 1590. 127 p.
- [*Piasecki P.*]. Chronica gestorum in Europa singularium: a Paulo Piasecio... conscripta... Cracoviae : Officina typographica F. Caesarij, 1645. 619 p.

References

Beschreibung des Großfürstentums Moscow und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscau und Reussen verrichtet worden. (1629). In *Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schifffahrten und Reisen, welche ... in Königreich, Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden*. Frankfurt a/M, Verlegung W. Fitzers, SS. 153–168.

Croskey, R. (1983). Hakluyt's Accounts of Sir Gerome Bowes' Embassy to Ivan IV. In *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 61. No. 4, pp. 546–564.

Dmitriev, L. A. (1962). *Vnov' naidennoe sochinenie ob Ivane Groznom* [Newly Found Work about Ivan the Terrible]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, pp. 374–408.

Filyushkin, A. I. (2013). "Lifyanskaya khronika" Solomona Genninga [*The Livonian Rhymed Chronicle* by Solomon Henning]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1, pp. 157–168.

GARO [State Archives of Ryazan Region]. *Sobranie nauchnoi biblioteki*. No. 10.

Gubin, D. V., Sevastyanova, A. A. (2001). *Materialy k opisaniyu sobraniya rukopisei Gosudarstvennogo arkhiva Ryazanskoi oblasti* [Materials for the Description of the Collection of Manuscripts of the State Archive of Ryazan Region]. In *Ryazanskaya vivliofika. Istoricheskii al'manakh*. Ryazan, Aleksandr Rutman. Iss. 2. No. 16, pp. 3–19.

Henning, S. (1590). *Lifflendische, Churlendische Chronica. Was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen...* Rostock, Gedruckt durch A. Ferber der Jüngern. 127 p.

Horsey, J. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* [Notes about Russia. 16th – Early 17th Centuries] / transl. by A. A. Sevastyanova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 287 p.

Kordt, V. O. (1926). Chuzhozemni podorozhni po Skhidnii Evropi do 1700 r. [Alien Lands in Eastern Europe until 1700]. In *Zbirnik istoriko-filologichnogo viddilu*. No. 38. Kiiv, Drukarnya Ukraïns'koï akademii nauk. 208 p.

Kurukin, I. V. (2011). *Artemii Volynskii* [Artemy Volynsky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 411 p.

Lavrent'ev, A. V. (2013). *Kabinet-ministr Artemii Petrovich Volynskii i voevoda Dmitrii Mikhailovich Bobrok-Volynskii: opyt izucheniia i memorializatsii Kulikovskoi bitvy v Rossii pervoi poloviny XVIII v.* [Cabinet Minister Artemy Petrovich Volynsky and Voivode Dmitry Mikhailovich Bobrok-Volynsky: The Experience of Studying and Memorialising the Battle of Kulikovo in Russia in the First Half of the 18th Century]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 104 p.

Leonid, arch. (1887). *Smutnoe vremya i moskovsko-pol'skaya voina. Ot poyavleniya pervogo Samozvantsa iz Pol'shi v 1604 godu do Deulinskogo peremiriya 1618 goda. Iz slavyanskogo perevoda khroniki Peremyshl'skogo biskupa Pavla Pyasetskogo* [The Time of Troubles and the Moscow-Polish War. From the Appearance of the First Pretender from Poland in 1604 to the Deulin Truce of 1618. From the Slavic Translation of the Chronicle of the Przemysl Bishop Pavel Pyasetsky]. In *Pamyatniki drevnei pis'mennosti*, St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. No. LXVIII. 73 p.

Likhachev, N. P. (1891). *Bumaga i drevneishie bumazhnye mel'nitsy v Moskovskom gosudarstve. Istoriko-arkheograficheskii ocherk s prilozheniem 116 tablits s izobrazheniyami bumazhnykh vodyanykh znakov* [Paper and the Oldest Paper Mills in the Moscow State. A Historical and Archaeographic Sketch with an Appendix of 116 Tables with Images of Paper Watermarks]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 106 p.

Nikolaev, S. I. (2008). *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Ties of the 16th–18th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 247 p.

Petruchintsev, N. N. (2006). *Dvortsovye intrigi 1730-kh godov I "delo" A. P. Volynskogo* [The Palace Intrigues of the 1730s and the "Case" of A. P. Volynsky]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 30–47.

[Piasecki, P]. (1645). *Chronica gestorum in Europa singularium: a Paulo Piasecio... conscripta...* Cracoviae, Officina typographica F. Caesarij. 619 p.

Selivanov, A. V. (1893). *Kratкое opisanie rukopisei, prinadlezhashchikh Ryazanskoj Uchenoi Arkhivnoi Komissii* [A Brief Description of the Manuscripts Belonging to the Ryazan Scientific Archival Commission]. In *Trudy Ryazanskoj uchenoi arkhivnoi komissii za 1892 god*. Ryazan, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. Vol. 7. Iss. 3, pp. 48–52.

Sevastyanova, A. A. (1990). *Izdaniya i perevody sochinenii Dzheroma Gorseya (arkheograficheskoe vvedenie)* [Editions and Translations of the Works of Jerome Horsey (Archaeographic Introduction)]. In Horsey, J. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* / transl. by A. A. Sevastyanova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 5–46.

Sevastyanova, A. A. (2007). *Portret Borisa Godunova v zapiskakh Dzheroma Gorseya* [Portrait of Boris Godunov in the Notes of Jerome Horsey]. In *Mininskie chteniya. Trudy nauchnoi konferentsii*. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo, pp. 11–15.

Sevastyanova, A. A. (2018). *Redkie rukopisnye knigi XVII–XIX vekov v Gosudarstvennom arkhive Ryazanskoj oblasti* [Rare Handwritten Books of the 17th–19th Centuries in the State Archive of Ryazan Region]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. No. 3/60, pp. 7–12.

Zapiska ob Artemii Volynskom [A Note about Artemy Volynsky]. (1858). In *ChOIDR*. Book 2, pp. 147–161.

The article was submitted on 13.09.2020

ТРАНЗИТ ВЛАСТИ В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: СУДЬБА ТРОНА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ*

Евгений Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории РАН;
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(санкт-петербургский филиал),
Санкт-Петербург, Россия

THE TRANSFER OF POWER IN POST-PETRINE RUSSIA: THE FATE OF EMPRESS ANNA'S THRONE

Evgeny Anisimov

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;
HSE University (St Petersburg Branch),
St Petersburg, Russia

This paper publishes a previously unknown historical source, a note supposedly written by A. I. Osterman, a major political figure in the reign of Empress Anna. The note is devoted to the search for a matrimonial match with a foreign prince for Anna Leopoldovna, the empress' niece and potentially mother of the future heir. The note testifies to its author's deep knowledge of the foreign policy situation and dynastic ties in Western Europe and ability to outline the most rational and useful vector for Russia's dynastic policy. Having carefully analysed the foreign policy and dynastic situation in Germany, the note's author is inclined to count on Prussia's help in choosing a match for Anna Leopoldovna, either from the Prussian House of Hohenzollern or from the House of Brunswick-Wolfenbüttel.

Keywords: Anna Ioannovna, Anna Leopoldovna, succession to the throne, dynastic marriages, A. I. Osterman, Anton-Ulrich of Braunschweig-Wolfenbüttel

Публикуется ранее неизвестный исторический источник – записка, предположительно принадлежащая перу крупного политического деятеля

---

* *Citation:* Anisimov, E. (2021). The Transfer of Power in Post-Petrine Russia: The Fate of Empress Anna's Throne. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 965–976. DOI 10.15826/qr.2021.3.621.

Цитирование: Анисимов Е. The Transfer of Power in Post-Petrine Russia: The Fate of Empress Anna's Throne // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 965–976. DOI 10.15826/qr.2021.3.621 / Анисимов Е. Транзит власти в послепетровской России: судьба трона императрицы Анны Иоанновны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 965–976. DOI 10.15826/qr.2021.3.621.

времен правления Анны Иоанновны А. И. Остермана. Записка посвящена поиску наиболее выгодной России брачной партии для племянницы императрицы Анны Леопольдовны, предназначенной быть матерью будущего наследника престола, с каким-либо иностранным принцем. Записка свидетельствует о глубоком знании автором внешнеполитической ситуации и династических связей в Западной Европе, об умении наметить наиболее рациональный и полезный для России вектор династической политики. Тщательно проанализировавший внешнеполитическую и династическую ситуацию в тогдашней Германии автор записки склонен рассчитывать на помощь Пруссии в выборе жениха для Анны Леопольдовны либо из прусского дома Гогенцоллернов, либо из дома Бруншвейг-Вольфенбюттельского герцогского рода.

Ключевые слова: Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, престолонаследие, династические браки, А. И. Остерман, Антон-Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский

Придя к власти в начале 1730 г., императрица Анна Иоанновна не чувствовала себя уверенно на троне и была озабочена не только усилением своей власти, полнота которой при ее вступлении на престол была поставлена под сомнение в результате так называемой «затейки верховников» и конституционного дворянского движения, но и проблемой престолонаследия. Как известно, Анна Иоанновна (1693–1740) являлась дочерью старшего брата Петра Великого царя Ивана Алексеевича, умершего в 1696 г., оставившего после себя вдову царицу Прасковью Федоровну и трех дочерей (Анну, Екатерину и Прасковью).

В правление Петра I, Екатерины I и их внука Петра II представители старшей ветви Романовых рассчитывать на престол не могли. Однако внезапная смерть в начале 1730 г. юного императора Петра II и «затейка верховников», решивших ограничить императорскую власть и призвавших с этой целью на престол курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, резко изменили династическую ситуацию в России, выдвинув старшую ветвь Романовых к верховной власти. Отныне первостепенной задачей бездетной императрицы Анны стало не допустить к престолу потомков Петра Великого – его дочь Елизавету и ее племянника голштинского принца Карла-Петера-Ульриха, сына старшей сестры Елизаветы Анны Петровны, умершей в 1728 г.

Противопоставить петровским потомкам Анна могла только свою племянницу мекленбургскую принцессу Елизавету-Екатерину-Христину (1718 г. р.), более известную в русской истории как Анна Леопольдовна. Она была дочерью младшей сестры Анны Екатерины Иоанновны и мекленбургского герцога Карла-Леопольда. Брак этот, затеянный еще Петром I, был для Екатерины Иоанновны несчастлив, и она с дочерью начиная с 1722 г. постоянно жила в России. Осуществить династический маневр с целью отсечь потомкам Петра и «портмое» Екатерине путь к трону было непросто, но почти сразу после

воцарения Анны Иоанновны был задействован некий план, решавший эту проблему. Первым пунктом плана стало издание манифеста 17 декабря 1731 г., согласно которому все подданные империи, включая простых крестьян, были обязаны персонально присягнуть за себя и своих наследников «в том, что [я] хошу и должен с настоящим и будущим моими наследниками, не токмо Ея величества, своей истинной государыне императрице Анне Иоанновне, но и по ней Ея величества наследникам, которые по изволению и самодержавнейшей ей, от Бога данной императорской власти определяемы и к восприятию самодержавного Всероссийского престола удостоены будут верным, добрым и послушным рабом и подданным быть» [ПСЗ-1, т. 8, с. 601–603].

Манифест подтверждал норму Устава о престолонаследии Петра I 1722 г., согласно которому главным его принципом отныне являлось не первородство, традиционный «династический счет», не выборы на собрании представителей сословий России («Земли»), а исключительно воля правящего монарха, получавшего беспрекословное право как назначать наследником любого из своих подданных («кому оный хочет, тому и определит наследство»), так и лишать назначенного, но ставшего негодным государю кандидата права наследства [Законодательные акты, с. 174–175]. В этом проявился апофеоз самодержавия, фактически выводившего такой важный вопрос, как престолонаследие, за пределы традиционного правового поля, как писаного, так и обычного [Анисимов, 2005]. Как сообщал английский посланник в России времен Анны Иоанновны Э. Финч, указы эти «совершенно устраняют прямое наследование, право престолонаследия и всякие притязания по первородству. В силу существующего здесь государственного устройства подданные обязуются признавать наследником престола лицо, назначенное царствующим монархом по его личной воле и выбору» [Сборник РИО, т. 85, с. 319–320].

Подтвердив манифестом 1731 г. норму Устава 1722 г., Анна, тем не менее, не уточняла имя наследника или, как тогда говорили, сукцессора. Таковым было право императрицы, впрочем, уточнять-то было нечего – имя этого сукцессора оставалось неизвестным! Дело в том, что императрица, внезапно оказавшаяся на троне и почти чудесным образом освободившаяся от тягостных для самодержавия ограничений, навязанных ей верховниками, не спешила думать об уходе от власти и сразу же решила, что наследницей ее 12-летняя племянница не будет, но престол должен в далеком будущем отойти к ее сыну, который должен родиться от брака Анны Леопольдовны с неведомым еще тогда иностранным принцем. Почему императрица руководствовалась такой, казалось бы, странной логикой, вместо того, чтобы прямо объявить Анну Леопольдовну своей преемницей? Никаких пояснений своих действий императрица нам не оставила, но мнение, что в России должны править мужчины, оставалось в те времена господствующим. Недаром во время «замешания» 1730 г., когда собравшиеся в Москве дворяне обсуждали проблему власти,

один из прожектеров В. Н. Татищев в своем проекте писал об избрании Анны Иоанновны на престол: «О государыне императрице, хотя мы Ея мудростию, благонравием и порядочным правительством довольно уверены, однако ж, как есть персона женская, таким многим трудам неудобна; паче ж законов недостает. Для того на время, доколе нам всевышний мужескую персону на престол дарует, потребно нечто для помощи Ея величеству учредить», что и привело к созданию института кабинет-министров [Анисимов, 2004, с. 184].

Сходными соображениями могла руководствоваться и сама императрица, предлагая своим подданным принести клятву в верности еще не родившемуся ребенку мужского пола, который должен был появиться на свет от будущего брака ее 12-летней племянницы и неведомого еще иностранного принца. Следующим шагом по реализации плана транзита власти стал переход в православие в 1732 г. принцессы (лютеранки от рождения) Елизаветы-Екатерины-Христины, ставшей Анной Леопольдовной. Можно предполагать, что весь этот хитроумный план транзита власти Анне Иоанновне предложил А. И. Остерман (1686–1747). Он, бывший член Верховного тайного совета и вице-канцлер, сумел ловко выпутаться из всей истории с попыткой ограничения власти императрицы и стать ее помощником во всех внешнеполитических делах, в которых государыня совершенно не разбиралась. То, что всем планом транзита власти ведал Остерман, видно из другой его записки, где он пишет о том, как это «известное всемилостивейшее намерение во исполнение приводить» [РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 52]. Думаю, что Остерману принадлежит и публикуемый ниже проект о браке, точнее – проект о наиболее точном выборе жениха для будущей матери будущего наследника русского престола. Проект хотя и не датирован, но написан в стилистике, характерной для такого несравненно тонкого аналитика и знатока международных и династических конъюнктур, каким был Андрей Иванович: в нем дан тщательный анализ плюсов и минусов предполагаемых вариантов брака с учетом внешнеполитических факторов, которые могут повлиять на выбор жениха и последствия предполагаемого брака для России – страны, активно участвовавшей в общеевропейском «концерте» великих держав, или, попросту говоря, в борьбе за реальное и символическое первенство в мире. А эта борьба отражалась и в династическом дискурсе.

Изучая публикуемый проект, нельзя не поразиться почти математически точным расчетам вице-канцлера. И хотя он предложил государыне выбрать кандидата из двух домов, Прусского или Брауншвейг-Вольфенбюттельского, логика, заключенная в проекте Остермана, выводила Россию на двор Фердинанда-Альбрехта II, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бевернского, в семье которого и был самый подходящий для России «товар» – принц Антон-Ульрих (1714 г. р.). Туда и отправился с предложением Анны Иоанновны ее обер-шталмейстер Р. Г. Левенвольде, который не получил отказа.

Этот вариант был еще тем удобен России, что Анна Леопольдовна посредством брака с Антоном-Ульрихом становилась родственницей не только прусского королевского дома Гогенцоллернов (через сестру Антона-Ульриха Елизавету Крестину, выданную за кронпринца Фридриха, ставшего в 1740 г. королем Фридрихом II Великим), но и с домом Габсбургов – через тетку Антона-Ульриха императрицу Елизавету-Крестину, супругу Карла VI. Тем самым восстанавливалась династическая связь Романовых и Габсбургов, прерванная смертью императора Петра II, сына царевича Алексея и кронпринцессы Шарлотты-Кристины-Софии, которая была родной сестрой австрийской императрицы Елизаветы и, следовательно, теткой Антона-Ульриха. Более выгодный для России брак трудно было и придумать.

Публикуемый документ не является подлинником – обычно Остерман писал, точнее, диктовал по-немецки. Перед нами писарская копия, размещенная на правой стороне листов бумаги с оставленным слева широким полем для заметок. Документ хранился в особом запечатанном конверте вместе с другими материалами правления Анны Леопольдовны, относящимися к 1741 г. Как и другие бумаги краткого правления Анны Леопольдовны, он был засекречен: как известно, при Елизавете Петровне даже упоминать имя правительницы и ее сына-императора Ивана Антоновича считалось государственным преступлением, а все документы периода регентства 1740–1741 гг. были изъяты из делопроизводства всех государственных учреждений и запечатаны в особые конверты. Одновременно все опубликованные указы императора-младенца были собраны и уничтожены (а их хранение жестоко каралось). Та же судьба постигла все посвящения на имя императора Ивана в книгах, а изображения и монеты с его профилем и именем подлежали немедленному изъятию, уничтожению или переплавке.

Так из истории России как бы исключили временной период начиная с 17 октября 1740 г., дня смерти Анны Иоанновны, и кончая 25 ноября 1741 г. – днем вступления на трон Елизаветы Петровны, царствование которой для подданных начиналось... сразу после смерти Анны Иоанновны. Если же без упоминания запретного правления было не обойтись, то во множестве документов пользовались эвфемизмами «при прежнем правлении», «при известной особе». Даже в правление весьма толерантной Екатерины II император Иван Антонович упоминался в «пониженном чине» как «принц», а запрет на бумаги его правления по-прежнему сохранялся. Неудивительно, что на сохранившемся в деле конверте с надписью «Дела о заарестованных в 1742-м году персонах» (там и лежал публикуемый ниже документ) была сделана надпись: «Разпечатываны в июле месяце 1764? (так!) года правящим генерал-прокурорскую должность генералом-квартирмейстером князь Александром Алексеевичем Вяземским и запечатаны печатью его сиятельства» [РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 51].

Напомним, что 5 июля 1764 г. погиб бывший император Иван Антонович при попытке его освобождения из заключения в Шлиссельбургской крепости. Наверняка Вяземский вскрывал конверт с бумагами регентства именно тогда не случайно, как и не случайно вновь его запечатал. Позже, уже в XIX в., при описи содержания этого конверта, ставшего архивным делом Московского архива министерства юстиции, публикуемый документ был атрибутирован неточно. В описи 1 мы читаем: «Соображения о выдаче замуж Елизаветы Петровны за какого-нибудь отдаленного принца (Гильбург-Гаузенского, Бевернского), преимущественно же из королевскаго прусскаго дома» [РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Действительно, на первых двух страницах документа (который начинается явно не с начала, без характерных для подобного рода бумаг вступления), идет речь о нейтрализации (с помощью выдачи замуж за иностранного принца) претензий на российский трон цесаревны Елизаветы Петровны. Однако все же основная часть описанного таким образом документа, в содержание которого не вчитался архивист, посвящена другой теме – выдаче замуж принцессы Анны Леопольдовны.

Несомненной проблемой является датировка документа, установить которую можно только с помощью анализа его содержания. Наиболее надежной зацепкой служит упоминание автором «двойного супружества», соединившего брачными узами прусский королевский дом Гогенцоллернов и Брауншвейг-Вольфенбюттельский герцогский дом. В один год (1733) состоялся брак принца Фридриха Прусского (будущего короля Фридриха II) с дочерью герцога Фердинанда-Альбрехта II принцессой Елизаветой-Кристиной (12 июня), и одновременно – брак ее брата Карла, принца Брауншвейг-Вольфенбюттельского, с сестрой Фридриха Великого принцессой Филиппиной-Шарлоттой Прусской (2 июля). Следовательно, публикуемую записку можно датировать как написанную после лета 1733 г. Правда, сомнения по этому поводу у меня сохраняются. Дело в том, что в тексте публикуемой записки говорится о польском короле, который, по мнению автора записки, одобрять предполагаемый брак русской принцессы не будет. Речь идет, несомненно, об Августе II, но он умер в феврале 1733 г., и если документ датировать датой заключения двойного прусско-брауншвейгского брака (после 2 июля 1733 г.), то получается нестыковка – в Польше в это время уже давно было «бескоролье». Возможно, что шла речь о намеченном и объявленном двойном браке, тогда публикуемый документ должен быть отнесен к самому началу 1733 г.

Текст документа публикуется в соответствии с правилами критической передачи текста XVII–XVIII вв. [Правила издания исторических документов в СССР]. Текст написан одним писарским подчерком. Выносные буквы внесены в строку, к выносным согласным по необходимости добавлен мягкий знак, буквы алфавита XVIII в. заменены современными, орфография текстов сохранена, пункту-

ация же приближена к современной. Комментарии по содержанию даны арабскими цифрами и помещены после публикации сплошной валовой нумерацией. Благодарю Н. Ю. Болотину за содействие в работе над архивным документом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1733 г. – Записка о выдаче замуж принцессы Анны Леопольдовны

(Л. 1) // Хотя опасения большаго не видно, чтоб с стороны Голштинского принца или тетки его¹ всесправедливейшему намерению Ея императорского величества для предбудущей сукцесии какое важное препятствие учинено быть могло, однакож, з другой стороны, и о том сомневатца невозможно, что, может быть, мочи и силы у них не будет, а охоту всегда иметь будут.

Право никакое оные к тому не имеют, понеже в единой самодержавной воле и власти Ея императорского величества (Л. 1 об.) // состоит по собственному своему соизволению и благоизобретению себе сукцессора определять и назначить, и, сверх того, герцогиня Голштинская с супругом своим за себя и все свое потомство на вечные времена от всякой сукцесии и претензии формально и наобязательнейшим образом писменно отрелась².

Но дабы такожде всякие способы и возможность им к тому отнять, видится небезпристойно от сего времени против того потребные меры и человечески возможные предосторожности взять (Л. 2) //; что до тетки³ принадлежит, то оную отдалить, без сомнения, наиспособнейшей и наилехчей способ был бы одиножды за все себя, вне всякого опасения и сумнения, от ней привести. И для того приходит в разсуждение, о чем и прежде сего разсуждено было, а именно: не возможно ли оную за одного из отдаленного чужестранного и особливо за такого принца замуж выдать, от которого никогда никакое опасение быть не может.

Его императорского величества блаженнейшия памяти намерение такое было⁴, и чаятельно, (Л. 2 об.) // еще такой принц сыщется и найден быть может. А противу Голштынского принца мочно чрез добрые и пристойные гварантии себя обнадежить, яко ж и в таком намерении, и дабы к тому дорогу предуготовить старание приложено шлезвихское дело с приступлением других держав и с присовокуплением их гварантий ко окончанию привести⁵.

О тех гварантиях, которые наиспособнейшие и натуральнейшие к сему делу быть могут, ниже упомянуто будет. (Л. 3) // И понеже Ея императорского величества всемилостивейшее намерение есть такое, чтоб Ее высочество государыню принцессу замуж выдать, и потому из уповаемого сего супружества наследников себе сукцессора выбрать и определить.

Того ради к получению сего Ея императорского величества всемилостивейшаго намерения и наиглавнейше следующие две пункты в разсуждение приходят: 1. Которой из представленных принцов и домов наиспособнейшим быть может; 2. Как в произведении сего дела наилутче поступать.

(Л. 3 об.) // Что до первого пункта касается, то оной едино зависит от Бога и Ея императорского величества. З одной стороны, убогой принц, яко Гилбург-Гоузенской⁶, меньше жалюзии⁷ у чужестранных держав причинить и возбудить может и скорее и лехче по Ея императорского величества на-

мерениям склонится и поступит, но, з другой стороны, такожде при каком нужном случае он без всякого подкрепления и чужестранного вспоможения останется, и, следовательно, ему и государству от того всякие опасности приключиться могут.

(Л. 4) // По сим разсуждениям видится, что принц из королевского Прусского дому наиспособнейшим быть может отчасти для той коннекции⁸, в которой Прусской дом с Россиею стоит и постоянно и вечно пребывать причину имеет. Отчасти ж, что Пруссия паче всех иных в близости находится от Ея императорского величества, определяемого суксессора в потребном случае сильно содержать и защищать [может], якож и оному определяемому суксессору в содержании нынешняго российского владения и утверждения при (Л. 4 об.) // Балтическом море крайняя всегда нужда будет⁹.

Которого из Прусских принцов Ея императорское величество всемилостивейше выбрать изволит, о том здесь ничего объявить невозможно, но, без сумнения, Ея величество при том на конституцию и здоровье, такожде и на нрав, и квалитет¹⁰ того выбираемого принца наиглавнейше смотреть изволит¹¹.

А ежели б Ея императорскому величеству угодно было из Бевернского дому одного принца взять¹², то однакож и сие с королем Прусским concertовано¹³ и с ним о том соглашено быть имеет, (Л. 5) // толь наипаче по нынешнему двойному между Прусским и Бевернскими домами заключенному супружеству¹⁴.

Что до второго пункта принадлежит, а имянно – как в произведении сего дела поступать, то о том ничего подлинного определить невозможно, пока о доме, из которого оной принц взят быть имеет, определение не учинено. Но ежели Ея императорское величество по вышеписаному одного Прусского принца выбрать изволит, то видится надлежит:

(Л. 5 об.) // 1. С королем Прусским о том согласится и формальной трактат заключить.

2. И понеже натурально сие дело у других держав немалую жалюзию (особливо против короля Прусского) причинить может, и тако самому королю Прусскому не бесполезно чрез другие сильные альянции¹⁵ свои земли (защитить. – Е. А.), такожде, з другой стороны, от всякого нужнаго в безопасность привести, того ради потребно при той негоциации¹⁶ с королем Прусским concertовать и согласия от тех держав, которые к сим намерениям призваны быть имеют (Л. 6) // и которые или по своим интересам к тому склонится могут, или по своим интересам по последней мере тому противными быть причину не имеют.

О цесаре Римском король Прусской обнадежен¹⁷.

Франция от России отдалена и по нынешнему состоянию дел в Эвропе едва ли полезна быть может¹⁸.

Англия могла б к сему делу весьма полезна и потребна быть якож и в протчем общих интересах непротивно было б, ежели между Англиею и Прусиею доброе согласие возстановлено быть могло¹⁹.

(Л. 6 об.) // Король Дацкой скорее к Прусскому, нежели к Голштынскому принцу склонится²⁰.

Швеции сие дело не безпротивно будет, но при всех вышеписанных альянциях великое о том разсуждение иметь важной причины не видится. Сверх того, что до Швеции надлежит, приходит и сие в разсуждение: невозможно ли с королем Швецким об установлении суксессии в Гессен-Кассельском доме в какое согласие и обязательство вступить, и тако Голштынскому дому все способы с корени отсекутся²¹.

А противу короля Польского, (Л. 7) // которой чаятельно сему делу весьма противен будет²², возможно с вышеупомянутыми державами надлежащая меры взяты.

Остается еще разсуждать, где и в котором месте сия негоцияция наилучнейше отправлена быть может. Она без сумнения наиважнейшая и со всякою discrecieю²³ и деликатнством отправлена быть имеет.

С королем Прусским одним она здесь отправлена быть может, но для других к тому потребных держав она в тамошних краях произведена быть имеет, и сие последнее видится путь легчайший (Л. 7 об.) // И понеже образ, которым сия негоцияция поведена быть имеет, никак предписана быть не может, того ради потребна к тому будет особа здешних и чужестранных держав интересов совершенно знающая. При сей негоцияции и о Курляндском деле потребные меры взять безпрестойно быть может²⁴.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–7 об.

Писарская копия.

Примечания

¹ Речь идет о Карле-Питере-Ульрихе (будущем великом князе Петре Федоровиче, с 1760 г. – императоре Петре III), сыне старшей дочери Петра Великого Анны Петровны, и о его тетке цесаревне Елизавете Петровне (будущей императрице с 1741 г.).

² Формально это верно: во-первых, как уже сказано выше, согласно Уставу о престолонаследии 1722 г., прерогатива назначения наследника всецело входила в исключительные компетенции правящего самодержца, и, во-вторых, еще в 1724 г. А. И. Остерман был автором брачного соглашения между Петром I и Голштинским герцогом Карлом-Фридрихом, бравшим в жены старшую дочь Петра и Екатерины цесаревну Анну Петровну (24 ноября). При этом оба будущих супруга однозначно отказывались от прав на российский трон [Мартенс, с. 216, 228–229].

³ То есть Елизаветы Петровны.

⁴ Это неверно. Петр не намеревался просто сбросить с рук свою дочь, а стремился найти ей наиболее престижную для России партию, точнее, мечтал выдать ее за короля Людовика XV, о чем велись в 1721–1724 гг. переговоры с французами. Позже, после того как французской королевой стала Мария Лещинская, женихов у красавицы-цесаревны было немало. Но оказалось, что найти кандидата, который всем бы удовлетворял правившую в 1730-е гг. императрицу Анну Иоанновну, непросто. При любом, даже самом незавидном для Елизаветы брачном раскладе ее дети автоматически становились прямыми внуками Петра Великого и представляли собой такую же угрозу для старшей ветви Романовых, какую представлял собой родившийся в 1728 г. сын Анны Петровны голштинский герцог Карл-Петер-Ульрих, имя которого старались не помянуть при дворе Анны, выразительно именуя этого очевидного претендента на престол и, соответственно, конкурента будущих детей Анны Леопольдовны, «чертушкой».

⁵ «Шлезвигское дело» – давний, возникший еще в начале XVIII в. конфликт между Данией и Голштинией (за спиной которой тогда стояла Швеция) по поводу принадлежности Шлезвига одной из сторон [Возгрин]. Спору этому в XVIII в. не было конца, и А. И. Остерман считал, что решение Шлезвигского дела в пользу Голштинии принципиальным образом изменит настроения голштинского двора, который в ответ на гарантии принадлежности Шлезвига Голштинии откажется от надежд на реализацию прав внука Петра I герцога Карла-Петера-Ульриха на российский трон.

⁶ Речь идет скорее всего о наследном принце Эрнсте-Фридрихе, сыне герцога Саксен-Гильдбурггаузенского Эрнста-Фридриха II (1727–1780). Однако существовал еще младший сын герцога Фридрих-Вильгельм-Евгений, но оба они по возрасту

(первый родился в 1727, а второй – в 1730 г.) явно не подходили в женихи Анне Леопольдовне (1718 г. р.).

⁷ Жалюзия – ревность.

⁸ Коннекция – связь.

⁹ С петровских времен Россия постоянно стремилась поддерживать Пруссию, видя в ней своего потенциального союзника в Германии в борьбе против Речи Посполитой и в бассейне Балтийского моря. Только приход на престол в 1740 г. Фридриха II испортил российско-прусские дружеские отношения и привел в конечном счете к участию России в Семилетней войне против Пруссии.

¹⁰ Квалитет – качества.

¹¹ К этому времени из сыновей короля Фридриха-Вильгельма I Гогенцоллерна (1688–1740) старший принц Фридрих (будущий король Фридрих II Великий, 1712 г. р.) в 1733 г. женился, холостым же был его брат Август-Вильгельм 1722 г. р. Последний, младший сын Август-Фердинанд (1730 г. р.) не подходил Анне Леопольдовне в женихи по возрасту.

¹² Бевернский дом тогда был на редкость обилён на принцев. Фердинанд-Альбрехт II, герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1680–1735), и его супруга Антуанетта-Амалия начиная с 1713 г. до 1732 г. почти ежегодно (а в 1719 г. дважды!) радовали своих подданных новорожденными детьми. Их родилось 16, причем принцев среди них было восемь!

¹³ Концертовано – согласовано.

¹⁴ То есть при выборе кого-то из бевернских принцев российскому двору все равно необходимо будет согласовывать предполагаемый брачный союз с прусским королем, тесно связанным семейными узами с Бевернским домом. Под словами «двойное супружество» имеется в виду заключенный в один год (1733) брак принца Фридриха Прусского (будущего короля Фридриха II) с дочерью упомянутого выше герцога Фердинанда-Альбрехта II Брауншвейг-Вольфенбюттельского принцессой Елизаветой-Кристиной, а также брак ее брата Карла, принца Брауншвейг-Вольфенбюттельского, с сестрой Фридриха Великого принцессой Филипиной-Шарлоттой Прусской (1716 г. р.). Следовательно, публикуемую записку можно датировать 1733 г.

¹⁵ Альянции – союзы.

¹⁶ Негоциация (здесь) – переговоры.

¹⁷ Имеется в виду то, что император Карл VI не будет возражать против действий короля Пруссии, сильнейшего члена империи.

¹⁸ Имеется в виду, что Франции, многие годы противостоявшей Австрии, до проектируемого Россией брака дела нет никакого.

¹⁹ Имеется в виду, что Россия могла бы выступить посредником при разрешении англо-прусских противоречий по поводу политики в Германии, где находилось наследственное владение английского короля Георга II Ганновер, которому угрожала Пруссия.

²⁰ По мнению автора, датский король Кристиан VI (1730–1746) будет лоялен к браку Анны Леопольдовны с прусским или бевернским принцем, ибо он никак не затрагивает интересы Дании в голштинском вопросе и не усиливает исконного врага Дании – Голштинского герцога.

²¹ Имеется в виду, что тогдашний шведский король Фредрик I (1720–1751), будучи до брака со шведской королевой Ульрикой-Элеонорой ландграфом Гессен-Кассельским, был заинтересован в укреплении престола за своим немецким домом. В браке с Ульрикой-Элеонорой он не имел детей, и на шведский трон мог претендовать голштинский герцог Карл-Фридрих (с 1739 г.), сын старшей сестры королевы Ульрики-Элеоноры Гедвиги-Софии, выданной замуж в Голштинию за герцога Фридриха IV, погибшего в сражении при Клишове в 1702 г. Благоприятное решение вопроса о шведском наследстве в пользу гессен-кассельского владетеля отрезало бы голштинцам все надежды на престол в Стокгольме.

²² Польский король Август II (ум. 1733), некогда ближайший союзник Петра I в начале Северной войны (1700–1721), в послевоенные годы был против всякого сближения России и Пруссии, чьи интересы в Польше преимущественно в отноше-

нии ее территорий) во многом совпадали и делали Россию и Пруссию безоговорочными союзниками.

²³ Дискреция – корректность, сдержанность.

²⁴ Суть «курляндского дела» состояла в следующем. После того, как в 1730 г. герцогиня Курляндская Анна Иоанновна превратилась в императрицу Всероссийскую, трон в Митаве оказался вакантным и стал предметом споров Речи Посполитой, Пруссии и России. Последняя стремилась не допустить к трону в Митаве таких претендентов, которые бы увели Курляндию из зоны уже ставшего постоянным влияния России. Особенно настойчивы были претензии короля Пруссии, мечтавшего присоединить Курляндию к своему королевству. Однако Бирон активно продвигал идею провозглашения герцогом самого себя и в конце концов добился этого в 1737 г. Курляндия с тех пор стала частью Российской империи.

Список литературы

- Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 2004. 362 с.
- Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // *Нестор*. № 7. Технология власти : Источники, исследования, историография / ред. И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих. СПб. : Нестор-История, 2005. С. 200–207.
- Возгрин В. Е. Проблема Шлезвиг-Гольштейна в дипломатии России Петровской эпохи // *Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории* : сб. ст. СПб. : Сезам-Принт, 2012. С. 73–97.
- Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях / сост. Н. А. Воскресенский ; под ред. Б. И. Сыромятникова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. Т. 1. 602 с.
- Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1880. Т. 5. Трактаты с Германией. 447 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 8.
- Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.
- РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.
- Сборник РИО – Сборник Русского императорского исторического общества : [в 148 т.]. СПб. : [Б. и.], 1867–1916. Т. 85. 562 с.

References

- Anisimov, E. V. (2004). *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. 2nd Ed. Moscow, Molodaya gvardiya. 362 p.
- Anisimov, E. V. (2005). Samoderzhavie v XVIII veke: pravo pravit' bez prava [The Eighteenth-Century Autocracy: The Right to Rule without a Right]. In Lukoyanov, I. V., Erlikh, S. E. (Eds.). *Nestor*: No. 7. Tekhnologiya vlasti. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 200–207.
- Martens, F. F. (1880). *Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami v 15 t.* [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers. 15 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya. Vol. 5. Traktaty s Germaniei. 447 p.
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR* [Rules for the Publication of Historical Documents in the USSR]. (1990). 2nd Ed. Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete ministrov SSSR. 83 p.
- PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 8.
- RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 3. List 1. Dos. 8.
- Sbornik RIO – Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva [v 148 t.]* [Collection of the Russian Imperial Historical Society. 148 Vols.]. (1867–1916). St Petersburg, S. n. Vol. 85. 562 p.

Vokresensky, N. A., Syromyatnikov, B. I. (Eds.). (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh* [Legislative Acts of Peter I. Acts on Higher State Institutions]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 602 p.

Vozgrin, V. E. (2012). Problema Shlezvig-Gol'shteina v diplomatii Rossii petrovskoi epokhi [The Schleswig-Holstein Problem in Russian Diplomacy during the Petrine Era]. In *Rossiia i Germaniya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii: cherez veka istorii. Sbornik statei*. St Petersburg, Sezam-Print, pp. 73–97.

The article was submitted on 13.03.2021

**ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
АТЛАСА РОССИИ В ПЕРЕПИСКЕ ПЕТРА КЁППЕНА
С АКАДЕМИЕЙ НАУК***

Кэтрин Гибсон

Тартуский университет,
Тарту, Эстония

**CREATING AN ETHNOGRAPHIC ATLAS OF EUROPEAN
RUSSIA AS REFLECTED IN PETER VON KÖPPEN'S
CORRESPONDENCE WITH THE ACADEMY OF SCIENCES****

Catherine Gibson

University of Tartu
Tartu, Estonia

In the mid-nineteenth century, the development of ethnographic cartography was mostly driven by issues related to the classification and territorial distribution of ethnic groups. However, in the course of this work, cartographers, ethnographers, and statisticians faced economic and material challenges, which have often been overlooked in the scholarship. This article examines the 'mapping processes' (M. Edney) of the 1840s through an analysis of correspondence between Peter von Köppen and the Imperial St Petersburg Academy of Sciences about the preparation of the *Ethnographic Atlas of European Russia* (1848), one of the first ethnographic maps published in the Russian Empire. These sources held in the St Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences are published here for the first time and provide detailed information about the circumstances behind

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Европейского фонда регионального развития и программы Мобилитас Плусс (MOBID517). Автор выражает благодарность Эрки Таммискаару за ценные рекомендации при работе над статьей и Татьяне Степанищевой и Екатерине Шелунцовой за корректуру.

** *Citation*: Gibson, C. (2021). Creating an Ethnographic Atlas of European Russia as Reflected in Peter von Köppen's Correspondence with the Academy of Sciences. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 977–994. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

Цитирование: Gibson C. Creating an Ethnographic Atlas of European Russia as Reflected in Peter von Köppen's Correspondence with the Academy of Sciences // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 977–994. DOI 10.15826/qr.2021.3.622 / Гибсон К. Проблема создания этнографического атласа России в переписке Петра Кёппена с Академией наук // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 977–994. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

the preparation of the atlas. The academy only published a short summary of these discussions, which omitted key financial and methodological details. The correspondence thus provides an alternative perspective on the history of cartography, revealing the difficulties of everyday scientific activity behind the scenes. The exchange vividly describes the relationship between the Academy of Sciences and the Russian Geographical Society during its early years, Köppen's struggle to finance his various cartographic projects, and the material processes of producing an ethnographic map. The article focuses on how Köppen balanced his scientific vision with his limited material and practical circumstances and the goals of the various scientific organisations he was involved in.

Keywords: cartography, ethnographic map, Peter von Köppen, Academy of Sciences, Russian Geographical Society, history of science

В середине XIX в. основными для развития этнографической картографии были вопросы классификации и территориального распределения этнических групп. В ходе работы картографам, этнографам и статистикам приходилось сталкиваться с серьезными материальными и техническими проблемами, которые до сих пор не становились объектами исследования. В настоящей статье «процесс картографирования» (М. Edney) в 1840-е гг. рассматривается на материале переписки между Петром Кёппеном и Императорской Санкт-Петербургской академией наук о подготовке этнографического атласа Европейской России (1848). Публикуемые впервые источники хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, в личном фонде Петра Кёппена. Они заключают в себе подробную информацию об обстоятельствах создания атласа, который был одной из первых этнографических карт, изданных в Российской империи. Академия опубликовала лишь краткие резюме обсуждения их создания, отредактированные и не включающие важную финансовую и методическую информацию. Письма Кёппена задают новую перспективу в истории российской картографии и раскрывают трудности, с которыми сталкивались ученые в своей работе. Переписка ярко характеризует отношения между Петербургской академией наук и Русским географическим обществом, их взгляд на вопросы картографии в ранние годы, борьбу Кёппена за финансирование его картографических проектов и материальные аспекты подготовки этнографической карты. Особенное внимание в статье уделено тому, как Кёппен пытался вписать свои планы в ограниченные обстоятельствами рамки и согласовать свои научные интересы с целями научных организаций, с которыми сотрудничал.

Ключевые слова: картография, этнографическая карта, Петр Кёппен, Академия наук, Русское географическое общество, история науки

В Российской империи, как и в других частях Европы, в середине XIX в. основными направлениями, в которых развивалась этнографическая картография, были классификация этнических групп и описание их территориального распределения. Российские картографы, этнографы и статистики сознавали ограниченность имеющихся сведений об этническом составе населения империи. Даже ближайшие западные регионы с нерусским и неправославным населением, присоединенные к империи в XVIII в., – Остзейские губернии и бывшие земли Речи Посполитой – не были описаны полностью. Возросший интерес к таким описаниям обусловил расцвет этнографического картографирования – изображения на картах территории проживания различных народов. Этнографические карты начали составлять с западных губерний; постепенно они охватили всю империю [Псянчин]. Правительство в основном поддерживало эти научные изыскания, считая их важными для понимания многонациональной империи.

«Этнографический атлас Европейской России» Петра Кёппена, изданный Императорской Санкт-Петербургской академией наук в 1848 г., занимает важное место в истории российской картографии. Это одна из первых этнографических карт, созданных в Российской империи. Огромный настольный атлас состоит из 98 листов с указанием распределения этнических групп в западной части империи. Он был издан всего в трех экземплярах – по одному для Академии наук, Русского географического общества и самого автора, Петра Кёппена. Факсимиле атласа сохранилось в отделе картографии Российской национальной библиотеки [Этнографический атлас Европейской России, составленный Петром Кёппеном]. С 2020 г. атлас стал доступен онлайн, его оцифровка была выполнена по заказу Русского географического общества [Этнографический атлас Европейской России].

До сих пор историки редко обращались к атласу, сосредоточив свое внимание на более известной «Этнографической карте Европейской России» Кёппена на четырех листах, опубликованной обществом в 1851 г. Она стала первой этнографической картой, вышедшей массовым тиражом в Российской империи, и заняла значительное место в этнографических исследованиях народностей как опыт осмысления социального пространства Российской империи [Красникова; Псянчин; Gibson, 2018]. Единственная на сегодняшний день специальная работа об атласе Кёппена написана литовским историком Витаутасом Петронисом. Он утверждает, что атлас сыграл большую роль в разработке методов этнографического картирования и положил начало работе Кёппена над более известной картой [Petronis, p. 185–189].

Будущий автор карты Петр Кёппен (Peter von Коерпен или Көрпен, 1793–1864) родился в Харькове в немецкой лютеранской семье. На протяжении своей карьеры он занимал различные государственные должности, в 1843 г. стал академиком Петербургской академии наук, а в 1845 г. – одним из учредителей Географического общества, в котором возглавил отделение статистики [Сухова, 1993]. Как эксперт по стати-

стике Кёппен организовал систематический сбор данных о населении Российской империи. Благодаря своим трудам он стал одним из самых авторитетных картографов в России тех лет.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилась переписка между Кёппеном и Академией наук 1846–1851 гг., которая прямо относится к созданию этнографического атласа [ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465]¹. Кёппен адресовал в Отделение истории и филологии (Третье отделение) Академии наук четыре письма на немецком языке, ответом на них были три протокола заседаний отделения, написанные на французском языке и включенные в то же архивное дело. В нем также хранится счет за атлас, подготовленный Кёппеном для академии и составленный на русском языке. До настоящего времени эти документы не были введены в научный оборот. Мы отобрали источники, содержащие наиболее полную и выразительную информацию о финансовой и других практических сторонах создания атласа, поэтому в подборку для публикации не вошли некоторые черновики писем, которые хранятся в деле. При публикации был восстановлен хронологический порядок следования документов; графика и орфография приведены в соответствии с современными нормами, а сокращенные слова восстановлены.

Публикуемые ниже письма проливают свет на «процесс картографирования» Российской империи, проясняют обстоятельства их производства, обращения и употребления [Edney, p. 10]. Хотя военные, политические и интеллектуальные аспекты российской картографии уже неплохо изучены [Постников; Seegel; Jeske], экономические, социальные и культурные стороны ее истории оставались почти без внимания. Отчасти причиной недосмотра является то, что карты обычно сохранялись лишь в малодоступных фондах библиотек, музеев и архивов, а подробной информации об авторах и обстоятельствах их создания не существовало [Красникова, с. 29]. Между тем, как утверждает Мэри Педли в своей работе о торговле картами в Британии и Франции XVIII в., экономические и социальные перспективы имеют решающее значение для понимания истории и экономики карт [Pedley].

Академия наук опубликовала только краткие резюме по итогам заседаний Отделения истории и филологии, на которых обсуждались проект Кёппена и его письма. Они были отредактированы и не включали важную финансовую и методическую информацию [Bulletin, p. 380]. В настоящую публикацию включены более информативные выписки из протоколов, которые получал Кёппен в ответ на свои обращения. Дополненные ответами академии письма Кёппена задают новую перспективу в истории российской картографии. Они демонстрируют, с какими трудностями приходилось сталкиваться ученым в их работе, какие проблемы скрывались за кулисами академии,

---

¹ Далее ссылки на этот документ будут даны в тексте статьи в круглых скобках с указанием номеров листов.

а также то, какое влияние оказывали экономические и социальные факторы на содержание и внешний вид карт. При комментировании мы сосредоточились на трех основных темах переписки: отношение Академии наук и Географического общества к вопросам картографии; финансовые вопросы; научная и технологическая стороны подготовки этнографических карт.

Из материалов переписки явствует, что в ранние годы ученые тесно сотрудничали с Академией наук и Географическим обществом по вопросам картографического и географического исследования. Мы знаем, что многие из них активно участвовали в работе обоих обществ, проводивших научные экспедиции, и публиковались в их изданиях [Хартанович, с. 532]. В течение первого года существования Географического общества все встречи проводились в конференц-зале Академии наук [Сухова, 2010, с. 567]. Письма Кёппена указывают, что контакты между Академией наук и Географическим обществом углубились и стали более тесными. В них Кёппен обрисовал в общих чертах свою картографическую работу как удовлетворяющую обе организации.

Из публикуемых писем можно получить представление о том, как ученые работали над проектами, которые поддерживали оба учреждения, и как должны были при этом согласовывать их разные цели и задачи. В 1846 г. Кёппен задумал создать большой этнографический атлас академического характера. Согласно его проекту, атлас как справочное издание должен был храниться в академической библиотеке. Следующим шагом ученый планировал создать на основе атласа карту из четырех-шести листов с подписями латиницей и комментарием на немецком языке; эта карта предназначалась для продажи через книжные лавки, где она была бы доступна широкой публике (л. 4 об.). Кёппен задумал также русскоязычный вариант этой карты и обратился за финансовой поддержкой для его публикации в Географическое общество [Отчет]. Обращение мотивировано тем, что именно Географическое общество обычно публиковало материалы на русском языке, в то время как академия издавала материалы на разных европейских языках [Offord, Rjéoutski, Argent, p. 319–321]. Как мы видим, Кёппен надеялся заручиться поддержкой обеих научных организаций для различных частей проекта.

Члены комитета Отделения истории и филологии приняли первое предложение Кёппена для составления атласа, но решили, что 1500 руб. серебром – слишком большая сумма за дополнительную карту на немецком языке (л. 21). Они утверждали, что люди, интересующиеся русской этнографией, смогут свободно читать кириллические надписи. Члены комитета предложили снизить стоимость карты, что можно было сделать, если подключить к сотрудничеству Географическое общество и использовать одни гравировальные пластины (л. 22). Похожий план был осуществлен при подготовке «Этнографической карты Санкт-Петербургской губернии» Кёппена, которая была опу-

бликована в 1849 г. сначала на немецком языке, а позже – на русском. Однако немецкоязычный вариант «Этнографической карты Европейской России» в конце концов не получил финансирования. Хотя проект оказался неуспешным, на него и подобные ему стоит обратить внимание – это существенно для истории картографии, которая зачастую изображает только достижения, включает лишь успешные, то есть опубликованные картографические труды.

Изготовление карт было делом трудоемким и дорогостоящим, особенно до начала использования хромолитографии. Поэтому неудивительно, что дискуссия между Кёппеном и Академией наук касается преимущественно финансовых вопросов. Именно она вскрывает конфликт между устремлениями ученого и ограниченными возможностями их реализации. Переписка показывает, как Кёппен старался обосновать просьбы о финансировании своих научных проектов. Его риторика временами разительно напоминает современную заявку на грант, адресованную научному фонду. В письмах к Академии наук Кёппен охарактеризовал научную ценность и общественную значимость своей работы и представил прототип с картами Новгорода, Твери и Ярославля, подготовленными при помощи Карла Карловича² фон Венцеля (Carl von Wenzel, 1797–1874). Венцель также содействовал Кёппену в подготовке этнографической карты [Кёппен, с. 25].

Стоимость картографических проектов часто превышала первоначальный бюджет. В апреле 1846 г. члены Академического комитета решили, что стоимость атласа не превысит 123 руб. серебром, и выделили Кёппену аванс в 100 руб. (л. 7). В итоге проект обошелся более чем в 200 руб. Особый интерес в связи с этим вызывает счет 1851 г., который дает уникальную информацию о затратах на изготовление атласа (л. 13 об.). Из него явствует, что основные суммы шли на покупку листов для базовых карт и бумаги, а также на оплату гравировки, печати и раскраски.

Чтобы ускорить процесс подготовки, картографы часто брали на себя финансовое бремя проекта и оплачивали счета из собственного кармана, надеясь на позднейшее возмещение расходов. Так поступил и Кёппен, но еще спустя три года после окончания работы над атласом он жаловался, что академия не возместила ему потраченные из собственного кармана 45 руб. 65 коп. Также ученый неоднократно обращался в Географическое общество, которое осталось должно ему за работу над этнографической картой на русском языке [ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–5]. Хотя Географическое общество высоко оценило труды Кёппена-картографа и в 1851 г. присудило ему престижную Демидовскую премию и медаль Константина, проекты по изданию карт все равно приносили убытки. В 1852 г. Кёппен страдал от расстройства здоровья и был вынужден лечиться в Крыму.

---

² В некоторых источниках указано другое отчество – Бургартович. Позднее К. Венцель служил инспектором межевания казенных земель, а с 1851 г. занимал в Иркутской губернии должность военного и гражданского губернатора.

В его письмах того времени чувствуется разочарование, доходящее до отчаяния. Закономерно, что после этого Кёппен больше не занимался созданием карт.

Публикуемые источники детально показывают процесс картографирования. В своей работе Кёппен использовал листы «Подробной карты Российской империи» (1801–1816) и «Специальной карты Западной части России» Шуберта (1826–1840), которые продавались в «Географическом магазине» Военно-топографического депо [Jeske, S. 331]. Кёппен уже был знаком с картой Шуберта, поскольку в 1837 г. Военно-топографическое депо пригласило Кёппена составить проспект карты [ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 108]. При подготовке атласа Кёппен пользовался теми же методами, что и при составлении других этнографических карт. Сначала он просматривал списки населения, находил указанные в них деревни и подчеркивал их названия цветом, выбранным для обозначения народности. Затем на карте он тонировал этим цветом территории, которые относились к деревням, однородным по этническим и лингвистическим характеристикам. Из-за большого количества цветов, необходимых для обозначения всех национальностей, для обозначения границ между территориями использовались другие цвета (л. 4–4 об.).

Процесс картографирования включает не только генерацию идей, сбор данных и подготовку содержания, но также создание материального объекта – собственно карты. До механизации ручного труда производственные затраты на раскраску карт и наклейку атласа составляли значительную сумму. Базовые карты были литографированы, но иллюминация наносилась вручную. В ходе непростой работы, разумеется, возникали ошибки, которые требовали исправления, а для этого нужны были дополнительные листы. В истории картографии работа ремесленников, печатников и переплетчиков до сих пор остается преимущественно анонимной и невидимой [Gibson, 2020]. Публикуемый счет помогает отчасти восполнить эту лакуну. Кёппен указывает в нем имена мастеров, работавших над атласом. Иллюминатор Сергей раскрасил в атласе четыре листа специальной карты, топограф Фрыхов раскрасил полный атлас, а переплетчик Бремер отвечал за наклейку карт и кожаный переплет атласа (л. 13 об.).

Переписка Кёппена с академией помогает глубже проникнуть в картографический процесс и ярко демонстрирует сложности научной работы 1840-х гг. Экономические факторы значительно влияли на нее, так как картографы должны были соизмерять свое видение, с одной стороны, с материальными и практическими ограничениями, а с другой – с зачастую разными целями научных организаций. Кёппен в 1850-е гг. еще испытывал негативные материальные последствия от своего участия в картографическом проекте. Его письма не только дополняют знания о биографии и карьере ученого, но и обогащают представления о динамике российского академического сообщества середины XIX в. в целом.

Письмо П. Кёппена в Третье отделение Императорской академии наук о создании этнографического атласа и карты^a

24 апреля 1846 г.
Санкт-Петербург

(Л. 2) // An die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

Erst seit dem 14/26 August des Jahres 1844 besitzt die Akademie der Wissenschaften einen Akademiker für Ethnographie und Linguistik Nicht-Slawischer Völker Russlands. Das Bedürfnis ein sich ausschließlich der Ethnographie widmendes Mitglied zu haben, wurde von uns schon lange vorher gefühlt und ausgesprochen und wem konnte wohl mehr daran gelegen sein als dem Statistiker? Eben dieses Bedürfnis war es, welches mich schon von einer Reihe von Jahre nötigte eine Sammlung ethnographischer Notizen anzulegen und, durch gültige Vermittlung der Akademie, aus den Provinzen des europäischen Russlands Nachrichten über die Nicht-Russischen Bewohner des Reiches einzufordern.

Wenn wir uns sagen müssen (Л. 2 об.) // dass wir selbst die Bewohner der nächsten Umgebungen unserer Hauptstadt ihren ethnographischen Verzweigungen noch nicht hinlänglich kenne, wie durfte man da glauben mit Völkerverhältnissen entfernter Gouvernements im reinen zu sein? Einzelne, lichte Punkte ausgenommen, schwebt auch jetzt noch im allgemeinen ein mehr oder weniger dunkler Schleier über die Verbreitung der verschiedenen Völkerstämme des europäischen Russland.

Die zuerst der Akademie zugekommenen Nachrichten zeigten gar bald dass, zur Beseitigung irriger, oder wohl gar auf gut Glück gemachter Angaben, der Sache auf den Grund gegangen werden musste. Es erschien unvermeidlich die detailliertesten Listen derjenigen Dörfer einzufordern, in denen Nicht-Russen leben, mit Angabe der Seelenzahl beiderlei Geschlechts zur Zeit der letzten Volkszählung, (Л. 3) // welche im J[ahre] 1834 stattfand. Solche Listen sind nun für den größeren Teil derjenigen Gouvernements, in denen sich Nicht-Russen vorfinden, schon eingelaufen, und ich habe daraus, wie der Akademie bekannt ist, einige Resultate veröffentlicht, namentlich:

1. Im Bulletin de la classe historico-philologique et politique de l'Académie impériale des sciences de Saint- Pétersbourg. (T. I, N° 6): Über die Zahl der Nicht-Russen (инородцы)⁶ in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jaroslaw, Kostroma und Nishny Nowgorod und

2. In den Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint- Pétersbourg, II Série. Sciences politiques (T. VI, p. 223 ff.: Über die Nicht-Russische Bevölkerung der Apanage-Güter (gelesen in der Akademie den 24. Februar 1842).

Dieses nun endlich vorhandene kostbare ethnographische Material unediert zu (Л. 3 об.) // lassen, wäre eine wahre Sünde. Ich werde daher der Akademie nach und nach mehrere Übersichten solcher ethnographischen Verhältnisse in verschiedenen Gruppen Russischer Provinzen vorlegen.

Doch damit wäre das, was die gelehrte Welt von uns verlangen kann, noch lange nicht abgetan. Diese wird vor allem nach einer Ethnographischen Karte Russlands fragen, und wir werden uns gewiss freuen ihr eine solche bieten zu können.

^a Письмо представляет собой рукописную копию с оригинала. Почерк (латинский курсив) отличается от почерка Кёппена, который писал по-немецки готическим курсивом (*Kurrentschrift*). Черновик письма, написанный рукой Кёппена, также содержится в деле [ИФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 15–16 об.]. В правом верхнем углу страницы есть приписка карандашом «Ethnogr. Karte d. Europ. Russds», видимо, позднее добавленная архивистом.

⁶ Так в рукописи, слово написано по-русски.

Einen Versuch dieser Art für die Gouvernements Nowgorod, Twer und Jaroslaw habe ich die Ehre hier der Akademie vorzulegen. Es sind diese drei auf meinen Wunsch von General von Wenzel, den Nationen nach illuminierten Blättern der Schubertischen Special-Karte Russlands. Die in den Listen angegebenen Dörfer wurden aufgesucht und deren Namen mit in (Л. 4) // voraus bestimmten Farben unterstrichen, worauf denn das ganze von den genannten Dörfern eingenommene Gebiet illuminiert wurde.

Das es, bei der großen Zahl verschiedener, im europäischen Russland vorkommender Nationen, unmöglich wäre einer jeden Völkerschaft ihre eigenen Farbe zu geben, so glaube ich eine zweite Farbe, als Randbezeichnung der verschiedenen illuminierten Flächen annehmen zu müssen. Vor der Hand entschloss ich mich, gemeinschaftlich mit dem Generale von Wenzel, die auf beifolgender Musterkarte angegebenen Farben zur Bezeichnung verschiedener Nationen zu brauchen; alle, von Slawischen Völkern bewohnte Gegenden aber sollen ungefärbt bleiben.

In dieser Art könnte, auf Grundlage jetzt schon vorhandener Nachrichten, der größte Teil des europäischen Russlands behandelt werden. (Л. 4 об.) // Ich glaube also darauf antragen zu müssen:

1) Dass die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, die zu einem ethnographischen Atlas nötigen Karten anschaffe, und zwar

a. Ein vollständiges Exemplar der Schubertischen Special-Karte^b

b. Die zur Vervollständigung noch nötigen 41 Blätter der подробная карта, da die genannte Special-Karte nicht das ganze europäische Russlands enthält. («Прим. автора: Nämlich Blätter 21 und 22, 39 und 40–42, 57–87, 98–99».)^c

2) Dass die Akademie die Kosten des Illuminierens der Karten nach dem vom General Wenzel gemeinschaftlich mit mir angefertigten Originale, trage.

3) Dass all diese Karten zusammen einen Atlas bilden, der auf der Akademischen Bibliothek deponiert und nie, nach Haus genommen werde.

4) Dass, auf Grundlage dieses Atlas, eine etwa 4 oder 6 Blatt (Л. 5) // große Karte des europäischen Russlands mit Lateinischer Schrift gestochen werde, um illuminiert und begleitet von einem in deutscher Sprache abzufassenden Kommentar in den Buchhandel zu kommen.

Da es in historischer Hinsicht wünschenswert ist, dass die Listen der von Nicht-Russen bewohnten Dörfer möglichst vollständig und genau auf die Nachwelt kommen, die aber am besten in Russischen Sprache, in welcher die Listen vorliegen, geschehen könnte, so glaube ich dass es mir wohl schon aus ökonomischen Gründen von Seiten der Akademie gestattet wird, die Russische Geographische Gesellschaft aufzufordern den Druck dieser Dörfer-Verzeichnisse als Zugabe zu einer ethnographischen Karte in Russischen Schrift zu übernehmen.

Genehmigt unsere Klasse diese Vorschläge, so werde ich (Л. 5 об.) // mich freuen endlich einen meiner vieljährigen Wunsche in Erfüllung gehen zu sehen und hoffe dass die Opfer, welche die Akademie in dieser Hinsicht bringt, von Seiten aller Freunde der Völker und Staatskunde reichliche Anerkennung finden werden^d.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 2–5.

На нем. яз. Копия.

^b Приписка карандашом на полях: «60 Rubel Silber».

^c Приписка карандашом на полях: «Etwa 50 Rubel Silber = 122 Rubel 30 Kopeken Silber».

^d Подпись отсутствует.

**Выписка из протокола заседания Отделения истории и филологии
(Третьего отделения) АН 24 апреля 1846 г., адресованная П. Кёппену
в ответ на его письмо об этнографическом атласе**

16 мая 1846 г.
Санкт-Петербург

(Л. 6) // Classe d'histoire et de philologie. Extrait du procès-verbal du 24 avril 1846. Article 85. No. 781 ce 16 mai 1846.

Pour M. l'Académicien Koeppen.

M. l'Académicien Koppen présente à la Classe trois feuilles de la grande carte spéciale du général Schubert représentant les gouvernements Novgorod, Tver et Iaroslav, et dans lesquelles il a, avec l'assistance du général Wenzel, marqué par le moyen de différentes couleurs choisies d'avance (Л. 6 об.) // les villages habités par des peuples non-russes, d'après les données qui, sur l'intercession de l'Académie, lui ont été fournies par les Gouverneurs. Ces données seraient déjà presque suffisantes pour mettre en évidence les rapports ethnographiques d'une grande partie de la Russie européenne et M. Koeppen propose en conséquence d'acheter à cet effet un exemplaire complet de la carte spéciale de Schubert, et comme les provinces orientales manquent dans cette carte, de la compléter par 41 feuilles de la carte détaillée (подробная карта)^е, de faire ensuite illuminer ces feuilles selon le plan adapté par M. M. Koeppen et Wenzel et (Л. 7) // d'après les données officielles existantes, et de former ainsi un atlas ethnographique de la partie européenne de l'Empire, lequel, déposé à la Bibliothèque, pourrait être consulté à l'occurrence, mais ne serait jamais prêté dehors. Les frais de cette entreprise ne monteraient guère au-delà de 123 roubles d'argent. A ce projet M. Koeppen enjoint un autre, relatif à la publication d'une carte ethnographique réduite à l'espace de 4 ou 6 feuilles et d'un commentaire en langue allemande. La Classe approuva le premier projet et autorisa M. Koeppen de procéder immédiatement à son (Л. 7 об.) // exécution. A cet effet le Comité administratif sera prié de tenir à la disposition de M. Koeppen la somme de 100 roubles d'argent allouée sur l'état de la Bibliothèque. Quant au second projet, avant de se décider, la Classe invita M. Koeppen de lui présenter un devis détaillé des frais de cette publication.

Certifié conforme
Fuss^ж

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 6–7.

На франц. яз. Подлинник.

^е Так в рукописи, написано по-русски.

^ж Павел Николаевич Фусс (1798–1855) – ученый, математик, секретарь Академии наук.

**Письмо П. Кёппена в Третье отделение Императорской академии наук
о бюджете этнографического атласа Европейской России³**

22 мая 1846 г.
Санкт-Петербург

(Л. 20) // An die 3te Klasse der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

In Folge der an mich von Seiten der 3te Klasse ergangenen Aufforderung wegen Einreichung eines Kosten-Überschlags hinsichtlich der herauszugebenden ethnographischen Karte des europäischen Russlands, habe ich die Ehre zu berichten:

1. Dass ich die Absicht habe die Karte im Maßstab der gegenwärtigen Postkarte (d. i. 60 werst auf einen Englischen Zoll groß) anzufertigen. Wenn auch dieser Maßstab klein genannt werden kann, so übersieht man dann doch das Europäische Russland auf einmal leichter als wenn man für die Karte einen größeren Maßstab zu Grunde legen wollte.

2. Die Karte wurde aus 4 Blätter bestehen, von dem der 1te den Titel und das letzte die Erklärung der Farben enthalten müsste.

3. Der erklärende Text würde schwerlich auf 10 Bogen geschlossen sein kommen, woher ich denn der Sicherheit wegen 15 Bogen rechne.

45. Von Seiten der Russischen Geographischen Gesellschaft sind für den Stich der Karte mit russischer Schrift und der Druck von 220 Exemplare derselben, mit den illuminieren, 1140 Silber Rubel bewilligt worden. Namentlich:

Für die Stich der Karte (mit der Platten dazu) 400 Silber Rubel

Papier zu 220 Exemplare 140

Druck der Karte 30

Illuminieren 440

Zeichnen der Karte 130

6. Rechne ich nun den Druck des Kommentars hinzu, do dürfte das ganze circa 1500 Silber Rubel zu stehen kommen, eine Summe die vor jedem unbefangenen Freunde der Vaterlands-Kunde gewiss unbedeutend genannt werden muss, im Verhältnis zu dem durch selbige zu erlangendem Resultat.

Ich wenigstens lebe der Überzeugung, dass gerade jetzt die Akademie keinen nützlicheren und ehrenvolleren Gebrauch von der ihr zur Gebote stehenden Mitteln machen kann, als gerade den hier in Rede stehenden. Wollte man zu obiger Summe noch 300 Rubel Silber hinzufügen so könnten 300 Exemplare in den Buchhandel gebracht werden und jedes derselben würde netto, nur 6 Rubel Silber zu kosten.

Den 22 Mai 1846
ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 20.

На нем. яз. Подлинник.

³ Это и публикуемые ниже письма были написаны Кёппеном собственноручно.

№ 4

**Выписка из протокола заседания Отделения истории и филологии
АН 22 мая 1846 г., адресованная П. Кёппену, по финансовым вопросам**

7 июня 1846 г.
Санкт-Петербург

(Л. 21) // Classe d'histoire et de philologie. Extrait du procès-verbal du 24 avril 1846. Article 85. No. 781 ce 16 mai 1846.

Pour M. l'Académicien Koeppen.

M. l'Académicien Köppen présenta le devis des frais de la publication de la grande carte ethnographique de la Russie. Ces frais, selon l'évaluation de M. Koeppen, pouvant montrer jusqu'à 1500 roubles d'argent et la Société géographique s'étant déjà chargé à ses frais de la publication de cette même (Л. 21 об.) // carte, avec les noms en russe, le Secrétaire perpétuel fit observer à la Classe que, selon lui, cette forte dépense pourrait être en grande partie épargnée à l'Académie si elle s'arrangeait avec la Société géographique en sorte qu'il lui fut permis de profiter des planches de la Société pour le tirage de son édition. L'écriture russe ne peut guère être considérée comme un inconvénient vu qu'il est à supposer que quiconque fait de l'ethnographie de la Russie l'objet de ses études particulières, doit sans doute lire avec facilité l'alphabet russe. La Classe approuve cette proposition et charge (Л. 22) // le Secrétaire de négocier l'affaire avec la Société en temps convenable.

Certifié conforme

Fuss

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 21–22.

На франц. яз. Подлинник.

№ 5

**Письмо П. Кёппена в Третье отделение Императорской академии
наук о подготовке этнографического атласа Европейской России**

21 января 1848 г.
Санкт-Петербург

(Л. 10) // An die Dritte Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

Das Interesse, welches die Anfertigung einer ethnographischen Karte des europäischen Russlands bei einigen von meinem Herrn Kollegen erregte, stößt mir den Muth ein unserer Klasse hier ein Korrektur-Exemplar dieser Karte zur Ansicht vorzulegen. Da die Karte in russischer Sprache für die Geographische Gesellschaft gestochen wird, so habe ich ebenfalls in russischer Sprache, einen kurzen Bericht über die Art wie solche angefertigt wurde, niedergeschrieben und demselben eine Übersicht der Nichtrossen in den verschiedenen Gouvernements beigefügt.

In unserer Klasse war man vor 8 Monaten der Meinung, dass es gut sei den erklärenden Text auch in deutscher Sprache zu geben, die Karte aber sollte, so wie Sie von der Geographischen Gesellschaft ediert wird, bleiben und so das ganze in den ausländischen Buchhandel kommen. Ich kann nun nicht umhin zu gestehen, dass mir ein ärmliches Arrangement dieser Art nicht zusagt, indem ich

der Überzeugung lebe, dass es für die Akademie ehrenvoller sein würde, wenn Sie auch die Karte in deutscher Sprache stechen lassen würden: was eine Ausgabe von höchstens 4 ½ hundert Rubeln Silber veranlassen dürfte. (Nämlich 400 Rubel für der Stich der Karte und etwa 40–50 Silber Rubel zu unvorgesehenen Ausgaben).

Ich gestehe, dass es mich kränken muss eine Arbeit, die jahrelang währte, und die für jeden gebildeten Menschen doch von ei (*Л. 10 об.*) // nigem Interesse sein muss, nicht in gehöriger Art ans Licht treten zu sehen. Da ich möchte bitten mich der Pflicht zu entbinden den erklärenden Text für die Akademie in deutscher Sprache zu geben, wenn es nicht für ratsam erachtet werden sollte die Karte ebenfalls Deutsch herauszugeben.

Was nun aber die Anfertigung des ethnographischen Atlas anbelangt, so möcht ich um Erlaubnis bitten die einzelnen Blätter derselben auf Leinwand ziehen und das ganze binden zu lassen. Dies ist um so nötiger, da die nun billiger gewordenen Blätter der Specialkarte auf weniger starkem Papier als früher gedruckt werden, wie das für die Akademie im Generalstabe besonders angefertigt Exemplar beweist. Das Aufkleben der Blätter und das Einbinden des Ethnographischen aus mehr denn 100 Blättern bestehende Atlas, kann 50 Rubel Silber zu stehen kommen. Auch sehe ich mich genötigt zu bitten, dass noch etwa von 12 Rubel Silber zu meiner Disposition gestellt würden, um solche Blätter anzuschaffen die neu illuminiert werden sollen, da die erste Ausarbeitung derselben neuere Nachrichten zufolge geändert werden muss.

Unterzeichnet Koeppen
ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 10.

На нем. яз. Подлинник.

№ 6

**Выписка из протокола заседания Отделения истории и филологии
Академии наук от 21 января 1848 г., адресованная П. Кёппену,
о подготовке этнографического атласа Европейской России**

9 февраля 1848 г.
Санкт-Петербург

(*Л. 11*) // Classe d'histoire et de philologie. Extrait du procès-verbal du 21 janvier 1848. Article 20. No. 219 ce 9 février 1848.

Pour M. l'Académicien Koeppen.

M. l'Académicien Köppen mit sous les yeux de la Classe un exemplaire enluminé de la carte ethnographique de la Russie européenne, composé par lui d'après les matériaux que lui a fournis l'Académie et gravé en russe aux frais de la Société géographique. Le texte de cette carte, conformé- (*Л. 11 об.*) // ment à l'arrêté de la Classe du 22 Mai 1846 (§ 112), devait être publié aussi en allemand, dans le Bulletin, et accompagné de la même carte, après que la Société en aurait fait tirer le nombre suffisant à ses besoins; l'écriture russe de la carte, selon l'avis de la Classe, ne pouvait guère être considéré comme un inconvénient, vu qu'il est à supposer que quiconque fait de l'ethnographie de la Russie l'objet de ses études particulières, doit sans aucun doute lire avec facilité l'alphabet russe. A présent M. Koeppen, trouvant cet arrangement mesquin, réitère sa demande de faire graver (*Л. 12*) // la carte a neuf, avec l'écriture allemande, pour l'édition du Bulletin, ce qui peut coûter de 4 à 5 cents

roubles d'argent, ou, si la Classe n'y consent pas, de le dispenser tout-à-fait de la publication de son texte allemand. En outre M. Koeppen prie la Classe de mettre à sa disposition la somme de 62 roubles d'argent pour faire coller sur toile et relier le grand atlas ethnographique de la Russie composé de plus de cent feuilles, qu'il prépare, avec l'autorisation de la Classe (Voir le protocole du 24 April 1846 § 85), sur un exemplaire de la carte spéciale, ainsi que pour l'achat de quelques feuilles de cette carte qu'il a fallu retravailler d'après des données plus récentes (*Л. 12 об.*) // tes. Quant à la première proposition de M. Koeppen, la Classe ne trouva aucun motif pour révoquer son arrêté du 22 Mai 1846, qu'elle résolut au contraire de maintenir d'autant plus qu'à présent ce serait aller sur les brisées de la Société géographique que le reproduire cette carte. Quant à la somme de 62 roubles d'argent dont M. Koeppen a besoin pour achever son atlas ethnographique, comme cet atlas sera une acquisition de la Bibliothèque, la Classe résolut de prier le Comité administratif par extrait de faire payer à M. Koeppen cette somme pour le compte de la Bibliothèque.

Certifié conforme

Fuss

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 11–12.

На франц. яз. Подлинник.

№ 7

**Письмо П. Кёппена в Третье отделение Императорской академии
наук о возмещении расходов**

9 января 1852 г.
Санкт-Петербург

(*Л. 13*) // An die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

Im April 1846 genehmigte die Akademie meinen Vorschlag wegen Anfertigung eines ethnographischen Atlas des europäischen Russlands. Seitdem ist nun, im Laufe von beinahe sechs Jahren fortwährend an diesem Atlas gearbeitet worden, und so manches Blatt desselben hat, in Folge genauerer Nachrichten, durch ein neues ersetzt werden müssen. Es freut mich ungemein diese Arbeit endlich zu Stande gebracht zu haben und ich lebe der Überzeugung, dass späterhin der Werth derselben mehr denn jetzt erkannt werden wird.

Indem ich die Ehre haben den fertigen Atlas zu übergeben; glaube ich noch an den im April gefassten Beschluss, dass derselbe von der Bibliothek nicht ausgeliehen werde, erinnern zu müssen.

Die Rechnung, laut welcher ich noch fünfundvierzig Rubel fünfundsechzig Kopeken Silber (45 R. 65 k. S.) (zur Deckung der Ausgaben zu erhalten habe), lege ich hier bei, mit der Bitte mir dieses Geld baldigst verabfolgen zu lassen¹¹.

Akademiker Koeppen

¹¹ Помета на полях: «F (45 Rubel 65 Kopek Silber)».

(Л. 13 об.) // Счет на изготовление этнографического атласа
для Императорской академии наук (в рублях серебром)

Номер (дата)	Приход	Руб.	Коп.
1	В июне 1846 года за 41 лист подробной карты отпущено по 30 коп. сер.	12	30
2	Декабря 14-го 1846-го г. принято из Академического казначейства	50	“
3	Января 29-го, 1847 тоже	37	70
4	По определению, состоявшемуся 21 янв. 1848 г., всего отпущено	62	“
	<i>Расход</i>		
В июне 1846 г.	За 41 лист подробной карты для этнографического атласа послано в Депо карт по 30 коп. за лист	12	30
11 февр. 1847 г.	Уплачено в Депо карт за полный экземпляр специальной карты России Иллюминовщику Сергееву за раскраску 4-х листов специальной карты (содержащей в себе Бессарабскую область)	60 1	“ “
13 февр. и 2 мая 1848	За раскраску полного атласа дано топографу Фры(е?)хову 5 + 15	40	“
3 мая 1848	Отправлено Г. Варелиуса на покупку экз. Эклундова карты Финляндии	3	“
11 февр. 1848	Специальная карта России, еще 12 листов по 1 р. сер. для рассылки, и замена испорченных листов	12	“
23 марта 48	Подробной карты России еще 22 листа по 40 коп. сер. За написание заглавного листа и двух листов, следующих после заглавия; также подписей на всех листах и нумерации листов Переплетчику Бремеру за наклейку карт и переплет атласа в юфть ^к с футляром	6 7 50	60 50 “
	2 экземпляра этнографической карты Европейской России, один на холсте в атласе, другой на холсте и лакированный	14	75
	5 листов бумаги (для заглавного листа и пр.)	“	50

^к Высококачественная кожа, обработанная после дубления березовым маслом.

	207	65
В число сей суммы принято мною	162	“
Затем следует получить	45	65

(Л. 14) // При сем прилагаются счет переплетчика, требование топографа и три расписки комиссара Военно-топографического депо (на 60 руб. 12 коп. и 6 руб. 60 коп. сер.)⁷.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 465. Л. 13.

На нем. яз. Подлинник.

Список литературы

Кёппен П. Об этнографической карте Европейской России. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1852. 40 с.

Красникова О. Основные направления развития этнического картографирования в России XIX – начала XX в. // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX в. / под ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту : Эстон. нац. музей, 2011. С. 29–60.

Отчет Русского географического общества // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1847. Кн. 2. С. 9–10.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 180, 460, 465.

Постников А. В. Карты земель российских : очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М. : Наш дом, 1996. 194 с.

Псянчин А. В. Этнос, пространство, карта: этническая картография в Императорском русском географическом обществе // От племени к этносу (Этнография в Русском географическом обществе). Вып. 1 / под ред. А. В. Псянчин. СПб. : Свое изд-во, 2014. С. 27–58.

Сухова Н. Г. Петр Иванович Кёппен как географ: к 200-летию со дня рождения // Изв. Рус. геогр. о-ва. Т. 125. 1993. № 5. С. 1–11.

Сухова Н. Г. Русское географическое общество и Академия наук в XIX в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб. : Наука, 2010. С. 560–613.

Хартанович М. Ф. Императорская Академия наук и научные общества в XIX в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб. : Наука, 2010. С. 529–540.

Этнографический атлас Европейской России // Геопортал Русского географического общества : [сайт]. URL: <https://geoport.ru/catalog/tematicheskie-atlasy/etnograficheskiy-atlas-evropeyskoj-rossii> (дата обращения: 15.11.2020).

Этнографический атлас Европейской России, составленный Петром Кёппеном. СПб. : Альфарет, 2008. 82 л.

Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук ; Leipzig : W. Gräff L. Voss, 1844–1859. Vol. 3. 444 p.

Edney M. Cartography: The Ideal and Its History. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 2019. 309 p.

⁷ Упомянутые требования и расписки отсутствуют в деле.

Gibson C. Shading, Lines, Colors: Mapping Ethnographic Taxonomies of European Russia // *Nationalities Papers*. Vol. 46. 2018. P. 592–611. DOI 10.1080/00905992.2017.1364229.

Gibson C. Mapmaking in the Home and Printing House : Women and Cartography in Late Imperial Russia // *J. of Historical Geography*. Vol. 67. 2020. P. 71–80. DOI 10.1016/j.jhg.2019.10.011.

Jeske M. Ein Imperium wird vermessen: Kartographie, Kulturtransfer und Raumerschliessung im Zarenreich (1797–1919) : PhD Diss. Basel : [S. n.], 2019.

Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia : A Social, Political, Cultural and Literary History. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2018. 699 p.

Pedley M. S. The Commerce of Cartography : Making and Marketing Maps in Eighteenth-century France and England. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2005. 345 p.

Petronis V. Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914 : Södertörn Doctoral Diss. Stockholm : Acta Universitatis Stockholmiensis, 2007. 309 p.

Seegel S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2012. 368 p.

References

Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. (1844–1859). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, Leipzig, W. Gräff L. Voss. Vol. 3. 444 p.

Edney, M. (2019). *Cartography: The Ideal and Its History*. Chicago, L., Univ. of Chicago Press. 309 p.

Этнографический атлас Европейской России [An Ethnographic Atlas of European Russia]. In *Geoportal Russkogo geograficheskogo obshchestva* [website]. URL: <https://geoportal.rgo.ru/catalog/tematicheskie-atlasy/etnograficheskii-atlas-evropeyskoy-rossii> (accessed: 15.11.2020).

Этнографический атлас Европейской России, составленный Петром Кеппеном [The Ethnographic Atlas of European Russia Created by Peter von Köppen]. (2008). St Petersburg, Al'faret. 82 p.

Gibson, C. (2018). Shading, Lines, Colors: Mapping Ethnographic Taxonomies of European Russia. In *Nationalities Papers*. Vol. 46, pp. 592–611. DOI 10.1080/00905992.2017.1364229.

Gibson, C. (2020). Mapmaking in the Home and Printing House: Women and Cartography in Late Imperial Russia. In *J. of Historical Geography*. Vol. 67, pp. 71–80. DOI 10.1016/j.jhg.2019.10.011.

Jeske, M. (2019). *Ein Imperium wird vermessen: Kartographie, Kulturtransfer und Raumerschliessung im Zarenreich (1797–1919)*. PhD Diss. Basel, S. n.

Keppen, P. (1852). *Ob etnograficheskoi karte Evropeiskoi Rossii* [About the Ethnographic Map of European Russia]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 40 p.

Khartanovich, M. F. (2010). Imperatorskaya Akademiya nauk i nauchnye obshchestva v XIX v. [The Imperial Academy of Sciences and Scientific Societies in the 19th Century]. In Alferov, Zh. I. (Ed.). *Akademiya nauk v istorii kultury Rossii XVIII–XX vekov*. St Petersburg, Nauka, pp. 529–540.

Krasnikova, O. (2011). Osnovnye napravleniya razvitiya etnicheskogo kartografirovaniya v Rossii XIX – nachala XX v. [The Main Development Patterns of Ethnic Cartography in Russia in the 19th and Early 20th Centuries]. In Jääts, I., Tammiksaar, E. (Eds.). *Proniknovenie i primenenie diskursa natsional'nosti v Rossii i SSSR v kontse XVIII – pervoi polovine XX v.* Tartu, Estonskii natsional'nyi muzei, pp. 29–60.

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2018). *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural and Literary History*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 699 p.

Otchet Russkogo geograficheskogo obshchestva [Report of the Russian Geographical Society]. (1847). In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book 2, pp. 9–10.

Pedley, M. S. (2005). *The Commerce of Cartography: Making and Marketing Maps in Eighteenth-Century France and England*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 345 p.

Petronis, V. (2007). *Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914*. Södertörn Doctoral Diss. Stockholm, Acta Universitatis Stockholmiensis. 309 p.

PFA RAN [St Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 30. List 1. Dos. 180, 460, 465.

Postnikov, A. V. (1966). *Karty zemel' rossiiskikh: ocherk istorii geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya nashego otechestva* [Maps of the Russian Lands: An Outline of the History of the Geographical Study and Mapping of Our Country]. Moscow, Nash dom. 194 p.

Psyanchin, A. V. (2014). Etnos, prostranstvo, karta: etnicheskaya kartografiya v Imperatorskom Russkom Geograficheskom Obshchestve [Ethnos, Space, Map: Ethnic Cartography in the Imperial Russian Geographical Society]. In Psyanchin, A. V. (Ed.). *Ot plemeni k etnosu (Etnografiya v Russkom geograficheskom obshchestve)*. Iss. 1. St Petersburg, Svoe izdatel'stvo, pp. 27–58.

Seegel, S. (2012). *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 368 p.

Sukhova, N. G. (1993). Petr Ivanovich Keppen kak geograf: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya [Peter Ivanovich Köppen as a Geographer: On the Occasion of His 200th Birthday]. In *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 125. No. 5, pp.1–11.

Sukhova, N. G. (2010). Russkoe geograficheskoe obshchestvo i Akademiya nauk v XIX v. [The Russian Geographical Society and Academy of Sciences in the 19th Century]. In Alferov, Zh. I. (Ed.). *Akademiya nauk v istorii kul'tury Rossii XVIII–XX vekov*. St Petersburg, Nauka, pp. 560–613.

The article was submitted on 15.05.2020

Disputatio

Disputatio

ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА МЕДВЕДЯ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН*

Михаил Козлов

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

Снежана Шендрикова

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
Крымский федеральный университет,
Ялта, Россия

THE EVOLUTION OF THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE BEAR IN THE CULTURE OF THE EASTERN SLAVS

Mikhail Kozlov

Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

Snezhana Shendrikova

Academy for the Humanities and Pedagogy (branch),
Crimean Federal University,
Yalta, Russia

The subject of this study is the evolution of the image of the bear among the Eastern Slavs between the tenth and seventeenth centuries. The authors maintain that totemic ideas about bears as creatures that escort the souls of the deceased to the kingdom of the dead began to spread in the East Slavic lands only from the mid-tenth century. Such ideas were influenced by the beliefs and cults of the neighbouring Finno-Ugric and Baltic tribes and were not characteristic of traditional East Slavic paganism. Based on ancient Russian writings and archaeological excavations into

---

* *Citation:* Kozlov, M., Shendrikova, S. (2021). The Evolution of the Mythological Image of the Bear in the Culture of the Eastern Slavs. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

Цитирование: Kozlov M., Shendrikova S. The Evolution of the Mythological Image of the Bear in the Culture of the Eastern Slavs // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622 / Козлов М., Шендрикова С. Эволюция мифологического образа медведя в культуре восточных славян // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

ancient pagan sanctuaries, the authors outline the origin and formation of the myth of the supernatural ancestor bear, the protector of the human race, in all East Slavic lands. With the help of archaeological and zoological materials from the excavations of Russian settlements from the pre-Mongol era, as well as several ancient Russian written documents, the authors determine the period of transformation in the folk mythological consciousness of the Eastern Slavs of the mythological image of the bear from the ruler of destinies and guide in the kingdom of the dead into a forest demon. This paper emphasises that the myth of the supernatural ancestor bear gave rise to the custom of taking trained bears around Russian cities to rid them of evil spirits, as well as folk divination. The authors conclude that in the minds of these ancestors, the image of the bear went through several stages – from the idea of the bear as a tribal totem to the image of a benevolent spirit, a protector of people from evil spirits. The ancient pagan ideas about the bear as a deity remained part of the worldview of the East Slavic peoples until the early twentieth century, finding their reflection in folk fairytales, legends, and traditions.

Keywords: image of the bear in Russian culture, bear cult, Eastern Slavs, minstrels with bears

Представлен исторический анализ эволюции мифологического образа медведя в религиозном сознании восточных славян X–XVII вв. Авторы подчеркивают, что тотемистические представления наших предков о медведях-проводниках в царство мертвых начали распространяться в восточнославянских землях лишь с середины X в. под влиянием верований и культов соседних финно-угорских и летто-литовских племен и не были характерны для традиционного восточнославянского язычества. Опираясь на памятники древнерусской письменности и материалы археологических раскопок древнерусских языческих святилищ, авторы очерчивают период зарождения и становления на всех восточнославянских землях мифа о сверхъестественном предке-медведе – защитнике человеческого рода. С помощью археозоологических материалов с раскопок древнерусских поселений домонгольской эпохи, а также нескольких древнерусских письменных документов ими определен период превращения в народном сознании восточных славян мифологического образа медведя из властителя судеб и проводника царства мертвых в одного из лесных бесов. Подчеркивается, что миф о сверхъестественном предке-медведе породил обычай водить дрессированных медведей по улицам древнерусских городов для их очищения от нечистой силы, а также в целях народных гаданий. Авторы приходят к выводу о том, что в сознании наших предков образ медведя прошел несколько этапов: от представления о нем как о племенном тотеме до образа одного из доброжелательных духов, защитника людей от нечистой силы. Отголоски древних языческих воззрений о медведе – языческом божестве сохранились в представлениях восточнославянских народов вплоть до начала XX в. и нашли свои отражения в народных сказках, легендах, преданиях, традициях.

Ключевые слова: образ медведя в российской культуре, медвежий культ, восточные славяне, скоморохи-медведчики

Реконструкция различных сфер духовной культуры восточных славян – одна из первостепенных задач современной гуманитарной науки. При этом происхождение и эволюция восточнославянских мифологических образов и традиций редко становятся предметом специального изучения. Историческая реконструкция древнерусских языческих верований и представлений возможна лишь в рамках анализа всей совокупности источников, доступных ученым на момент исследования. При этом достоверность как письменных свидетельств, так и данных археологии часто подвергаются сомнению со стороны многих исследователей. В связи с этим в современной гуманитарной науке существует множество различных взаимоисключающих теорий и гипотез относительно происхождения и эволюции представлений о зооморфных предках-тотемах.

Следует отметить и относительную бедность источниковедческой базы исследования восточнославянского язычества. В древнерусских письменных источниках языческие обряды и верования, связанные с почитанием предков-тотемов, всячески порицаются, но не описываются. Этнографические и фольклорные источники более информативны, однако, зафиксированные уже в XVIII – начале XX в., при реконструкции народных верований и представлений они могут играть лишь вспомогательную роль.

Существенно обогатившаяся в последнее время археологическая база исследования, безусловно, играет важную роль в реконструкции восточнославянских языческих верований и культов. Особенно следует отметить археозоологические исследования древнерусских городищ, заключающиеся в анализе остеологического материала, обнаруженного в заполнении подпольных ям наземных жилищ. Данные археозоологических исследований позволяют нам очертить периоды существования определенных ограничений на употребление в пищу медвежатины.

В настоящее время основное внимание исследователей привлекают восточнославянские божества, связанные с воинским искусством, потусторонним миром или хозяйственной деятельностью наших предков. Тотемистические же представления и верования восточных славян отечественные ученые либо вовсе игнорируют в своих трудах, либо интерпретируют как малозначимый элемент восточнославянского язычества. Между тем, как свидетельствуют древнерусские письменные источники и данные археологии, «медвежий культ», например, был одним из наиболее значимых элементов восточнославянского язычества. Его отголоски прослеживаются даже в народных представлениях XIX – начала XX в. Показать эволюцию мифологического образа медведя в религиозном сознании восточных славян X–XVII вв. – основная цель этой статьи.

Первые попытки детального анализа процессов зарождения и становления тотемистического культа медведей у народов, живших в древности на территории нынешней России, были предприняты

в советскую эпоху. При этом возникновение медвежьего культа было отнесено к эпохе неолита, а основными источниками его исследования стали мифы о медведях народов Сибири, Дальнего Востока и даже коренных народов Америки [Васильев]. Б. А. Рыбаков поддержал предположение Б. А. Васильева о раннем происхождении культа медведей у индоевропейских народов, но отнес его возникновение вообще к мустьерской эпохе. Для его реконструкции ученый использовал материалы, собранные при раскопках первобытных стоянок, обнаруженных на территории современных России, Украины и Белоруссии [Рыбаков, 1981, с. 94–104].

Большинство современных отечественных исследователей восточнославянского язычества в своих трудах лишь констатируют существование у наших предков в домонгольскую эпоху тотемистического культа медведя, практически не затрагивая при этом его происхождение и этапы развития [Левкиевская, с. 107–108; Карпов, с. 116–117]. Авторы проводят историческую реконструкцию древнеславянского тотемистического культа медведя лишь на основе этнографических и фольклорных материалов XVIII – начала XX в. В качестве вспомогательных источников при этом используются описания верований и культов народов Сибири, не имеющие никакого отношения к восточным славянам [Гура, с. 159–177; Марус; Бибалаева].

Следует отметить также зарубежные исследования, посвященные эволюции образа медведя в представлениях различных народов мира от глубокой древности до нашего времени [Shepard, Sanders].

В целом ряде современных публикаций рассматриваются отдельные аспекты восточнославянского медвежьего культа. Так, О. В. Голубкова на основе анализа письменных источников, этнографического и фольклорного материала показала связь между представлениями наших предков о прародителе-медведе и культом древнерусской богини Макоши [Голубкова]. Е. Л. Тянина на основе анализа древнерусских письменных источников и материалов археологических исследований осуществила историческую реконструкцию верований древних новгородцев домонгольской эпохи, связанных с тотемистическим культом медведя [Тянина].

Предметом отдельных исторических исследований неоднократно становились также скоморохи – поводыри медведей, исторически связанные с культом медведя [Власова; Аргов; Козлов, с. 39–40]. Вместе с тем, тема эволюции образа медведя в сознании наших предков X–XVII вв. в научных исследованиях практически не затрагивалась.

Под понятием «мифология» авторы понимают самую раннюю форму общественного сознания, находящую свое воплощение в верованиях, культах и мировоззренческих представлениях [Юнг, с. 5]. Мифологический образ – это органическая часть общей мифологической структуры, относящаяся к одному конкретному мифу [Ковалева, с. 92]. Таким образом, эволюция мифологического образа медведя в сознании восточных славян – это становление и развитие в течение опреде-

ленного времени народных мифов и верований, связанных с образом медведя как частью народных мировоззренческих представлений.

Как свидетельствуют дошедшие до нашего времени письменные источники и данные археологии, гипотеза Васильева – Рыбакова об «исконности» медвежьего культа у восточных славян не соответствует действительности. Так, согласно языческим традициям, тотемный зверь считался сакральным предком и сородичем почитавших его людей. Его убийство приравнялось к убийству своего сородича, а употребление в пищу мяса тотема приравнялось к каннибализму. Стремясь обеспечить поддержку своего зооморфного предка в загробном мире, почитавшие его люди клали в захоронения фигурки тотемных зверей, их лапы, клыки, когти и т. п. [Durkheim, p. 128; Кагаров, 1913, с. 204].

Анализ остеологического материала из мусорных ям поселений праславянских Зарубинецкой, Черняховской, Роменско-Борщевской, Юхновской и Пшеворской археологических культур свидетельствует о том, что наши предки активно охотились на медведей и употребляли в пищу их мясо. Кроме того, при раскопках местных могильников исследователи не зафиксировали статуэтки медведей, их клыки или муляжи медвежьих лап [Цалкин, с. 30, 32, 60–65, 137, 144; Славяне и их соседи, с. 30, 32, 60–65, 137, 144]. Кости медведей в значительной степени представлены в остеологическом материале, найденном при раскопках восточнославянских поселений эпохи становления Древнерусского государства [Цалкин, с. 130–131; Горбаненко; Кройтор, Колода, 2015, с. 217; Кройтор, Колода, 2016, с. 124].

На данный момент не найдено никаких письменных свидетельств о почитании медведей в южных и западных районах Руси дохристианской эпохи ранее начала XI в. Очевидно, не считался медведь тотемным зверем и у западных славян. Так, поклонение медведям не упоминается ни в одной польской или чешской хронике. Отсутствует информация о почитании косолапых зверей и в донесениях германских миссионеров, насаждавших христианство среди полабских славян. Таким образом, можно предположить, что для традиционного восточнославянского язычества культ медведя вообще характерен не был.

Впервые на восточнославянских землях тотемистический культ медведя зародился в тех регионах Северо-Восточной Руси, в которых наши предки оказались в тесных контактах с различными неславянскими этническими группами (в первую очередь с финно-уграми и балтами). От своих новых соседей они, скорее всего, и переняли культ медведя – проводника в царство мертвых. Так, в мифологии многих балтийских народов медведь считался прародителем человека и одним из образов бога Велса (Вельниса) – проводника в царство мертвых и повелителя душ умерших [Роткирх, с. 48; Готлиб, с. 22]. Схожие представления о медведе – прародителе людей и защитнике человеческого рода от нечистой силы имели и многие финно-

угорские народы, проживавшие в Северо-Восточной Руси [Петрухин, с. 51–58; Мокшина].

Не случайно Е. Г. Кагаров назвал Велеса самым загадочным из древнерусских богов [Кагаров, 1918, с. 30]. Возможно, что при колонизации восточными славянами Северо-Восточной Руси произошло слияние культа восточнославянского Велеса с культом летто-литовского Велса и целого ряда финно-угорских богов, связанных с тотемным культом медведя. Согласно Житию Авраамия Ростовского, уже во второй половине XI в. «Чудский угол» тогдашнего Ростова поклонялся русскому Велесу [Житие преподобного отца нашего Авраамия, с. 224]. Велес же, подобно балтскому Вельнису, мог обрести зооморфный образ медведя.

По верованиям балтийских народов языческой эпохи, для того, чтобы попасть в царство мертвых, необходимо было перелезть через стеклянную гору. Карабкаться по ней можно было лишь с помощью медвежьих когтей [Софонович, с. 26]. В связи с этим в могилы предков современных литовцев и латышей в языческую эпоху клали медвежьи когти, отрубленные лапы медведей или их глиняные муляжи.

Представления о медведе – проводнике в царство мертвых и повелителе загробного мира первым перенял у летто-литовских племен восточнославянский племенной союз кривичей (представлявший собой полиэтническую конфедерацию, состоящую из восточнославянских и балтоязычных племен). Медвежьи лапы и их глиняные муляжи появляются в длинных курганах кривичей уже в середине X в. В конце X – начале XI в. подобные артефакты появляются во всех крупных могильниках Северо-Восточной Руси.

В ярославских и владимирских курганах XI в. археологами фиксируются не только медвежьи лапы, но и металлические кольца. По мнению И. В. Дубова, они представляли собой плату за покровительство бога смерти – медведя на пути в иной мир [Дубов, с. 75]. Глиняные лапы и кольца обнаружены в 13 курганах Петровского, 18 курганах Михайловского и в 50 курганах Тимеревского некрополей. Кроме Ярославского Поволжья, данные предметы обнаружены во владимирских курганах (около десяти экземпляров). Еще один экземпляр найден в погребении в Шестовицах [Кураев].

Особый интерес вызывает одно из восточнославянских погребений Тимеревского могильника, в котором археологи обнаружили богатое захоронение девочки 11–13 лет. Помимо большого количества дорогих украшений и различных бытовых предметов, в могиле была найдена отрубленная медвежья лапа с надетым на нее дорогим перстнем. По мнению современных исследователей, при захоронении девочки был произведен обряд обручения ее с медведем – владыкой загробного мира [Дубов, с. 74–75] (см. ил.).

Согласно данным археологии, смоленские кривичи почитали бога-медведя не только как повелителя душ умерших, но и как властителя судеб живых людей. Так, на правом берегу реки Сож в 50-х гг. XX в.

Глиняные кольца и глиняные медвежьи лапы из Тимиревского могильника // Кураев И. Глиняные звериные лапы и кольца // Блог Исторического музея : [офиц. сайт]. 26.06.2020. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (дата обращения: 18.09.2020).

Clay rings and clay bear paws from the Timirevsky burial ground // Kuraev, I. (2020). Glinyanye zverinye lapy i kol'tsa [Clay Animal Paws and Rings]. In Blog Istoricheskogo muzeya [website]. June 26. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (accessed: 18.09.2020)

были обнаружены несколько однотипных городищ-святилищ конца X – начала XI в. (недалеко от поселков Тушемля, Городок и Прудки). В дальнейшем подобные городища-святилища были обнаружены на всем Смоленском Поднепровье в верховьях Сожа, Десны и Угры. Они представляли собой небольшие (700–900 м) укрепленные городища. Располагались они обычно среди болот в низине (отсюда другое название смоленских городищ-святилищ – болотные городища). В центре болотных городищ-святилищ находились округлые площадки с большими ямами в центре (капища, в которых некогда стояли идолы) и ряд столбов разных размеров (остатки длинных домов, в которых проводились различные торжества местных жителей). Внутри построек, как правило, находились десятки огромных сосудов для хранения зерна. На городище у поселка Городок сохранился главный объект поклонения – центральный столб, который венчала голова медведя [Третьяков, 1958, с. 170, 178–184].

Учитывая тот факт, что все исследованные болотные городища абсолютно идентичны между собой, можно предположить, что проживавшие здесь смоленские кривичи почитали медведя как воплощение какого-то могущественного божества. От его имени местные жрецы распоряжались главной ценностью того времени – зерном, хранимым в огромных сосудах в длинных домах святилищ. Зерно в ту эпоху было основным символом жизни земледельцев, таким образом, и божество, от имени которого жрецы распоряжались сосудами с хлебом, считалось властителем жизни местных жителей.

Подобные городища-святилища с огромными сосудами для хранения зерна были обнаружены при раскопках археологических памятников полоцких кривичей – Банцеровского городища-святилища недалеко от Минска, а также городища-святилища Барсучья Нора на Днестре в районе Могилева [Третьяков, 1958, с. 182, 185].

Недалеко от Брянска во Вщиже существовало вплоть до начала XII в. восточнославянское Благовещенское святилище. В нем почитали божество, связанное с медвежьим культом. При раскопках святилища были найдены медвежьи клыки, а также большие сосуды для хранения зерна, схожие с теми, что были обнаружены при раскопках болотных городищ-святилищ. Горло одного из сосудов было украшено стилизованным образом медведя [Рыбаков, 1953, с. 110].

В новгородских сопках медвежьи когти, зубы и кости появляются также в первой половине XI в. [Третьяков, 1948, с. 127]. Характерно, что из 56 амулетов, найденных в древнем Новгороде, лишь два относятся к началу XI в., остальные – ко второй половине XI–XIV в. [Тянина, с. 306].

В начале XI в. медвежьи клыки-обереги появляются в Южной Руси. Так, подобные амулеты найдены исследователями в срубных гробницах киевских дружинников XI–XII вв. [Боровский, с. 96–97].

Почитание языческих божеств, генетически связанных с культом медведя, продолжалось в землях летописных тиверцев в Поднестровье вплоть до середины XII в. Так, при раскопках Екимауцкого городища исследователи обнаружили руины языческого святилища, разрушенного вместе с поселением в середине XII в. Внутри святилища исследователи обнаружили осколок глиняного сосуда с изображением медведя и просверленные медвежьи клыки [Федоров, с. 143].

Интересная информация, проливающая свет на почитание медведя в Ярославском Поволжье в XI в., содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. По мнению И. О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [Тихомиров].

Согласно данному источнику, жители поселка Медвежий Угол, расположенного недалеко от нынешнего Ярославля, долгое время отказывались принимать христианство и поклонялись языческому богу Велесу. К ним пришел «с увещанием» ростовский князь Ярослав Владимирович. Местные жители спустили на него медведя, когда тот подошел к языческому капищу [Лебедев, с. 7–8]. Возможно, что зверя держали в специальной клетке при святилище. Германские и датские хронисты сообщают о содержании при языческих святилищах полабских славян сакральных животных (лошадей). На них нельзя было садиться под страхом смертной казни [Котляревский, с. 358; Саксон Грамматик, с. 215].

Подобные священные лошади, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении № 13, находящемся в сакральной части святилища, были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила,

остатки узды, скребница) [Тимощук, Русанова, с. 90]. Вполне возможно, что для жителей Медвежьего Угла таким тотемным зверем и символом бога Велеса был медведь. Не случайно его спустили на князя Ярослава Владимировича именно тогда, когда он стал призывать местных жителей отказаться от язычества и разрушить святилище. Легенда об убийстве Ярославом Мудрым сакрального зверя из святилища Велеса обрела исключительную популярность в русских землях и дошла практически в неизменном виде вплоть до XVIII в. в форме народного предания. Медведь стал символом города Ярославля, построенного недалеко от Медвежьего Угла, а само название поселка стало символизировать дикую окраину русского государства.

Видимо, во второй половине XI в. медведь уже стал считаться тотемистическим предком всех восточных славян. Его мясо стало запретным для употребления в пищу, а из шкуры нельзя было шить одежду. С этими запретами считались даже христианские священники. Так, согласно «Уставу князя Ярослава о церковных судах», употребление в пищу «медвежины» считалось преступлением против морали. Дело против нарушителя данного табу должен был рассматривать особый епископский суд [Древнерусские княжеские уставы, с. 89]. В «Послании Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» второй половины XI в. автор с большим негодованием обвиняет латинян в том, что они едят «удавленину, мертвечину и медвежину» [Послание преподобного Феодосия Печерского, с. 337].

Запрет на употребление в пищу медвежатины подтверждают и данные археологии. Так, в мусорных ямах древнерусских поселений XI – первой половины XII в. кости медведей практически отсутствуют [Цалкин, с. 131–132; Чубур, Стародубцев и др., с. 147–158]. При анализе раздробленного остеологического материала из древнерусских курганов (остатков погребальных тризн) исследователи также не зафиксировали кости медведей. Чаще всего ученые идентифицируют кости рыб, домашних животных, зайцев, лосей, мелких зверьков [Жарнов, с. 84–85; Соболев, с. 355]. Раздробленные кости медведей появляются в мусорных кучах древнерусских поселений лишь во второй половине XII в. Возможно, это связано с трансформацией образа медведя в представлении восточных славян данной эпохи под влиянием христианских проповедей.

Во второй половине XII в. завершилась христианизация окраинных регионов Древней Руси. Большая часть поздних язычников приняла христианство, остальные бежали на восток в земли финно-угорских народов. Последние древнерусские языческие святилища были разрушены. На их месте были построены христианские церкви. Христианским священнослужителям уже не было необходимости поддерживать языческие запреты на употребление в пищу мяса медведей и использование медвежьих шкур. Из древнерусских юридических документов XII–XVI вв. исчезли пункты о запрещении употребления в пищу «медвежины». Новгородский епископ Нифонт в своем

«Вопрошании Кирика» даже особым пунктом разрешил носить одежду, сшитую из медвежьей шкуры: «А пѣртъ делячи, въ чомѣ хотяше ходити. Нетуть греха, хоч и в медведице» [Материалы, с. 387].

Под влиянием христианских проповедей в народном представлении медведь превратился из властителя судеб и проводника в царство мертвых в одного из нечистых бесов. Характерным в этом отношении является древнерусский источник «Житие преподобного Исаакия Печерского» второй половины XII – первой половины XIII в. [см.: Барсуков, стб. 226]. В данном документе рассказывается о том, как одного из печерских старцев по имени Исаакий в числе других мучил бес «в образъ медвежь» [Киево-Печерський патерик, с. 188] (ил. 3 на цв. вклейке).

Однако медведь – «хозяин леса» все же считался самым сильным из всех нечистых духов. Считалось, что его побаивается остальная нечистая сила. Если медведя приручить, то он станет защищать своего хозяина от нечисти. Медведи якобы могли также снимать порчу с людей и животных. Вплоть до начала XX в. в русских землях сохранился простонародный обычай, приходя в лес, оставлять местному «хозяину-медведю» гостинец – краюху хлеба [Гура, с. 164–165, 172]. Интересно, что данный обычай зафиксирован даже в Житии Сергия Радонежского. Согласно данному источнику, святой, удалившись в лесную пустынь, оставил краюху хлеба на полянке в лесу. Местный лесной хозяин – медведь подружился со святым и даже стал ему прислуживать [Житие Сергия Радонежского, с. 54–58] (ил. 4 на цв. вклейке).

Как свидетельствуют многочисленные древнерусские письменные источники, миф о медведе, защищавшем своих хозяев от нечистой силы, породил новый уникальный обычай: на всей территории Древней Руси появились особые люди – медведчики, путешествовавшие со своими дрессированными питомцами по городам и небольшим поселениям. Согласно письменным источникам, не позднее начала XIII в. медведчики присоединились к бродячим скоморохам. Игра скоморохов – поводырей медведей была не только ярким представлением, но и имела символическое значение. Считалось, что медведь, появившийся в каком-либо городе или крестьянском селении, пугал и прогонял нечистую силу. Наши предки, видимо, по этой причине часто приглашали за определенную плату поводырей медведей с их питомцами в свои дома и хозяйственные постройки.

Первые упоминания поводырей медведей можно найти еще в древнерусской Кормчей книге по списку 1282 г. Так, в данном источнике можно найти следующие строки: «Запрещениемъ подобаетъ владети медведи или ины животны на поругание, тако же кормити и хранящее медведи, и в дом свой призывати» [Историческая хрестоматия, с. 381–382].

Поводыри медведей оказались настолько востребованными, что, несмотря на запреты православной церкви, оставались обычным явлением и спустя несколько веков. Так, «водить медведей для забавы» категорически запрещено в «Поучениях Митрополита Даниила» – источнике начала XVI в. [Поучение Даниила, с. 320]. Схожий текст находим

и в Окружной грамоте царя Алексея Михайловича 1649 г. [Сахаров, с. 389]. В 1636 г. по указу патриарха Иосифа дано было указание поповскому старосте и тиуну наблюдать, чтобы на христианские праздники не было в Москве бесчинств; ибо вместо «духовного торжества и веселия восприимше игры и кощуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах, и на торжищах, и на распутиях сатанинские игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками плескати, и плясати, и иная неподобная деяти» [Афанасьев, с. 343].

Видимо, скоморохи – поводыри медведей не только устраивали представления со своими питомцами и прогоняли нечистую силу, но и организовывали гадания по медвежьему реву. В уже упомянутой Кормчей книге по списку 1282 г. можно найти следующие строки: «Иже по поганому первому обычаю к волхвам и обавникам ходить, держаще и храняще медведи на глумление в дом, хотяше узнати некое неизведанное» [Историческая хрестоматия, с. 381]. О том, кто и зачем посещал медведчиков, сообщает нам безымянный источник из сборника XVI в.: «и чреватые женки ведмедеви хлеб дают из руки, если рыкнет – девица будет, а молчит – отрок будет» [Афанасьев, с. 338–339]. Вплоть до недавнего времени наши предки считали, что женщина излечится от бесплодия, если дать переступить через нее ручному медведю [Славянские древности, с. 213].

Письменные источники XVIII–XIX вв. уже не содержат упоминаемый обычай вождения медведя скоморохами. Таким образом, можно предположить, что с конца XVII в. обычай водить медведя по древнерусским селениям (для очищения их от нечистой силы) утратил свою популярность. В целом же можно прийти к выводу, что в конце X – начале XI в. на восточнославянских землях распространился культ медведя – властителя судеб и проводника в царство мертвых. Во второй половине XII в. под влиянием христианских проповедей медведь в народном сознании превратился из воплощения грозного бога в лесного беса, который, будучи приручен человеком, может защищать своего хозяина от нечистой силы. Под влиянием новых представлений о медведях – защитниках от нечисти в восточнославянских землях возник обычай вождения ручных медведей по улицам древнерусских поселений бродячими актерами – скоморохами-медведчиками, просуществовавший вплоть до конца XVII в.

Список литературы

- Аргов А. В.* Русское скоморошество и современная культура // Казанская наука. 2013. № 3. С. 234–237
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Тип. А. Грачева, 1865. Т. 1. 800 с.
- Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. XII с., 616 стб., VIII с.
- Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Уч. зап. Казан. гос. акад. ветеринар. медицины им. Н. Э. Баумана. 2010. Т. 204. С. 32–35.

Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев : Наукова думка, 1982. 104 с.

Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.

Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб. : Алетей, 2001. 524 с.

Голубкова О. В. Почитание медведя в связи с культурами женских божеств у восточных славян (к вопросу о сравнительной идентификации православия и язычества) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 49–52.

Горбаненко С. А. До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. 2003. № 2. С. 113–122.

Готлиб Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 ч. СПб. : Изд-во Ивана Глазунова, 1799. Ч. 1. 250 с.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под. ред. Я. Н. Щапова. М. : Наука, 1976. 241 с.

Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.

Жарнов М. Э. Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства // Советская археология. 1991. № 2. С. 76–89.

Житие преподобного отца нашего Авраамия, архимандрита Ростовского // Жития святых : в 12 кн. Киев : Изд-во Киево-Печерской лавры, 1855. Кн. 2. С. 224–227.

Житие Сергия Радонежского // Памятники древней письменности и искусства : в 190 вып. СПб. : Изд-во Имп. Акад. наук, 1885. Вып. 58. С. 1–139.

Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / сост. Ф. И. Буслевым. М. : Университет. тип., 1861. II, VIII с., 1632 стб.

Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб. : Сенат. тип., 1913. 327 с.

Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М. : Практ. знания, 1918. 73 с.

Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие : Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб. : Алетей, 2008. 435 с.

Киево-Печерський патерик / під ред. Д. І. Абрамовича. Київ : Час, 1991. 278 с.

Ковалева И. Миф: повествование, образ и имя // Лит. обозрение. 1995. № 3. С. 92–94.

Козлов М. Н. Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI вв.). М. : ИНФРА-М, 2020. 173 с.

Котляревский А. А. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Т. 3. Погребальные обычаи древних славян. 493 с.

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье (часть 1) // Древности. 2015. Вып. 13. С. 212–227.

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье (часть 2) // Древности. 2016. Вып. 14. С. 122–132.

Кураев И. Глиняные звериные лапы и кольца // Блог Исторического музея : [офиц. сайт]. 26.06.2020. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (дата обращения: 18.09.2020).

Лебедев А. Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль : Тип. Губ. земск. управы, 1877. 32 с.

Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М. : АСТ, 2003. 527 с.

Марус Р. Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. 2003. № 3 (41). С. 96–100.

Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. 1912. Т. 3. С. 1–27.

Мокишина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 97–101.

- Петрухин В.* Мифы финно-угров. М. : АСТ : Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Послание преподобного Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской // Макарий (архиеп. Харьковский). История Русской церкви : [в 12 т.]. СПб. : Тип. Ю. А. Бокрама, 1868–1910. Т. 2. С. 337–342.
- Поучение Даниила, митрополита всея Руси // Памятники литературы Древней Руси : Конец XV – первая половина XVI в. М. : Худож. лит., 1981. С. 520–533.
- Роткирх Т.* Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна : Тип. О. Завдозного, 1890. 201 с.
- Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М. : Наука, 1953. С. 76–120.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
- Саксон Грамматик.* Деяния данов : в 2 т. / пер. с лат. и коммент. А. С. Досаева. М. : Рус. панорама, 2017. Т. 2. 616 с.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М. : Худож. лит., 1989. 397 с.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И. П. Русанова ; под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1993. 335 с.
- Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2012. Т. 3. 693 с.
- Соболев В. Ю.* Древнерусская погребальная культура новгородской земли: проблемы и особенности формирования // Археологические вести. 2015. № 21. С. 352–367.
- Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ : Наукова думка, 1992. 334 с.
- Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян. М. : Ладога, 2007. 303 с.
- Тихомиров И. А.* О некоторых ярославских гербах // Тр. 3-го обл. ист.-археол. съезда во Владимире. Владимир : Тип. Губ. правления, 1909. С. 35–40.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М. : Наука, 1948. 250 с.
- Третьяков П. Н.* Городища-святилища левобережной Смоленщины // Советская археология. 1958. № 4. С. 170–186.
- Тянина Е. Л.* Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. : Свод источников и исследований. Сургут : АНО Ин-т археологии Севера, 2018. С. 304–311. DOI 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-304-311.
- Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М. : Наука, 1953. С. 121–154.
- Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси по данным изучения костных останков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 185 с.
- Чубур А. А., Стародубцев Г. Ю., Горобец Л. В.* Археозоологические наблюдения по материалам раскопок феодальной усадьбы «Городище Жидеевка» // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья : К 25-летию Курск. гос. обл. музея археологии : сб. науч. тр. Курск : [Б. и.], 2018. С. 147–158.
- Юнг К. Г.* Душа и миф : Шесть архетипов. Минск : Харвест, 2004. 398 с.
- Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris : Les Presses universitaires de France, 1912. 143 p.
- Shepard P., Sanders B.* The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature. N. Y. : Viking, 1995. 366 p.

References

- Abramovich, D. I. (Ed.). (1991). *Kievo-Pechers'kii paterik* [The Kiev Pechersk Patericon]. Kiïv, Chas. 278 p.
- Afanas'ev, A. N. (1865). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu v 3 t.* [The Poetic Views of the Slavs on Nature. 3 Vols.]. Moscow, Tipografiya A. Gracheva. Vol. 1. 800 p.
- Argov, A. V. (2013). Russkoe skomoroshество i sovremennaya kul'tura [Russian Bards and Modern Culture]. In *Kazanskaya nauka*. No. 3. pp. 234–237.

- Barsukov, N. P. (1882). *Istochniki russkoi agiografii* [Sources of Russian Hagiography]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XII p., 616 columns, XVIII p.
- Bibalaeva, L. N. (2010). O vliyanií totemizma na religioznye predstavleniya drevnikh slavyan [On the Influence of Totemism on the Religious Ideas of the Ancient Slavs]. In *Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsiny imeni N. E. Baumana*. Vol. 204, pp. 32–35
- Borovskii, Ya. E. (1982). *Mifologicheskii mir drevnikh kievlyan* [The Mythological World of the Ancient People of Kiev]. Kiev, Naukova dumka. 104 p.
- Buslaev, F. I. (Ed.). (1861). *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical Anthology of Church Slavonic and Old Russian Languages]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. II, VIII p., 1632 columns.
- Chubur, A. A., Starodubtsev, G. Yu., Gorobets, L. V. (2018). Arkheozooloicheskie nablyudeniya po materialam raskopok feodal'noi usad'by "Gorodishche Zhideevka" [Archaeo-Zoological Observations Based on the Excavations of the Feudal Estate Settlement of Zhideevka]. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya. K 25-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkheologii. Sbornik nauchnykh trudov*. Kursk, S. n., pp. 147–158
- Dubov, I. V. (1990). *Novye istochniki po istorii Drevnei Rusi* [New Sources on the History of Old Rus']. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 176 p.
- Durkheim, E. (1912). *Les formes elementaires de la vie religieuse*. Paris, Les Presses universitaires de France. 143 p.
- Fedorov, G. B. (1953). Slavyane Podnestrov'ya [The Slavs of Transnistria]. In *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 121–154.
- Golubkova, O. V. (2002). Pochitanie medvedya v svyazi s kul'tami zhenskikh bozhestv u vostochnykh slavyan (k voprosu o sravnitel'noi identifikatsii pravoslaviya i yazychestva) [The Veneration of the Bear in Connection with the Cults of Female Deities among the Eastern Slavs (on the Question of the Comparative Identification of Orthodoxy and Paganism)]. In *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviya narodov Sibiri*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 49–52.
- Gorbanenko, S. A. (2003). Do istorii tvarinnitstva u slov'yan Livoberezhzhya Dnipro ostann'oi chverti I tis. n. e. [On the History of Animal Husbandry in the Slavs of the Left Bank of the Dnieper, Last Quarter of the First Millennium CE]. In *Arheologiya*. No. 2, pp. 113–122.
- Gottlieb, J. (1799). *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov v 4 ch.* [Description of All Peoples Living in the Russian State. 4 Parts]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Glazunova. Part 1. 250 p.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik. 912 p.
- Jung, C. G. (2004). *Dusha i mif. Shest' arkhetyпов* [Soul and Myth. Six Archetypes], Minsk, Kharavest. 398 p.
- Kagarov, E. G. (1913). *Kul't fetishei, rastenii i zhyvotnykh v Drevnei Gretsii* [The Cult of Fetishes, Plants, and Animals in Ancient Greece]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 327 p.
- Kagarov, E. G. (1918). *Religiya drevnikh slavyan* [Religion of the Ancient Slavs]. Moscow, Prakticheskie znaniya. 73 p.
- Karpov, A. V. (2008). *Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie. Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vv.* [Paganism, Christianity, Dual Faith. The Religious Life of Ancient Russia in the 9th–11th Centuries]. St Petersburg, Aleteiya. 435 p.
- Kotlyarevskii, A. A. (1893). *Sobranie sochinenii v 3 t.* [Collected Works. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 3. Pogrebal'nye obychai drevnikh slavyan. 493 p.
- Kovaleva, I. (1995). Mif: povestvovanie, obraz i imya [Myth: Narration, Image, and Name]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 3, pp. 92–94.
- Kozlov, M. N. (2020). *Sluzhiteli yazycheskogo kul'ta v religioznoi i politicheskoi zhizni vostochnykh slavyan (IX–XI vv.)* [Officials of the Pagan Cult in the Religious and Political Life of the Eastern Slavs (9th–11th Centuries)]. Moscow, INFRA-M. 173 p.

Kroitor, R. V., Koloda, V. V. (2015). Zhivotnovodstvo pozdnikh severyan na slavyano-khazarskom pogranich'e (chast' 1) [Livestock Breeding of the Late Northerners on the Slavic-Khazar Borderlands (Part 1)]. In *Drevnosti*. Iss. 13, pp. 212–227.

Kroitor, R. V., Koloda, V. V. (2016). Zhivotnovodstvo pozdnikh severyan na slavyano-khazarskom pogranich'e (chast' 2) [Livestock Breeding of the Late Northerners on the Slavic-Khazar Borderlands (Part 2)]. In *Drevnosti*. Iss. 14, pp. 122–132.

Kuraev, I. (2020). Glinyanye zverinye lapy i kol'tsa [Clay Animal Paws and Rings]. In *Blog Istoricheskogo muzeya* [website]. June 26. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (accessed: 18.09.2020).

Lebedev, A. N. (1877). *Khramy Vlas'evskogo prikhoda v g. Yaroslavle* [Temples of Vlasyevsky Parish in Yaroslavl]. Yaroslavl, Tipografiya Gubernskoi zemskoi uprav. 32 p.
Levkievskaya, E. E. (2003). *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow, AST. 527 p.

Marus, R. (2003). Kul't medvedya u vostochnykh slavyan [The Cult of the Bear among the Eastern Slavs]. In *Rossiia i ATR*. No. 3(41), pp. 96–100.

Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny [Materials for the History of Ancient Russian Penitential Discipline]. (1912). In *ChOIDR*. Vol. 3, pp. 1–27.

Mokshina, E. N. (2012). Obraz medvedya v religioznykh i mifologicheskikh predstavleniyakh finno-ugorskikh narodov (mordvy, mariitsev, udmurtov, komi i dr.) [The Image of the Bear in Religious and Mythological Representations of the Finno-Ugric Peoples (Mordovians, Mari, Udmurt, Komi, etc.)]. In *Finno-ugorskii mir*. No. 3/4, pp. 97–101.

Petrukhin, V. (2003). *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric Peoples]. Moscow, AST, Tranzitkniga. 463 p.

Poslanie prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo k knyazyu Izyaslavu o vere varyazhskoi [Message from St Feodosii of the Caves to Prince Izyaslav about the Varangian Faith]. (1868). In Makarii (archbishop of Kharkov). *Istoriya russkoi tserkvi [v 12 t.]*. St Petersburg, Tipografiya Yu. A. Bokrama. Vol. 2, pp. 337–342.

Pouchenie Daniila, mitropolita vseya Rusi [The Teaching of Daniil, Metropolitan of All Russia]. (1981). In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 520–533.

Rotkirch, T. (1890). *Litovsko-yazycheskie ocherki. Istoricheskie issledovaniya Teobal'da* [Lithuanian-Pagan Essays. Theobald's Historical Research]. Vilna, Tipografiya O. Zavdoznogo. 201 p.

Rusanova, I. P., Rybakov, B. A. (Eds.). (1993). *Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n. e. – pervoi polovine I tysyacheletiya n. e.* [Slavs and Their Neighbours in the Late 1st Millennium BCE – First Half of the 1st Millennium CE]. Moscow, Nauka. 335 p.

Rybakov, B. A. (1953). Stol'nyi gorod Chernigov i udel'nyi gorod Vshchizh [The Capital City of Chernihiv and the Apanage City of Vshchizh]. In *Po sledam drevnykh kul'tur. Drevnyaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 76–120

Rybakov, B. A. (1981). *Yazychestvo drevnykh slavyan* [The Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Nauka. 608 p.

Sakharov, I. P. (1989). *Skazaniya russkogo naroda* [Tales of the Russian People]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 397 p.

Saxo Grammaticus. (2017). *Deyaniya danov v 2 t.* [Gesta Danorum. 2 Vols.]. / transl. by A. S. Dosaeva. Moscow, Russkaya panorama. Vol. 2. 616 p.

Shchapov, Ya. N. (Ed.). (1976). *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Charters of the 11th–15th Centuries]. Moscow, Nauka. 241 p.

Shepard, P., Sanders, B. (1995). *The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature*. N. Y., Viking. 366 p.

Sobolev, V. Yu. (2015). Drevnerusskaya pogrebal'naya kul'tura novgorodskoi zemli: problemy i osobennosti formirovaniya [The Old Russian Funerary Culture of the Land of Novgorod: Issues and Features of Formation]. In *Arkheologicheskie vesti*. No. 21, pp. 352–367.

Sofonovich, F. (1992). *Khronika z litopistsiv starodavnykh* [Chronicle of the Ancient Chroniclers]. Kiïv, Naukova dumka. 334 p.

Tikhomirov, I. A. (1909). O nekotorykh yaroslavskikh gerbakh [On Some Yaroslavl Coats of Arms]. In *Trudy tret'ego oblastnogo istoriko-arkheologicheskogo s"ezda vo Vladimire*. Vladimir, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, pp. 35–40

Timoshchuk, B. A., Rusanova, I. P. (2007). *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan Shrines of the Ancient Slavs], Moscow, Ladoga. 303 p.

Tolstoy, N. I. (Ed.). (2012). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary. 5 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3. 693 p.

Tret'yakov, P. N. (1948). *Vostochnoslavjanskije plemena* [East Slavic Tribes]. Moscow, Nauka. 250 p.

Tret'yakov, P. N. (1958). Gorodishcha-svyatilishcha levoberezhnoi Smolenshchiny [Sanctuary Sites of Left-Bank Smolensk Region]. In *Sovetskaya arkheologiya*. No. 4, pp. 170–186.

Tsalkin, V. I. (1956). *Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi po dannym izucheniya kostnykh ostankov iz raskopok arkheologicheskikh pamyatnikov lesnoi polosy evropejskoi chasti SSSR* [Materials for the History of Cattle Breeding and Hunting in Ancient Russia according to the Study of Bone Remains from the Excavations of Archaeological Sites of the Forest Strip of the European Part of the USSR]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 185 p.

Tyanina, E. L. (2018). Medvezhii kul't v srednevekovom Novgorode v kontekste religioznogo pochitaniya medvedya v severnoi Evrazii [The Bear Cult in Medieval Novgorod in the Context of the Religious Veneration of the Bear in Northern Eurasia]. In *Arkheologiya severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovaniy*. Surgut, Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya Institut arkheologii Severa, pp. 304–311, DOI 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-304-311.

Vasil'ev, B. A. (1948). Medvezhii prazdnik [Bear Holiday]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 4, pp. 78–104

Vlasova, Z. I. (2001). *Skomorokhi i fol'klor* [Bards and Folklore]. St Petersburg, Aleteiya. 524 p.

Zharnov, M. E. (1991). Zhivotnye v pogrebal'nom obryade kurganov periodov stanovleniya drevnerusskogo gosudarstva [Animals in the Funerary Rite of the Mounds of the Formation Periods of the Ancient Russian State]. In *Sovetskaya arheologiya*. No. 2, pp. 76–89.

Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Avraamiya, arkhimandrita Rostovskogo [The Life of Our Reverend Father Avraamii of Rostov]. (1855). In *Zhitiya svyatykh v 12 kn.* Kiev, Izdatel'stvo Kievo-Pecherskoi Lavry. Book 2, pp. 224–227.

Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of Sergii of Radonezh]. (1885). In *Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva v 190 vyp.* St Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii nauk, pp. 1–139.

The article was submitted on 01.09.2019

**КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ
ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: «МЕДВЕЖИЙ» РАКУРС***

Лилия Степанова

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

**THE QUANTITATIVE ANALYSIS OF MATERIALS FROM
THE GENERAL LAND SURVEY OF THE RUSSIAN EMPIRE:
THE 'BEAR' ANGLE****

Liliya Stepanova

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

This article analyses data about the Russian bear from the *Economic Notes* to the plans of the General Land Survey of the Russian Empire. Despite the official symbol of the Russian Empire being the double-headed eagle, the bear was perceived as the country's main symbol as early as the formation of the Russian state. The purpose of this article is to find out how common bears were in the Russian Empire between the late eighteenth and the early nineteenth centuries. The quantitative analysis of data from the General Land Survey is based on the method of continuous sampling, which allows the author to include information about animals from the *Complete and Cameral Economic Notes* to the General Land Survey. The author refers to the *Economic Notes* for eight uyezds and three provinces. The study covers both old and new lands of the Russian state. The analysis makes it possible to conclude that between the late eighteenth and the early nineteenth centuries, the Russian bear was not equally common in every region. It was found mainly in the forests of the historical core of the Russian

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00236.

** *Citation*: Stepanova, L. (2021). The Quantitative Analysis of Materials from the General Land Survey of the Russian Empire: The 'Bear' Angle. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1013–1024. DOI 10.15826/qr.2021.3.623.

Цитирование: Stepanova L. The Quantitative Analysis of Materials from the General Land Survey of the Russian Empire: The 'Bear' Angle // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1013–1024. DOI 10.15826/qr.2021.3.623 / Степанова Л. Квантитативный анализ материалов Генерального межевания Российской империи: «медвежий» ракурс // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1013–1024. DOI 10.15826/qr.2021.3.623.

state. But the bear was not a predominant species. Overall, according to the *Cameral and Complete Economic Notes* covering four St Petersburg uyezds and Novgorod province, there were 15 animal species in this territory, while there were 11 species in four uyezds of Taurida province. Continuous processing of the *Economic Notes* makes it possible to identify previously unknown mentions of moose, lynx, ferrets, and badgers in Luga district, St Petersburg province. Wild horses, camels, wild boars, and otters were described in *Economic Notes* in Dnipro district, Taurida province. However, the most common animals in these territories were hares, as well as smaller predators like foxes and wolves. The analysis of quantitative indicators helps to establish that the bear did not become the personification of the Russian state because of its predominance. Instead, this was due to the remarkable characteristics and qualities that made the animal stand out.

Keywords: Russian bear, *Economic Notes*, general land survey, quantitative analysis, St Petersburg province, Novgorod province, Taurida province

Представлен анализ данных Экономических примечаний к планам Генерального межевания Российской империи о русском медведе. Несмотря на наличие официального символа Российской империи – двуглавого орла, медведь уже со времени становления Российского государства стал восприниматься как главный символ страны. Цель исследования – выяснение того, насколько повсеместно были распространены медведи на территории Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Квантитативный анализ данных материалов Генерального межевания о русском медведе основан на методе сплошной выборки, позволяющем включить в базу данных сведения о животных из Полных и Камеральных экономических примечаний к материалам Генерального межевания по мере встречаемости их в источнике. В качестве источников выступили Экономические примечания к межеванию восьми уездов трех губерний Российской империи. Исследование охватило как старые, так и новые земли Российского государства, присоединенные в XVIII в. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что медведь в конце XVIII – начале XIX в. имел на его территории неодинаковую распространенность. В большей степени он встречался в лесах исторического ядра Российского государства, но он не был здесь преобладающим видом. Всего по данным Камеральных и Полных экономических примечаний по четырем уездам Санкт-Петербургской и Новгородской губерний было зафиксировано 15 видов зверей, в четырех уездах Таврической губернии – 11 видов. Сплошная обработка данных Экономических примечаний позволила выявить в Лутском уезде Санкт-Петербургской губернии не встречавшиеся ранее упоминания лосей, рысей, хорьков и барсуков. В Днепровском уезде Таврической губернии в Экономических примечаниях были выявлены дикие лошади, верблюды, дикие кабаны, выдры. Однако самыми распространенными животными на всех территориях были зайцы, а также более мелкие хищники – лисицы и волки. Анализ количественных показателей помог установить, что медведь стал олице-

творением Российского государства не в силу преобладания на его территории, а благодаря своей заметности и целому комплексу характеристик и качеств, которые выделяли этого зверя из животного мира.

Ключевые слова: русский медведь, Экономические примечания, Генеральное межевание, квантитативный анализ, Санкт-Петербургская губерния, Новгородская губерния, Таврическая губерния

Медведь уже со времени зарождения Российского государства стал считаться одним из самых распространенных видов животных на его территории и со временем стал восприниматься в окружающем мире как главный символ страны. Вопрос о том, насколько повсеместно были распространены медведи и были ли они преобладающим видом животных на территории России, помогают решить материалы Генерального межевания конца XVIII – начала XIX в. Сведения о природной среде, в том числе о часто встречающихся на конкретных территориях видах животных, собирались российскими землемерами, принимавшими участие в межевании. Генеральное межевание земель, начавшееся в 1766 г. после указа Екатерины II, призвано было положить конец старым земельным спорам между землевладельцами и навести порядок в землевладении. В ходе него землемеры не только проводили межевые работы, но и вели собственные наблюдения и собирали сведения от местного населения для составления Экономических примечаний к планам Генерального межевания.

Ранее сведения Экономических примечаний к планам Генерального межевания использовались для описания животного мира России только в качестве отдельных примеров [Кириков, с. 102]. Современные исследователи считают материалы Генерального межевания очень информативным источником при изучении экологических процессов в истории с использованием новейших методов изучения [Канищев, Кончаков, Костовска, с. 19–20]. В последние годы появились исследования, основывающиеся на количественном анализе данных Экономических примечаний [Черненко; Степанова, 2017]. В рамках междисциплинарного направления «история окружающей среды» (Environmental history) [Ouchley; Moon] ряд работ, выполненных на материалах Экономических примечаний к планам Генерального межевания, был посвящен изучению животного мира России и позволил получить важные выводы о распространенности различных видов на ее территории во второй половине XVIII – начале XIX в. [Румянцев, Голубинский и др., с. 89–107; Солдатов, с. 13–25].

Исследование, проведенное Л. Г. Емельяновой, В. Ю. Румянцевым, Д. А. Хитровым и А. А. Голубинским, охватило семь «лесных» губерний Российской империи (Вологодскую, Казанскую, Калужскую, Олонецкую, Санкт-Петербургскую, Смоленскую, Тверскую). Оно позволило выявить 21 название животных, упоминаемых в Экономических примечаниях в силу их значимости для человека или просто заметности.

В результате исследования выяснилось, что медведи в XVIII в. имелись в каждой из этих семи лесных губерний. С высокой долей вероятности их можно было встретить в 29 из 32 уездов. Медведи, по данным исследователей, упоминались на 161 даче из 377, включенных в выборку. Однако почти такая же встречаемость была у горностаев, водившихся в шести губерниях и называвшихся на 156 дачах. А в абсолютных лидерах по распространенности на этих территориях были зайцы, волки, белки и лисицы [Емельянова, Румянцев и др., с. 156–157].

В. Ю. Румянцев, Д. А. Хитров и А. А. Голубинский провели аналогичное исследование, охватившее уже территорию 15 южных губерний Российской империи (Воронежской, Казанской, Курской, Оренбургской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Уфимской, Харьковской и др.). На основании Экономических примечаний в подзоне широколиственных лесов, лесостепи и северных степей на территории России в конце XVIII в. было выявлено 22 вида животных. Самыми распространенными среди них оказались зайцы, волки и лисы. Во всех губерниях встречались горностаи, в восьми губерниях – белки. Медведи, по сведениям авторов исследования, упоминались в девяти губерниях, но не во всех уездах. Они встречались на 78 дачах из 617, включенных в выборку [Румянцев, Хитров, Голубинский, с. 29–30].

Использование количественных методов при работе с массовыми данными Экономических примечаний позволяет не только устанавливать виды животных, обитавших на конкретных территориях, но и выявить частоту их встречаемости, выражающуюся в числе упоминаний определенного вида животного в источнике. Эти сведения важны для изучения истории окружающей среды и антропогенного воздействия на нее человека, а также для изучения природных ресурсов, которыми обладало крестьянское хозяйство в традиционном аграрном социуме. При этом необходимо обратить внимание на то, что в Экономических примечаниях фиксировались не все животные, а лишь наиболее значимые для местного населения, нахождение которых на сопредельной территории так или иначе влияло на хозяйственную жизнь местного населения. Перечисляемые в Экономических примечаниях животные могли иметь промысловое значение, связываться с различными народными приметами, а также наносить определенный урон хозяйству.

В результате нашего исследования на основании сплошной обработки массовых сведений Экономических примечаний были созданы базы данных по восьми уездам трех губерний России, расположенных в различных климатических и природных условиях. Главное отличие созданных баз данных от предыдущих исследований заключается в методике выборки, которая является очень трудоемкой, но в то же время становится гораздо полнее благодаря внесению в нее всех упоминаний зверей в источнике. В данном случае сведения о видах животных включались в базы данных по мере их встречаемости в Экономических примечаниях. Помимо прямого указания о водив-

шихся в лесу конкретной дачи медведях и других зверях, в выборку включались также сведения о них, есть имелась отсылка к описанию соседней дачи: «лес, в нем водятся звери, птицы сходственно с №...», «звери и птицы, как описано в №...».

Основой для извлечения необходимой информации стали хранящиеся в межевом отделе РГАДА Камеральные и Полные экономические примечания, которые отличаются от более распространенных и лучше сохранившихся Кратких экономических примечаний своей расширенной информацией, в том числе тем, что предоставляют сведения о животном мире. К сожалению, варианты Камеральных или Полных экономических примечаний дошли до нашего времени не по всем территориям, поскольку использовались в межевых конторах в качестве черновиков и исходного материала для составления Кратких экономических примечаний к атласам, были написаны на простой писчей бумаге и сильно пострадали при эвакуации Межевого архива во время Отечественной войны 1812 г. [Милов, с. 91–91].

В проведенном исследовании в сравнительном аспекте изучается территория северо-западного и южного регионов России. Северо-запад представлен двумя уездами Санкт-Петербургской губернии и двумя уездами Новгородской губернии, территории которых относятся к историческому ядру Российского государства. В предыдущие столетия они принадлежали Новгородской земле. Обитавшие в здешних лесах медведи упоминались в записках иностранцев, впервые побывавших в России [Герберштейн, с. 130]. Изображения медведей украшали печати новгородского наместника и герб Великого Новгорода [Пчелов, с. 50]. Рисунки медведей или сцены охоты на них нередко служили маркерами данной территории на старых географических картах [Материалы, с. 4, 10; Szykuła, p. 121]. Медведь изображался с двумя плывущими рыбами в гербе, увенчанном княжеской шапкой с горностаевой опушкой, на картушах карт Новгородского наместничества и Новгородской губернии в XVIII в. [Финягина, с. 40].

Исследование в южном регионе охватило четыре уезда Таврической губернии, образованной во второй половине XVIII в. после присоединения к Российской империи Крыма и прилегающих к нему с материка районов Северного Причерноморья. В нынешнее время в степной зоне Европейской равнины медведи не водятся. Однако имеются сведения о том, что медведей в прошлом можно было встретить не только в лесистой местности, но и в степях [Динец, Ротшильд, с. 94]. Интересен тот факт, что сюжет охоты на медведя на безлесной территории под названием *Crimea* между Днепром (Борисфеном) и Доном (Танаис) был изображен на карте Э. Дженкинсона 1578 г. в атласе «Зеркало круга земного» [Jenkinson]. Более раннее исследование, проведенное по южным губерниям Европейской России, показало, что бурые медведи в конце XVIII в. встречались далеко за южной границей их современного ареала обитания [Румянцев, Хитров, Голубинский, с. 33].

По Санкт-Петербургской губернии сохранились только Камеральные экономические примечания к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом, сочиненные в 1789–1791 гг. [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1153. Л. 1–289; Д. 1154. Л. 1–312], и Полные экономические примечания к Генеральному плану города Луги с уездом, составленные в 1789 г. [Там же. Д. 1145. Л. 1–807]. По остальным уездам имеются лишь Краткие экономические примечания, в которых сведения о животном мире отсутствуют, поскольку вся информация о дачах дается в сокращенном виде и с пропусками определенных данных. Камеральные экономические примечания к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом содержат описание 1054 дач. В Полных экономических примечаниях к Генеральному плану города Луги с уездом были зафиксированы сведения о 1573 дачах. Количество описанных дач обоих уездов в этих источниках практически совпадает с количеством дач в Кратких экономических примечаниях по этим же территориям [Там же. Д. 1144. Л. 1–338; Д. 1153. Л. 1–54].

До нашего времени по Новгородской губернии (в 1776–1796 гг. – Новгородскому наместничеству) дошли Полные экономические примечания к Генеральному плану города Валдая с уездом [Там же. Д. 862. Л. 1–190] и Камеральные экономические примечания к Генеральному плану города Борович с его уездом [Там же. Д. 858. Л. 1–69], сочиненные в 1789 г. Остальные уезды представлены только Краткими экономическими примечаниями. Вместе с тем в Полных экономических примечаниях по Валдайскому уезду сохранились сведения только о 621 даче из 1571 (39,5 %), описанных в Кратких экономических примечаниях [Там же. Д. 861. Л. 1–174]. Камеральные экономические примечания по Боровичскому уезду содержат описание всего 206 дач из 3223 (6,4 %), представленных в Кратких экономических примечаниях [Там же. Д. 857. Л. 1–407]. Однако в Кратких экономических примечаниях по Боровичскому уезду встречаются редкие расширенные записи о природной среде размежеванных дач.

В базы данных по южной Таврической губернии были включены сведения из Камеральных экономических примечаний по Перекопскому уезду и Экономических примечаний по Феодосийскому, Мелитопольскому и Днепровскому уездам. Генеральное межевание этой территории началось в 1798 г., но вскоре было приостановлено из-за своей неподготовленности и возобновлено только в 30-е гг. XIX в. [Петрова, с. 162–166]. Сохранившиеся Экономические примечания по Таврической губернии отражают эти два этапа межевания. Их особенностями являются фиксация самого хода межевания и занесение сведений по отдельным годам.

Камеральные экономические примечания по Перекопскому уезду созданы в 1798–1804 гг. [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1559. Л. 1–142]. В целом они содержат сведения о 105 размежеванных дачах, расположенных в основном на материковой части Таврической области и в окрестностях города Перекопа. Экономические примечания по Феодосийскому

уезду Таврической губернии были сочинены уже в 1830–1833 гг. [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1560. Л. 1–27; Д. 1561. Л. 1–12; Д. 1562. Л. 1–13; Д. 1563. Л. 1–6; Д. 1564. Л. 1–29]. В них имеется расширенная информация о 66 дачах на Крымском полуострове. Экономические примечания по Мелитопольскому уезду, граничившему с Екатеринославской губернией, относятся к 1834 г. и содержат сведения о 29 дачах [Там же. Д. 1558. Л. 1–32]. Экономические примечания по Днепровскому уезду, протянувшемуся от Перекопского перешейка до Днепровского лимана, составлялись в 1833–1834 гг. [Там же. Д. 1551. Л. 1–37; Д. 1552. Л. 1–24; Д. 1553. Л. 1–6]. Они описывают территорию 54 дач.

Первоначальные данные для составления Экономических примечаний фиксировались в полевых записках землемеров и «сказках» местного населения, в которых подробно рассказывалось о географическом расположении территории, составе леса или кустарника, встречающихся животных, птицах, водящихся в реках и озерах рыбах. Однако нахождение этих сведений в огромнейшем массиве полевых записок, хранящихся в Межевом отделе РГАДА, крайне затруднено. До нынешнего времени было выявлено около 300 сказок крестьян по различным губерниям России. Однако большая их часть не совпала с сохранившимися вариантами Экономических примечаний, что не позволяло провести сопоставительный анализ [Милов, с. 169].

При проведении исследования в фонде полевых записок удалось выявить 20 крестьянских сказок по Санкт-Петербургской губернии и шесть первоначальных вариантов Камеральных экономических примечаний, содержащих описание конкретной дачи. При сопоставительном анализе сведений Полных экономических примечаний по Лугскому уезду с данными сказок выяснилось, что в них несомненно прослеживается исходная информация из крестьянской сказки, создававшейся в результате опроса местного населения, но она существенно перерабатывается по определенному клише. Причем наблюдаются как потеря исходной информации, так и добавление новой [Степанова, 2018]. В частности, в Экономических примечаниях перечисляются не все виды деревьев, значительно сокращаются сведения о зверях и птицах, которые называет местное население в своих сказках. В то же время прослеживается и добавление информации в Экономические примечания при перечислении видов зверей и рыбы на территории смежных дач, имевших общие водоемы и лесные массивы, что следует признать закономерным, поскольку ареал обитания животных не зависел от границ размежеванных дач. Таким образом, на смежных дачах сведения о природной среде, в том числе о животных, выглядят однотипными, поэтому землемеры в этом случае ограничиваются в Экономических примечаниях записью: «звери сходственно с дачей №...».

В результате сплошной обработки сведений Экономических примечаний был составлен перечень упоминаемых в них животных, что позволило провести квантитативный анализ полученных данных,

оценить количество и распространенность различных видов зверей в конкретной местности. В целом по Экономическим примечаниям на территориях Санкт-Петербургской и Новгородской губерний Российской империи были выявлены 15 видов животных. Медведь упоминался во всех четырех уездах, охваченных выборкой, но частота его встречаемости на отдельных территориях была разной. Очень часто медведя можно было встретить на территории Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. В Камеральном экономическом примечании к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом он упоминался на 692 дачах из 819 (84,5 %), вошедших в базу данных о природной среде уезда. Однако чаще в лесных массивах можно было увидеть более мелких хищников – волков и лисиц, встречавшихся на 701 даче (85,6 %). Чуть реже на территории уезда среди зверей назывались зайцы (на 683 дачах) и белки (на 633 дачах). Водились в лесах уезда и ценные пушные звери. На 92 дачах (11,2 %) упоминались куницы, на 21 даче (2,6 %) – горностаи.

В Лугском уезде Санкт-Петербургской губернии медведи встречались реже, чем в Новоладожском уезде. В базу данных о природной среде уезда были включены 1362 дачи. Медведь упоминался только на 205 дачах (15,1 %). В то же время зайцы назывались на 1290 дачах (94,7 %), волки – на 1285 дачах (94,3 %), лисицы – на 1283 дачах (94,2 %), и белки – на 1263 дачах (92,7 %). В отличие от других территорий, в Лугском уезде широко были распространены горностаи, встречавшиеся на 1094 дачах (80,3 %). В то же время куницы упоминались только на 58 дачах (4,3 %). В уезде водились также европейские косули, именуемые в источнике дикими козами, зафиксированные 31 раз. Встречались на его территории и животные, не выявленные ранее при обработке материалов Экономических примечаний: лоси (18 упоминаний), рыси (10), кроны (4) и барсуки (1). На пяти дачах упоминались хори.

В Валдайском уезде Новгородской губернии медведи водились на 184 дачах из 556, вошедших в выборку (33,1 %). В строевом лесу этого зверя можно было встретить почти в 90 % случаев, но количество такого леса было не очень велико. По данным Полных экономических примечаний, самыми распространенными животными на территории Валдайского уезда были зайцы, встречавшиеся на 366 дачах (65,8 %), волки – на 284 дачах (51,1 %), лисицы – на 274 дачах (49,3 %), и белки – на 244 дачах (43,9 %). Пушные звери фиксировались в меньшей степени: куницы водились на территории 55 дач (9,9 %), норки встречались на 20 дачах (3,6 %), горностаи – на 19 (3,4 %), хорьки назывались всего на двух дачах. И лишь один раз на территории уезда упоминался олень.

В Боровичском уезде Новгородской губернии медведь был зафиксирован только один раз «набегом». Однако в данном случае мы не располагаем описанием всей территории уезда, а довольствуемся только сведениями Камеральных экономических примечаний о западных окрестностях города Боровичи. На этой территории часто

встречавшимися зверями были зайцы, упоминаемые на 83 дачах (61,5 %) из 135, включенных в выборку. На каждой третьей даче водились белки (37,8 %), на каждой седьмой – лисицы (14,1 %). Только на семи дачах (5,2 %) упоминались волки.

По четырем уездам Таврической губернии удалось выявить только 11 видов животных. Несомненно, что особенности местности влияли на состав обитающих здесь зверей. Недаром при описании дач землемеры подчеркивали, где водятся животные – в степях, полях или в мелком дровяном лесу и кустарнике. В базу данных о природной среде Перекопского уезда были включены 89 дач (84,8 % от общего числа), на которых было зафиксировано семь видов зверей. Лисицы встречались на 37 дачах (41,6 %), волки и зайцы – на 35 дачах (39,3 %). Дважды в прибрежьях Днепра назывались дикие кабаны. В окрестностях Перекопа также дважды упоминались хорьки, ежи и овражки (суслики).

В Феодосийском уезде, несмотря на включение в базу данных сведений о природной среде 49 дач (74,2 %), животные назывались далеко не всегда. Всего в уезде землемеры зафиксировали четыре вида зверей: на 13 дачах (26,5 %) встречались волки, на 12 дачах (24,5 %) – зайцы, на 10 дачах (20,4 %) – лисицы, и на пяти дачах (10,2 %) – дикие козы (косули). В Днепровском уезде по данным Экономических примечаний в базу данных о природной среде вошли 27 дач (50 %), на которых удалось выявить семь видов животных. В степях уезда водились дикие лошади и верблюды, встречавшиеся на 11 дачах (40,7 %). На 25 дачах (92,6 %) зафиксированы лисицы и волки, на 22 дачах (81,5 %) – зайцы. В прибрежных местах на шести дачах (22,2 %) упоминаются дикие кабаны, на пяти дачах (18,5 %) – выдры. В базу данных о природной среде Мелитопольского уезда вошли 24 дачи (82,8 % от всех дач). На всех дачах землемеры зафиксировали волков и зайцев, на 23 дачах (95,8 %) – лисиц. Медведь на территории Таврической губернии, в том числе на ее материковой части, простиравшейся до Екатеринославской губернии, не был упомянут ни разу. Как выяснилось, самыми распространенными зверями на ее территории, как и на других территориях России, были зайцы, лисицы и белки. Однако в уезде имелись безводные и безлесные местности, где животные не водились.

Таким образом, созданные базы данных на основании сплошной обработки сведений Камеральных и Полных экономических примечаний позволили составить перечень упоминаемых животных в трех губерниях Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. и выявить наиболее распространенные среди них виды. Примененная методика предоставила возможность дополнить имеющийся перечень животных, упоминаемых в Экономических примечаниях, по северо-западным и южным губерниям России и уточнить ареалы их обитания.

Квантитативный анализ данных материалов Генерального межеславского показало, что в конце XVIII в. медведь на территории России встречался далеко не повсеместно. Ареал обитания бурого медведя на юге страны не доходил до материковой части Таврической губер-

нии, где имелись большие степные просторы и небольшие участки леса и кустарника. Достаточно высокой была вероятность встречи с медведем в лесных массивах на территории исторического ядра Российского государства. Но даже несмотря на присутствие изображения медведя в гербе Новгородской губернии, на ее территории в конце XVIII в. он не был преобладающим видом. В Валдайском уезде медведь упоминался только на каждой третьей даче. Чаще всего «хозяина русского леса» можно было увидеть в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии, где он встречался на девяти из каждой десяти дач. Вместе с тем, не в силу распространенности и преобладания на территории страны, а благодаря своей заметности и целому комплексу характеристик и качеств, которые выделяли этого зверя из животного мира, медведь со временем стал олицетворением Российского государства.

Список литературы

- Герберштейн С.* Записки о Московии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 430 с.
- Динец В. Л., Ротшильд Е. В.* Звери : Энциклопедия природы России. М. : ABF, 1998. 344 с.
- Емельянова Л. Г., Румянцев В. Ю. и др.* Историко-экологический анализ распространения млекопитающих бореальных лесов Европейской России по материалам Генерального межевания // Сиб. экол. журн. 2017. № 2. С. 150–161. DOI 10.15372/SEJ20170205.
- Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Костовска С. К.* Пространственное моделирование экологических процессов в истории // Fractal Simulation. 2011. № 1. С. 15–20.
- Кириков С. В.* Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.) : Лесная зона и лесотундра. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 157 с.
- Материалы по истории русской картографии / под ред. В. А. Кордта. Вып. 1. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1899. 15 с.
- Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию : (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 312 с.
- Петрова И. В.* Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 3. С. 162–166.
- Пчелов Е.* Три медведя в старейших русских земельных гербах // Гербовед. 2005. № 80. С. 48–62.
- РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 857, 858, 861, 862, 1144, 1145, 1153, 1154, 1551, 1552, 1553, 1558, 1559, 1560, 1561, 1562, 1563, 1564.
- Румянцев В. Ю., Голубинский А. А. и др.* Земледельческое освоение и состояние фауны Европейской России по материалам Генерального межевания // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013. № 1. С. 89–107.
- Румянцев В. Ю., Хитров Д. А., Голубинский А. А.* Историко-экологический анализ распространения млекопитающих юга Европейской России по материалам Генерального межевания // Аридные экосистемы. 2018. Т. 24. № 3 (76). С. 25–35. DOI 10.24411/1993-3916-2018-00023.
- Степанова Л. Г.* Природные ресурсы крестьянского хозяйства в Боровичском уезде Новгородской губернии по оценкам первых русских земельных кадастров // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 94–104. DOI 10.7256/2454-0609.2017.6.25187. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25187 (дата обращения: 12.02.2019).

Степанова Л. Г. Полевые записки землемеров и «сказки» крестьян Санкт-Петербургской губернии как источники «потерянной» информации экономических примечаний // Клио. 2018. № 10 (142). С. 18–26.

Финягина Н. П. Сюжетные картуши Российского атласа 1792 года. М. : ГИМ, 2006. 127 с.

Черненко Д. А. Сведения экономических примечаний к генеральному межеванию о городских землях (на примере Владимирской губернии) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. 2016. № 6. Ч. 2. С. 83–86. DOI 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-83-86.

Jenkinson A. *Moscoviae maximi amplissimi que ducatus chorographica descriptio*. Antwerpen, 1578.

Moon D. *The Plough that Broke the Steppes. Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. 344 p.

Ouchley K. *Flora and Fauna of the Civil War: An Environmental Reference Guide*. Louisiana : Louisiana State Univ. Press, 2010. 259 p.

Szykula K. Unexpected 16th Century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson's Map of Russia, 1562 // *Cartography – A Tool for Spatial Analysis* / ed. by C. Bateira. [S. l.] : Intech, 2012. P. 119–152. DOI 10.5772/50224.

References

Chernenko, D. A. (2016). Svedeniya ekonomicheskikh primechanii k general'nomu mezhevaniyu o gorodskikh zemlyakh (na primere Vladimirskoi gubernii) [Information from the Economic Notes to the General Land Survey of Urban Lands (Vladimir Province)]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 8. No. 6. Part. 2, pp. 83–86. DOI 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-83-86.

Dinets, V. L., Rotshil'd, E. V. (1998). *Zveri. Entsiklopediya prirody Rossii* [Animals. Encyclopaedia of the Nature of Russia]. Moscow, ABF Press. 344 p.

Emel'yanova, L. G., Rumyantsev, V. Yu. et al. (2017). Istoriko-ekologicheskii analiz rasprostraneniya mlekovitayushchikh boreal'nykh lesov Evropeiskoi Rossii po materialam General'nogo mezhevaniya [Distribution of Mammals in the Boreal Forests of European Russia: Historical and Ecological Analysis Based on the Materials of the General Land Survey]. In *Sibirskii ekologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 150–161. DOI 10.15372/SEJ20170205.

Finyagina, N. P. (2006). *Syuzhetnye kartushi Rossiiskogo atlasa 1792 goda* [Plot Cartouches of the Russian Atlas of 1792]. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 127 p.

Herberstein, S. (1988). *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 430 p.

Jenkinson, A. (1578). *Moscoviae maximi amplissimi que ducatus chorographica descriptio*. Antwerpen.

Kanishchev, V. V., Konchakov, R. B., Kostovska, S. K. (2011). Prostranstvennoe modelirovanie ekologicheskikh protsessov v istorii [Spatial Modelling of Ecological Processes in History]. In *Fractal Simulation*. No. 1, pp. 15–20.

Kirikov, S. V. (1960). *Izmeneniya zhivotnogo mira v prirodnykh zonakh SSSR (XIII–XIX vv.). Lesnaya zona i lesotundra* [Changes of Fauna in the Natural Zones of the USSR (13th–19th Centuries). Forest Zone and Forest Tundra]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 157 p.

Kordt, V. A. (Ed.). (1899). *Materialy po istorii russkoi kartografii* [Materials on the History of Russian Cartography]. Iss. 1. Kiev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko. 15 p.

Milov, L. V. (1965). *Issledovanie ob "Ekonomicheskikh primechaniyakh" k General'nomu mezhevaniyu. (K istorii russkogo krest'yanstva i sel'skogo khozyaistva vtoroi poloviny XVIII v.)* [A Study on the Economic Notes to the General Land Survey. (On the History of the Russian Peasantry and Agriculture in the Second Half of the 18th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 312 p.

Moon, D. (2013). *The Plough that Broke the Steppes. Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford, Oxford Univ. Press. 344 p.

Ouchley, K. (2010). *Flora and Fauna of the Civil War: An Environmental Reference Guide*. Louisiana, Louisiana State Univ. Press. 259 p

Pchelov, E. (2005). Tri medvedya v stareishikh russkikh zemel'nykh gerbakh [Three Bears in the Oldest Russian Land Emblems]. In *Gerboved.* No. 80, pp. 48–62.

Petrova, I. V. (2013). Deyatel'nost' Simferopol'skoi mezhevoi kontory (1829–184 gg.) [The Activities of the Simferopol Boundary Office (1829–1843)]. In *Istoricheskije, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* No. 12 (38). Part 3, pp. 162–166.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1355. List 1. Dos. 857, 858, 861, 862, 1144, 1145, 1153, 1154, 1551, 1552, 1553, 1558, 1559, 1560, 1561, 1562, 1563, 1564.

Rumyantsev, V. Yu., Golubinskii, A. A. et al. (2013). Zemledel'cheskoe osvoenie i sostoyanie fauny Evropeiskoi Rossii po materialam General'nogo mezhevaniya [Agricultural Development and the State of the Fauna of European Russia Based on Materials from the General Land Survey]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy.* No. 1, pp. 89–107.

Rumyantsev, V. Yu., Khitrov, D. A., Golubinskii, A. A. (2018). Istoriko-ekologicheskii analiz rasprostraneniya mlekopitayushchikh yuga evropeiskoi Rossii po materialam General'nogo mezhevaniya [Historical and Environmental Analysis of the Distribution of Mammals in the South of European Russia Based on Materials from the General Land Survey]. In *Aridnye ekosistemy.* Vol. 24. No. 3 (76), pp. 25–35. DOI 10.24411/1993-3916-2018-00023.

Stepanova, L. G. (2017). Prirodnye resursy krest'yanskogo khozyaistva v Borovichskom uzde Novgorodskoi gubernii po otsenkam pervykh russkikh zemel'nykh kadastrów [The Natural Resources of Peasant Farming in the Borovichi District of Novgorod Province according to the Estimates of the First Russian Land Cadastres]. In *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya.* No. 6, pp. 94–104. DOI 10.7256/2454-0609.2017.6.25187. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25187 (accessed: 12.02.2019).

Stepanova, L. G. (2018). Polevye zapiski zemlemerov i “skazki” krest'yan Sankt-Peterburgskoi gubernii kak istochniki “poteryanno” informatsii ekonomicheskikh primechanii [The Field Notes of Surveyors and the “Tales” of Peasants of St Petersburg Province as Sources of “Lost” Information for the Economic Notes]. In *Klio.* No. 10 (142), pp. 18–26.

Szykuła, K. (2012). Unexpected 16th Century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson's Map of Russia, 1562. In Bateira, C. (Ed.). *Cartography – A Tool for Spatial Analysis.* S. 1., Intech, pp. 119–152. DOI 10.5772/50224.

The article was submitted on 31.10.2019

КОНОТОПСКИЙ ПОХОД 1672 ГОДА ДЛЯ «ГЕТМАНСКОГО ОБИРАНИЯ»*

Владимир Великанов

Фонд «Русские витязи»,
Москва, Россия

THE KONOTOP CAMPAIGN OF 1672 TO “ELECT A HETMAN”

Vladimir Velikanov

“Russkie Vytiazy” Foundation,
Moscow, Russia

This article analyses the reasons for Hetman D. Ignatowich (Mnogogreshniy)’s dismissal and arrest on the night of 13 March 1672 and the election of I. Samoylowich as the new hetman. The author provides a detailed description of all the reports regarding Ignatowich’s communications with Hetman Doroshenko and his plans to launch a mutiny against the tsar and become subject of the Turkish sultan, which made Ignatowich start mobilising troops and transport his property to a safe place in advance. Additionally, the author describes the effort taken by the Russian government to keep the hetman under their rule and lack of plans to dismiss him. After the information about Ignatowich’s treason and arrest by representatives of the Cossack *starshina* (officership) reached Moscow, the latter supported the plotters and tried the former hetman in a court of law, sentencing him to exile in Siberia. Even though there were fears of Cossack uprisings to support Ignatowich, the appointment of a new hetman was bloodless and was not followed by any serious uprisings, which testifies to the lack of support towards him personally or the policy he carried out. On 17 June 1672, the 30-year-old Samoylowich was elected hetman at the Konotop Rada. He did not enjoy any support of the starshina or Cossacks in general and was dependent on the support of the tsarist authorities and Cossack elites. The conditions of the Konotop articles signed at the Rada were identical to the Glukhov articles from 1669 and provided the hetmanate with broad autonomy and a very limited tsarist military and administrative participation. The only addition was that the authorities were

---

* *Citation*: Velikanov, V. (2021). The Konotop Campaign of 1672 to “Elect a Hetman”. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1025–1041. DOI 10.15826/qr.2021.3.625.

Цитирование: Velikanov V. The Konotop Campaign of 1672 to “Elect a Hetman” // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1025–1041. DOI 10.15826/qr.2021.3.625 / Великанов В. Конотопский поход 1672 года для «гетманского обирания» // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1025–1041. DOI 10.15826/qr.2021.3.625.

requested to arbitrate any possible disputes between the hetman and the Cossack starshina. In order to demonstrate the military support for the tsar's candidate, the authorities sent Prince Romodanovsky's army to the place where the Rada was to be held and deployed additional troops along the hetmanate's borders.

Keywords: Ukrainian history of the second half of seventeenth century, Konotop Rada of 1672, Hetman D. Ignatowich mnogogreshniy, Hetman I. Samoylovich

Анализируются причины, приведшие к смещению и аресту левобережного гетмана Д. И. Игнатовича (Многогрешного) в ночь с 12 на 13 марта 1672 г., а также обстоятельства избрания новым гетманом И. С. Самойловича. Автор детально разбирает все сообщения о связях Игнатовича с П. Д. Дорошенко, о его намерении объявить мятеж и перейти в подданство турецкого султана, для чего Д. И. Игнатович начал сбор войск и заранее вывез в безопасное место свое имущество. Подробно описываются усилия российского правительства по удержанию гетмана в царском подданстве и отсутствие планов по его смене. Узнав об измене и аресте Д. И. Игнатовича представителями казацкой старшины, в Москве поддержали заговорщиков и провели суд над бывшим гетманом, приговорившем его к ссылке в Сибирь. Несмотря на опасения о возможных казацких выступлениях в поддержку Д. И. Игнатовича, смена гетмана произошла бескровно и без каких-либо серьезных волнений, что подтверждает отсутствие поддержки его лично и проводившейся им политики. На его место на Конотопской раде 17 июня 1672 г. был избран 30-летний И. С. Самойлович, который не имел серьезной опоры среди старшины и казачества и был зависим от поддержки царских властей и казацких элит. Подписанные на выборной раде Конотопские статьи повторяли условия предыдущих Глуховских статей 1669 г. и предоставляли Гетманшине права широкой автономии при минимальном царском военно-административном присутствии. Практически единственным дополнением была просьба к царским властям выступать арбитром в возможных спорах между гетманом и казацкой старшиной. Для демонстрации силовой поддержки царского кандидата к месту проведения выборной рады была отправлена армия кн. Г. Г. Ромодановского, а на границах Гетманщины были дополнительно развернуты войска.

Ключевые слова: история Украины второй половины XVII в., Конотопская рада 1672 г., Малороссия, Д. И. Игнатович, И. С. Самойлович

Относительно причин, приведших к аресту и смещению левобережного гетмана Д. И. Игнатовича (Многогрешного), в отечественной историографии до сих пор отсутствует единое мнение. Дореволюционные исследователи Д. И. Иловайский и С. М. Соловьев соглашались с официальной версией о его измене царскому престолу; в противоположность им И. Б. Розенфельд и В. И. Пичета высказывали сомнения в официальных обвинениях [Иловайский, с. 261–262; Соловьев, кн. 3, т. 12, стб. 416–427; Розенфельд; Пичета, с. 123–126]. Основной

массив официальных документов¹ по данному вопросу был опубликован в 1877 г. в 9-м томе «Актов, относящиеся к истории Южной и Западной России» [Акты ЮЗР, т. 9]. В 1903 г. была опубликована работа П. Матвеева, в которой на основании российских архивных источников были подробно проанализированы взаимоотношения гетмана Д. И. Игнатовича и царского правительства, а также многочисленные известия о возможной измене гетмана, доходившие до Москвы, ход заговора против гетмана и сам переворот [Матвеев, № 9; Матвеев, № 11]. В целом автор достаточно подробно подтвердил наличие у гетмана намерения изменить царю, и лишь его арест представителями казацкой старшины предотвратил очередной мятеж на Левобережной Украине. Подробный разбор дореволюционной историографии по теме вопроса также был приведен в статье С. В. Тарасова [Тарасов]. Из современных исследователей версии об измене гетмана придерживается А. С. Алмазов, который в своей работе, посвященной личности И. С. Самойловича, приводит краткий рассказ об обстоятельствах смещения Д. И. Игнатовича и избрании нового гетмана [Алмазов, 2012, с. 44–53]. Однако Т. Г. Таирова-Яковлева в работе о гетманах Украины утверждает, что Д. И. Игнатович не был виноват по тем пунктам обвинения, которые ему предъявили, а основной причиной отставки послужили неосторожные высказывания гетмана, вызванные якобы имевшимися намерениями Москвы сменить его на другого кандидата (киевского полковника К. Солонину) и отдать Киев полякам, а также заговор казацкой старшины [Таирова-Яковлева, с. 44–53].

В рамках данной работы мы еще раз остановимся на обстоятельствах, приведших к смещению и аресту Д. И. Игнатовича, а также на мероприятиях российского правительства по обеспечению избрания нового левобережного гетмана, в частности, на сборе и походе войск кн. Г. Г. Ромодановского в мае – июле 1672 г. Ввод в оборот дополнительных сведений и подробный анализ имеющихся материалов позволят более детально разобраться в реальности существования измены Д. И. Игнатовича, а также в позиции царского правительства по данному вопросу.

Демьян Игнатович Игнатóвич, прозванный современниками Многогрешным, стал гетманом Левобережной Украины в марте 1669 г., согласившись признать власть Москвы после бунта И. М. Брюховецкого и принеся присягу на верность царю. Царское правительство на тот момент было заинтересовано в скорейшем замирении Украины и согласилось в Глуховских статьях от 6 марта 1669 г. предоставить казакам права широкой автономии под руководством гетмана и казацкой старшины с собственным самоуправлением, судопроизводством и бюджетом.

---

¹ В данном случае речь идет материалах переговоров между российским правительством и гетманом Д. И. Игнатовичем, об оппозиционной гетману казацкой старшине во главе с П. Забелой, а также о следственном деле в отношении смещенного гетмана и материалах, связанных с Конопотской радой 16–17 июня 1672 г., на которой был в итоге избран И. С. Самойлович.

Российское военно-административное присутствие было ограничено всего пятью городами (Киев, Переяславль, Чернигов, Нежин и Остер), при этом сами города сохраняли внутреннее самоуправление («магдебургское право»), и полномочия царских воевод заключались лишь в администрировании немногочисленных гарнизонов и части городских налогов, которые шли на их содержание. Единственным строгим ограничением для гетмана был запрет на любые сношения с иностранными державами, то есть на самостоятельную внешнюю политику [Великанов, Лазарев, с. 208–220; Лазарев, с. 363; ПСЗ-1, т. 1, № 447, с. 804–822]. Помня о многочисленных казацких мятежах, российское правительство в 1670 г. дополнительно настояло на размещении в гетманской столице Батурина в качестве личной охраны гетмана тысячного гарнизона московских стрельцов. Первым командиром батуринского Стрелецкого приказа был назначен Михаил Колупаев, выполнявший также функцию постоянного царского резидента (представителя) при Д. И. Игнатовиче [Алмазов, 2014, с. 17–18].

Если на Левобережье избрание Д. И. Игнатовича и подписание Глуховских статей привели к установлению мира, то на другом, правом берегу Днепра продолжалась борьба за контроль над ним между Речью Посполитой, Османской империей и ее вассалом Крымским ханством. Бывший «польский» правобережный гетман Петр Дорофеевич Дорошенко в марте 1669 г. принес присягу турецкому султану и объявил себя его вассалом. Речь Посполитая не могла согласиться с потерей региона, поэтому боевые действия на Правобережье фактически не прекращались. Одновременно П. Д. Дорошенко не оставлял попыток объединить обе части Украины (правобережную и левобережную) под своей властью, но, не имея согласия султана на начало открытой войны с Российским государством, был вынужден действовать дипломатическими методами, вступив в переговоры с левобережным гетманом Д. И. Игнатовичем.

Первые тревожные вести о неблагонадежном поведении гетмана Д. И. Игнатовича стали приходиться в Москву летом 1671 г. Батуринский стрелецкий голова М. Колупаев сообщал в июле 1671 г., что гетман поддерживает сношения с правобережным гетманом П. Д. Дорошенко и в разговорах упоминает, что ему «лучше у татар быть». В октябре нежинский протопоп Симеон Адамович, ранее во всем поддерживавший гетмана, сообщил, что Д. И. Игнатович и П. Д. Дорошенко находятся в постоянной переписке [Матвеев, № 9, с. 686–687]. Об этом же сообщали через нежинского воеводу И. И. Ржевского приближенные Д. И. Игнатовича (например, П. Забела), а также польские представители, опасавшиеся объединения двух гетманов и их перехода в подданство турецкого султана (например, «польский» правобережный гетман Михаил Ханенко) [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 697]. Царский посланник Михаил Савин, привезший гетману царские грамоты, касавшиеся разграничения земель с Речью Посполитой (по Андрусовскому перемирию), вернувшись в Москву, сообщил, что Д. И. Игнатович на аудиенции высказывал недовольство политикой Москвы [Матвеев, № 10, с. 135].

Тревожные известия сподвигли царское правительство отправить к гетману стрелецкого полуголову Александра Танеева с целью узнать реальное положение дел и намерения Д. И. Игнатовича. На личной аудиенции, состоявшейся 7 февраля 1672 г., гетман занял довольно агрессивную позицию: обвинял царское правительство в постоянных уступках полякам и настаивал на необходимости войны с Речью Посполитой. При этом он с похвалой отзывался о правобережном гетмане П. Д. Дорошенко. В свою очередь, стрелецкий голова Григорий Неелов, сменивший в конце 1671 г. М. Колупаева на посту командира батуринацкого Стрелецкого приказа при гетмане, также подтвердил А. Танееву имевшиеся сведения о постоянных сношениях с П. Д. Дорошенко и о том, что, крепко выпив, Д. И. Игнатович постоянно заявляет о намерении объединиться с правобережным гетманом и перейти под власть турецкого султана: «гетман де ссылается тайно безпрестани с Дорошенком, и на банкетах де гетман за Дорошенка пьет», а причиной такого поведения являются слухи о том, что царское правительство якобы планирует заменить его на киевского наказного полковника К. Солонину и отдать Киев полякам [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 629–639, 642–644]. Необходимо отметить, что разговоры о планах царских властей отдать полякам Киев регулярно циркулировали на Украине, начиная со времени заключения Андрусовского перемирия в начале 1667 г. Определенную нервозность в этом вопросе добавляли постоянные переговоры в Москве с польскими посланниками, о содержании которых на Левобережной Украине ничего не знали и подозревали возможность каких-то договоренностей за спиной у казаков. Однако никаких планов передачи Киева в реальности на переговорах в 1670–1672 гг. не обсуждалось. Слухи о возможной замене Д. И. Игнатовича на К. Солонину также не имели под собой никаких реальных оснований, и их единственной причиной была царская благодарность последнему за успешные действия против казаков Дорошенко и татар в окрестностях Киева в конце 1671 г. Стоит полагать, что последнее вызвало ревность и подозрения у гетмана. Seriously встревоженный царский посланник А. Танеев отбыл в Москву, где подробно рассказал о переговорах с Д. И. Игнатовичем и сведениях, переданных Г. Е. Нееловым.

По всей видимости, Д. И. Игнатович в середине февраля 1672 г. еще не принял окончательного решения о разрыве с Российским государством и отправил в Москву нежинского протопопа Симеона Адамовича и своего доверенного человека генерального есаула Павла Грибовича для того, чтобы выяснить намерения царского правительства относительно своей собственной судьбы и возможной передачи Киева и Посожья (Засожья) полякам. В беседе с протопопом С. Адамовичем гетман откровенно заявил, что если результаты этих переговоров его не удовлетворят, то он готов будет перейти в подданство турецкого султана [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 682–683].

Необходимо отметить, что в тот момент царское правительство не имело никаких планов и намерений по смене гетмана и рассчитывало снять все противоречия с Д. И. Игнатовичем в ходе переговоров. 28 февраля 1672 г. гетманских посланников на встрече в Москве в Малороссийском приказе постарались успокоить, сообщив, что все опасения Игнатовича беспочвенны. Тем не менее, в Батуриин в тот же день повторно был снова отправлен А. Танеев, а главе приграничных Севского и Белгородского разрядов князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому на всякий случай был отправлен приказ о сборе ратных людей южных регионов на случай «казацких шатостей». С помощью государевой грамоты, данной А. Танееву, царский посланник должен был заверить гетмана в отсутствии у Москвы намерений по его смене, так как «наше государево слово... никогда отменено не будет», напоминая ему о данной присяге на верность царю («на вечное верное подданство обещались быть неотступно»). Начавшийся сбор войск кн. Г. Г. Ромодановского царское правительство объясняло наличием сведений о возможном нападении крымских татар [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 662–663].

На встрече с А. Танеевым 7 марта 1672 г. гетман Д. И. Игнатович сразу же высказал претензии к политике царского правительства, по мнению гетмана, имевшей антиказацкую направленность. В частности, Игнатович утверждал о якобы имевшихся у правительства планах по отдаче полякам Киева и угрожал на этом основании «искать иного государя», приводя в пример гетмана И. М. Брюховецкого, поднявшего антироссийский мятеж в начале 1668 г. Резкий тон гетмана серьезно обеспокоил А. Танеева. Вечером 8 марта царский посланник встретился с представителями казацкой старшины (генеральным обозным Петром Забелой, генеральными судьями Иваном Домонтовичем и Иваном Самойловичем, бывшим переяславским полковником Дмитрием Райчем), которые подтвердили имевшиеся слухи о сношениях Д. И. Игнатовича и П. Д. Дорошенка и планируемом подписании между ними соглашения. В серьезности намерений гетмана отступить от царя московского посланника убеждали сведения о проводимой гетманом мобилизации верных ему казаков в окрестностях Батурина (в город был введен полк Ворошилова, набранный из запорожских казаков). Ходили слухи о якобы уплаченных запорожцам 6 тыс. «ефимков» за поддержку и присылку людей. Более того, гетман вывез собственное имущество из города. Алармистские настроения Танеева усилил стрелецкий голова Г. Е. Неелов, добавивший, что «гетман, конечно, соединился с Дорошенком» (то есть договорился об общих действиях), так как его стрельцов на постах в городе постепенно заменяют верными гетману казаками [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 665–668, 672, 673–679]. Это уже были явные признаки подготовки вооруженного мятежа, аналогичного бунту И. М. Брюховецкого в феврале 1668 г. Было решено, что Танеев как можно скорее отправится в Москву для того, чтобы сообщить об измене гетмана, а остальные заговорщики останутся в Батурине, наблюдая за действиями Д. И. Игнатовича и ожидая царского указа.

К заговорщикам вскоре присоединился генеральный писарь Карп Мокриевич, то есть фактически против гетмана выступила вся генеральная старшина Левобережья. Как нам видится, причин, по которым в заговоре против гетмана приняла участие практически вся правящая элита гетманата, было несколько. Во-первых, казачья старшина, да и большая часть казачества, устали от многолетней гражданской войны, тянувшейся практически непрерывно с 1657 г., и были, в отличие от гетмана, полностью удовлетворены сложившимся после Глуховских статей 1669 г. статус-кво. Украинская казацкая элита хотела спокойствия и мира, не видя необходимости в очередном бунте против царской власти и продолжении внутренней междоусобицы. Во-вторых, гетман Д. И. Игнатович решил авторитарно править Левобережьем («к нам, старшинам... гетман стал безмерно жесток, не дает ни одного слова промолвить, бьет и саблей рубит»), ставя интересы своей семьи и фаворитов выше выстраивания взаимоотношений с казацкой элитой. Так, гетман назначил своего зятя Андрея Корнеевко полковником Лубенского полка, родного брата Василия – Черниговского, а другого брата Савву – Стародубского. Также при помощи российских войск, которые были присланы по просьбе гетмана, осенью 1671 г. был смещен находившийся к нему в оппозиции переяславский полковник Д. Райч и на его место назначен гетманский бунчужный Константин Стриевский [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 578, 674]. Вместе с многочисленными экономическими конфликтами это привело к тому, что гетман потерял поддержку значительной части казацких элит Левобережья.

Развязка заговора наступила в ночь с 12 на 13 марта 1672 г. Накануне Д. И. Игнатович собрал генеральную старшину, сообщил о своих планах так же, как и П. Д. Дорошенко, принять подданство турецкого султана («поколико кратно под турком пребывать») и потребовал принести присягу на верность себе, что было заметной новацией для выборного гетмана [Матвеев, № 10, с. 145]. Это стало последней каплей, и в ночь на 13 марта заговорщики (П. Забела, И. Домонтович, И. Самойлович, К. Мокриевич и Д. Райч, к которым присоединились наказной нежинский полковник Филипп Уманец и бывший стародубский полковник П. Рославец) вместе с московскими стрельцами Г. Е. Неелова арестовали гетмана и, заковав его в цепи, спешно повезли в Москву, опасаясь возмущения среди казаков или сопротивления со стороны родственников гетмана. На следующий день, 14 марта, П. Забела как официальное второе лицо в иерархии Левобережья написал письмо в Москву, в котором сообщил об измене Д. И. Игнатовича («до Турецкого Солтана хотел поддаться и у неволю вечную бусурмянскую завести») и его аресте и просил как можно скорее прислать на Украину царские войска [СГГД, ч. 4, с. 263–265]. Об этом же просил и путивльский воевода князь Владимир Иванович Волконский, который, когда в Путивль доставили арестованного гетмана, всерьез опасался прихода к нему на выручку «воровских казаков» и жаловался на недостаток в городе ратных людей [РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 387–401]. Кроме этого,

царское правительство получало известия о «шатости» батуриных жителей (Г. Неелов на всякий случай заперся со своими стрельцами в городском остроге – «верхнем городе», куда свез всю артиллерию с городских укреплений) и о появлении крымских татар под Валуиками, Царевом-Борисовым и у Днепра [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 815; РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 431–433]. Необходимо отметить, что когда арестованного Д. И. Игнатовича доставили 14 марта в Путивль, то в тот же день в соседний Севск из Москвы прибыл протопоп С. Адамович вместе с царским посланником М. Колупаевым. Оба ехали к гетману с царскими посланиями, содержащими очередные уговоры в сохранении верности царю. Несмотря на возвращение А. Танеева с тревожными вестями об измене Д. И. Игнатовича, в Москве все еще не были готовы его менять. Но события развивались настолько стремительно, что их миссия оказалась уже неактуальна.

В Москве на известия об аресте гетмана отреагировали незамедлительно. Во-первых, царское правительство поддержало заговорщиков и потребовало отправить Д. И. Игнатовича для суда в Москву. Во-вторых, были предприняты меры на случай вооруженного выступления сторонников смещенного гетмана: 6 апреля 1672 г. кн. Г. Г. Ромодановскому был отправлен очередной приказ собирать ратных людей Севского и Белгородского разрядных полков для похода «в малороссийские города» [РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 365; Акты ЮЗР, т. 9, стб. 842–843]. Однако вопреки опасениям заговорщиков смещение гетмана не привело к каким-либо возмущениям и бунтам. В Нежине воевода Иван Иванович Ржевский, получив известия об аресте Д. И. Игнатовича, вместе с местными казаками решил арестовать нежинского полковника Матвея Гвинтовку, однако тот успел бежать, но не на Правобережье к П. Д. Дорошенко, а на восток в Путивль. Там он заявил путивльскому воеводе В. И. Волконскому, что ничего не знал об измене гетмана, но все равно был схвачен и отправлен в Москву. Остальные ставленники Д. И. Игнатовича, узнав об его аресте, также поспешили бежать, в частности его брат Василий, полковник черниговский, укрылся в монастыре в Киеве, но был выдан церковными властями киевскому воеводе кн. Г. А. Козловскому, арестован и отправлен для суда в Москву. Замена людей арестованного гетмана прошла довольно быстро и безболезненно. К концу апреля 1672 г. стародубским полковником вновь значился П. Рославец, переславским – Д. Райч, нежинским – Ф. Уманец, лубенским – Иван Сербин, а черниговским – Василий Бурковский [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 816, 850]. В середине апреля, убедившись, что на Левобережье все спокойно, царское правительство отменило указ о сборе войск, а сам кн. Г. Г. Ромодановский был вызван в Москву.

Закованного в цепи Д. И. Игнатовича привезли в Москву 29 марта 1672 г. Гетмана сопровождал К. Мокриевич, передавший царским властям от имени казацкой старшины обвинительные статьи, содержавшие 38 пунктов. Допросы бывшего гетмана начались 14 апреля.

Игнатович отрицал факт измены, говоря, что никаких писем П. Д. Дорошенко никогда не писал, а все «изменнические речи» говорил «в беспамятстве и пьянстве» [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 751–760, 760–799; Матвеев, № 11, с. 462–467]. Действительно, никаких документальных свидетельств переговоров с турецким ставленником Дорошенко так и не было найдено. На наш взгляд, это объясняется тем, что все общение между Игнатовичем и правобережным гетманом шло на словах или путем так называемых секретных писем (то есть тайных посланий) через доверенных людей. Тем не менее, для российского правительства и казацкой старшины факт измены был налицо.

Царские власти сначала планировали завершить суд над Д. И. Игнатовичем на Украине, но 13 мая 1672 г. П. Забела в своем письме попросил сделать это в Москве, и как можно скорее. В это время началась Польско-турецкая война, и многочисленная турецкая армия двинулась на Правобережную Украину, что грозило новым конфликтом, в который могло втянуться и Левобережье. Медлить было нельзя. 28 мая в Москве был объявлен приговор: Демьян и Василий Игнатовичи за измену приговаривались к смертной казни, а бывший генеральный есаул Павел Грибович и бывший нежинский полковник Матвей Гвинтовка – к ссылке в Сибирь. В последний момент смертная казнь для Игнатовичей была заменена на ссылку в Сибирь [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 885–886; Матвеев, № 11, с. 463].

После ареста Д. И. Игнатовича перед российским правительством и казацкой старшиной встала задача скорейшего выбора нового гетмана. Если само смещение бывшего гетмана на Левобережье, как мы уже отмечали, восприняли достаточно спокойно и никаких открытых выступлений в его поддержку не произошло, то затянувшееся безвластие могло привести к беспорядкам, которыми могли воспользоваться внешние силы. В связи с этим казацкая старшина уже 31 марта 1672 г. просила царское правительство провести выборы не позднее 9 мая. К счастью, главные претенденты на Левобережье П. Д. Дорошенко и крымские татары были заняты начавшейся Польско-турецкой войной, но запорожский кошевой атаман Иван Серко поспешил появиться на Полтавщине, рассчитывая выдвинуть свою кандидатуру на пост гетмана. Здесь он был арестован и закован в цепи полтавским полковником Федором Жученко, который выслал его в Батурин и далее в Москву, откуда его отправили в Сибирь (позднее, уже в декабре 1672 г., Серко был прощен и получил разрешение вернуться на Украину) [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 833; Матвеев, № 11, с. 470].

Должность гетмана на Украине была выборной, и царь формально лишь утверждал выбор казачества. Сами выборы проходили на раде, на которой должны были присутствовать представители всех территориальных полков (десяти), духовенство и мещане (из городов с «магдебургским правом»). Единых правил не существовало, и рада могла быть как всеобщей («черной»), так и с участием выборных представителей от всех полков либо только казацкой

старшины. Учитывая возможное недовольство казачества арестом Д. И. Игнатовича (особенно на Северщине), казацкая старшина и царское правительство сошлись на том, что безопаснее будет провести раду с участием выборных представителей. Для обеспечения «гетманского обирания» 28 апреля был издан очередной царский указ о сборе ратных людей Белгородского и Севского разрядных полков. Вместе с кн. Г. Г. Ромодановским для обеспечения безопасности во время выборной рады должны были выступить 16,8 тыс. чел. (см. табл.). Царское правительство готовилось к любым неожиданностям, в том числе и к возможному казацкому мятежу. В связи с этим войскам было приказано идти в полной боевой готовности со «всеми воинскими припасами», и по этой причине 24 мая был издан царский указ об отсрочке в судебных делах всем ратным людям, назначенным в поход вместе с кн. Г. Г. Ромодановским, – обычно такие указы издавались только в преддверии боевых действий. Необходимо отметить, что о присылке царских войск на раду в явном виде просила и казацкая старшина во главе с П. Забелой, И. Самойловичем и И. Домонтовичем в своем письме от 22 апреля. Прецеденты участия российских войск в казацких радах уже были: например, в ходе Нежинской «черной» рады 1663 г., на которой был избран И. М. Брюховецкий [РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 149, 151; Акты ЮЗР, т. 9, стб. 855; Великанов, Лазарев, с. 126–133; Гордон, с. 131] и уже упоминавшейся нами Глуховской рады в марте 1669 г. [Великанов, Лазарев, с. 211–215].

**Численность армии кн. Г. Г. Ромодановского в Конотопском походе
«для гетманского обирания» на смотр 7 июля 1672 г.**

Категория служилых людей / полк	По наряду	Были на службе до отпуска
Московские дворяне	39	20
Городовые дворяне и дети боярские	3	2
<i>Севский разрядный полк</i>		
Завоевочки, городовые дворяне и дети боярские, полковые казаки сотенной службы	2 237	1 282
Копейно-рейтарско-драгунский полк Григория Косагова	1 821	1 199
Комарицкие драгунские полки Андрея Гамолтона и Корнилиуса Фанбуковина	1 959	1 860
Солдатский полк Якова Ронорта	562	539
Донские казаки	80	80
Всего	6 659	4 960

Окончание табл.

Категория служилых людей / полк	По наряду	Были на службе до отпуска
<i>Белгородский разрядный полк</i>		
Завоеводчики и есаулы	28	28
Городовые дворяне и дети боярские	294	237
Начальные люди полков «нового строя»	181	181
Копейно-рейтарский полк Ивана Саса	1 664	1 242
Рейтарские полки Михайло Гопта, Андрея Цея и Микиты Дромонта	2 871	2 260
Солдатские полки Елизария Кро и Самойло Вестова	2 076	1 674
Белгородский жилой московский стрелецкий приказ головы Ивана Волкова	612	612
Сумской (полковник Герасим Кондратьев) и Ахтырский (полковник Григорий Захарьев) слободские черкасские полки	2 193	2 193
Всего	10 160	8 663
<i>Итого</i>	<i>16 819</i>	<i>13 623</i>

Источник: РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 593–624.

В качестве кандидатуры нового гетмана в Москве остановили свой выбор на генеральном судье Иване Самойловиче Самойловиче. На тот момент среди казацкой старшины имелся целый ряд кандидатов на вакантный пост (кроме уже упоминавшихся П. Забелы, И. Самойловича, К. Мокриевича, К. Солонины и Д. Райча, был также запорожский кошевой атаман И. Серко). Однако ни один из них не имел всеобщей поддержки среди казаков и старшины, а ключевым фактором в выборе гетмана была позиция царского правительства. Причины, по которым в этой ситуации Москва решила сделать ставку именно на И. С. Самойловича, до конца не ясны. Так, современный российский историк А. С. Алмазов полагает, что данный выбор был продиктован тем, царское правительство считало его опытным лояльным администратором. Однако сам же исследователь сообщает, что будущему гетману в 1672 г. было всего около 30 лет. Согласно приведенным А. С. Алмазовым сведениям, Самойлович родился в январе 1642 г. в семье священника в волынском местечке Ходоровке. Затем он окончил православный Киево-Могилянский коллегиум и около 1660 г. начал карьеру сотенным писарем в Черниговском полку. Вскоре он стал сотником в Веприке (Лубенский полк), а в 1665 г. в награду за успешные боевые действия против литовцев под Гомелем и Кричевым был назначен полковником конного вербованного («охочекомон-

ного») полка [Алмазов, 2012, с. 30, 48, 50]. В 1668 г. И. С. Самойлович в должности наказного полковника Черниговского полка поддержал мятеж И. М. Брюховецкого и больше полугода держал в осаде в Чернигове царский гарнизон с воеводой А. Толстым, но затем вместе со всей левобережной старшиной присягнул царю и был прощен. Как нам кажется, выбор российским правительством его кандидатуры был как раз продиктован его молодостью и отсутствием широкой поддержки среди старшины и казачества. Москва опасалась появления сильного и амбициозного гетмана, который начал бы вести самостоятельную политику (как И. М. Брюховецкий, П. Д. Дорошенко или Д. И. Игнатович), а молодой и слабый кандидат был бы полностью зависим от царского правительства. Его кандидатура по этим же причинам также устраивала и левобережную старшину, которая не видела угрозы своей власти и имуществу со стороны молодого гетмана.

Помимо этого, царскому правительству было необходимо определиться с местом проведения выборной рады и кандидатурами своих представителей, которые обеспечат необходимый результат. Было решено, что российскую сторону будут представлять кн. Г. Г. Ромодановский и нежинский воевода, думный дворянин и наместник медынский Иван Иванович Ржевский. Оба они были признанными экспертами в малороссийских делах, имевшими большой опыт военных походов на Украину и различных дипломатических поручений. Ржевский, как и кн. Г. Г. Ромодановский, уже много лет служил на южных рубежах: в 1661–1662 гг. он был киевским воеводой, а с 1665 г. – нежинским. К ним из Москвы 25 мая 1672 г. направили стольника Тимофея Ивановича Ржевского и дьяка Афанасия Ташлыкова с инструкциями и жалованными грамотами. По решению царского правительства выборная рада должна была пройти в окрестностях Конотопа, поближе к российской границе, но определение точного места было возложено на кн. Г. Г. Ромодановского. Сами выборы должны были проходить открыто, но в присутствии и под контролем царских представителей («чтоб они гетмана выбирали при них, боярине с товарищи, по своим правам и волностям, волными голосами»). Посланники из столицы прибыли в Путивль, где к этому моменту собирались войска кн. Г. Г. Ромодановского, 9 июня, и в тот же день воевода в соответствии с царскими указаниями начал переправу через пограничную реку Семь и движение к месту будущей рады [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 877, 916–918].

Кроме войск кн. Г. Г. Ромодановского, отправленных на раду, вдоль границ Малороссии были развернуты дополнительные крупные воинские контингенты. В Севске «до вестей» для прикрытия приграничных уездов Севского разряда были оставлены два полка комарицких драгун полковников Юрия Инглиса и Петра (Патрика) Гордона общей численностью 2038 чел. В Белгороде с товарищем кн. Г. Г. Ромодановского окольничим Петром Дмитриевичем Скуратовым для защиты Белгородского разряда находились пять полков рейтар (полковников Петра Стромичевского, Франца Ульфа, Ивана Гаста, Петра Скоржин-

ского и Григория Полтева – всего 4386 чел.), драгунская шквадрона Любима Вяземского (474 чел.) и три солдатских полка (Артемия Росформа, Выгана Крыгера и Франца Ульфа) – всего 7100 чел. Кроме этого, вдоль границы Гетманщины разместились Острогожский полковника Герасима Кар(а)бута (1491 чел.), Ахтырский Демьяна Зиновьева (2492 чел.) и Бакалейский Якова Черниговца (862 чел.), слободские черкасские полки [РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 622–624]. Таким образом, всего для прикрытия великороссийских рубежей на случай нападения мятежных казаков или крымских татар было собрано 14 тыс. чел., а вместе с войсками кн. Г. Г. Ромодановского – 30,8 тыс. чел. Это наглядно показывает степень оценки российским правительством опасности повторения казацкого мятежа.

Казацкая старшина во главе с П. Забелой выступила из Батурина к месту проведения рады 11 июня 1672 г. Вместе с ними должен был пойти стрелецкий голова Г. Е. Неелов со своим стрелецким приказом, но П. Забела в письме 10 июня попросил кн. Г. Г. Ромодановского отменить данное решение, так как после ухода стрелецкого гарнизона в Батурине останутся бесхозными многочисленные воинские припасы («в замку наряд, порох и ядра и иной снаряд войсковой и запасы есть»), которые он опасался оставлять без надежной охраны (своим казакам старшина не доверяла) [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 921–922].

Тем временем кн. Г. Г. Ромодановский определил местом для проведения выборной рады местечко Казачья Дуброва, находившееся между Конотопом (в 12 верстах) и Путивлем (в 15 верстах), куда он прибыл со своими войсками 12 июня [Там же, стб. 928]. Казаки и царский воевода встретились на месте проведения будущей рады 15 июня, при этом они встали лагерем на разных берегах реки Красени. С П. Забелой было около 3 тыс. «старшины и товариства»: генеральная и полковая старшина и выборные казаки от всех десяти территориальных полков. Царские войска насчитывали около 14 тыс. чел. (часть ратных людей по различным причинам не явились на службу, см. табл.).

Конотопская рада открылась 16 июня 1672 г. В первый день обсуждались общие условия малороссийской автономии, так называемые «статьи», которые российское правительство подписывало с каждым новым гетманом и которые содержали основные условия их взаимодействия. Князь Г. Г. Ромодановский огласил царскую грамоту, в которой царь подтверждал условия прежних Глуховских статей 1669 г. и соглашался с дополнительными пунктами, которые ранее были присланы в Москву казацкой старшиной [Акты ЮЗР, т. 9, стб. 871–877]. Собственно, сами выборы были назначены на следующий день, 17 июня. К тому времени в Казачью Дуброву прибыл архиепископ черниговский и новгород-северский Лазарь Баранович. В его присутствии состоялись выборы гетмана, на которых единственным кандидатом был назван И. С. Самойлович. Все исследователи сходятся в том, что ключевую роль в выборе кандидатуры нового гетмана сыграла Москва: информация о сделанном царским правительством

выборе была, видимо, заранее негласно доведена до казацкой старшины, и выборы нового гетмана прошли безальтернативно. Определенную роль в этом, очевидно, сыграли и находившиеся неподалеку царские войска.

После оглашения имени нового гетмана состоялись торжественное подписание Конотопских статей и принесение присяги на верность царю Алексею Михайловичу. Текст новых статей в целом повторял аналогичные Глуховские статьи от 6 марта 1669 г.: Левобережье сохраняло права широкой автономии под руководством гетмана и казацкой старшины с собственными самоуправлением, судопроизводством и бюджетом, а царские воеводы и гарнизоны размещались лишь в пяти вышеназванных городах. Дополнительно в статьях 1672 г. казацкая старшина оговорила обязательство царя не отдавать полякам Киев и его роль в качестве гаранта во взаимоотношениях между новым гетманом и казацкой старшиной («чтоб они от ныняшняго новообранного гетмана никакой неволи и жесточи, как от изменника Демка было, не терпели, и чтоб он над ними, войсковою старшиною, никакой справедливости без совета всей старшины и безвинно не чинил»). Конотопские статьи от всех десяти левобережных полков подписали их полковники, полковые обозные, судьи, писари, есаулы, хорунжие и практически все сотники, то есть фактически вся казацкая старшина Левобережья [СГГД, ч. 4, с. 266–276]. Для сравнения: на Глуховской раде в марте 1669 г., на которой гетманом были избран Д. И. Игнатович, приняли участие представители лишь шесть полков из десяти, и для убеждения оставшихся четырех полков принести присягу новому гетману потребовалось участие царских войск.

Убедившись, что выборы нового гетмана прошли успешно и его власти ничего не угрожает, российское правительство разрешило кн. Г. Г. Ромодановскому отпустить со службы большую часть мобилизованных ратных людей, оставив на всякий случай в Путивле только Севский разрядный полк и 2 тыс. белгородцев. Но уже 26 июня воеводе был отправлен указ о проведении смотра и роспуске всех войск. Проведя 7 июля смотр бывшим в наличии ратным людям (см. табл.) [РГАДА. Ф. 210. Д. 250. Л. 593–624], кн. Г. Г. Ромодановский отпустил своих ратных людей по домам – задача избрания нового гетмана была успешно решена.

Таким образом, к марту 1672 г. левобережный гетман Д. И. Игнатович фактически уже был готов объявить об измене Российскому государству и так же, как и П. Д. Дорошенко, перейти в подданство турецкого султана. Однако данная политика не имела какой-либо значимой поддержки среди казачества и старшины, и в ночь с 12 на 13 марта 1672 г. Д. И. Игнатович был арестован заговорщиками из числа его администрации и ближнего круга. Смещение гетмана не было инициировано либо согласовано с Москвой, которая до последнего момента надеялась договориться с гетманом и не доводить до открытого противостояния. После ареста Д. И. Игнатовича существовала опасность казацких вы-

ступлений в его поддержку, однако смена гетмана произошла бескровно и без каких-либо серьезных волнений, что подтверждает отсутствие поддержки его лично и проводимой им политики. В Москве бывший гетман сначала был осужден за измену на казнь, но затем во избежание негативной реакции на Украине приговор был заменен на высылку в Сибирь. В выборе нового гетмана российское правительство остановило свое внимание на молодом генеральном судье И. С. Самойловиче, который не имел какой-либо серьезной поддержки среди старшины и казачества и был бы зависим от царских властей. Для демонстрации силовой поддержки царского кандидата к месту проведения выборной рады была отправлена 16-тысячная армия кн. Г. Г. Ромодановского. Данное решение показывает, насколько сложной была ситуация и насколько неустойчивым было российское военно-административное присутствие на Левобережье. Демонстративная поддержка со стороны Москвы и отсутствие реальных альтернатив позволили И. С. Самойловичу в 30 лет быть избранным гетманом Левобережной Украины. Ожидания российского правительства, связанные с его кандидатурой, в целом оправдались: новый гетман на полтора десятка лет стал верным союзником и проводником царской политики в регионе, участвуя вместе с царскими войсками под командованием того же кн. Г. Г. Ромодановского в многочисленных боях и походах и сохраняя лояльность Москве даже в сложных ситуациях.

Список литературы

- Акты ЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : [в 15 т.] / [под ред. Н. И. Костомарова]. СПб. : Тип. М. Этингера, 1877. Т. 9. 1668–1672. [6] с., 26, 988 стб., 24 с.
- Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М. : [Б. и.], 2012. 287 с.
- Алмазов А. С.* Роль стрілецьких голів у Батурині у взаємовідносинах гетьманів Лівобережної України з Москвою в 1670–1680-і рр. // Сіверянський літопис. 2014. № 4. С. 17–22.
- Великанов В. С., Лазарев Я. А.* Царские воеводы и гарнизоны на Украине 1654–1669 гг. М. : Фонд «Рус. витязи», 2020. 248 с.
- Гордон П.* Дневник, 1659–1667. М. : Наука, 2003. 330 с.
- Иловайский Д. И.* История России : в 5 т. М. : Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1905. Т. 5. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. 663 с.
- Лазарев Я.* Факторы, механизмы и ресурсы устойчивого контроля Российским государством территории «Малой России» (XVII в., вторая половина) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.
- Матвеев П.* Батуринский переворот 13 марта 1672 г. : (Дело гетмана Демьяна Многогрешного) // *Рус. старина*. 1903. № 9. С. 667–690. № 10. С. 131–146. № 11. С. 459–470.
- Пичета В. И.* Внешняя политика России при царе Алексее Михайловиче // Три века : Россия от Смуты до нашего времени : в 6 т. / под ред. В. В. Каллаша. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 2. XVII век. Вторая половина. С. 94–126.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 1.
- Розенфельд И. Б.* Присоединение Малороссии к России. Пг. : Петрогр. политех. ин-т имп. Петра Великого, 1915. 191 с.
- РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ (Столбцы Севского стола). Д. 250.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 4 ч.]. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813–1894. Ч. 4. [4], IV, [16], 656, [2], 162, [5] с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 6 кн. СПб. : Т-во «Обществ. польза», 1896. Кн. 3. Т. 11–15. XII, 1580 стб.

Тайрова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины : Истории о славе, трагедиях и мужестве. М. : Центрполиграф, 2011. 470 с.

Тарасов С. В. Батуринский переворот 1672 г. в русской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія, політологія. 2014. Вип. 9. С. 66–72.

References

Akty YuZR – Kostomarov, N. I. (Ed.). (1877). *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei v 15 t.* [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission. 15 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. Ettingera. Vol. 9. 1668–1672. [6] p., 26, 988 columns, 24 p.

Almazov, A. S. (2012). *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste russko-ukrainskikh otnošenii (1672–1687 gg.)* [A Political Portrait of Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich in the Context of Russian-Ukrainian Relations (1672–1687)]. Moscow, S. n. 287 p.

Almazov, A. S. (2014). Rol' strilets'kikh goliv u Baturini u vzaemovidnosinakh get'maniv Livoberezhnoi Ukraïni z Moskvoyu v 1670–1680-i rr. [The Role of the Streltsy Goals in Baturin in the Relations between the Hetmans of Left-Bank Ukraine from Moscow in the 1670s–1680s]. In *Siveryans'kii litopis*. No. 4, pp. 17–22.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667* [Diary, 1659–1667]. Moscow, Nauka. 330 p.

Ilovaiskii, D. I. (1905). *Istoriya Rossii v 5 t.* [History of Russia. 5 Vols.]. Moscow, Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 5. Aleksei Mihailovich i ego blizhaishie priemniki. 663 p.

Lazarev, Ya. (2018). Faktory, mekhanizmy i resursy ustoichivogo kontrolya Rossiiskim gosudarstvom territorii “Maloi Rossii” (XVII v., vtoraya polovina) [Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 2, pp. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

Matveev, P. (1903). Baturinskii perevorot 13 marta 1672 g. (Delo getmana Dem'yana Mnogogreshnogo) [The Baturin Coup on 13 March 1672 (the Case of Hetman Demian Mnogohrshny)]. In *Russkaya starina*. No. 9, pp. 667–690. No. 10, pp. 131–146. No. 11, pp. 459–470.

Picheta, V. I. (1912). Vneshnyaya politika Rossii pri tsare Aleksee Mihailoviche [Russian Foreign Policy under Tsar Alexei Mikhailovich]. In Kallash, V. V. (Ed.). *Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni v 6 t.* Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina. Vol. 2. XVII vek. Vtoraya polovina, pp. 94–126.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 1.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. Razryadnyi prikaz (Stolbtsy Sevskogo stola). Dos. 250.

Rosenfeld, I. B. (1915). *Prisoedinenie Malorossii k Rossii* [The Annexation of Little Russia to Russia]. Petrograd, Petrogradskii politekhnicheskii institut imperatora Petra Velikogo. 191 p.

SGGD – *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhysya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del v 4 ch.* [Collection of State Letters and Treaties Kept in the State Collegium of Foreign Affairs. 4 Parts]. (1813–1894). Moscow, Tipografiya N. S. Vsevolozhskago. Part 4. [4], IV, [16], 656, [2], 162, [5] p.

Solovyov, S. M. (1896). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 6 kn.* [History of Russia since Ancient Times. 6 Books]. St Petersburg, Tovarishchestvo “Obshchestvennaya pol'za”. Book 3. Vol 11–15. XII, 800 columns.

Tairova-Yakovleva, T. G. (2011). *Getmany Ukrainy. Istorii o slave, tragediyakh i muzhestve* [Hetmans of Ukraine. Stories of Glory, Tragedies, and Courage]. Moscow, Tsentrpoligraf. 470 p.

Tarasov, S. V. (2014). Baturinskii perevorot 1672 g. v russkoi istoriografii vtoroi polovini XIX – nachala XX v. [The Baturin Coup of 1672 in Russian Historiography of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries]. In *Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Istoriya, politologiya*. Iss. 9, pp. 66–72.

Velikanov, V. S., Lasarev, Ya. A. (2020). *Tsarskie voedody i garnizony na Ukraine 1654–1669 gg.* [Tsarist Voivodes and Garrisons in Ukraine in 1654–1669]. Moscow, Fond “Russkie vitiazi”. 248 p.

The article was submitted on 26.05.2020

ЕКАТЕРИНБУРГ ГЕНЕРАЛА ГЕННИНА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА»*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

GENERAL HENNING'S YEKATERINBURG: AN ATTEMPT AT READING THE "URBAN TEXT"***

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The author of this article attempts a semiotic interpretation of the features of the architectural and planning system of early Yekaterinburg (1723–1734). The method is based on an improvisation on Michel de Certeau's ideas about the city as a complex text, which results from the simultaneous and inconsistent creativity of its founders and administrators on the one hand and ordinary people on the other. Another source for the author's improvisation is the ideas of some representatives of the French school of genetic criticism, more particularly, the concepts of avant-text and text. From these positions, the author considers the activity of V. I. Henning (Rus. transcription: Gennin), the founder and first head of Yekaterinburg and a general in Russian service. The main milestones of his career, the accumulation of experience as an engineer and administrator, and the formation of a worldview before his Ural period are evaluated as work on the avant-text, while Yekaterinburg becomes the actual text. The author proves that Yekaterinburg was created by Henning not just as a large mining and metallurgical enterprise. General Henning's Yekaterinburg appears as a manifesto city, a material text that embodies the aesthetics of the Baroque and the postulates of cameralism in its layout and execution. The city became a symbol of Petrine empire building on the border with Russia's Asian possessions.

Keywords: Georg Wilhelm (Vilim Ivanovich) Henning, Peter I, Yekaterinburg, St Petersburg, Baroque, cameralism, architectural and spatial organisation

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20–18–00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

** *Citation:* Redin, D. (2021). General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text". In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

Цитирование: Redin D. General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text" // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626 / Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

Представлен опыт семиотической интерпретации особенностей архитектурно-планировочной системы раннего Екатеринбурга (1723–1734). В основе метода – импровизации на тему идей Мишеля де Серто о городе как сложном тексте, который является результатом одновременного и несовпадающего творчества его создателей и администраторов, с одной стороны, и простых обывателей, с другой. Еще одним источником авторской импровизации служат представления некоторых представителей французской школы генетической критики, в частности, понятия авантекста и текста. С этих позиций рассматривается деятельность строителя и первого руководителя Екатеринбурга, генерала русской службы В. И. Геннина. Основные вехи его карьеры, накопление опыта инженера и администратора, формирование мировоззрения до уральского периода жизни оцениваются как работа над авантекстом, а собственно текстом (метафорическим и буквальным – невербальным текстом) становится основанный им Екатеринбург. Автор доказывает, что Екатеринбург создавался Генниным не просто как крупный универсальный горно-металлургический комбинат. Екатеринбург генерала Геннина предстает городом-манифестом, материальным текстом, воплотившим в своей планировке и технике исполнения эстетику барокко, постулаты камерализма. Город стал символом имперского созидания эпохи Петра Великого на границе азиатских владений России.

Ключевые слова: Георг Вильгельм (Вилим Иванович) Геннин, Петр I, Екатеринбург, Санкт-Петербург, барокко, камерализм, архитектурно-пространственная организация

Несколько слов о методе

Город – сложный феномен. Попытка понять его как целое приводит к отчаянию. Привычное для историка словосочетание «историография города» превращается в неразрешимую задачу при первом усилии эту самую «историографию» написать. Город как физический объект? Как архитектурно-планировочное пространство? Город как центр экономической силы, средоточие производства и обмена? Город как гетерогенная социальная общность? Как политическая и административная доминанта? Как система внутренних и внешних коммуникаций (во всем богатстве этого понятия)? Да, это все город в его социокультурном многообразии и целостности, объект исследовательского интереса архитекторов, историков, социологов, антропологов, культурологов, изменчивый во времени и пространстве, имеющий массу национальных и локальных особенностей. Возможные пути к достижению междисциплинарной интеграции, выработке удовлетворительных аналитических инструментов, а в конечном итоге – целостного понимания города, в том числе в исторической ретроспективе, дают новейшие подходы, определяющие предметные поля антропологии города.

Одним из продуктивных (хотя, конечно, не единственных) представляется подход Мишеля де Серто, сформулированный им в одном из самых известных трудов – «Изобретение повседневности». Предлагая рассматривать город как текст, ученый тем самым указал, по сути, семиотическое решение проблемы. С одной стороны, это дает в руки исследователя-гуманитария разнообразный отточенный семиотический инструментарий, отнюдь не сводящийся собственно к концепции де Серто, а, с другой, семиотическое понимание города придает ему искомую объектную целостность.

Город-текст – лишь на первый взгляд метафора. Если понимать под текстом любую связную и полную последовательность символов, несущую смысловую нагрузку, обладающую замыслом, структурой, завершенностью, то город оказывается невербальным текстом в буквальном смысле слова. Городская планировка, ландшафт, застройка, городские обитатели в системе разнообразных иерархий и коммуникаций действительно становятся текстом, который при всех сложностях может быть прочтен, а значит, в потенциале понят. Отношение к городу как к тексту, принятое на вооружение историка, позволяет связать в системное единство материальную и нематериальную составляющие городской жизни, преодолев, между прочим, недооцененность архитектуры как исторического источника¹.

Впрочем, любая теория имеет смысл, если она рано или поздно оказывается пригодной к практическому применению. Возвращаясь к Мишелю де Серто, замечу, что его идеи в первую очередь всплыли в моей памяти, когда я стал работать с источниками, оставшимися от первых лет существования Екатеринбурга. Этот по счастью хорошо документированный период в истории города – от его постройки до первого десятилетнего юбилея – как будто был создан для прочтения по системе де Серто. Возникший в соответствии с четким планом своего строителя генерала В. И. Геннина, этот город-текст был написан разборчивым крупным почерком линейной планировки и утилитарной предзаданности инфраструктуры. Персонажи этого текста действовали в рамках типовых амплу уставов и регламентов подобно маскам комедии дель арте, а главы этого текста отбивались барабанным боем в такт производственного ритма фабрик Екатеринбургского завода. Но и комедия дель арте при всем своем сюжетном схематизме – импровизация, а люди всегда остаются людьми, склонными так или иначе ускользать из-под жесткой регламентации. Стратегии власти противостоят тактика личности, и «в ясный текст спланированного и читаемого города проникает таким образом город кочующий и метафорический» [де Серто, с. 188].

---

¹ В качестве редкого отечественного образца гармоничного использования архитектурных и письменных источников в реконструкции и интерпретации истории русского провинциального города см. монографию о Переславле-Залесском XVII в. [Кузнецов, Новохатко, Шахов].

Авантекст

Кто внес большой вклад в основание Екатеринбурга, Василий Татищев или Вилим Геннин, – вопрос бесконечный, но строил его Геннин, а значит, автором первоначального текста был именно он. Обстоятельства жизни автора, без сомнения, важны для понимания его творчества, а «наряду с текстом, а также прежде, чем он возникает, существует совокупность “черновых материалов”, собранных, созданных, а иногда сохраняемых автором» [де Биаззи, с. 58], – то что в рамках генетической критики принято называть авантекстом. Чтобы «прочитать» Екатеринбург Вилима Геннина, необходимо вкратце остановиться на этих вещах.

Реконструировать авантекст «екатеринбургского текста» непросто, прежде всего потому, что биография его творца, особенно в «дорусский» период, еще очень далека от исчерпывающей полноты. Что послужило отправной точкой на пути превращения зигенского литейщика в создателя образцового города на рубежах Азиатской России, сказать трудно. В своем прошении о вступлении в российскую службу в 1698 г. будущий строитель Екатеринбурга среди разных своих достоинств в первую очередь указал, что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение» [цит. по: Серов, с. 804]. Где и каким образом Георг Вильгельм мог «уразуметь» гражданскую архитектуру, на сегодняшний момент установить не удалось: систематического образования он не получил по бедности семьи. Не исключено, что могло иметь место практическое обучение у каких-то мастеров, как предположил Д. О. Серов [Там же, с. 805], но о юном Геннине-архитекторе сведений не выявлено. Впрочем, в данном случае не столь важно наличие или отсутствие у нашего героя исходных профессиональных познаний в сфере архитектуры; важнее понять, как формировались взгляды Геннина на понимание города как явления. Это, на мой взгляд, имеет принципиальное значение в контексте проблематики статьи: Екатеринбург, который он построил, обладал такой завершенной композиционной цельностью, которая предполагала наличие у его создателя определенного концептуального видения того, что должно было получиться в итоге.

Известно, что архитектура есть не просто набор технических знаний и навыков. Она выражает определенные мировоззренческие тренды своего времени, не сводимые только лишь к диктату моды или смене эстетических предпочтений, а функциональность архитектурных объектов редко предстает в чистом виде, неся одновременно глубокую общефилософскую нагрузку. Эпоха барокко, современником которой был Геннин, отличалась, как известно, большими концептуальными новациями в самом подходе к пространственно-архитектурному решению городской застройки. Планировочная структура города, впервые опробованная в Риме, сформировала принципы «архитектурной организации... как репрезентативного целого; единство города строилось на его выразительном раскрытии... по приведенным в стройную систему его главным планировочным осям», трактуя «пространство в ансамбле как сердцеви-

ну большого градостроительного организма, все части которого связаны единством тектонического закона целого» [Всеобщая история архитектуры, т. 7, с. 18, 29]. Разумное планирование архитектурного пространства подразумевало рациональное проектирование функциональных зон городской застройки. К последней трети XVII в. эти принципы широко распространились во всей Европе. Хотя Рим и Париж оставались законодателями градостроительных новаций, они, по-своему модифицированные, нашли благодатную почву и на севере субконтинента. Например, в зонированном плане новой части Амстердама Д. Стальпарта (1667) строгая геометрическая ясность кварталов была неразрывно связана с социальной зонированностью: в них отводились специальные места для общественной и жилой застройки городского патрициата, представителей средних слоев, ремесленников [Там же, с. 442].

Насколько все это могло наложить отпечаток на Георга Вильгельма Геннина? Его детство и юность прошли в стороне от больших городов, бывших на острие градостроительных новаций, но его близкий семейный круг являл собой плотную интеллектуальную среду, в которой, вероятно, формировались базовые эстетические и мировоззренческие основы будущего генерала русской службы. Его дед Конрад, человек с университетским образованием, «был священником в Дилленбурге, затем в Зигене, а впоследствии придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в Ганау» [Серов, с. 804]. Дядя нашего героя Генрих, доктор медицины, выпускник Утрехтского университета, после ряда служебных перемещений последние 14 лет жизни занимал пост ординарного профессора университета Дуйсбурга. Его брат, отец Георга Вильгельма Иоганн Геннин, видимо, не сумел пройти полный курс обучения (обучался философии в академии Ганау) по причине стесненных материальных условий, но получил хорошую административную и артиллерийскую практику [Там же]. Конечно, само по себе наличие образованных родственников не является гарантией учености индивида – важно общение. Оно у Георга Вильгельма, очевидно, было. Есть веские основания предполагать, что детские годы он провел в доме деда в Ганау (Ханау, Hanau), в городе, который им «воспринимался... субъективно в качестве родного» [Там же]. Возможно, что и с дядей-профессором Геннина-младшего связывало многое. И. И. Голиков, автор знаменитых «Деяний Петра Великого», сообщая об обстоятельствах найма Г. В. Геннина в русскую службу, заметил, что он, «яко сирота, был рекомендован опекуном его профессором Гинингом чрез амстердамского бургомистра г. Витсена» [Голиков, т. 8, с. 92]. В этом сообщении, содержащем фактические неточности вроде указания на «сиротство» Геннина², интересна роль в его судьбе «опекуна профессора Гининга»,

² Отец Г. В. Геннина прожил до 1725 г., на что в свое время указал первый биограф генерала В. Н. Берх; в конце 1710-х гг. Иоганн Геннин состоял на русской службе в звании майора артиллерии, что имеет документальное подтверждение [Берх, кн. 1, с. 52, кн. 2, с. 118, 122].

которым не мог быть никто иной, как его дядя Генрих. Не исключено, что вследствие упоминавшейся бедности родителей Георга Вильгельма³ его дядя мог принимать деятельное участие в поддержке племянника, заботиться о его карьере и так или иначе общаться с ним.

Возможное влияние деда и дяди на раннее формирование взглядов будущего строителя Екатеринбурга могло носить мировоззренческую, в том числе и эстетическую направленность. В раннее Новое время университетское образование было гораздо универсальнее нынешнего, поэтому медик вполне мог быть одновременно физиком и философом, богослов – историком и естествоиспытателем, а изучение «семи свободных искусств» составляло основу учебного курса высшей школы. Не стоит забывать и о том, что отец нашего героя был артиллерийским офицером и мог передать сыну первоначальные познания в арифметике, геометрии, фортификации и чертежном деле. Все это вкуче проявило себя в дальнейшем, когда Георг Вильгельм оказался на русской службе.

После непродолжительного пребывания в Оружейной палате (1698–1701), в документах которой он, между прочим, назван «архитектурного дела иноземцем» [Описание, вып. 2, с. 466], Геннин попал на военную службу в качестве артиллерииста сначала в ведомство Приказа артиллерии, а с 1710 г. – в действующую армию. Это дало ему первые опыты практической реализации своих познаний в качестве архитектора-фортификатора. В литературе отмечается его участие в строительстве укреплений Новгорода и Гангута [Берх, кн. 1, с. 54–55; Новиков, с. 83], съемке плана Кексгольма во время осады его русскими войсками [Берх, кн. 1, с. 54, 69]⁴. В 1712 г. подполковник Вилим Иванович Геннин попробовал себя в промышленной архитектуре: по поручению Петра I он получил задание достроить в Санкт-Петербурге Литейный двор и пороховые заводы [Там же, с. 57], на практике ознакомившись с возведением крупных мазанковых сооружений фахверного типа. Принципиальным представляется то, что это строительство велось в контексте возведения образцового «регулярного» города – новой столицы России – вобравшего в себя передовые идеи архитектурной организации пространства городов Европы того времени. Надо полагать, что такого рода практика давала В. И. Геннину не только возможность совершенствования собственных технико-технологических навыков проектирования и строительства, но и не могла не наложить отпечаток на общее развитие концептуальных взглядов в области градостроения.

³ Известно, что Г. В. Геннин в юности вынужден был работать формовщиком в родном Зигене, куда, вероятно, по достижении им соответствующего возраста его семья переселилась из дома деда в Ганау [Серов, с. 805]. Да и сам Геннин, именовавшийся уже на русский манер Вилимом Ивановичем, писал в одном из писем гр. П. М. Апраксину 17 апреля 1716 г., что покинул отеческий дом в поисках счастья, от бедности: «И поехал я от него (отца. – Д. Р.) скуден, а ныне по милости царского величества и Вашего сиятельства я научен и выведен человеком знатным» [Берх, кн. 1, с. 125].

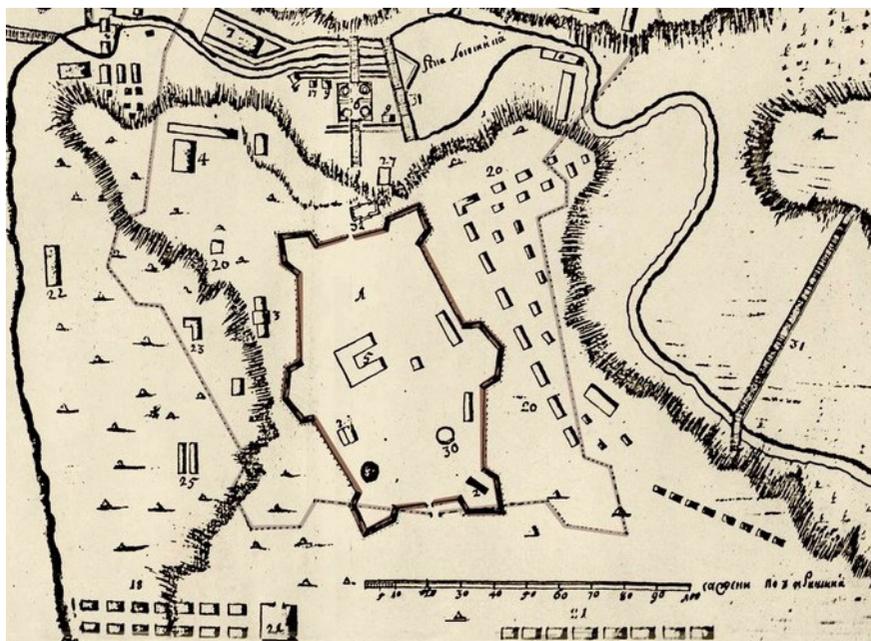
⁴ М. В. Пулькин ошибочно указывает на то, что «Геннин лично подготовил план новых кварталов города Кексгольма» в 1710 г. [Пулькин].

Следующим важным этапом не только карьеры, но и личностной эволюции Геннина, а в перспективе екатеринбургской темы – ключевым звеном «екатеринбургского авантекста», стала многолетняя служба в качестве коменданта Олонецкого уезда и начальника Олонецких Петровских заводов (1713–1722). Помимо главной цели – организации и расширения оружейного производства, В. И. Геннину довелось показать себя и управленцем, сосредоточившим в своих руках власть над обширным краем, и строителем многопрофильного архитектурного комплекса.

Петровский (бывший Шуйский) завод, ставший административным центром Олонецкого ведомства, был старейшим из заводов Олонецкой группы, начатый строением еще в 1703 г. Находясь долгое время в, по сути, прифронтовой зоне, он являл из себя новый тип горнозаводского поселения, сочетавшего в себе производственную, фортификационную, административную и жилую застройку, заводскую пристань, и отличался сложной социальной структурой. Для обеспечения основной деятельности на завод были стянуты не только крестьяне окрестных погостов, но и мастерские и работные люди из разных уголков России – от Воронежа, Курска и Тулы до Костромы и Каргополя [Пулькин]. Проживал на заводе и контингент иностранных мастеров, заметно пополнившийся в результате вербовки, осуществленной Генниным. Новому начальнику предстояло реконструировать имевшуюся инфраструктуру, одновременно заботясь и о бесперебойном изготовлении и отгрузке заводской продукции, и об организации жизни различных работников и солдат, условия труда и службы которых были ужасающими. С именем В. И. Геннина связано строительство новой «фортеции» Петровского завода (1712/1713 г.), ставшей композиционным центром поселения. Это была шестибастийная древоземляная крепость размером 100 на 80 сажений (213 на 170,4 м), рассчитанная, судя по единственному сохранившемуся чертежу М. Витвера (Wittwer), на то, чтобы нести довольно мощную артиллерию. Исследователь петровских укреплений М. Ю. Данков отмечает поразительное сходство заводской крепости с петербургским аналогом (разумеется, с учетом разницы в масштабе) [Данков, 2006; Данков, 2013].

Примечательна четкая зонированность заводского поселения. На плане Витвера указаны выстроенная «в линию» «слобода подле редута», мазанковые постройки «слободы мастерских изб», слободы «тульских и иных городов кузнецов», солдатская слобода [Данков, 2013, с. 9]. При этом названные жилые кварталы оказывались вне крепостных стен, как и собственно заводские сооружения («фабрики»), и ряд хозяйственных и складских построек. Внутри цитадели располагался лишь административный центр, включавший комендантский дом, дополнительно защищенный палисадом, каменный заводской архив, тюрьму, заводскую лабораторию, караульни, «оружейный ан-

бар», казенные амбары, провиантские и казенные лавки, а также «новоманерную» Петропавловскую церковь и часовую башню [Данков, 2013, с. 15]. Оценивая Олонецкий Петровский завод с архитектурной точки зрения и отмечая ряд новаций, использованных при его планировке и строительстве, можно сказать, что при этом он не являл собой пример единого объемно-планировочного решения, представляя совокупность пространственно обособленных, хотя функционально связанных комплексов. Это может быть объяснено прежде всего не просчетами планирования, а разновременностью создания заводского поселения, первоначально (в 1703–1710 гг.) имевшего общую линию наскоро сооруженных укреплений в виде рва и земляного вала⁵, утративших к моменту приезда Геннина свое значение. Разросшаяся площадь застройки (и производственной, и жилой) и ослабление военной угрозы к 1712 г., видимо, привели подполковника Геннина к решению отказаться от идеи строительства новой большой крепости, закрывавшей все объекты, и ограничиться строительством более мощной цитадели, защищавшей лишь административный комплекс завода (рис. 1).

1. План Олонецкого Петровского завода. Фрагмент. Крепость.
Чертеж М. Витвера. Не позднее 1722

Plan of the Olonets Petrine plant. Fragment. Fortress. Drawing by M. Witver.
From before 1722

⁵ Об этом свидетельствуют археологические раскопки и уже упоминавшийся чертеж М. Витвера, на котором старые укрепления отмечены пунктирной линией [Данков, 2006, с. 67–68; Данков, 2013, с. 9–10, 17].

Но Олонецкий Петровский завод, воздвигнутый под руководством нашего героя, интересен не только особенностями своего архитектурно-планировочного решения. Опыт управления крупным промышленным объектом и поселением при нем, несомненно, оказал серьезное влияние на развитие взглядов В. И. Геннина на проблемы системной организации объемно-пространственной и социальной среды. Развитие и усиление роли машинного (мануфактурного) производства имело для своего времени не только экономическое значение. Оно несло дискурсивный смысл, оказывало влияние на эволюцию представлений о сути общественных отношений, на формирование новых идей об организации механизмов власти и управления. «Искусство распределения индивидов в пространстве... контроль над деятельностью (распределение времени, функционализация и машинизация телесности индивида), организация генезисов (переподготовки, предшествующего развития), сложение сил (на основе разделения труда, узкой специализации и стандартизации базовых навыков и операций), нормализующие наказания... тотализация проверок и инспекций» [Литошенко, с. 291], – все то, что в эпоху раннего Нового времени стало выражаться в постулатах камерализма с их представлениями об обществе всеобщего блага, функционирующем подобно отлаженному часовому механизму, на практике входило в плоть и кровь В. И. Геннина, человека эпохи барокко⁶.

Не стоит недооценивать в этом отношении и круг общения Геннина в эти годы, в том числе и с Петром I. Помимо переписки, это были и личные встречи, возможные в бытность офицера в Петербурге, на строительстве Литейного двора, и документально подтвержденные, как, например, в январе 1719 г., когда царь, впервые посетивший открытые на Олонце минеральные («марциальные») воды, останавливался у Геннина на Кончезерском заводе [Берх, кн. 2, с. 151]. Примечательно, что именно в эти годы (с 1718) Петр очень плотно работал над созданием нового административного законодательства, основанного на глубоко и системно усвоенных монархом камералистских идеях. Какие-то сюжеты, связанные с этими идеями – не по строгому содержанию, но по духу, – вполне могли быть предметом бесед Петра I и Геннина. В 1719–1720 гг. полковник совершил длительную зарубежную командировку; согласно инструкции, он должен был посетить Германию, Францию и Италию. Кроме вербовки специалистов, ему была поставлена задача, «чтоб он в тех государствах и землях, коими проезжать будет и где есть горные заводы, снимал с них чертежи и делал модели разным машинам, замечал бы примечательным оком все, касающееся до сих

---

⁶ Способность к переносу представлений, полученных в области естественнонаучного (натурального) и технического знания, в сферу общественных отношений, ассоциативно-образное мышление, его метафоричность, вероятно, были качествами, вообще присущими интеллектуалам эпохи барокко с «характерной для него игрой смыслами и принципиальной метафоричностью» [Успенский, с. 174].

заводов и до учреждения оных» [Голиков, т. 8, с. 92]⁷. По возвращении из-за границы царским указом Геннину одновременно с управлением Олонецкими заводами было предписано начать строительство нового производства на р. Сестре. Это было строительство «с чистого листа», в процессе которого олонецкий комендант получил возможность в полной мере проявить все свои познания строителя, производственника и управленца. В письме к гр. П. М. Апраксину от 2 октября 1720 г. В. И. Геннин сообщал, что он готов ехать в Санкт-Петербург с *чертежом* Сестрорецкого завода [Берх, кн. 3, с. 120]. Было бы крайне интересно посмотреть, как выглядел замысел Геннина относительно планировки нового завода и поселения, но сестрорецкий чертеж либо не сохранился, либо до сих пор не выявлен. А между тем, служба Вилима Ивановича в Карелии шла к концу. В марте 1722 г. произведенному в генерал-майоры артиллерии Вилиму Геннину в высоком статусе личного царского эмиссара выпало ехать на Урал для расследования конфликта В. Н. Татищева с Н. Демидовым и для «исправления и размножения» местных заводов.

Все сказанное выше с фактологической точки зрения давно известно, но, как представляется, концептуально недоосмыслено. Складывая факты биографии Геннина до его приезда на Урал, авторы обычно подчеркивают (и справедливо) лишь одно: к этому моменту генерал обладал уникальным опытом в области горного дела. В этом отношении в России «просто не было более опытного и авторитетного администратора-практика, добившегося реальных результатов» [Корепанов, с. 17]. Что ж, это бесспорно. Но опытный плотник может всю жизнь оставаться просто опытным плотником. Опытный инженер всю жизнь может оставаться лишь опытным инженером. Такие не создают шедевров и не строят города будущего. Виртуозное владение ремеслом не обязательно превращает его обладателя в творца. Феномен Геннина заключался в том, что он был больше, чем просто опытный технический специалист. Из впечатлений детства, из практики решения конкретных задач, из ситуативных встреч, из увиденного и прочитанного выросло стройное целостное концептуальное отношение к жизни и службе, созвучное самым актуальным (иллюзорным или объективно обоснованным – другой вопрос) представлениям эпохи. Оно полностью выразилось в «екатеринбургском тексте».

Текст

О том, что Екатеринбург строился как самый мощный в России горно-металлургический завод, известно всем. Обычно с этим связывают и особенности его планировки, обусловленной спецификой

---

⁷ На основании известных мне документов складывается впечатление, что в действительности В. И. Геннин побывал во время этой командировки только в германских государствах – Бранденбурге, Саксонии, Гессен-Касселе, Гамбурге и в Голландии (в Амстердаме). Сведений о его пребывании во Франции и, тем более, в Италии обнаружить не удалось.

функционирования заводов XVIII в., чьи производственные мощности приводились в действие силой воды. Ключевое гидротехническое сооружение – плотина, перегораживавшая реку, вместе с последней задавало главные планировочные оси всей застройки. Таким образом, «завод представлял собой продуманный и разумно организованный комплекс основных и вспомогательных сооружений, размещенных компактно и в строгой зависимости от источника энергии – воды» [Козинец, с. 26]. Но, как справедливо писала Р. М. Лотарева, «подчиненные строгим правилам организации производства, ансамбли заводов всегда отличались оригинальностью» [Лотарева, с. 48]. Иными словами, технические и ландшафтные особенности места давали, тем не менее, возможность строителям заводов каждый раз по-своему, в зависимости от способностей, выстроить собственную систему архитектурно-пространственной и социально-антропологической организации, заложить собственные смыслы в создаваемый ими текст.

Геннин, приехав к месту будущего строительства, обладал значительным набором «черновых материалов» для создания нового «произведения». Едва ли будет ошибкой указать на то, что образцом для планировки города-завода на Исети стал первый «регулярный» город России, его молодая столица Санкт-Петербург, а опосредованно – Амстердам, постольку, поскольку регулярный центр Петербурга на Васильевском острове проектировался по инициативе Петра I по амстердамской схеме [Горбатенко, с. 176], которую генерал имел возможность увидеть своими глазами в подлиннике три года назад, посетив Амстердам. Подобно тому, как в Петербурге «самое широкое пространство Невы» становится «главным объединяющим элементом новой композиции города» [Станюкович-Денисова, с. 120], для Екатеринбурга таким объединяющим элементом стал городской пруд. Непосредственное значение при проектировании Екатеринбурга имели и олонецкие наработки. Со ссылкой на документы Берг-коллегии М. Ю. Данков отмечает, что для строительства Екатеринбурга использовались материалы Олонецкого Петровского завода, на основании которых были созданы «чертежи против маштапа», чтоб «могли в Сибири против того построить» [Данков, 2006, с. 67]. Напомню, что Петровская Олонецкая крепость сама была репликой Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости.

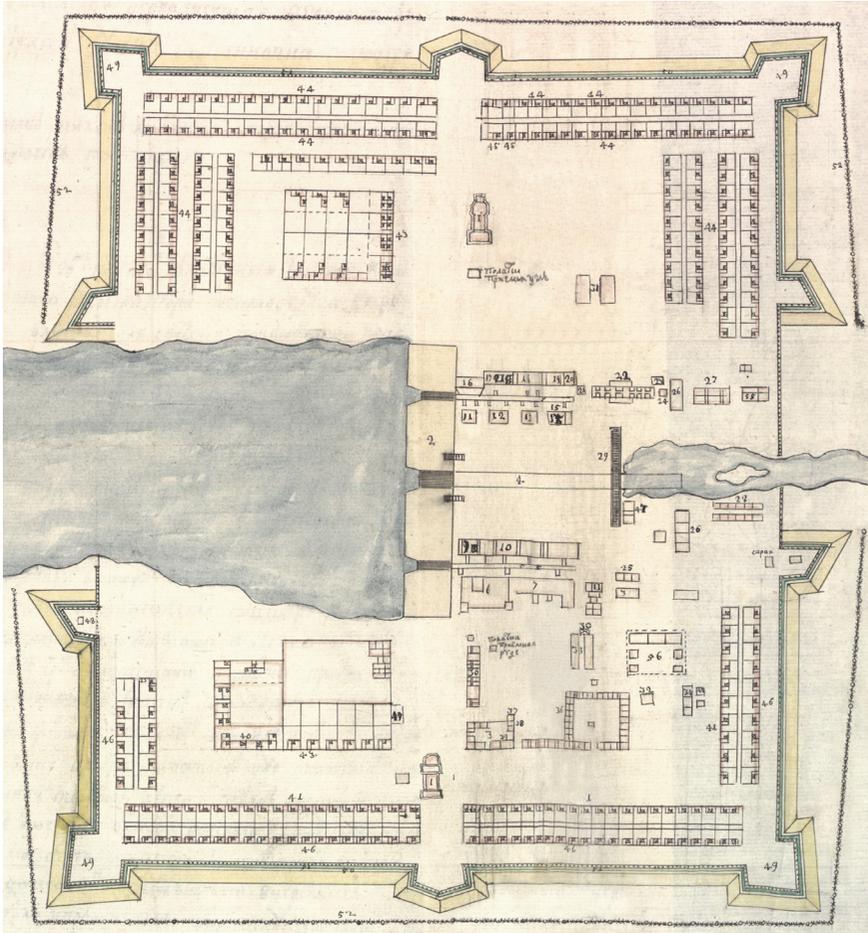
Тем не менее, в архитектурно-пространственном решении Петровского и Екатеринбургского поселений имелись существенные различия, обусловленные как особенностями географического ландшафта, так и обстоятельствами самой застройки. В первом случае, как упоминалось выше, крепость бастионного типа являлась лишь планировочно-композиционным и военно-административным центром заводского ансамбля; во втором она стала «рамкой» для всей архитектоники объекта, его внешним каркасным элементом. Построенная на равнинной местности, крепость имела вид почти квадрата с протяженностью сторон в 655 м с севера на юг и в 763,83 м с запада на восток, обнимая

пространство приблизительно в 50 га. Крепость имела шесть бастионов и четыре полубастиона, окружавший ее ров (около 1,5 м глубиной и чуть более 4 м шириной по верху), палисад, с западной стороны врытый между рвом и земляным валом, а с восточной – поставленный на валу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 14 об.].

При всей типовой ясности конструкции Екатеринбургской крепости она нуждается в новом прочтении, ином, чем то, которое обычно использовали историки и историки архитектуры. Почему В. И. Геннин решил строить на берегах Исети именно бастионную крепость? Сама необходимость ее возведения объяснялась потенциальной угрозой башкирских набегов, но для их отражения не требовались передовые военно-инженерные технологии в духе маршала Вобана. Бастионные крепости стали ответом на появление сильной полевой и осадной артиллерии; не случайно первые укрепления такого рода возникли на западных рубежах России уже в конце XVI в. как дополнения к традиционным башенным крепостям и получили свое полноценное развитие в начале XVIII в. в ходе Великой Северной войны [Скрипинская]. Но у башкир не было артиллерии, да и отношения с ними в период строительства Екатеринбургa складывались вполне мирно. «Они ныне со мною очень союзно живут, – писал Геннин в 1724 г., – а прежнюю противность, что они делали, то может быть, что от наших управителей была им обида» [цит. по: Корепанов, с. 32]. Да и позднее никаких угроз Екатеринбургy в этом отношении не возникало [Там же].

Конечно, никто не мог предвидеть, каким образом могла развиваться дальнейшая ситуация, но никакого *фортификационного* смысла возведения на Урале крепости бастионного типа не было. Для обороны завода в здешних условиях достаточно было традиционной для Урало-Сибирского региона острожной крепости, подобной тем, которыми был застроен весь край до Тихого океана. При изобилии леса и наличии опытных плотников строительство рубленой или частокольной стены с башнями обошлось бы не дороже и потребовало бы не большего времени и усилий. Значит, вопрос был не в фортификации или экономике, а в семиотике. Весь облик Екатеринбургa, начиная с крепости – первого, что представало взору внешнего наблюдателя, был нацелен на презентацию новой имперской идеи – торжества рационально организованной, «регулярной» реальности, воплощения новой «политичной» нации во главе с просвещенным монархом, возникшей на границе азиатских владений империи в противопоставление самой природе, дикой и неупорядоченной. Презентационный смысл Екатеринбургской крепости подчеркивается деталями: единственный ее гласис с «покрытым путем» (боевым укрытым ходом) обводил лишь западный бастион, защищавший Красные ворота – *парадный въезд* в город. На западных же бастионах была сосредоточена и артиллерия – скорее тоже презентационно-«декоративная», представленная тремя малокалиберными орудиями: по одному трехфун-

товому на западном и северо-западном бастионах и одно двухфунтовое на северо-западном полубастионе. На остальных укреплениях, в том числе прикрывавших потенциально наиболее опасное южное направление, позиций для пушек, похоже, вообще не предусматривалось; опись показывает наличие «роскатов» (боевых ходов) с амбразурами для *ружейной стрельбы*, либо прорубленных в палисаде, либо прорезанных в земляных брустверах [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 14 об. – 18 об.] (рис. 2).

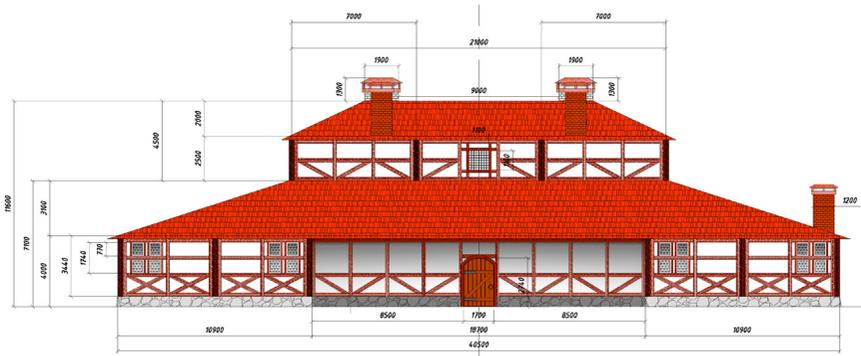
2. План Екатеринбурга. Фрагмент. Чертеж Н. Каркодинова. 1734

Plan of Yekaterinburg. Fragment. Drawing by N. Karkodinov. 1734

Планировочные оси Екатеринбурга, заданные пересечением почти под прямым углом русла реки Исети (с севера на юг) и гребня плотины (с запада на восток), являвшейся одновременно главным проспектом, «генеральной перспективой» от въездных Крас-

ных до выездных Исетских ворот, членили городское пространство на четыре правильных квартала. Сердцем этой планировки был производственный комплекс, сосредоточенный в низине, ниже плотины, вдоль русла Исети. Пространственное зонирование имело четко выраженную функциональную и социальную иерархию. В западной части архитектурной доминантой являлся административный комплекс, «мозг» города – здание Сибирского обер-бергамта с пристроенными к нему пробирной лабораторией, архивом и тюрьмой. В восточной части такой доминантой, «душой» города служила церковь во имя св. великомученицы Екатерины, построенная с явной оглядкой на Петропавловский собор Санкт-Петербурга и имевшая в шатре колокольни «часы боевые железные» с одной часовой стрелкой [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 172–179]. По внутреннему периметру крепостных стен и в северной части по обеим сторонам пруда располагались выстроенные в линии и порядки типовые жилища: дворы мастерские, командирские, подьяческие, церковничьи, солдатские.

Все эти вещи хорошо известны, чтобы о них много писать, но хотелось бы обратить внимание на некоторые детали. Все административные и производственные здания Екатеринбурга, а также церковь были выстроены в технологии фахверка. Обычно в специальной литературе, посвященной раннему Екатеринбургу, их называют сооружениями мазанкового типа. Действительно, конструктивно между мазанкой, хорошо известной в Южной России и на Украине, и фахверком практически нет различий. И то, и другое представляет собой каркасную деревянную или плетеную (флехтверк) конструкцию, в которой промежутки между брусьями каркаса заполняются кирпичом, глиной (саманом), камнем, а сверху штукатурятся или белятся. Разница заключается лишь в том, что в русской мазанке штукатурка и побелка наносятся заподлицо, закрывая не только забутовку (межкаркасное заполнение), но и элементы самого каркаса, а в фахверке каркас остается неоштукатуренным и акцентированным, выполняющим декоративную функцию контрастного фасадного узора. Это незначительное, на первый взгляд, различие в случае с Екатеринбургом также приобретает знаковое, семиотическое значение. С одной стороны, каркасная застройка была выбрана благодаря своей дешевизне и скорости возведения. Но, с другой, фахверковый тип такой застройки придавал общему облику города *европейский вид*, тем более, что таким образом были выстроены наиболее важные и зрительно выразительные сооружения. И административный комплекс («меж столбы мазанковая глиною ис кирпича и выбелена известью, а столбы у дверей и у окон наליшники высмолены с вохрою» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 20]), и церковь («сложена меж деревянных столбов из кирпича и выбелена известью; столбы и у дверей, и у окон рамы высмолены смолюю» с колокольней и главами, обитыми белой жостью [Там же. Л. 10]),

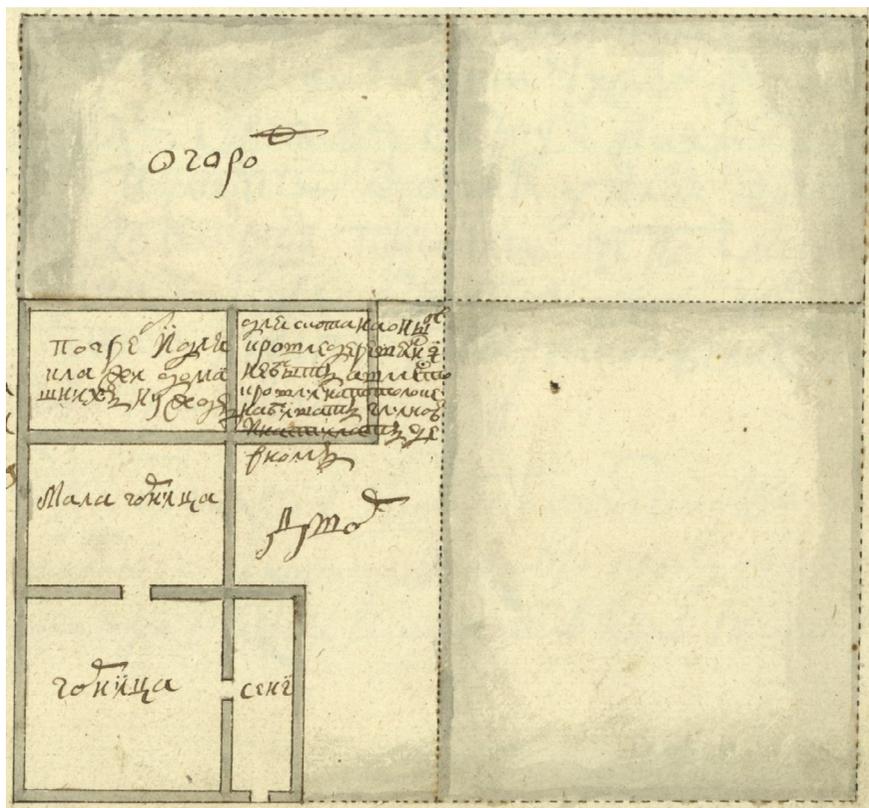
3. Доменная фабрика Екатеринбургского завода, 1723–1734 гг. Западный фасад. Реконструкция С. Цеменковой, К. Уланова, чертеж Э. Сайфутдиновой. 2021

Blast-furnace factory of the Yekaterinburg plant, 1723–1734. Western façade. Reconstruction by S. Tsemenkova, K. Ulanov, drawing by E. Sayfutdinova. 2021

и заводские фабрики (рис. 3) создавали облик Екатеринбурга настолько необычный и не похожий на все окружавшие его населенные пункты, что академик И. Г. Гмелин, первый раз посетивший его в 1733 г., записал: «Город правильно выстроен; дома на немецкий образец» [цит. по: Злоказов, Семенов, с. 21]. Этого «немецкого» образа города и добивался его строитель; в этом была та же семантическая нагрузка, что и в бастионной крепости.

Во всем этом снова очевиден пример Санкт-Петербурга, который с 1712 г. последовательно застраивался на принципах регулярности, ансамблевости и модульности, пользуясь градациями С. В. Семенцова, когда произошел переход «от традиционной русской нерегулярной планировки кварталов к регулярной, преимущественно прямоугольной «нарезке» кварталов, ставшей основой всего петербургского зодчества» [Семенцов, с. 66]. Конечно, имели место отступления, обусловленные естественными природно-климатическими различиями. Это касалось технологии и материалов жилой застройки Екатеринбурга, которая представляла собой не мазанковые, а срубные конструкции с учетом суровых зим, присущих Уралу того времени. Но, пожалуй, это было единственным отступлением. Жилая часть Екатеринбурга, как и в северной столице, сооружалась по образцу, с той же прямоугольной нарезкой кварталов и собственно дворовых территорий. Жилые «дворы», как казенные, построенные на государственный счет, так и частные, были типовыми. Судя по всему, они были близки разработанным Домиником Трезини типовым проектам домов «для подлых» жителей Петербурга. На сохранившемся собственноручном чертеже Геннина 1732 г. видно строение с сенями, двумя жилыми помещениями разных размеров («горница» и «малая горница»), погребом с напогребницей («для клажи домашних нужд») и скотным

сараям [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 295 об. –296] (рис. 4). К дому отводился небольшой участок под двор и огород. Главными фасадами дома выходили на «красную линию» основных улиц, а между огородными участками предполагались улицы второстепенные. «Командирские» дома, похоже, не сильно отличались от остальных. Ориентируясь на описание казенного дома, занимавшегося некогда берггешвореном Константином Гордеевым и выставленного на продажу в 1727 г., такие дома располагали четырьмя, а не двумя комнатами («строение о трех перерубах») [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.], что «недотягивало» даже до типового проекта Трезини «для зажиточных».

4. Образцовый дом в Екатеринбурге. Фрагмент. Чертеж В. Геннина, канцелярская копия. 1732

An exemplary house in Yekaterinburg. Fragment. Draft by W. Henning, office copy. 1732

Именно на этой почве – представлениях об оптимально налаженном быте, разных у создателя города и его жителей, – происходил конфликт стратегии и тактики, а ясный «город-панорама», создававшийся генералом Генниным в соответствии с передовыми представ-

лениями барочного планирования пространства и камералистскими установками организации общественных отношений на основе сорганизованности частей единого социального механизма, представал как «картина, возможная лишь при условии забвения и нераспознавания практик» [де Серто, с. 187]. Екатеринбургские обитатели, практически лишенные частной жизни, будучи намертво связанными с заводским ритмом непрерывного производства, отчаянно пытались разрушить рациональный минимализм навязываемого им быта, внося в четкий текст геннинской прописи свои бесчисленные каракули. В первую очередь это касалось жилья. Вопреки образцам, оно достраивалось и перестраивалось, а дворовые и огородные места обрастали множеством разнообразных жилых и хозяйственных построек таким образом, что, «срастаясь» между собой, подворья разрушали геометрическую правильность улиц. Разумеется, В. И. Геннин вел с подобными беспорядками упорную и неустанную борьбу, о чем, в частности, довольно написано Н. С. Корепановым [см., например: Корепанов, с. 34–36], но был в ней, как кажется, одинок. Даже его офицеры предпочитали обустраивать свои жилые места не «противу чертежу», а как удобнее. Приведу в качестве примера описание уже упоминавшегося дома К. Гордеева. Пришедшие для проведения его оценочной стоимости ценовальники и плотники обнаружили, что, кроме собственно дома («квартиры») «строением о трех перерубах с сенни», «при той же квартире изба черная, рублена вместе з банею» с двумя кирпичными печами, «во дворе выкопан погреб, над ним клеть да конюшня, наверху сенница; огородец огорожен, как и у протчих квартир, в том огородец поварня небольшая ветхая» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.]. Наличие во дворе черной избы с баней, сенницы над конюшней и ветхой поварни на огороде являлось вопиющим нарушением не только принципов «регулярности, ансамблевости и модульности», но и всех мыслимых мер противопожарной безопасности, которым В. И. Геннин уделял самое серьезное внимание.

Впрочем, не следует считать главного командира Уральских и Сибирских заводов абсолютно бездушным функционером, слепо следовавшим букве им самим придуманного устава. Как неоднократно подчеркивалось, генерал Геннин был очень современен и безусловно вписывался в общеевропейский барочный контекст, стремившийся обеспечить достижение всеобщего блага и донести свои представления об этом до подчиненных, которых старался защищать от различных внешних нападений. В координатах его ценностей, созвучных передовым идеям эпохи, каждый на своем месте должен был самоотверженно исполнять свой долг. Его же «присяжная должность», помимо прочего, заключалась в создании условий для этого. Подобно благодетельному «полицейскому советнику» из записной книжки Петра I, Геннин был убежден, что его роль заключается, помимо непосредственных производственных забот, в том, «дабы подданные в покое и в довольстве жили, дабы города и поля дворами, мостами,

корчмами, улицами, колодцами снабжены, и дабы безбожные люди, гуляки к работе навывкали, и все дороги безопасны учинены были» [Законодательные акты, № 43]. С редким для русских провинциальных администраторов тщанием, почти в буквальном соответствии с инструкциями воеводе и земскому комиссару 1719 г. [ПСЗ, т. 5, 3294, 3295], Геннин пресекал должностные злоупотребления, боролся со взяточниками [Редин, с. 288–307; Серов, Федоров, с. 325–341], надзирал за устройством и поддержанием в порядке транспортных коммуникаций, покровительствовал торговле, следил за «справедливыми ценами», ограждал жителей от незаконных притязаний со стороны подчиненных ему чиновников⁸ и от тяжелой постоянной повинности⁹, организовал в Екатеринбурге беспрецедентную для времени и места социальную инфраструктуру. Наличие школ, госпиталя с аптекой, значительного жилого фонда, выстроенного за казенный счет¹⁰, не только практически не имело аналогов за пределами столиц, но и находило прямое отражение в архитектурном облике города.

Завод на Исети, названный к моменту своего пуска Екатеринбургом, мыслился своим основателем генералом В. И. Генниным не просто образцовым крупнейшим производственным предприятием. Для него это строительство стало воплощением большой идеи, результатом переосмысленного опыта прожитых лет, *идеальным городом*, олицетворявшим пафос имперского созидания Петровской эпохи. В строительстве Екатеринбурга эстетика и идеология барокко, его концепция города как рационально упорядоченного целого, нашла гармоничное сочетание с представлениями о правильно организованном регулярном управлении и правильном поведении всех членов общества, действовавших слаженно и согласно ради достижения общей цели, что являлось производным от общих свойств философских идей европейского Просвещения. Жители Екатеринбурга были далеки от подобных рефлексий. Они писали свой текст неосознанно, *реактивно*, ускользая от тотализирующего контроля пространственной упорядоченности регулярной и типовой планировки в беспорядочный мир уютного самостроя, от регламентирующей власти «благодетельной полиции» и изнурительного производственного цикла

---

⁸ «...Уведомился я, что у здешних... жителей, лавошников и бобылей, также у шарташских, и становских (которые поселены для ползы завоцкой), и обретающихся здесь мастеровых и работных людей и протчих служителей, коих для того надлежит беречь и излишнюю тягость им не наносить, много стало быть командиров, и всяк оных высылает якобы в завоцкие работы... Того ради впредь никому оных жителей... без ведома моего или обер-бергамского члена нарезать не в какие работы и высылать не велеть...» (14 июня 1732 г.) [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205].

⁹ Для освобождения екатеринбургских жителей от постоев В. И. Геннин в том же указе от 14 июня 1732 г. распорядился перестроить «порозжие» казенные квартиры в некое подобие постоянных дворов или общежитий, перегородив «большие светлицы» перегородками, «чтоб у каждого был свой покой», «приделав нужники», устроив «каждому сверху по чулану» и соорудив общую кухню [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205 об.].

¹⁰ В 1725 г. в Екатеринбурге насчитывалось 135 собственных и 69 казенных домов, в 1732 г. – 180 и 86 соответственно [Корепанов, с. 34, 36].

в забвенье подпольных шинков и «курвяжных домов», предпочитая загулы воскресного пьянства церковной литургии [Корепанов, с. 45–46]. Но в этих противоречиях, доходящих до парадокса¹¹, в наложениях нормативного и нерегламентированного, текст Екатеринбургского манифеста, материального воплощения камерализма, написанный генералом Генниным, оставался вполне разборчиво читаемым.

Список литературы

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Г. В. де Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1–5.

Биази П.-М. де. К науке о литературе : Анализ рукописей и генезис произведения / пер. с фр. Е. Дмитриевой // Генетическая критика во Франции. Антология. М. : ОГИ, 1999. С. 58–93.

Всеобщая история архитектуры : в 12 т. М. ; Л. : Стройиздат, 1966–1977. Т. 7. Западная Европа и Латинская Америка. XVII – первая половина XIX в. 620 с.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 151, 354, 450. Т. 1.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. 2-е изд. М. : Тип. Николая Степанова, 1838. Т. 8. 502, X с.

Горбатенко С. Б. Новый Амстердам : Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб. : Печатный двор, 2003. 367 с.

Данков М. Ю. Защитный вал и Петровская фортеция на берегу Онежского озера // Новые материалы по фортификации. Архангельск : Новодвинка, 2006. Вып. 2. С. 66–77.

Данков М. Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII века // Война и оружие : Новые исследования и материалы : в 4 ч. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 2. С. 3–24.

Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники : сб. док. : в 3 т. / сост. Н. А. Воскресенский ; отв. ред. Е. В. Анисимов ; предисл. и подг. текста Д. О. Серова ; археограф. предисл. А. А. Богданова. М. : Древлехранилище, 2020. Т. 2. Акты об общественных классах. Т. 3. Акты о промышленности и торговле. 848 с.

Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург : Город глазами очевидцев. Екатеринбург : [Б. и.], 2000. 698 с.

Козинец Л. А. Каменная летопись города. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1989. 160 с.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1783 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : БКИ, 2001. 252 с.

Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахов А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М. : Памятники ист. мысли, 2014. 584 с.

Литошенко Д. Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков. Университетский опыт образовательной метатрадиции на заре Нового времени. Saarbrücken : Lambert Acad. Publ., 2012. 374 с.

Лотарева Р. М. Города-заводы России : XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. 216 с.

Новиков И. А. Вилим де Геннин и его роль в создании горнозаводской промышленности России (первая половина XVIII в.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2 (9). С. 84–87.

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. : в 2 вып. / сост. А. Викторов. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1883. Вып. 2. 660 с.

¹¹ «Несмотря на суровость и аскетизм, Екатеринбург Геннина – город беспечный и бесстрашный» [Корепанов, с. 44].

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5.

Пулькин М. В. Феномен горнозаводского поселения (по материалам Олонецких Петровских заводов) // *Studia Humanitatis* : электрон. науч. журн. : [сайт]. 2018. № 2. DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения: 21.07.2021).

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Семенцов С. В. Градостроительная составляющая жилой функции Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской агломерации : 1703–2006 гг. // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.* 2007. Вып. 3. С. 63–70.

Серов Д. О. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // *Quaestio Rossica.* Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. М. : Юрист, 2016. 364 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Скрипчинская Н. Ю. Бастионная система крепостей Северо-Западного региона России в свете европейской фортификации : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2017. 565 с.

Станюкович-Денисова Е. Ю. Архитектура домов 1720–1740-х годов на набережных каналах Адмиралтейской части: к вопросу о градостроительных принципах Петербурга // «Мощно, велико ты было, столетье!» : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во Ин-та истории СПбГУ, 2014. С. 120–135.

Успенский Б. А. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.

References

Berkh, V. N. (1826). Zhizneopisanie general-leitenanta G. V. de Gennina, osnovatelya rossiiskikh gornyx zavodov [A Biography of Lieutenant General G. V. de Henning, Founder of Russian Mining Plants]. In *Gornyi zhurnal*. Kn. 1–5.

Biasi, P.-M. de. (1999). K nauke o literature. Analiz rukopisei i genezis proizvedeniya [Towards a Science of Literature. Manuscript Analysis and the Genesis of the Work] / transl. by E. Dmitrieva. In *Geneticheskaya kritika vo Frantsii. Antologiya*. Moscow, OGI, pp. 58–93.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Making] / transl. by D. Kalugin, N. Movnina. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 330 p.

Dankov, M. Yu. (2006). Zashchitnyi val i Petrovskaya fortetsiya na beregu Onezhskogo ozera [The Protective Rampart and Petrovskaya Fort on the Shore of Lake Onega]. In *Novye materialy po fortifikatsii*. Arkhangel'sk, Novodvinka. Iss. 2, pp. 66–77.

Dankov, M. Yu. (2013). Zagadochnaya "fortetsiya" na Onezhskom ozere i chertezh M. Vitvera pervoi chetverti XVIII veka [The Mysterious "Fortress" on Lake Onega and the Drawing of M. Wittwer from the First Quarter of the 18th Century]. In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy v 4 ch.* St Petersburg, Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. Part 2, pp. 3–24.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24 (Ural'skoe gornoe upravlenie). List 1. Dos. 151, 354, 450. Vol. 1.

Golikov, I. I. (1838). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam v 15 t.* [The Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. 15 Vols.]. 2nd Ed. Moscow, Tipografiya Nikolaya Stepanova. Vol. 8. 502, X p.

Gorbatenko, S. B. (2003). *Novyi Amsterdam. Sankt-Peterburg i arkhitekturnye obrazy Niderlandov* [New Amsterdam. St Petersburg and the Architectural Images of the Netherlands]. St Petersburg, Pechatnyi dvor. 367 p.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1783 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1783)]. 3rd Ed., add. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Kozinets, L. A. (1989). *Kamennaya letopis' goroda* [A Stone Chronicle of the City]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.

Kuznetsov, I. N., Novokhatko, O. V., Shakhov, A. D. (2014). *Svetское ustroistvo i arkhitekturnoe blagoustroistvo Pereslavlya-Zalesskogo v XVII veke* [The Secular Structure and Architectural Improvement of Pereslavl-Zalessky in the 17th Century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 584 p.

Litoshenko, D. (2012). *Evolutsiya universitetskogo obrazovaniya v Evrope XVI – kontsa XVIII vekov. Universitetskii opyt obrazovatel'noi metatraditsii na zare Novogo vremeni* [The Evolution of University Education in Europe of the 16th – Late 18th Centuries. The University Experience of Educational Meta-Tradition at the Dawn of Modern Times]. Saarbrücken, Lambert Acad. Publ. 374 p.

Lotareva, R. M. (1993). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 216 p.

Novikov, I. A. (2008). Vilim de Gennin i ego rol' v sozdanií gornozavodskoi promyshlennosti Rossii (pervaya polovina XVIII v.) [Wilim de Henning and His Role in the Creation of the Mining Industry in Russia (First Half of the 18th Century)]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 2 (9), pp. 84–87.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5.

Pul'kin, M. V. (2018). Fenomen gornozavodskogo poseleniya (po materialam Olonetskikh Petrovskikh zavodov) [The Phenomenon of the Mining Settlement (Based on the Materials of the Olonets Petrovsky Factories)]. In *Studia Humanitatis. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskikh-zavodov> (accessed: 21.07.2021).

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uyezdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Sementsov, S. V. (2007). Gradostroitel'naya sostavlyayushchaya zhiloi funktsii Sankt-Peterburga i Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii. 1703–2006 gg. [The Urban Planning Component of the Residential Function of St Petersburg and the St Petersburg Agglomeration. 1703–2006]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2. Iss. 3, pp. 63–70.

Serov, D. O. (2019). “Vecherom iz russkogo lagerya pribyl... maior”: pervye 34 goda zhizni Vilima Gennina [“In the Evening ... a Major Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of Wilim Gennin's Life]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No 3, pp. 801–1017. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2016). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [The Cases and Fates of the Investigators of Peter I]. Moscow, Yurist. 364 p.

Skipinskaya, N. Yu. (2017). *Bastionnaya sistema krepostei Severo-Zapadnogo regiona Rossii v svete evropeiskoi fortifikatsii* [The Bastion System of Fortresses in the North-Western Region of Russia in the Light of European Fortification]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 565 p.

Sanyukovich-Denisova, E. Yu. (2014). Arkhitektura domov 1720–1740-kh godov na naberezhnykh kanalakh Admiralteiskoi chasti: k voprosu o gradostroitel'nykh printsipakh Peterburga [House Architecture of the 1720s –1740s on the Embankment Canals of the Admiralty Part: On the Question of the Urban Planning Principles of St Petersburg]. In *“Moshchno, veliko ty bylo, stolet'e!”*. *Sbornik nauchnykh statei*. St Petersburg, Izdatel'stvo Instituta istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 120–135.

Uspenskii, B. A. (1994). Tsar' i Bog [Tsar and God]. In Uspenskii, B. A. *Izbrannye trudy v 3 t.* Moscow, Gnozis. Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, pp. 110–218.

Viktorov, A. (Ed.). (1883). *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 g. v 2 vyp.* [Description of the Notebooks and Documents of the Ancient Palace Chancelleries (*Prikazes*) of 1613–1725. 2 Issues]. Moscow, Tipografiya M. P. Shchepkina. Iss. 2. 660 p.

Voskresenskii, N. A., Anisimov, E. V. (Eds.). (2020). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. Sbornik dokumentov v 3 t.* [Legislative Acts of Peter I. Versions and Drafts, Notes, Reports, Denunciations, Petitions, and Foreign Sources. Collection of Documents. 3 Vols.] / introd. by D. O. Serov, archival introd. by A. A. Bogdanov. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. Akty ob obshchestvennykh klassakh. Vol. 3. Akty o promyshlennosti i trgovli. 848 p.

Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 t. [A General History of Architecture. 12 Vols.]. (1966–1977). Moscow, Leningrad, Stroiizdat. Vol. 7. Zapadnaya Evropa i Latinskaya Amerika. XVII – pervaya polovina XIX v. 620 p.

Zlokazov, L. D., Semenov, V. B. (2000). *Staryi Ekaterinburg. Gorod glazami ochevidtsev* [Old Yekaterinburg. The City through the Eyes of Eyewitnesses]. Yekaterinburg, S. n. 698 p.

The article was submitted on 17.07.2021

ДЕВИАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Юлия Кантор

Санкт-Петербургский институт истории РАН;
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

DEVIATIONS OF THE POLITICS OF MEMORY IN EASTERN EUROPE AND IN THE POST-SOVIET SPACE

Julia Kantor

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia

The narratives of the Second World War, which may undoubtedly be referred to as “complex issues of history”, have not been entirely reflected upon yet and therefore are full of phobias and myths. While analysing the set of tools of the politics of memory, the author of this article points out the following: the politicisation of history (following political conjuncture), the manipulation of facts, the glorification of history and its actors, demonisation, i. e., the construction of the image of an internal and external enemy, the ideological censoring of controversial assessments, and the actualisation of sociopolitical nostalgia. The use of this arsenal of ideological influence on mass consciousness can be seen in high-profile sociopolitical incidents of recent times. The difference in historical assessments is a reality that is pointless to obscure. Overcoming historical traumas, i. e., the “combination of history and memory”, is an indispensable condition for normalising and objectifying reflection on the past. The subject of the author’s attention is foreign policy invectives that have become hotbeds of diplomatic tension (more particularly, the Declaration of the European Parliament on the Outbreak of World War II adopted in 2019),

---

* *Citation:* Kantor, J. (2021). Deviations of the Politics of Memory in Eastern Europe and in the Post-Soviet Space. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1064–1079. DOI 10.15826/qr.2021.3.627.

Цитирование: Кантор Ю. Девиации исторической политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1064–1079. DOI 10.15826/qr.2021.3.627.

the activities of governmental organisations “responsible” for the politics of memory (the Ukrainian Institute of National Memory), expositions of museums in Eastern Europe (the Museum of the Second World War in Gdansk, the Museum of the Occupation in Riga), school history textbooks, the fate of the monuments dedicated to the Second World War (in particular, the Bronze Soldier in Tallinn), public historical and political actions that “overturn” historical reality (for example, Legionnaire Day marches in Riga), and the censorship of publications with an alternative view of the traumatic events of the war.

Keywords: World War II, Eastern Europe, post-Soviet space, politics of memory, confrontation

Сюжеты Второй мировой войны, безусловно относящиеся к «сложным вопросам истории», до сих пор не отрефлексированы и оттого полны фобий и мифов. Анализируя набор инструментов исторической политики, автор выделяет следующие: политизация истории (следование политической конъюнктуре), манипуляция фактами, героизация (гlorификация) истории и ее акторов, демонизация – конструирование образа внутреннего и внешнего врага, идеологическое цензурирование контраверсивных оценок, актуализация социополитической ностальгии. Применение всего этого арсенала идеологического воздействия на массовое сознание можно увидеть в резонансных социополитических эксцессах последнего времени. Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно затушевывать. Преодоление исторических травм – «сочетания истории и памяти» – является непреложным условием нормализации, объективизации рефлексии по поводу прошлого. Предметом внимания автора стали внешнеполитические инвективы, ставшие очагами дипломатической напряженности (в частности, Декларация Европарламента о начале Второй мировой войны, принятая в 2019 г.), деятельность правительственных организаций, «отвечающих» за историческую политику (украинский Институт национальной памяти), экспозиции музеев стран Восточной Европы (Музей Второй мировой войны в Гданьске, Музей оккупации в Риге), школьные учебники по истории, судьба памятников, посвященных Второй мировой войне (в частности, Бронзового солдата в Таллине), а также публичные историко-политические акции, переворачивающие историческую реальность (например, шествия в День легионера в Риге), и проявления цензуры изданий с альтернативным взглядом на травмирующие события войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Восточная Европа, постсоветское пространство, историческая политика, конфронтация

Историческая политика стала одним из рычагов манипулирования массовым сознанием. Память о войне – прежде всего отражение и осмысление трагических событий современной истории. Производными того, как воспринимается и осмысливается Вторая мировая война, являются интерпретация настоящего и ожидания, направленные

ные в будущее. История Второй мировой войны, ее образы, существующие в массовом сознании, стали фактором, который активно воздействует на сегодняшнюю общественную жизнь, на внутреннюю и внешнюю политику во многих странах мира. Хорошо известно, что во все времена исторические сведения и представления избирательно использовались идеологами различных политических сил для пропагандистского воздействия. Однако, пожалуй, только в конце XX – начале XXI в. такое использование стало принимать системный характер. Особенно это сейчас бросается в глаза в странах так называемого постсоветского пространства или «посткоммунистической» Восточной Европы и во многом связано с историей Второй мировой войны. Память о ней становится тем объектом, вокруг которого начинают бушевать нешуточные политические страсти. «Мы видим, как ведутся настоящие войны за историю, за право на свой лад интерпретировать и толковать хорошо известные факты. Причем такие баталии разгораются как между политиками разных стран, так и внутри отдельно взятых государств. Как правило, “в основе” исторической политики живет спекулятивное использование памяти о войне» [Ищенко, с. 11]. Восприятие событий последней мировой войны в разных странах способно дать множество примеров разновекторной направленности или даже конфронтации исторической памяти у разных народов.

История Второй мировой войны, ее образы, существующие в массовом сознании, явились фактором, который активно воздействует на сегодняшнюю общественную жизнь в Восточной Европе, на ее внутреннюю и внешнюю политику. Почти в каждом из многочисленных противоречивых образов прошлого, порожденных национальной памятью о войне, можно увидеть и стремления людей, в том числе и политических лидеров, так или иначе оправдать собственный народ или вынести на первый план такой фрагмент исторической истины, который в более выгодном свете показывает своих соотечественников и менее заметен и важен для соседей. Сюжеты Второй мировой войны, безусловно относящиеся к «сложным вопросам истории», до сих пор не отрефлексированы, не «выговорены» и оттого полны фобий и мифов. Анализируя набор инструментов исторической политики, можно выделить следующие: политизация истории (следование политической конъюнктуре), манипуляция фактами, героизация (гlorификация) истории и ее акторов, демонизация – конструирование образа внутреннего и внешнего врага, идеологическое цензурирование контраверсивных оценок, актуализация социополитической ностальгии. Применение всего этого арсенала идеологического воздействия на массовое сознание можно увидеть в резонансных социополитических эксцессах последнего времени.

Европарламент 19 сентября 2019 г. принял декларацию, в которой причиной Второй мировой войны назван пакт Молотова – Риббентропа. «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-

советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., также известного как пакт Молотова – Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния», – подчеркивается в тексте резолюции, который утвердили на голосовании Европарламента 19 сентября [цит. по: Бовдунов, Медведева]. За день до голосования по резолюции, посвященной 80-летию юбилею пакта Молотова – Риббентропа, евродепутаты провели дебаты и внесли в текст ряд изменений. Одно из наиболее заметных – исчезновение критического упоминания о «Мюнхенском сговоре» 1938 г. как о событии, предшествовавшем пакту Молотова – Риббентропа [Юранец]. Следует заметить, что в 2018 г. Европарламент категоричных оценочных деклараций по Мюнхенскому соглашению не принимал, более того – инициатива его обсуждения или принятия каких-либо оценочных документов вовсе не звучала в его стенах, явившись в год мрачного юбилея весьма красноречивой фигурой умолчания. Вопрос, почему оценки пакта Молотова – Риббентропа, документа хорошо известного историкам и политикам как минимум в последние три десятилетия, именно сейчас стали столь доминирующими и актуализировались, является риторическим. Совершенно очевидно, что категоричность формулировок связана с текущей политической конъюнктурой.

Заметим, что историко-политический демарш, предпринятый 19 сентября 2019 г. Брюсселем, вызвал симптоматичную реакцию в Москве. 22 сентября МИД РФ воспользовался формулировками, вызывающими воспоминания о трактовках пакта в советское время: «СССР никогда не был союзником гитлеровской Германии. Подписание 23 августа 1939 г. договора о ненападении с Германией было вынужденным шагом, который позволил Советскому Союзу отсрочить начало войны почти на два года и укрепить обороноспособность страны для борьбы с агрессором. Благодаря советско-германскому договору о ненападении война началась на стратегически более выгодных для СССР рубежах, и население этих территорий подверглось нацистскому террору на два года позже. Тем самым были спасены сотни тысяч жизней» [МИД России].

Однако, как представляется, важно обратить внимание на то, где, в какой точке Евросоюза возникла идея принятия этой декларации. Мы имеем дело с историко-политическим курьезом. Сегодняшняя Литва небезосновательно считает себя преемницей независимого Литовского государства, образовавшегося после революции 1917 г. Именно независимое Литовское государство вследствие пакта получило «в подарок» от СССР город Вильно, который с 1939 г. официально называется Вильнюсом и является с тех же пор столицей Литвы. (Впоследствии и Белорусской ССР достался «кусочек» литовской территории – не отошедшие к Литве части земли Виленского края.) 10 октября 1939 г. было подписано советско-литовское соглашение «О передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской обла-

сти и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» [Договор о передаче Литве города Вильно и Виленской области]. Таким образом, Литва стала третьим – помимо Германии и СССР – государством, получившим вследствие пакта Молотова – Риббентропа территориальные приращения. То есть, иницилируя вышеназванную декларацию, литовские евродепутаты, по логике, должны были внести туда тезис об осуждении аннексии Вильно и включения этого города в территорию своего государства, причем в статусе столицы. Этого не произошло. Характерно, что польские депутаты Европарламента, одними из первых поддержавшие принятие документа и дорабатывавшие его первоначальную версию вместе с литовцами, эту тему поднимать не стали. Тема была продолжена и развита в 2020 г., когда министры иностранных дел Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, на совместном заседании сообщившие, что пакт «Молотова – Риббентропа означает (для Балтийских стран) советскую оккупацию и агрессию против Польши», декларировали намерение противостоять «попыткам России притянуть историю к ее современным политическим играм» [Страны Балтии и Польша вместе будут сопротивляться попыткам РФ переписать историю]. При этом место, в котором прозвучала данная декларация, делало ее как минимум двусмысленной – Вильнюс, «подаренный» Советским Союзом Литве в 1939 г.

Вообще тема «приобретения» городов и территорий весьма аккуратно замалчивается странами, которые увеличили свои размеры в советское время, но теперь, отторгнув советское прошлое, тем не менее не готовы критично отнестись к механизмам этих «приобретений», отчего неизбежно возникающий при таком дуализме дискомфорт выливается в попытки завуалировать исторические факты. Например, на выставке «Українська Друга світова», созданной украинским институтом Национальной памяти (действует при правительстве страны), нет никаких упоминаний о том, как польский город Лемберг «превратился» в советский украинский Львов [Виставка «Українська Друга світова»]. Большое количество материалов выставки посвящено теме начала Второй мировой. В частности, значительное место занимает сюжет похода РККА через границу 17 сентября 1939 г. И единственное, где авторы предпочитают не вдаваться в подробности и давать какие-либо оценки, это «присоединение» Львова [Ibid.]. Аналогично поступил и крупнейший киевский новостной портал, разместивший в сентябре 2019 г. программную статью «Як в 1939 року Гітлер разом зі Сталінім розв'язали найкровопролитнішу війну в історії» [Шама]. Ключевая глава статьи использует в названии прием вербальной актуализации: «Зеленые человечки». В ней нет ни слова про ставший частью УССР Львов. Это «белое пятно» на карте украинской исторической памяти весьма симптоматично.

Что касается еще одного приема – героизации истории и ее акторов – то украинский Институт национальной памяти использует его сполна. Один из ключевых разделов сайта посвящен теме борьбы за независимость, в нем центральное в прямом и переносном смысле

место занимает Степан Бандера [В'ятрович; В'ятрович и др., с. 19, 30, 262]. Следует заметить, что в украинском парламенте состоялась выставка, организованная «по случаю 77-й годовщины акта о восстановлении Украинского государства, провозглашенного 30 июня 1941 года». Событие, о котором идет речь в анонсе на сайте парламента, состоялось после вступления во Львов немецко-фашистских войск и начала нацистской оккупации Западной Украины, а «восстанавливать государственность» вознамерились националисты во главе с Бандерой и иные пронацистские формирования вроде диверсионного батальона «Нахтигаль» [До 77-ї річниці Акту відновлення Української держави]. Вряд ли имеет смысл комментировать подобный подход, приносящий историю в жертву радикальной исторической политике.

А вот в Белоруссии маятник исторический политики остался в советском времени и советских стереотипах. Пример тому – ключевая конференция в Национальной академии наук Белоруссии, которая называлась «Навсегда вместе. К 80-летию воссоединения Западной Белоруссии и БССР», само это название исключает варианты отношения официальной науки к случившемуся в 1939 г. и его последствиям. Заметим, что в Брестской крепости до сих пор нет мемориального знака в память о польских защитниках крепости в 1939 г., а в огромном и очень эмоционально и фактологически насыщенном музее Брестской крепости этому сюжету посвящена одна лаконичная витрина. Фигурой умолчания является и отказ белорусской стороны от многократных предложений польских соседей установить на территории музея «Брестская крепость» стелу или хотя бы мемориальную доску в память о событиях обороны 1939 г.

Точкой отсчета в «опрокидывании» стереотипов исторической памяти на постсоветском пространстве стал резонансный сюжет с «Бронзовым солдатом» – памятником советскому солдату, тайно, ночью накануне 9 мая 2007 г. демонтированным с одной из центральных площадей Таллина – Тынисмяги. После окончания Второй мировой войны на эстонской земле осталось 256 мест захоронений советских воинов [Бордюгов, с. 39]. Они выполнили свой долг и присягу, освободив Эстонию от нацистской оккупации. Строгий скорбный монумент, прототипом которого стал эстонский красноармеец В. Раянгу (бывший и знаменитым спортсменом), был установлен в 1947 г. над братской могилой погибших на этом пятачке советских военнослужащих. В начале 1990-х гг. у его подножия был потушен Вечный огонь, а таблички с именами 13 погибших были заменены надписью «Павшим во Второй мировой войне». Эстонские представители власти, стоящие за прожектором исторической политики, направили его слепящие лучи в сторону «Бронзового солдата». А в середине апреля 2007 г. правительство Эстонии и вовсе приняло решение перенести мемориал из центра города. Причем демонтаж курировало министерство обороны Эстонии. Конфликт, расколовший эстонское общество, не потух и после того, как «Бронзовый солдат» был установлен на во-

енном кладбище и доныне является символом губительной радикализации исторической политики.

В течение последних лет в странах Балтии, ищущих национальную идентичность, происходят колоритные метаморфозы. На первый план политики, формирующей историческое сознание, выходят «новые герои». Это посол независимой Литвы в Берлине полковник К. Шкирпа, активный сторонник сближения Литвы с Германией еще с середины 1930-х гг., в 1938 г. создавший и возглавивший пронацистскую организацию «Жигис» в Клайпеде, финансировавшуюся из Берлина [Slavinas]. В 1940 г. Шкирпа не выполнил указание советского МИДа, адресованное к дипмиссиям включенных в состав СССР республик, ликвидировать их зарубежные представительства, и не вернулся в Литву после ее советизации. Уже летом 1940 г. он в результате нескольких встреч с представителями германского МИДа начал формирование Фронта литовских активистов. В октябре эту организацию взял «под опеку» Абвер. 25 января Шкирпа представил полковнику Абвера И. Греббе план «освобождения Литвы». Вот его основные тезисы: «Немецкая армия представляется как освободитель Литвы и других угнетенных народов СССР... предлагается: во-первых, организовать общее восстание в Литве после вступления немецких войск; во-вторых, препятствовать снабжению и помощи Красной армии путем саботажа; в-третьих, встречать немецкие войска как освободителей, оказывая им всяческую поддержку и помощь» [Ibid.]. Шкирпа, назначенный главой Временного правительства Литвы, из Германии летом 1941 г. выпущен не был, закончил свои дни в Вашингтоне, в 1995 г. торжественно перезахоронен в Каунасе – в Пантеоне выдающихся деятелей Литвы, его именем названы улица в Каунасе и аллея в Вильнюсе.

А в Латвии чтят память об ином историческом персонаже – Р. Бангерскисе. В годы оккупации в различные военные формирования немцами было мобилизовано около 110 тыс. граждан Латвии. Главную роль в этой мобилизации сыграл генерал Бангерскис (получивший это звание в период независимости Латвии, а до революции бывший полковником русской армии). Ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС – инспектора латышского легиона. Бангерскис умер в 1958 г. в Западной Германии, так и не представ перед судом, – в 1945 г. его интернировали британцы, в 1946 г. он был выпущен из лагеря для военнопленных. В 1995 г. останки Бангерскиса были доставлены в Ригу и торжественно захоронены на братском Воинском кладбище Латвии.

Латвийские участники формирований СС ежегодно в День памяти легионеров проходят шествием по улицам столицы Латвии [Дембовская]. Официально власти к этим акциям отношения не имеют, однако их позицию несложно узнать из заявления латвийского МИД, опубликованного на официальном сайте внешнеполитического ведомства: «Латыши были превосходными солдатами, которые сражались против Советского Союза во Второй мировой войне» [Ноллендорфс, Нейбургс].

В духе прославления легионеров СС и иных коллаборационистских формирований следует и стратегия политики памяти в Эстонии. «Новое поколение учебников истории... своеобразный источник для понимания современной обстановки, идейных исканий и национальных идеологий, рождающихся в процессе трансформации» [Бордюгов, с. 21], – это отчетливо видно на примере отношения ко Второй мировой войне и противоборствовавшим сторонам. «Эстонцы получили разрешение сформировать Эстонский легион. Из первых добровольцев был сформирован батальон “Нарва”, самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений», – сообщает школьный учебник [Адамсон, Валдмаа, с. 222]. «Эстония потеряла погибшими, бежавшими и депортированными четверть своего населения, 282 000 человек, из них 30 000 непосредственно на фронте. Эстонцев заставляли воевать под чужими знаменами», – сообщает учебник истории Эстонии и резюмирует: «Эстония оказалась в числе проигравших Вторую мировую войну» [Ibid.]. Комментировать этот вывод нет смысла. И не только потому, что Эстония как самостоятельное государство в этой войне участия не принимала, но и потому, что подобная оценка, данная в государственном школьном учебнике независимой Эстонии в XXI в. и ставящая ее в один ряд с государствами гитлеровской коалиции, вполне саморазоблачительна и симптоматична.

В том же направлении исторической политики идет и Музей оккупации в Риге. Он обязателен для протокольного посещения иностранных делегаций, экскурсии в него входят в программу школьных уроков истории. «Для народов Западной Европы окончание войны означало возвращение свободы, а народы Восточной Европы попали в тиски коммунистического тоталитаризма. Окончание Второй мировой войны не означало для Латвии освобождения и победы над абсолютным злом, так как после потери независимости одно зло сменилось другим», – гласит информация на его сайте [Нейбургс].

Музеи – на передовой войн за историю. Еще один яркий пример – это Музей Второй мировой войны в Гданьске. Этот молодой музей изначально формировался как рассказ о польском взгляде на Вторую мировую. И это было по-своему уникально, и логично, что такой музей создавался именно в Гданьске. Очень сложная дискуссионная позиция создавалась известными музейщиками и учеными Польши. Коллекция формировалась из частных собраний, что увеличивало ее уникальность. Польская историческая политика определяется ныне различными традициями. Доминирующим является поддерживаемое антикоммунистической версией истории стремление представить прошлое Польши как борьбу за свободу, героическое сопротивление иноземному владычеству (прежде всего русскому и немецкому) [Leszczyński; The Unconquered].

Три года назад при смене польского внутривластного ландшафта и при активном участии Института национальной памяти, который, как и на Украине, является структурой правительства, про-

изошла полная смена концепции [Кувалдин]. Ушли лучшие сотрудники во главе с директором П. Махцевичем и научным куратором Р. Внуком, создававшие изначально масштабную концепцию, дававшую возможность увидеть польский взгляд на события Второй мировой в мире. Ныне же экспозиция является прямой иллюстрацией доминант польской исторической политики. Об этом красноречиво говорит четырехминутный проморолик, созданный по заказу Института национальной памяти. Ролик позиционирует Польшу во Второй мировой войне и как главную жертву, и как главного, вернее, даже единственного победителя. Вот несколько цитат: «Эта война длилась полвека!», «Гитлер и Сталин подписали пакт. Его целью было уничтожение Польши», «Мы возрождаемся как армия» – это про армию Андерса (без упоминаний о том, что она была создана в 1941 г. на территории СССР по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании из польских граждан, находившихся на территории Советского Союза), «Мы сеем страх в воздухе», «Польские евреи с гетто поднимают восстание без шансов на победу» – и, заметим, без шансов на поддержку со стороны поляков. «Папа дал нам надежду» – принципиально, что нет упоминания «Солидарности» и Леха Валенсы [Ibid.]. Авторы проморолика «проработали год над проектом, который не говорит правду о польской истории и который представляет Польшу как “Христа народов”, вечно страдающего, но всегда непобедимого. За рубежом это, естественно, никого не убедит. Хуже, что фильм будут смотреть польские дети в школах. Ущерб, нанесенный молодым умам, может оказаться непоправимым», – с этой позицией трудно не согласиться [Leszczyński]. Этот музей обязателен для школьных групп и рекомендован к посещению иностранными делегациями.

Непоправимый ущерб имиджу музея нанесла прошлогодняя история с песней «Темная ночь». Знаменитая песня попала под запрет цензуры, введенной руководством музея. На концерте, посвященном окончанию Второй мировой войны в Европе, польские музыканты хотели спеть «Темную ночь». Эта песня известна в Польше в переводе Юлиана Тувима и была впервые исполнена после войны певицей Верой Гран, узницей варшавского гетто. Директор музея выбежал на сцену, прервал выступление, заявив, что это пропагандистская песня: «Это пример создания легенды о романтическом красноармейце, который воюет за страну Советов и тоскует по дому. Происходит ли эта ностальгия до, после или в перерыве между убийствами, грабежами и изнасилованиями женщин (а часто и детей), массово осуществлявшимися “романтичными” Советами по дороге на Берлин, через земли, населенные поляками... Песня не соответствует истине об участии советских солдат во Второй мировой войне» [Masłowski]. Он согнал музыкантов со сцены, явив на той же сцене практически карикатурную фобию с демонизацией сконструированного образа врага. К чести музыкантов, по всей Польше прошли флэшмобы, где артисты пели «Темную ночь»

[«Темная ночь» на разных языках мира]. Многие польские СМИ, связанные с правящей партией, поддержали директора. Но гораздо больше было журналистов, которые рассказали своим читателям о песне «Темная ночь». А авторитетная *Gazeta Wyborcza* назвала порядки в музее «шариатом» и обвинила власти страны в том, что они «решают, что поляк не должен слушать» [Рокоссовская].

Увы, цензура проникает в разные сферы общественной активности. Особенно там, где речь идет о сложных вопросах истории и ее темных сторонах. Самый, пожалуй, яркий пример – изъятие из книжных магазинов и консервация тиража книг литовской журналистки Р. Ванагайте. Она занимается исследованием табуированных тем. На территории Литвы было убито 95 % довоенного еврейского населения республики, более 190 тыс. чел. [Литва. Энциклопедия катастрофы]. Хотя с 1994 г. в стране ввели Национальный день памяти жертв холокоста, отмечаемый 23 сентября – в дату ликвидации гетто в Вильнюсе в 1943 г., в разных стратах литовского общества отторгается информация об участии, нередко добровольном, местного населения в холокосте. Одной из «взорвавших» литовский социум в этом смысле и стала монография Р. Ванагайте «Свои. Путешествие с врагом», посвященная этой сложнейшей теме и основанная как на официальных документах, так и на свидетельствах устной истории [Ванагайте, Зурофф]. Книга была переведена на многие языки и стала бестселлером, однако на родине ее автор подверглась остракизму со стороны как множества простых читателей, так и представителей истеблишмента. Также она исследует тему движения литовских «лесных братьев», утверждая, что это было весьма разнородное сообщество и нельзя всех его членов считать борцами за независимость и называть их именами улицы, как это сейчас происходит в Литве (и иных балтийских государствах). После ее заявлений издательство приняло решение разорвать с ней контракт и изъять все книги Ванагайте из продажи [Яцкявичус]. Травля в СМИ и от представителей политического истеблишмента была такой, что побудила литовских правозащитников вспомнить свою советскую «подцензурную» молодость [Венцлова].

Почти в каждом из многочисленных образов прошлого, порожденных национальной памятью о войне, можно увидеть и стремления людей, в том числе и политических лидеров, так или иначе оправдать собственный народ или вынести на первый план такой фрагмент исторической истины, который в более выгодном свете показывает своих соотечественников и менее заметен и важен для соседей. Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно затушевывать. Преодоление исторических травм – «сочетания истории и памяти» [Ассман, с. 183] – является непреложным условием нормализации, объективизации рефлексии на прошлое.

Трагедии прошлого, прежде всего связанные с предысторией и историей Второй мировой войны, неосознанные, неосмысленные или осмысленные лицемерно, становятся основой для новых

историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, сталкивают между собой страны и народы. Нетрудно заметить, что почти во всех странах постсоветского или постсоциалистического пространства ныне весьма популярен такой подход к истории, который позволяет представить «свои» страдания исключительно как результат «чужой» злой воли. Диктатура и террор позиционируются в первую очередь как направленные против собственно нации, а их проводники в жизнь – как «чужеземцы» или их ставленники. То обстоятельство, что коммунистические режимы в этих странах опирались не только на штыки Советской армии, но и на внутренние ресурсы, постепенно исчезает из национальной памяти. «“Конкуренция жертв” и “войны памяти” показывают, что в логике национальной памяти доминирует представление о постоянном дефиците места: собственные страдания занимают очень большое пространство, не оставляя места для чужих страданий» [Ассман, с. 216].

Сознательно обостряются историко-правовые оценки происшедшего: например, очень популярным в политическом лексиконе целого ряда посткоммунистических (постсоветских) стран стало слово «геноцид». Действительно, можно допустить, что и такого рода крайние оценки нередко несут в себе часть исторической правды. Но частичная правда или полуправда всегда опасна – в первую очередь для тех, кто готов принять ее за историческую истину во всей ее полноте. Такое культивирование образа собственного народа как «жертвы» органически связано с поисками «врага» вовне, с отчуждением ответственности, с персонификацией образа «палача» в соседе. Скорее всего, это результат естественной потребности людей снять с себя слишком неподъемный груз гражданской ответственности за прошлое. Но снятие с себя всякой ответственности и возложение ее на соседа – не лучшая основа не только для взаимного понимания народами друг друга, но и для собственного национального возрождения.

Непродуктивно и опасно проводить разделение «народ-жертва» и «народ-палач» и оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими. Тем более, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и наследственной ответственности. Для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий нужен не поиск виноватых, а поиск исторической истины и гражданская ответственность за историю собственного народа, собственной страны. Такую ответственность добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества. Если народ объединен не только сиюминутными проблемами в экономике и политической жизни страны, но и общим прошлым и заботой об общем будущем, то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную историю. Именно гражданская ответственность за собственную историю и умение извлекать из нее уроки, а не великие достижения

или великие катастрофы делают народ в полной мере нацией, то есть обществом сограждан. Воспитание такой ответственности – это долгий и кропотливый труд осмысления и переосмысления прошлого без табу на «сложные вопросы истории». При этом нужно стараться понять образы прошлого, сложившиеся у соседних народов. Не принять, а именно понять, не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

В историческом знании всегда существуют лакуны, это нормально. История не может быть написана «раз и навсегда», иначе она превращается в идеологию. А модные нынче заявления о том, что «не надо переписывать историю», имеют отчетливый политический подтекст: под «переписыванием» видится вскрытие «неудобных» фактов и документов. Историю невозможно переписать. Ее можно дописать, выявив новые документы и свидетельства происходившего, или исказить, умалчивая неудобное, не укладывающееся в политический дискурс. И в этом отношении важны совместные проекты историков и музейщиков разных стран: они дают возможность открыто и деполитизированно сопоставить точки зрения, проанализировать документы. Что вовсе не обязательно означает нахождение общей точки зрения, но открывает перспективу избавиться от политизированного контекста и, возможно, от неизжитых ментальных стереотипов.

Список литературы

Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии : учебник для гимназии. Таллинн : Колибри, 2000. 264 с.

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 223 с.

Бовдунов А., Медведева А. «Ориентация на пересмотр итогов войны»: как Европарламент объявил пакт Молотова – Риббентропа причиной Второй мировой // RT на русском : [сайт]. 2019. 21 сент. URL: <https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voyna> (дата обращения: 20.01.2021).

Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.

Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М. : АСТ : Corpus, 2018. 416 с. Венцлова: травля Ванагайте очень напоминает советское время // Delfi.lt : [сайт]. 2017. 30 окт. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/venclova-travlya-vanagajte-ochen-pominaet-sovetskoe-vremya.d?id=76195009> (дата обращения: 20.01.2021).

Виставка «Українська Друга світова» // Mega : [интернет-платформа]. URL: <https://mega.nz/folder/8p5UURAB#DgsRWCgp0ZACEBNTzErEwFw> (дата обращения: 21.02.2021).

В'ятрович В. Бандера: старі та нові міфи // Український інститут національної пам'яті : [офіц. сайт]. URL: <https://old.uinp.gov.ua/news/bandera-stari-ta-novi-mifi> (дата обращения: 20.02.2021).

В'ятрович В., Забілий Р., Дерев'яний І., Содоль П. Українська Повстанська Армія : Історія нескорених. Львів : Центр досліджень визвольного руху, 2011. 352 с.

Дембовская Д. Фашисты прошли по коридору // Время новостей : [сайт]. 2010. № 43. 17 мар. URL: <http://www.vremya.ru/2010/43/5/249693.html> (дата обращения: 20.01.2021).

До 77-ї річниці Акту відновлення Української держави 30 червня 1941 року розгорнуто експозицію «Відновлення української державності в умовах Другої

світової війни» // Верховна Рада України : офіційний вебпортал парламенту України : [офіц. сайт]. 2018. 03 июля. URL: <https://www.rada.gov.ua/news/Novyny/160391.html> (дата обращения: 20.02.2021).

Договор о передаче Литве города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой с конфиденциальным протоколом к нему // Руниверс : [сайт]. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150970 (дата обращения: 20.01.2021).

Ищенко В. В. Память о войне и война памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : материалы междунар. науч. конф. 24–26 сентября 2009 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 7–12.

Кувалдин С. «Темная ночь» одна на всех : Кто и почему запретил советскую песню в Польше // Snob.ru : [сайт]. 2019. 24 мая. URL: <https://snob.ru/entry/177406/?fromtg=1> (дата обращения: 20.01.2021).

Литва. Энциклопедия Катастрофы. Яд Вашем // Yadvashem.org : [сайт]. URL: <http://www1.yadvashem.org/yv/ru/holocaust/about/popup/lithuania.asp?height=420&width=560> (дата обращения: 19.01.2021).

МИД России: СССР никогда не был союзником гитлеровской Германии // МИД России. ВКонтакте : [соц. сеть]. 2019. 22 сент. URL: https://vk.com/wall-70034991_369753 (дата обращения: 20.01.2021).

Нейбургс У. История оккупации Латвии // Latvijas Okupācijas muzejs : [офіц. сайт]. URL: <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/nacistskaja-okkupacija/latvija-vo-vtoroj-mirovoj-vojnje> (дата обращения: 08.01.2020).

Полендорфс В., Нейбургс У. Латыши в составе вооруженных сил Германии во Второй Мировой войне // Министерство иностранных дел Латвийской Республики : [офіц. сайт]. 2004. 03 сент. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/informacionnye-materialy-i-dokumenty/publikacii-v-pressе/36949-latyshi-v-sostave-vooruzhennyh-sil-germanii-vo-vtoroj-mirovoj-vojnje> (дата обращения: 08.01.2021).

Рокоссовская А. Темная Ночь музеев // Рос. газ. : [сайт]. 2019. № 108 (7866). 21 мая. URL: <https://rg.ru/2019/05/21/v-polshe-posle-skandala-stala-populiarnoj-sovetskaia-pesnia.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Страны Балтии и Польша вместе будут сопротивляться попыткам РФ переписать историю // Delfi.lt : [сайт]. 2020. 15 июня. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/strany-baltii-i-polsha-vmeste-budut-soprotivlyatsya-popytkam-rf-perepisat-istoriyu.d?id=84535065> (дата обращения: 20.01.2021).

«Темная ночь» на разных языках мира // YouTube : [сайт]. URL: <https://youtu.be/HVzeFj18BE> (дата обращения: 20.01.2021).

Шاما О. 80 років від початку Другої світової. Як 1939 року Гітлер разом зі Сталіном розв'язали найкровопролитнішу війну в історії // НВ : новости Украины и мира : [сайт]. 2019. 1 сент. URL: https://nv.ua/ukr/world/countries/druga-svitova-1939-yak-gitler-rozv-yazav-viynu-80-rokiv-z-pochatku-viyni-foto-50040052.html?utm_campaign=langanalytics.&utm_medium=in_article&utm_source=set_lang (дата обращения: 20.01.2021).

Юранец А. Война не забыта: Москва и Варшава спорятся из-за истории : Как Россия и Польша обвиняют друг друга в попытках переписать историю // Газета.ru : [сайт]. 2019. 23 дек. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/23_a_12880478.shtml (дата обращения: 20.01.2021).

Яцкявичус М. Издательство *Alma littera* изымает из продажи все книги Вангайте // Delfi.lt : [сайт]. 2017. 27 окт. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/izdatelstvo-alma-littera-izymaet-iz-prodazhi-vse-knigi-vanagajte.d?id=76182929> (дата обращения: 20.01.2021).

Leszczyński A. II wojna światowa trwała pół wieku – według filmu wyprodukowanego przez IPN. Wyliczamy nadużycia // OKO.Press : [website]. 2017. September 15. URL: <https://oko.press/ii-wojna-swiatowa-trwala-pol-wieku-wedlug-filmu-wyprodukowanego-ipn-wyliczamy-naduzycia/> (accessed: 20.01.2021).

Maślowski A. Oświadczenie Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku // Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku : [official website]. 2019. 19 May. URL: <https://muzeum1939>.

pl/oswiadczenie-muzeum-ii-wojny-swiatowej-w-gdansk/aktualnosci/2040.html?fbclid=IwAR1eGvzea4Ea7cv9pdH6oox4USoKcynN5E28_MvYQXrP7JcSQko7zVkjJQA (accessed: 20.01.2021).

Slavinas A. Der inszenierte Aufstand // Die Zeit. 1993. 25. Juni. № 26.

The Unconquered: Riveting Story of Poland in WW2 Narrated by Sean Bean // YouTube: [website]. URL: <https://youtu.be/Q88AkN1hNYM> (accessed: 20.01.2021).

References

Adamson, A., Valdmaa, S. (2000). *Istoriya Estonii. Uchebnik dlya gimnazii* [The History of Estonia. A Textbook for Gymnasiums]. Tallinn, Koolibri. 264 p.

Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Discontent with Memorial Culture] / transl. by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 223 p.

Bordyugov, G. A. (2011). *"Voiny pamyati" na postsovetskom prostranstve* ["Wars of Memory" in the Post-Soviet Space]. Moscow, AIRO-XXI. 256 p.

Bovdunov, A., Medvedeva, A. (2019). "Orientatsiya na peresmotr itogov voiny": kak Evroparlament o'yavil pakt Molotova – Ribbentropa prichinoi Vtoroi mirovoi ["Orientation on the Revision of the Results of the War": How the European Parliament Declared the Molotov – Ribbentrop Pact the Cause of the Second World War]. In *RT na russkom* [website]. 21 Sept. URL: <https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voina> (accessed: 20.01.2021).

Dembovskaya, D. (2010). Fashisty proshli po koridoru [The Fascists Walked along the Corridor]. In *Vremya novostei* [website]. 17 March. No. 43. URL: <http://www.vremya.ru/2010/43/5/249693.html> (accessed: 20.01.2021).

Do 77-ï richnitsi Aktu vidnovlennya Ukraïns'koï derzhavi 30 chervnya 1941 roku rozgornuto ekspozitsiyu "Vidnovlennya ukraïns'koï derzhavnosti v umovakh Drugoi svitovoï viini" [On 30 June 1941, the Exposition "The Restoration of Ukrainian Statehood in the Conditions of the Second World War" to Open on the 77th Anniversary of the Act of the Restoration of the Ukrainian State]. In *Verkhovna Rada Ukraïni. Ofitsiïnyi vebportal parlamentu Ukraïni* [official website]. URL: <https://www.rada.gov.ua/news/Novyny/160391.html> (accessed: 20.02.2021).

Dogovor o peredache Litve goroda Vil'no i Vilenskoï oblasti i o vzaimopomoshchi mezhdû SSSR i Litvoi s konfidentsial'nym protokolom k nemu [Agreement on the Transfer of the City of Vilna and Vilna Region to Lithuania and on Mutual Assistance between the USSR and Lithuania with a Confidential Protocol]. In *Runivers* [website]. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150970 (accessed: 20.01.2021).

Ishchenko, V. V. (2010). Pamyat' o voine i voina pamyati [War Memory and Memory War]. In *Vtoraya mirovaya voina kak problema natsional'noi pamyati. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 24–26 sentyabrya 2009 g.* St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, pp. 7–12.

Kuvaldin, S. (2019). "Temnaya noch'" odna na vsekh. Kto i pochemu zapretil sovet-skuyu pesnyu v Pol'she ["Dark Night" is One for All. Who Banned the Soviet Song in Poland and Why]. In *Snob.ru* [website]. 24 May. URL: <https://snob.ru/entry/177406/?fromtg=1> (accessed: 20.01.2021).

Leszczyński, A. (2017). II wojna światowa trwała pół wieku – według filmu wyprodukowanego przez IPN. Wyliczamy nadużycia. In *OKO.Press* [website]. September 15. URL: <https://oko.press/ii-wojna-swiatowa-trwala-pol-wieku-wedlug-filmu-wyprodukowanego-ipn-wyliczamy-naduzycia/> (accessed: 20.01.2021).

Litva. Entsiklopediya Katastrofy. Yad Vashem [Lithuania. Encyclopaedia of Catastrophe. Yad Vashem]. In *Yadvashem.org* [website]. URL: <http://www1.yadvashem.org/yv/ru/holocaust/about/popup/lithuania.asp?height=420&width=560> (accessed: 19.01.2021).

Masłowski, A. (2019). Oświadczenie Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. In *Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku* [official website]. 19 May. URL: https://muzeum1939.pl/oswiadczenie-muzeum-ii-wojny-swiatowej-w-gdansk/aktualnosci/2040.html?fbclid=IwAR1eGvzea4Ea7cv9pdH6oox4USoKcynN5E28_MvYQXrP7JcSQko7zVkjJQA

id=IwAR1eGvzea4Ea7cv9pdH6oox4USoKcynN5E28_MvYQXrP7JcSQko7zVkjQA (accessed: 20.01.2021).

MID Rossii: SSSR nikogda ne byl soyuznikom gitlerovskoi Germanii [The Russian Ministry of Foreign Affairs: The USSR was Never an Ally of Hitler's Germany]. (2019). In *MID Rossii. VKontakte* [social network]. 22 Sept. URL: https://vk.com/wall-70034991_369753 (accessed: 20.01.2021).

Neiburgs, U. (N. d.). Istoriya okkupatsii Latvii [The History of the Occupation of Latvia]. In *Latvijas Okupācijas muzejs* [official website]. URL: <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/nacistiskaja-okkupacija/latvija-vo-vtoroj-mirovoj-vojnje> (accessed: 08.01.2020).

Nollendorfs, V., Neiburgs, U. (2004). Latyshi v sostave vooruzhennykh sil Germanii vo Vtoroi Mirovoi voine [Latvians in the German Armed Forces in World War II]. In *Ministerstvo inostrannykh del Latviiskoi respubliki* [official website]. 3 Sept. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/informacionnye-materialy-i-dokumenty/publikacii-v-presse/36949-latyski-v-sostave-vooruzhennykh-sil-germanii-vo-vtoroj-mirovoj-vojnje> (accessed: 08.01.2021).

Rokossovskaya, A. (2019). Temnaya Noch' muzeev [The Dark Night of Museums]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. No. 108 (7866). 21 May. URL: <https://rg.ru/2019/05/21/v-polske-posle-skandala-stala-populiarnoj-sovetskaia-pesnia.html> (accessed: 20.01.2021).

Shama, O. (2019). 80 rokov vid pochatku Drugoi svitovoi. Yak 1939 roku Gitler razom zi Stalinim rozv'yazali naikrovoprolitnitsu viinu v istorii [80 Years since the Beginning of World War II. The Way in Which Hitler and Stalin Unleashed the Bloodiest War in History in 1939]. In *NB. Novosti Ukrainy i mira* [website]. 1 Sept. URL: https://nv.ua/ukr/world/countries/druga-svitova-1939-yak-gitler-rozv-yazav-viynu-80-rokiv-z-pochatku-viyini-foto-50040052.html?utm_campaign=lenganalytics.&utm_medium=in_article&utm_source=set_lang (accessed: 20.01.2021).

Slavinas, A. (1993). Der inszenierte Aufstand. In *Die Zeit*. 25 June. No. 26.

Strany Baltii i Pol'sha vmeste budut soprotivlyat'sya popytkam RF perepisat' istoriyu [The Baltic States and Poland Will Together Resist the Attempts of the Russian Federation to Rewrite History]. (2020). In *Delfi.lt* [website]. 15 June. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/strany-baltii-i-polsha-vmeste-budut-soprotivlyatsya-popytkam-rf-perepisat-istoriyu.d?id=84535065> (accessed: 20.01.2021).

"Temnaya noch'" na raznykh yazykakh mira [The "Dark Night" in Different World Languages]. (N. d.). In *YouTube* [website]. URL: <https://youtu.be/HVzeFj18BE> (accessed: 20.01.2021).

The Unconquered: Riveting Story of Poland in WW2 Narrated by Sean Bean. (N. d.). In *YouTube* [website]. URL: <https://youtu.be/Q88AkN1hNYM> (accessed: 20.01.2021).

V'yatrovich, V. (N. d.). Bandera: stari ta novi mifi [Bandera: Old and New Myths]. In *Ukrains'kii institut natsional'noi pam'yati* [official website]. URL: <https://old.uinp.gov.ua/news/bandera-stari-ta-novi-mifi> (accessed: 20.02.2021).

V'yatrovich, V., Zabilii, R., Derev'yani, I., Sodal', P. (2011). *Ukrains'ka Povstans'ka Armiya. Istoriya neskorenikh*. L'viv, Tsentri doslidzhen' vizvol'nogo rukhu. 352 p.

Vanagaite, R., Zuroff, E. (2016). *Svoi. Puteshestvie s vragom* [Our People. A Journey with an Enemy]. Moscow, AST, Corpus. 416 p.

Ventslova: travlya Vanagaite ochen' napominaet sovetskoe vremya [Venclova: Vanagaite's Persecution is Very Reminiscent of Soviet Times]. (2017). In *Delfi.lt* [website]. 30 Oct. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/venclova-travlya-vanagajte-ochen-napominaet-sovetskoe-vremya.d?id=76195009> (accessed: 20.01.2021).

Vstavka "Ukrains'ka Druga svitova" [The "Ukrainian Second World" Exhibition]. In *Mega* [internet-platform]. URL: <https://mega.nz/folder/8p5UURAB#DgsRWCGp0ZACEBNTzrEwFw> (accessed: 21.02.2021).

Yatskyavichus, M. (2017). Izdatel'stvo *Alma littera* izymaet iz prodazhi vse knigi Vanagaite [Alma Litera Publishing House Withdraws All Vanagaite Books from Sale]. In *Delfi.lt* [website]. 27 Oct. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/izdatelstvo-alma-littera-izymaet-iz-prodazhi-vse-knigi-vanagajte.d?id=76182929> (accessed: 20.01.2021).

Yuranets, A. (2019). Voina ne zabyta: Moskva i Varshava ssoryatsya iz-za istorii. Kak Rossiya i Pol'sha obvinyayut drug druga v popytках perepisat' istoriyu [The War is Not Forgotten: Moscow and Warsaw are Quarreling Over History. How Russia and Poland Accuse Each Other of Trying to Rewrite History]. In *Gazeta.ru* [website]. 23 Dec. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/23_a_12880478.shtml (accessed: 20.01.2021).

The article was submitted on 22.02.2021

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПОСЛЕВОЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Артем Зорин

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

THE SOVIET UNION AND THE POST-WORLD WAR II FOREIGN POLICY OF CZECHOSLOVAKIA AS ASSESSED BY AMERICAN DIPLOMACY

Artem Zorin

Vyatka State University,
Kirov, Russia

This article examines how American diplomats and international relations experts perceived Czechoslovak foreign policy priorities between the end of World War II and the consolidation of communist power in the ČSR in 1948. The purpose of the work is to identify the Soviet factor in US policy towards Czechoslovakia, the peculiarities of the perception of the country in the general context of Soviet-American relations and the genesis of the Cold War. The research is based on documentary sources from different archives: the US National Archives, the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic, and the archive of Ambassador L. A. Steinhardt at the Library of Congress. Archival documents are supplemented by articles from the American press. The author concludes that during this period, the perception of Czechoslovakia by the Americans was ambivalent and controversial. On the one hand, the existence of a democratic multi-party system made it possible to consider the ČSR part of the West, but, on the other hand, its pro-Soviet foreign policy forced the Americans to regard it as being behind the Iron Curtain. The real foreign

---

* *Citation:* Zorin, A. (2021). The Soviet Union and the Post-World War II Foreign Policy of Czechoslovakia as Assessed by American Diplomacy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1080–1094. DOI 10.15826/qr.2021.3.628.

Цитирование: Zorin A. The Soviet Union and the Post-World War II Foreign Policy of Czechoslovakia as Assessed by American Diplomacy // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1080–1094. DOI 10.15826/qr.2021.3.628 / Зорин А. Советский Союз и послевоенная внешняя политика Чехословакии в оценках американской дипломатии // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1080–1094. DOI 10.15826/qr.2021.3.628.

activities of the Czechoslovak government led by communist K. Gottwald directly demonstrated Czechoslovakia's orientation toward close relations with the USSR and its loyalty to the Kremlin. Because of this, the degree of Prague's dependence on Moscow was a subject of serious discussion and reflection among American experts in international relations. Some of them unconditionally placed the ČSR among the Soviet satellites, while others considered it the last outpost of democracy in Eastern Europe. A turning point in the perception of Czechoslovakia was its refusal to participate in the Marshall Plan under the direct pressure of the Soviet government. After that, Prague's inability to resist Soviet pressure and its dependence on Moscow became apparent to the Americans.

Keywords: Soviet-American relations, US-Czechoslovak relations, Cold War, L. A. Steinhardt, history of Czechoslovakia

Исследуется проблема восприятия американскими дипломатами и экспертами по международным отношениям ориентиров и приоритетов чехословацкой внешней политики в период между окончанием Второй мировой войны и закреплением у власти в ЧСР коммунистов в 1948 г. Цель работы состоит в выявлении советского фактора в политике США в отношении Чехословакии, особенностей восприятия этой страны в контексте советско-американских отношений и общего генезиса холодной войны. Исследование базируется на анализе документальных источников из архивов Государственного департамента США, Министерства иностранных дел Чешской Республики, личного архива посла Л. А. Штейнгардта. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. Архивные документы дополняют материалы американской прессы. Обосновывается вывод, что на протяжении указанного периода восприятие Чехословакии со стороны американцев носило противоречивый характер: с одной стороны, сохранение демократической многопартийной системы позволяло относить ее к Западу, но, с другой, просоветская внешняя политика побуждала помещать ЧСР за «железным занавесом». Конкретные внешнеполитические мероприятия чехословацкого правительства во главе с коммунистом К. Готвальдом прямо демонстрировали ориентацию Чехословакии на близкие отношения с СССР и лояльность Кремлю. Из-за этого степень зависимости Праги от Москвы была предметом серьезных дискуссий и размышлений среди американских специалистов по международным отношениям. Часть из них безоговорочно помещала ЧСР в ряд советских сателлитов, другая считала ее последним аванпостом демократии в Восточной Европе. Поворотным моментом в восприятии ЧСР стал ее отказ от участия в плане Маршалла, осуществленный под прямым давлением советского руководства. После этого для американцев стали очевидными неспособность Праги сопротивляться советскому давлению и ее зависимость от Москвы.

Ключевые слова: советско-американские отношения, американско-чехословацкие отношения, холодная война, Л. А. Штейнгардт, история Чехословакии

После окончания Второй мировой войны начался раздел Европейского континента на сферы влияния. Оказавшиеся на границе раскола страны испытывали влияние ухудшения отношений между СССР и США. Одним из таких государств была Чехословацкая Республика (ЧСР). На протяжении нескольких лет положение Праги в оценках американцев оставалось неоднозначным: одни воспринимали ее как советского сателлита, другие – как западный аванпост на границе формирующегося советского блока.

Историография обозначенной проблемы представлена работами чешских, словацких и американских авторов [Ullmann; Michálek; Proks; Clements; Lukes]. В российской исторической науке раскрыто лишь развитие советско-чехословацких отношений в послевоенные годы [Марьина, 2002; Чехия и Словакия в XX в., с. 53–59]. Обращение к архивным документам позволяет более полно рассмотреть данный вопрос. Статья основана на документах Государственного департамента США и Министерства иностранных дел Чешской Республики, материалах из архива посла Л. А. Штейнгардта [NARA; LASP; AMZV].

Чехословацкое эмигрантское правительство президента Э. Бенеша в годы Второй мировой войны разработало новое видение положения ЧСР в послевоенной Европе. Предвидя усиление СССР, слабость и ненадежность прежних союзников, стремясь не допустить повторения Мюнхена, Бенеш предлагал использовать ЧСР в качестве «моста» между Востоком и Западом. Он намеревался развивать военнополитическое сотрудничество с СССР, используя его как защитника от германского ревизионизма, сохраняя близкие экономические отношения с западными странами, подкрепленные приверженностью демократическим порядкам [Серапионова, с. 119; Марьина, 2009, с. 151–165]. Однако реализация такой концепции была возможна лишь при условии сохранения дружеских отношений между СССР и США.

В декабре 1943 г. Бенеш посетил Москву, где подписал долгосрочный советско-чехословацкий союзный договор [Серапионова, с. 116; Марьина, 2009, с. 149–172]. Перед этим он совершил визит в США, где пытался объяснить американским политикам и общественности суть своей стратегии и отношений с Москвой. Реакция на чехословацко-советский договор в Америке не была однозначной. Часть специалистов видела в нем обычное соглашение, направленное на обеспечение взаимной безопасности, другая – начало формирования советской сферы влияния в Восточной Европе. Хотя руководители США в тот момент проявляли слабый интерес к этому региону, их беспокоили растущая мощь Москвы и ее планы на будущее [Зорин, 2017; Встречными курсами, с. 12–13, 460]. Многих в США интересовало, насколько далеко распространится советское влияние и согласится ли Кремль допустить создание в освобожденных странах демократических режимов [Юнгблуд]. Чехословакия в этом контексте представляла особый интерес. Бенешу удавалось сохранять дружеские отношения как с Москвой, так и с западны-

ми союзниками. К началу 1945 г. в госдепартаменте смотрели на эту страну как на индикатор советских намерений. Один из экспертов по СССР Ч. Болен считал, что выполнение Москвой предусмотренных советско-чехословацким договором обязательств о невмешательстве во внутренние дела ЧСР могло стать доказательством возможности сотрудничества с Кремлем [Lukes, p. 10; Clements, p. 66].

В марте 1945 г. правительство Бенеша прибыло из Лондона в Москву, где был согласован его новый состав с участием коммунистов. Затем оно было доставлено в Чехословакию и приняло власть на освобожденной территории. При этом почти все районы страны были освобождены Красной армией, лишь в Западной Богемии находились войска США.

Но еще до восстановления суверенитета Чехословакия стала предметом разногласий между Москвой и Вашингтоном. Американцы были недовольны тем, что советские власти не допустили иностранных дипломатов к чехословацкому правительству на освобожденной территории [Yungblyud, Zorin, p. 1289–1302]. Госдепартамент при поддержке британского премьера У. Черчилля пытался подтолкнуть американское командование к освобождению Праги, но эта инициатива была отвергнута генералом Д. Эйзенхауэром. Все это предвещало, что намерению Бенеша превратить ЧСР в «мост» между Востоком и Западом предстояло пройти серьезную проверку.

Прибывшие в 1945 г. в Прагу американские дипломаты видели в Красной армии инструмент советского влияния. Чехословацкие коммунисты воспринимались ими как исполнители воли Москвы, а некоммунистические партии – как прозападные демократические силы. Внутриполитическая борьба в республике трактовалась как часть общего противостояния коммунизма и демократии. Вместе с тем, в подготовленном в июне 1945 г. Госдепартаментом для президента Г. Трумэна меморандуме было отмечено, что с правительством ЧСР сохранялись прекрасные отношения, США «продолжали историческую политику поддержки свободной и независимой Чехословакии» [FRUS, 1945, vol. 4, p. 463].

Намерения Москвы в отношении ЧСР выглядели для американцев не вполне определенными. Кремль не выказывал намерения советизировать республику. Доказательств советского вмешательства в чехословацкую внутреннюю политику не было [FRUS, 1946, vol. 6, p. 238–241]. Все политические партии поддерживали развитие дружеских отношений с СССР. Глава чехословацких коммунистов К. Готвальд говорил об особом пути к социализму. Он заверял, что союз с СССР имел прежде всего военно-оборонительный характер и не препятствовал развитию отношений с западными странами [NARA. RG 84. CGR, 1945–57. Box 3. Klieforth to the Secretary of State. June 17, 1945].

Присутствие Красной армии в ЧСР рассматривалось американскими дипломатами в Праге скорее как неблагоприятный для СССР фактор из-за поведения советских военных [Ibid. June 4, 1945].

Правительство ЧСР пыталось избавиться от оккупационных войск, являвшихся бременем для экономики страны [FRUS, 1945, vol. 4, p. 503]. Американцы, поддерживая эту инициативу, не хотели выводить свою армию в одностороннем порядке. С подачи Бенеша президент Трумэн лично обратился к Сталину с просьбой об одновременном полном выводе обеих оккупационных армий. Согласие было получено, и к декабрю эвакуация была завершена [Зорин, 2018].

Быстрое согласие Кремля, помимо облегчения, вызвало и подозрения в госдепартаменте. В конечном счете там решили, что руководство СССР рассчитывало на благоприятный пропагандистский эффект, способный усилить позиции коммунистов на предстоящих парламентских выборах. Кроме того, Москва могла отказаться от военного присутствия в Чехословакии, поскольку уже получила в ней достаточное влияние [Ján Papánek, s. 105–109; NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/11–2046; 860F.00B/1–948].

Отношение к Чехословакии в США стало ухудшаться после начала социалистических реформ и некоторых действий пражского правительства. Негативную реакцию вызывала национализация промышленных предприятий, представлявшаяся как свидетельство поворота ЧСР к коммунизму, за которым стоял СССР. Знакомые с мотивами реформы американские дипломаты настаивали, что ее причиной были внутренние, а не внешние факторы [Diamond, p. 71]. Но национализация также затронула интересы американских собственников, что породило серьезные проблемы в отношениях Вашингтона и Праги. И все же, согласно сообщению чехословацкого посольства в США, в начале 1946 г. ЧСР продолжала пользоваться симпатиями американцев [AMZV. Politické zprávy 1918–1977. Velvyslanectví ČSR ve Washingtoně do MZV. 29. dubna 1946].

С точки зрения американского посольства в Праге, в ЧСР наблюдалось расширение советского влияния. Министерство информации находилось под контролем коммунистов, в газетах распространялась просоветская пропаганда. Коммунистическая пресса позволяла себе прямые нападки на американскую политику. Посол Л. Штейнгардт полагал, что «чехословацкие власти консультируются и следуют пожеланиям русских цензоров и русской секретной полиции. <...> 75 % позитивной иностранной информации отводится Советской России». Газеты иных партий не осмеливались критиковать СССР [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.48/8–2145; RG 84. CGR, 1945–57. Box 2. Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 7, 1945]. К похожему выводу пришли члены делегации Конгресса США, посетившие Прагу осенью 1945 г. Они увидели в городе огромное количество советских флагов и портретов Сталина [AMZV. Teritoriální odbory – obyčejné, 1945–1959. Box 24. European study trip]. Конгрессмены рекомендовали усилить американскую пропаганду. Но даже в 1947 г., по оценке Штейнгардта, в этой сфере США значительно уступали СССР [LASP. Box 67. Conference at the Embassy. Sept. 24, 1947].

В марте 1946 г. в своей фултонской речи Черчилль объявил о расколе Европейского континента. По его словам, в государствах Восточной Европы происходило установление полицейских режимов под контролем Москвы. Поместив Прагу за «железным занавесом», британский политик, однако, признал, что в Чехословакии продолжала сохраняться демократия [Черчилль, с. 528–543]. В этом отразилось двойственное восприятие ЧСР на Западе.

Американская пресса откликнулась на выступление Черчилля рядом статей. *New-York Times*, поместив Чехословакию в советскую сферу влияния, привела и иные точки зрения. Международный обозреватель газеты С. Сульцбергер пояснял, что коммунисты еще не добились в ней доминирующего положения, хотя могли сделать это в ближайшем будущем [Sulzberger]. 10 марта газета опубликовала выдержки из интервью Бенеша, заверявшего, что СССР не стремился к территориальным захватам, а лишь хотел иметь дружественные государства на своих границах [MacCormac; Congressional Record, p. A1478].

Поддержка Прагой внешнеполитического курса Москвы вызывала в США настороженность. В подготовленном весной 1946 г. Централно-европейским отделом госдепартамента (ЦЕО) обзоре курс Праги на сближение с Москвой объяснялся страхом перед возрождением Германии [NARA. RG 59. GR, Czechoslovakia 1946–1953. Box 1. Czechoslovakia – Policy and information statement]. По мнению Штейнгардта, ослабление коммунистического, а значит, и советского влияния в ЧСР могло произойти в результате укрепления позиций демократических сил по итогам намеченных на май 1946 г. парламентских выборов [LASP. Box 95. Steinhardt to Williamson. May 1, 1946]. Однако на них коммунисты смогли получить 38 % голосов. Вместе с социал-демократами они контролировали половину парламента. Остальные 50 % распределились между остальными партиями. Главой правительства стал Готвальд [Чехия и Словакия в XX веке, с. 50].

Реакция посольства на итоги голосования была спокойной. Отказ Москвы от объявленного накануне намерения произвести в период выборов перемещение частей Красной армии через территорию ЧСР, как казалось, свидетельствовал о соблюдении обязательства не вмешиваться во внутренние дела страны [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/5–2346; 860F.00/6–1746]. Штейнгардт положительно воспринял назначение Готвальда главой правительства. Его предшественника социал-демократа З. Фирлингера он считал фактическим агентом Москвы [Ibid. 860F.00/5–2346]. В сентябре 1946 г. Штейнгардт передал в госдепартамент слова Готвальда, что «основным мотивом, объединяющим славянские народы с Советским Союзом, является необходимость предотвращения немецкой агрессии» и что с западными державами установились «в целом удовлетворительные» отношения [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/9–1246].

На протяжении 1946 г. в ЧСР продолжало сохраняться зыбкое равновесие. Во внешней политике все политические силы поддерживали

союз с СССР, не критикуя действия Москвы. Штейнгардт сообщал, что один из лидеров умеренной Национально-социалистической партии министр внешней торговли Г. Рипка после поездки в Москву в марте 1946 г. выразил уверенность в искренности желания Сталина уважать чехословацкий суверенитет [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/5–746].

В июле правительственная делегация ЧСР во главе с Готвальдом и министром иностранных дел Я. Масариком посетила Москву для переговоров по широкому кругу вопросов. В разговоре с американским послом в СССР У. Б. Смитом Масарик отметил, что «атмосфера переговоров была очень сердечной». По его словам, чехи не имели намерения «продавать свои души» и не собирались отворачиваться от Запада [FRUS, 1946, vol. 6, p. 209]. И все же чехословацкий посол в Вашингтоне Ю. Славик сообщал в Прагу, что в Америке на фоне нагнетания «страха, недоверия, подозрений» в отношении СССР Чехословакия все чаще изображалась как зависимое от Москвы государство [AMZV. Politické zprávy 1918–1977. Velvyslanectví ČSR ve Washingtoně do MZV. 22. juna 1946].

Штейнгардт, тем не менее, отказывался «списывать» ЧСР со счетов и называть ее советским сателлитом. В письме сотруднику ЦЕО Ф. Уильямсону 29 июля 1946 г. он отмечал, что «до тех пор, пока существуют свободные выборы, есть возможность перемен... Чехословакия может быть важным аспектом нашей европейской политики и может быть спасена для нашей концепции западной цивилизации» [LASP. Box 95. Steinhardt to Williamson. July 29, 1946].

По всей видимости, чехословацкие политические деятели полагали, что в Вашингтоне понимают вынужденный характер действий Праги. Однако для руководства госдепартамента и общественного мнения США такая политика становилась все менее приемлемой. В конце августа 1946 г. госсекретарь Д. Бирнс, раздосадованный поведением чехословацкой делегации на конференции в Париже, распорядился остановить выделение кредитов Праге. Бирнсу не понравилось, что чехи не только поддерживали советскую позицию по всем вопросам, но и аплодировали заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому, обвинившему США в стремлении экономически поработить Европу [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.24/9–646].

Бенеш пытался объяснить вынужденный характер подобного поведения. 23 декабря 1946 г. он заявил Штейнгардту, что если бы Бирнс имел дело с СССР как представитель небольшого соседнего государства, он вел бы себя точно так же, как чехословацкие делегаты. Ценой этого было невмешательство Кремля во внутренние дела ЧСР [FRUS, 1946, vol. 6, p. 238–241]. Штейнгардт вынужден был принять это объяснение и констатировал, что Прага будет и впредь зависеть от СССР в вопросах обеспечения своей безопасности [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/12–3146].

Во время поездки в США в начале 1947 г. Штейнгардт прочитал лекции о Чехословакии перед специалистами по международным

отношениям. Одна из них была названа «Чехословакия – западный аванпост за железным занавесом». Посол высказал мнение, что ЧСР шла на вынужденный союз с СССР в силу географической близости. Но большинство жителей страны не поддерживали коммунизм. Штейнгардт полагал, что даже чехословацкие коммунисты были патриотами и ставили интересы своей родины на первое место. Таким он считал и Готвальда, который являлся «100-процентным чехом» и мог действовать даже вопреки Москве. Посол делал вывод, что в последние месяцы Кремль ослабил давление на Прагу. И если такое положение продлится еще хотя бы год, Москва может полностью потерять Чехословакию [LASP. Box. 67. Czechoslovakia – Western Outpost behind the Iron Curtain].

Вскоре заместитель Штейнгардта Д. Брюинс направил в Вашингтон свой обзор мотивов чехословацкой внешней политики. Он полагал, что «рабское» поведение Чехословакии в отношении СССР было следствием нескольких причин. Во-первых, это патологический страх перед возрождением Германии и «яркая память о Мюнхене». Из-за этого в Праге не доверяли прежним союзникам и надеялись только на СССР. Чехословацкое руководство боялось потерять покровительство Москвы либо спровоцировать ее на вмешательство во внутренние дела страны. Во-вторых, чехословацкая внешняя политика находилась под влиянием коммунистов, поскольку Масарик фактически передал руководство министерством своему заместителю коммунисту В. Клементису. Важным фактором было общее состояние международных отношений: Праге приходилось выбирать между Востоком и Западом. «Если произойдет полный разрыв между Востоком и Западом, не может быть никаких сомнений, что Чехословакия останется с Востоком», – писал Брюинс [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3–1347].

Летом 1947 г. Брюинс уже не исключал, что коммунисты могут попытаться захватить власть, если Москва решит «более тесно интегрировать Чехословакию в советскую сферу». Он допускал, что по приказу Кремля они без колебаний перейдут к революционной тактике и даже могут поставить вопрос о вхождении республики в состав СССР. Вместе с тем дипломат полагал, что СССР было выгодно сохранять демократический режим в ЧСР и представлять ее как «образцового сателлита», «витрину», показывая возможность сочетания демократии и социализма [Ibid. 860F.00B/6–647]. Штейнгардт разделял этот вывод: в июне 1947 г. он писал, что не ожидает скорого захвата власти коммунистами в ЧСР [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/6–947; FRUS, 1947, vol. 4, p. 212].

Серьезное влияние на изменение отношения американцев к ЧСР оказал отказ Праги от участия в плане Маршалла. Программа масштабной помощи Европе была анонсирована госсекретарем Д. Маршаллом 5 июня 1947 г. Для ее обсуждения было решено создать 12 июля конференцию в Париже. 7 июля чехословацкое правительство единогласно решило участвовать в конференции. Действия Праги вызвали

позитивную реакцию в США. Поскольку это согласие последовало за отказом и критикой программы со стороны Москвы, некоторые американские газеты пришли к выводу, что у Чехословакии существовала определенная степень свободы в отношениях с СССР [Кратки, с. 122]. Но ситуация быстро изменилась. 9 июля чехословацкая делегация в составе Готвальда, Масарика и министра юстиции национального социалиста П. Дртины отправилась в Москву с плановым визитом. Через день было объявлено, что Прага отказывается от участия в Парижской конференции [Кратки; Наринский].

Когда посол Ю. Славик 10 июля посетил госдепартамент, руководитель ЦЕО Д. Риддлбергер попытался выяснить, что тому было известно о причинах изменения позиции чехословацкого правительства. Славик сообщил, что не располагает официальной информацией. Риддлбергер заметил, что в США могло сложиться впечатление о прямом вмешательстве СССР во внутренние дела Чехословакии. По итогам беседы у главы ЦЕО сложилось впечатление, что посол согласился с этим утверждением, но в записях Славика подобное замечание отсутствовало [NARA. RG 59. GR, Czechoslovakia 1946–1953. Box 1. Memorandum of Conversation. July 10, 1947; AMZV. Politické zprávy 1918–1977. Velvyslanectví ČSR ve Washingtoně do MZV. 11. júla 1947].

12 июля чехословацкая делегация вернулась в Прагу. Хотя в официальном сообщении о визите в Москву план Маршалла не упоминался, в американском посольстве узнали о содержании произошедших в Кремле переговоров от Зенкла и Дртины [Lukes, p. 173]. Масарик также не скрывал разочарования. Известна фраза, которую он бросил своему другу британскому дипломату Б. Локхарту, что он «ехал в Москву как министр независимого суверенного государства, а вернулся лакеем советского правительства» [Lockhart, p. 66].

По сообщениям Штейнгардта, решение об отказе от участия в конференции вызвало панику в умеренных партиях, дошедшую до разработки планов эмиграции и создания правительства в изгнании. Но вскоре ситуация успокоилась. Зенкл полагал, что Кремль, убедившись в способности контролировать внешнюю политику ЧСР, не будет вмешиваться в ее внутренние дела [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/7–1847]. Масарик публично отрицал советское вмешательство, но, по мнению американцев, он делал это по просьбе Готвальда [Ibid. 860F.00/8–447]. Сам факт того, что Прага отказалась от приглашения в Париж после поездки Готвальда и Масарика в СССР, служил доказательством давления Москвы [Clements, p. 154]. 29 июля во время визита в госдепартамент заместитель Славика Й. Ганч дал понять, что давление со стороны СССР все же имело место и было настолько велико, что его невозможно было выдержать [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/7–2947].

Штейнгардт, тем не менее, отмечал, что отказ от участия в плане Маршалла всего лишь подтвердил факт советского контроля над внешней политикой ЧСР [FRUS, 1947, vol. 4, p. 223–226]. Вопрос со-

стоял в том, планировала ли Москва ограничивать отношения ЧСР с Западом и расширять вмешательство в ее внутреннюю политику. Штейнгардт полагал, что первое было маловероятным, поскольку Прага должна была исполнять экономические обязательства перед СССР. А для этого ей было необходимо поддерживать тесные связи с западными странами. Штейнгардт предлагал не выделять ЧСР новых кредитов и подчеркивал, что считает такую меру не наказанием, а методом воздействия на коммунистов, которые должны были осознать неизбежность экономического краха без нормальных отношений с Западом. Для демонстрации американской заинтересованности в Чехословакии и поддержки демократических сил Штейнгардт рекомендовал предпринять ряд символических мер, например, подписать договор о культурном сотрудничестве и облегчить транзит товаров через Германию [Ibid.].

Осенью 1947 г. Масарик посетил США, где пытался оправдаться за политику своего правительства. Во время переговоров в госдепартаменте он заявил, что чехи по-прежнему дорожили своей независимостью. Министр выразил опасение, что в случае поражения коммунистов на следующих выборах у СССР появится повод для «прямых действий», и просил США «продемонстрировать заинтересованность» в делах Чехословакии [FRUS, 1947, vol. 4, p. 237]. На второй встрече с Масариком 14 ноября присутствовал госсекретарь Маршалл. Он заверил, что высоко оценил первоначальное согласие ЧСР принять участие в парижском совещании, но никаких реальных действий по поддержке демократических сил не обещал. Маршалл также просил прояснить мотивы Москвы, по его мнению, подорвавшей своими действиями дружеские отношения с США. Масарик ответил, что Сталиным двигала навязчивая идея о скором экономическом крахе Америки, после которого Вашингтон должен был, как полагали в Кремле, вернуться к изоляционизму и оставить Европу на милость СССР [FRUS, 1947, vol. 4, p. 242–244; Ullman, p. 84].

Переговоры проходили на фоне обострения ситуации в Венгрии, где произошло окончательное закрепление у власти левых сил и начались гонения на оппозицию. В сентябре 1947 г. был создан Коминформ. В это время Штейнгардт сообщал, что некоторые умеренные политики пытались выяснить у американских дипломатов, что им известно о планах СССР, на случай, «если не удастся полностью подчинить чехословацкое правительство», и нет ли у Кремля намерения ввести в Чехословакию войска. Многие полагали, что советское правительство не решится на оккупацию, опасаясь спровоцировать войну или вызвать негативную реакцию мирового общественного мнения [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/10–2147].

Штейнгардт сравнил чехословацких политических деятелей с железными опилками, оказавшимися между двумя полюсами магнита – Востоком и Западом. Поскольку восточный полюс был ближе, притяжение к нему было сильнее. Посол полагал, что от чехов не следовало

ожидать стойкого сопротивления внешнему давлению, поскольку исторически они привыкли склоняться перед завоевателями. Страна сама сделала выбор в пользу СССР в поисках защиты от Германии. Люди опасались коммунистического переворота, экономического кризиса и изоляции от Запада, но надеялись, что добровольное сотрудничество с СССР предотвратит его прямое вмешательство и оккупацию [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/10–2947].

24 сентября 1947 г. во время совещания с посетившими Прагу членами делегации Конгресса США А. Смитом и К. Мундтом Штейнгардт описал хронологию отказа Чехословакии от участия в плане Маршалла. По его словам, Сталин предварительно побеседовал с Готвальдом и «устроил ему ад», после чего все члены делегации отправились в Кремль. Сталин обвинил чехов в недружественном поведении и заставил их отказаться от приглашения в Париж. Штейнгардт замечал, что это был единственный факт, когда можно было доказать прямое вмешательство Москвы во внешнюю политику ЧСР [LASP. Box 67. Conference at the Embassy. Sept. 24, 1947].

В госдепартаменте с этого времени стали преобладать пессимистичные прогнозы относительно судьбы Чехословакии. Подготовленный для Маршалла доклад Отдела политического планирования от 6 ноября 1947 г. констатировал, что основой советской политики после войны было стремление расширить контроль над евразийским пространством. Поскольку продвижение советского влияния на Западе было остановлено, Сталин приступил к консолидации власти в Восточной Европе. Для этого Москве было необходимо установить полный контроль над Чехословакией. Пока коммунизм мог свободно распространяться на континенте, СССР было выгодно сохранять в ЧСР «внешние проявления свободы», используя ее как «приманку» для других стран. Но в новой ситуации Кремль мог решиться на уничтожение демократических институтов и установление коммунистического режима в Чехословакии, рассматривая это в качестве оборонительного хода [FRUS, 1947, vol. 1, p. 770–777].

В декабре 1947 г., выступая в Национальном военном колледже в Вашингтоне, Штейнгардт отметил усиление активности коммунистов в ЧСР, проявлявшееся в наступлении на оппозицию и антиамериканской пропаганде. Причиной были намеченные на май 1948 г. выборы. Вместе с тем, посол не упоминал о каком-либо вмешательстве СССР. Он продолжал верить, что, в отличие от «остальных сателлитов», чехи меньше симпатизировали коммунизму [LASP. Box 67. The current situation in Czechoslovakia. Dec. 15, 1947].

В феврале 1948 г. в Праге разразился политический кризис. Министры от умеренных партий вышли из состава правительства, намереваясь достичь его роспуска и формирования нового кабинета. Коммунисты организовали массовые манифестации, добившись от президента Бенеша сохранения во главе кабинета Готвальда и замены выбывших министров. Вслед за этим последовало окончатель-

ное установление контроля компартии над политической системой ЧСР. В разгар событий в Прагу с рабочим визитом прибыл заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин. Это сразу вызвало у американцев подозрения в причастности Москвы к происходившим событиям. Согласно полученной от правых политиков информации, Зорин в частном порядке заявлял о поддержке советским правительством компартии. По другим сведениям, он оказывал давление на Бенеша, угрожая интервенцией, если президент не выполнит пожелания коммунистов [NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3–1248]. Но доказать это было нельзя.

Произошедшие события были оценены в США как государственный переворот. Вместе с тем, в послании госдепартамента французскому и британскому посольствам в Вашингтоне 24 февраля 1948 г. констатировалось, что захват власти коммунистической партией не поменял уже сложившегося положения – подчинения Чехословакии СССР [FRUS, 1948, vol. 4, p. 736]. Штейнгардт пришел к выводу, что кризис явился логическим завершением процесса, начавшегося с заключением советско-чехословацкого договора 1943 г. По его мнению, СССР, в отличие от США, изначально имел стратегические планы в отношении Чехословакии. Поскольку Вашингтон не демонстрировал заинтересованности в сохранении демократического режима, в ЧСР решили, что США согласны с включением их страны в сферу влияния Москвы. В итоге Чехословакия была обречена на вхождение в советский блок в Восточной Европе [FRUS, 1948, vol. 4, p. 747–754].

Американское восприятие Чехословакии в первые послевоенные годы было неоднозначным. С одной стороны, союзный договор с СССР и просоветская внешняя политика побуждали поместить ЧСР за «железный занавес». Однако многопартийная политическая система и заявления руководителей государства о верности демократии и симпатиях к Западу позволяли расценивать эту страну как «западный аванпост» на границе советской сферы влияния. Сторонники первой позиции, списавшие Прагу со счетов, были противниками развития более тесных отношений США с этой страной. Но посол Штейнгардт проводил мысль о том, что для Чехословакии оставалась надежда сохранить свое место в ряду демократических стран. Признавая вынужденный характер ее внешней политики, госдепартамент при этом не соглашался идти на уступки. По мере ухудшения советско-американских отношений руководство США все более болезненно воспринимало просоветские жесты правительства ЧСР. После отказа Праги от участия в обсуждении плана Маршалла стало очевидно, что Чехословакия в своей внешней политике всецело ориентирована на СССР. В феврале 1948 г. ЧСР окончательно определилась с выбором пути социально-политического развития.

Список литературы

Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / под ред. В. Т. Юнгблуда. Киров : Изд-во Вят. гос. гуманитар. ун-та, 2014. 510 с.

Зорин А. В. США и Советско-чехословацкий договор 1943 г. // Рос. история. 2017. № 4. С. 151–163.

Зорин А. В. Проблема вывода американской армии из Чехословакии в 1945 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 47–61. DOI 10.7868/S0130386418030046.

Кратки К. Чехословакия и план Маршалла // У истоков «социалистического сотрудничества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М. : Наука, 1995. С. 110–129.

Марьина В. В. Чехословацкий «февраль» 1948-го начинался в 1945 году // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы : «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М. : Наука, 2002. С. 88–112.

Марьина В. В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. : в 2 кн. М. : Индрик, 2009. Кн. 2. 1941–1945 гг. 448 с.

Наринский М. М. Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 67–83.

Серапионова Е. П. Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы : «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М. : Наука, 2002. С. 113–132.

Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 644 с.

Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории : в 2 кн. М. : Наука, 2005. Кн. 2. 558 с.

Юнгблуд В. Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 6. С. 66–78.

AMZV. Politické zprávy 1918–1977: Washington 1945–1946; Teritoriální odbory – obyčejné, 1945–1959: USA.

Clements C. W. The Development and Failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948 : PhD Diss. Oxford ; Ohio : [S. n.] . 2004. 223 p.

Congressional Record : Proceedings and Debates of the 79th Congress. Appendix. Vol. 92. Part 10. Wash. : GPO, 1946. 1242 p.

Diamond W. Czechoslovakia between East and West. L. : Stevens and Sons, 1947. 258 p. FRUS. 1945. Vol. 4. Europe. Wash. : GPO, 1968. 1358 p.

FRUS. 1946. Vol. 6. Eastern Europe; The Soviet Union. Wash. : GPO, 1969. 996 p.

FRUS. 1947. Vol. 4. Eastern Europe; The Soviet Union. Wash. : GPO, 1972. 892 p.

FRUS. 1948. Vol. 4. Eastern Europe; The Soviet Union. Wash. : GPO, 1974. 1166 p.

Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi (dokumenty 1939–1945) / ed. by S. Michálek. Bratislava : VEDA, 1997. 206 s.

LASP, 1929–1950. Manuscript Division. Box 67, 95.

Lockhart R. B. Jan Masaryk : A Personal Memoir. L. : Putnam, 1956. 80 p.

Lukes I. On the Edge of the Cold War : American Diplomats and Spies in Postwar Prague. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. 280 p.

MacCormac J. Benes Sees No War but Notes Spheres // The New-York Times. 1946. March 10. P. 2.

Michálek S. Nádeje a vytriezovania (Československo-americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951): dejiny a fakty. Bratislava : VEDA, 1995. 186 s.

NARA. Record Group 59. Central Decimal File, 1945–1949; General Records, Czechoslovakia, 1946–1953; Record Group 84. US Embassy in Prague. Classified General Records, 1945–1957.

Proks P. Československo a Západ 1945–1948 (Vztahy Československa se Spojenými státy, Velkou Británií a Francií v letech 1945–1948). Praha : ISV nakladatelství, 2001. 327 p.

Sulzberger C. L. Soviet well Entrenched on New European Line // *The New-York Times*. 1946. March 10. P. E5.

Ullmann W. The United States in Prague, 1945–1948. N. Y. : Boulder, 1978. 205 p.

Yungblyud V. T., Zorin A. V. The Problem of Returning of American Diplomats to Liberated Czechoslovak Republic // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. История*. Т. 63. 2018. Вып. 4. С. 1289–1302. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.417.

References

AMZV. Politické zprávy 1918–1977: Washington 1945–1946; Teritoriální odbory – obyčejné, 1945–1959: USA.

Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii v 2 kn. [Czechia and Slovakia in the 20th Century: Essays on History. 2 Books]. Moscow, Nauka. Book 2. 558 p.

Churchill, W. (2014). *Nikогда ne sdavat'sya! Luchshie rechi Cherkillya* [Never Give up! Churchill's Best Speeches]. Moscow, Alpina non-fiction. 644 p.

Clements, C. W. (2004). *The Development and Failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948*. PhD Diss. Oxford, Ohio, S. n. 223 p.

Congressional Record. Proceedings and Debates of the 79th Congress. (1946). Appendix. Vol. 92. Part 10. Wash., GPO. 1242 p.

Diamond, W. (1947). *Czechoslovakia between East and West*. L., Stevens and Sons. 258 p.

FRUS. 1945. Vol. 4. Europe. (1968). Wash., GPO. 1358 p.

FRUS. 1946. Vol. 6. Eastern Europe; The Soviet Union. (1969). Wash., GPO. 996 p.

FRUS. 1947. Vol. 4. Eastern Europe; The Soviet Union. (1972). Wash., GPO. 892 p.

FRUS. 1948. Vol. 4. Eastern Europe; The Soviet Union. (1974). Wash., GPO. 1166 p.

Kratki, K. (1995). Chekhoslovakiya i plan Marshalla [Czechoslovakia and the Marshall Plan]. In *U istokov "sotsialisticheskogo sodruzhestva": SSSR i vostochnoevropeiskie strany v 1944–1949 gg.* Moscow, Nauka, pp. 110–129.

LASP. 1929–1950. Manuscript Division. Box 67, 95.

Lockhart, R. B. (1956). *Jan Masaryk. A Personal Memoir*. L., Putnam. 80 p.

Lukes, I. (2012). *On the Edge of the Cold War: American Diplomats and Spies in Postwar Prague*. N. Y., Oxford Univ. Press. 280 p.

MacCormac, J. (1946). Benes Sees No War but Notes Spheres. In *The New York Times*. March 10, p. 2.

Mar'ina, V. V. (2002). Chekhoslovatskii "fevral" 1948-go nachinal'sya v 1945 godu [The Czechoslovak "February" of 1948 Began in 1945]. In *Totalitarizm: Istoricheskii opyt Vostochnoi Evropy. "Demokraticheskoe intermetstvo" s kommunisticheskim finalom. 1944–1948*. Moscow, Nauka, pp. 88–112.

Mar'ina, V. V. (2009). *Sovetskii Soyuz i chekho-slovatskii vopros vo vremya Vtoroi mirovoi voyny. 1939–1945 gg. v 2 kn.* [The Soviet Union and the Czecho-Slovak Question during the Second World War. 1939–1945. 2 Books]. Moscow, Indrik. Book 2. 1941–1945 gg. 448 p.

Michálek, S. (1995). *Nádeje a vytriezvenia (Československo-americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951): dejiny a fakty*. Bratislava, VEDA. 186 s.

Michálek, S. (Ed.). (1997). *Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi (dokumenty 1939–1945)*. Bratislava, VEDA. 206 s.

NARA. Record Group 59. Central Decimal File, 1945–1949; General Records, Czechoslovakia, 1946–1953; Record Group 84. US Embassy in Prague. Classified General Records, 1945–1957.

Narinskii, M. M. (1998). Sovetskii Soyuz, Chekhoslovakiya i plan Marshalla [The Soviet Union, Czechoslovakia, and the Marshall Plan]. In *Fevral' 1948. Moskva i Praga: vzglyad cherez polveka*. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, pp. 67–83.

Proks, P. (2001). *Ceskoslovensko a Zapad 1945–1948 (Vztahy Československa se Spojenými státy, Velkou Británií a Francií v letech 1945–1948)*. Praha, ISV nakladatelství. 327 p.

Serapionova, E. P. (2002). Eduard Benesh: plany poslevoennogo razvitiya Chekhoslovaki i real'nost' [Eduard Beneš: Plans for the Post-War Development

of Czechoslovakia and the Reality]. In *Totalitarizm: Istoricheskii opyt Vostochnoi Evropy. "Demokraticheskoe intermetstvo" s kommunisticheskimi finalom. 1944–1948*. Moscow, Nauka, pp. 113–132.

Sulzberger, C. L. (1946). Soviet Well Entrenched on New European Line. In *The New York Times*. March 10, p. E5.

Ullmann, W. (1978). *The United States in Prague, 1945–1948*. N. Y., Boulder. 205 p.

Yungblyud, V. T. (1998). "Obrazy Rossiiskoi imperii" i vneshnepoliticheskoe planirovanie v SShA v 1944–1945 gg. ["Images of the Russian Empire" and Foreign Policy Planning in the United States in 1944–1945]. In *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*. No. 6, pp. 66–78.

Yungblyud, V. T. (Ed.). (2014). *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Counter Courses: The Policy of the USSR and the USA in the Balkans and the Middle East in 1939–1947]. Kirov, Izdatel'stvo Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 510 p.

Yungblyud, V. T., Zorin, A. V. (2018). The Problem of Returning of American Diplomats to Liberated Czechoslovak Republic. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 63. Iss. 4, pp. 1289–1302. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.417.

Zorin, A. V. (2017). SShA i Sovetsko-chechoslovatskii dogovor 1943 g. [The USA and the Soviet-Czechoslovak Treaty of 1943]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 4, pp. 151–163.

Zorin, A. V. (2018). Problema vyvoda amerikanskoi armii iz Chechoslovakii v 1945 g. [The Withdrawal of the US Army from Czechoslovakia in 1945]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 3, pp. 47–61. DOI 10.7868/S0130386418030046.

The article was submitted on 24.06.2020

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

КОНЦЕПЦИЯ АЛЕКСЕЯ ТОЛОЧКО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ ПРАВДЫ РУССКОЙ*

Анна Жуковская

Национальный центр научных исследований,
Париж, Франция

OLEKSIY TOLOCHKO'S CONCEPT AND THE ORIGIN OF THE SHORT *PRAVDA RUSSKAIA*

Anna Joukovskaia

The French National Centre for Scientific Research,
Paris, France

A wide circle of historians, lawyers, and secondary school teachers are interested in the *Pravda Russkaia*. This review analyses the historiographical situation around the study of this important artefact after the publication of *The Short Pravda: The Origin of the Text* (2009) by Oleksiy Tolochko, in which the author develops the opinion that the *Short Pravda* appeared later than the *Expanded Pravda*, which was expressed by prominent linguists and historians (E. F. Karskii, S. P. Obnorskii, A. I. Sobolevskii, etc.) in the first half of the twentieth century but later discarded by Soviet scholarship. By combining various methods from source studies, the author proves that the *Short Pravda* did not originate as a legal document in the eleventh century, but as a fragment of *The Chronicle of Novgorod* in the early fifteenth century. The review shows that specialists' responses to Tolochko's book are limited to a few journal publications, each of which criticises one or two of separate arguments but does not systematically consider the proposed holistic theory of the artefact's origin (articles by K. Zukerman, P. V. Lukin, A. A. Gorskii, A. Y. Degtyarev, etc.). Any attempt at summarising the results of the controversy leads to the belief that the discussion is methodologically unsound. The analysis of an article from

---

* Citation: Joukovskaia, A. (2021). Oleksiy Tolochko's Concept and the Origin of the Short *Pravda Russkaia*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1097–1114 DOI 10.15826/qr.2021.3.629.

Цитирование: Жуковская А. Концепция Алексея Толочко и проблема происхождения краткой редакции *Правды русской* // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1097–1114. DOI 10.15826/qr.2021.3.629 / Жуковская А. Концепция Алексея Толочко и проблема происхождения краткой редакции *Правды русской* // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1097–1114. DOI 10.15826/qr.2021.3.629.

the *Pravda* that is taken out of context can lead to opposing interpretations depending on the choice of the parameters preferred by a given author at a given time. Considering the fundamental nature of the *Pravda Russkaia* for the history of medieval Russia, the reviewer concludes that it is necessary to make an effort (probably a collective effort) towards a systematic analysis of Tolochko's hypothesis: the traditional isolated study of this most important legal document should be placed within the broader framework of a comprehensive study of the collections in which the short and expanded versions of the *Pravda* have been preserved.

Keywords: *Pravda Russkaia, Short Pravda, Expanded Pravda, medieval Russia, Oleksiy Tolochko, Novgorod First Chronicle*

Источниковедческий статус Правды русской (русской) интересует широкий круг историков и юристов, а также преподавателей средних учебных заведений. В обзоре анализируется историографическая ситуация, сложившаяся вокруг изучения этого важнейшего памятника после выхода в 2009 г. монографии А. П. Толочко «Краткая редакция Правды русской: происхождение текста», в которой автор развивает мнение о вторичности Краткой редакции по сравнению с Пространной, высказывавшееся в первой половине XX в. видными лингвистами и историками (Е. Ф. Карским, С. П. Обнорским, А. И. Соболевским и др.) и позже отброшенное советской наукой. Сочетая различные методы источниковедения, автор доказывает, что краткая Правда возникла не как юридический документ в XI в., а как фрагмент новгородского летописания в начале XV столетия. В обзоре показано, что отклики специалистов на книгу А. П. Толочко сводятся к немногочисленным коротким журнальным публикациям, в каждой из которых подвергаются критике один или два отдельно взятых аргумента автора, но не предпринимается систематического рассмотрения предложенной целостной теории возникновения памятника (статьи К. Цукермана, П. В. Лукина, А. А. Горского, А. Я. Дегтярева и др.). Попытка подвести итоги этой многолетней дискуссии приводит к убеждению о ее методологической несостоятельности. Результаты анализа вырванной из контекста той или иной статьи Правды оказывается возможным интерпретировать в противоположных смыслах в зависимости от выбора источниковедческих параметров, которым данный автор отдает предпочтение в данный момент. Учитывая структурообразующий характер Правды русской для истории Древней Руси, автор обзора делает вывод о необходимости предпринять усилия (которые, вероятно, должны быть коллективными) для системного анализа гипотезы А. П. Толочко, причем предлагается поместить традиционное изолированное изучение этого важнейшего юридического памятника в более широкие рамки всестороннего исследования сборников, в составе которых сохранились Краткая и Пространная редакции.

Ключевые слова: Правда русская, Краткая редакция, Пространная редакция, Древняя Русь, А. П. Толочко, Новгородская первая летопись

В предисловии к книге А. А. Зимина «Правда русская», опубликованной посмертно в 1999 г., В. Л. Янин писал: «Вполне очевидно, что после приведения в порядок всей системы знаний о Русской правде, накопленных за 250 лет ее изучения, – а книга А. А. Зимина и демонстрирует этот порядок, – его исследование становится мощным импульсом нового обращения к разработанной им теме. Находить в грядущих поколениях новых исследователей любимого предмета – мечта и награда любого ученого» [цит. по: Зимин, с. 6].

Оптимистическое предсказание В. Л. Янина сбылось лишь наполовину. Десять лет спустя появилась монография А. П. Толочко, посвященная истории возникновения Краткой редакции Правды русской (далее – КрП)¹. Эта книга является одним из значительных событий в историографии древнерусского права, и можно не сомневаться, что уж кто-кто, а такой глубокий знаток темы, как А. А. Зимин, оценил бы оригинальность и основательность подхода А. П. Толочко даже в том случае, если и не согласился бы с его выводами. Но увы, Зимина с нами давно уже нет, и приветствовать нового исследователя этого важнейшего источника по истории Древней Руси оказалось некому: на книгу А. П. Толочко не было опубликовано ни одной рецензии, даже отрицательной.

Сегодня, по прошествии более чем 11 лет после выхода книги, кажется небезполезным оценить ее влияние на историографию. Кратко напомним содержание монографии. Используя вполне традиционные и общеупотребительные методы источникововедения, автор стремится всесторонне обосновать точку зрения, согласно которой КрП возникла не как юридический документ в XI в., а как фрагмент новгородского летописания начала XV столетия. Аргументация разрабатывается им в трех основных направлениях. Во-первых, историк показал уязвимость традиционного взгляда, согласно которому КрП могла просуществовать как памятник письменности в течение четырех столетий, не оставив по себе за этот период времени ни одного следа. Во-вторых, ученый напомнил об особенностях эволюции новгородского летописания, благодаря которым включение в летописи «посторонних материалов» становилось в начале XV в. нормальным приемом работы летописцев. Зная из древнейших летописей о существовании некоей «Ярославлей грамоты», когда-то дарованной Новгороду, летописцы пожелали связать это упоминание с конкретным документом: создатель Софийской первой летописи разместил в своем своде текст Пространной редакции Правды русской (ПрП), а создатель Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛмл) – текст Краткой редакции, каковым образом эта летопись и стала первым и единственным памятником, в котором обнаруживается данный документ. И, наконец, в-третьих, читателю был предложен эксперимент по реконструкции метода работы создателя НПЛмл на основе доступных летописцу материалов. А. П. Толочко поставил целью понять, из чего и как могла

¹ Написание *русская* – привнесенная историками модернизация, по аналогии с позднейшим *Россия*. В древнейших рукописях читается *руская*, от этнонимов *русы*, *русь*.

быть сделана КрП, и пришел к выводу, что в основе ее лежали тексты ПрП и Закона судного людем (ЗСЛ), помещенные в новгородской Синодальной кормчей, а методом работы летописца был более или менее механический выбор статей (его внимание привлекали в основном первые и последние статьи на страницах ПрП) и их сокращенный пересказ. Таким образом, КрП «создавалась в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала» [Толочко, 2009, с. 110].

Нельзя не признать, что на сегодняшний день вокруг книги создавалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, результаты исследования, пусть и с некоторым запозданием, зарегистрированы научным сообществом, ибо стандартно цитируются в справочных библиографиях². С другой, цитирование иногда сопровождается оговоркой о том, что эти результаты, по выражению А. И. Филюшкина, «на сегодняшний день не приняты исследователями Древней Руси» [Филюшкин, с. 92]. Между тем, отклики на книгу А. П. Толочко в печати сводятся к немногочисленным и довольно коротким журнальным статьям, большая часть которых, как мы увидим ниже, уклоняется от систематического рассмотрения аргументов автора до такой степени, что, по признанию того же А. И. Филюшкина, поставленные А. П. Толочко проблемы еще только предстоит подвергнуть «широкому и глубокому обсуждению», которого «они заслуживают» [Филюшкин, с. 92]. Остается предположить, что неприятие новой теории основывается на невысказанных мнениях и кулуарном общении между посвященными. Однако историковедческий статус Правды русской интересует не только специалистов, но и широкий круг историков, юристов, а также преподавателей средних учебных заведений, которые далеко не всегда имеют доступ к неформальному общению с медиэвистами и ограничиваются чтением их печатных работ. Ниже я рассматриваю (в порядке публикации) наиболее развернутые реакции на книгу А. П. Толочко в попытке определить, насколько они помогают мне – историку, не являющемуся специалистом по Древней Руси, – сформировать собственное отношение к ее главным положениям³.

Сломанное копье

Идею позднего происхождения КрП поддержал лишь один историк, Константин Цукерман, в статье, написанной «по следам Алексея Толочко» [Цукерман]. Однако и он не согласился с главным положением последнего о создании КрП на основе ПрП для целей летописания.

---

² Так, в Википедии (статья «Русская правда») глухая библиографическая ссылка на книгу появилась в апреле 2013 г., а изложение мнения А. П. Толочко о происхождении КрП – в феврале 2016 г.

³ По причине закрытия библиотек в период эпидемии мне осталась недоступна статья С. В. Цыб [Цыб]. Я не буду специально останавливаться на статье Н. Н. Омонова [Омонов], которая сводится, по сути, к сжатому обзору литературы, поскольку автор не приводит новых фактов или развернутой аргументации, но лишь солидаризируется с теми или иными историками по тем или иным аспектам темы.

К. Цукерман предложил собственную теорию возникновения этого памятника как «мнемотекста»: «Писец изначального текста КрП не переписывал его, а записывал, под диктовку или под самодиктовку, но без возможности сверки с письменным оригиналом. <...> КрП возникла как запись бытовавших в устной передаче правовых норм, сделанная, вероятно, клириком со слов законоговорителя» [Цукерман, с. 150–152].

Отсылая читателя к проделанному А. П. Толочко подробному разбору этой гипотезы [Толочко, 2014], остановимся на другой части исследования К. Цукермана, где утверждается, что «поздний новгородский летописец именно нашел и вставил в свою летопись текст КрП, а не составил его сам» [Цукерман, с. 123]. Аргументация автора основывается на анализе текстуальной связи ст. 18 КрП (так называемой статьи о копье) с «той устойчивой юридической компиляцией, в основе которой лежат ЗСЛ и ПрП» [Там же]. К. Цукерман реконструирует следующую цепь событий. В Новгороде в первой половине XIV в. возникает протограф Пространной редакции ЗСЛ в соединении с Пушкинской редакцией ПрП. Его внимательный создатель, в распоряжении которого имеется «некий список» КрП, замечает, что в изготовленном им сборнике нет нормы, соответствующей ст. 18 КрП, и заимствует ее. В центре аргументации лежит выяснение направления заимствования статьи о копье (из КрП в юридический сборник или наоборот). Основываясь на собственной интерпретации смысла статьи о копье, К. Цукерман утверждает, что версия, читаемая в юридическом сборнике, «являет собой неудачный пересказ ст. 18 КрП» [Там же, с. 127]. В итоге, заключает автор, данная статья – единственное доказательство «независимого существования Краткой правды вне НП/Мл», и оно позволяет утверждать, что КрП была записана не позднее первой половины XIV в. [Там же, с. 123–128].

Несколько странным выглядит то, что К. Цукерман, перечисляя историков, имевших противоположное его собственному мнение о соотношении КрП и ЗСЛ, почему-то игнорирует специально посвященный этому вопросу параграф монографии А. П. Толочко, в котором рассматривается не только статья о копье, но и ряд других общих положений КрП и ЗСЛ [Толочко, 2009, с. 72–76]. Со своей стороны А. П. Толочко в вышеупомянутом ответе на статью К. Цукермана никак не прокомментировал версию коллеги [Толочко, 2014]. Нельзя не признать, что моя попытка самостоятельно разобраться в этой проблеме, решение которой имеет принципиальное значение для оценки теории А. П. Толочко, осталась безуспешной. Как «стороннему наблюдателю» мне лишь стало ясно, что метод сопоставления вариантов какой-либо отдельной статьи Правды в целях выяснения направления заимствования дает противоречивые результаты, если применяется без учета состава сборников в целом. К сожалению, как мы увидим ниже, именно комментирование вырванных из контекста статей является основным методом исследования в работах, эксплицитно или имплицитно полемизирующих с теорией А. П. Толочко.

Коровья татьба, или Откуда взялся огнищанин?

В том же 2014 г. появилась короткая статья П. В. Лукина, главная задача которой заключается в опровержении центрального тезиса А. П. Толочко о том, что темные места КрП «можно объяснить как неудачное сокращение более пространного и удобочитаемого текста ПрП» [Толочко, 2009, с. 91]. В центре статьи лежит анализ одного из хорошо известных темных мест КрП, гласящего: «Аже убють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место» (ст. 21) [Лукин, 2014, с. 124].

Историков издавна смущала тавтологичность выражения «у говяда или у коровьей татьбы», вследствие чего утвердилось мнение о первичности чтения ПрП «у которой», а не «у коровьей» татьбы, поддержанное и А. П. Толочко. П. В. Лукин стремится доказать, что никакой тавтологии тут нет, ибо под *говядом* понимался самец (бык или вол), а под коровой – самка, что раздельное упоминание самцов и самок одного вида характерно и для других статей КрП, а также для иных памятников древнего (и не только русского) права, и что, таким образом, данный аргумент в пользу вторичности КрП снимается [Там же, с. 128–130]. Если предположить, что П. В. Лукин прав относительно смысла слова *говядо*, сразу возникает вопрос, почему ст. 21 КрП упоминает только коня, оставляя без внимания кобылу? Тавтология исчезает, но возникает непоследовательность.

Далее П. В. Лукин справедливо замечает, что А. П. Толочко не объяснил, каким образом (если КрП является сокращением ПрП) в ст. 21 КрП возник огнищанин, раз он не фигурирует не только в ст. 40 ПрП, но и вообще упоминается в ПрП единожды по поводу «муки», а не убийства. Позволяет ли гипотеза о возникновении КрП путем переработки ПрП ответить на этот резонный вопрос? П. В. Лукин полагает, что не позволяет, но его возражения в данном случае исчерпываются риторикой («крайне нелогично», «искусственно» и т. д.). Так, автор довольствуется замечанием, что «большая древность чтения “огнищанина” (ст. 21 КрП) по сравнению с абстрактным “кого” (ст. 40 ПрП) вполне очевидна» [Там же, с. 125]. Лично мне не кажется столь уж очевидным, чтобы редактор ПрП (если он работал на основе КрП) широким жестом распространил норму, созданную для огнищанина (члена ближайшего окружения князя), на лица любых статусов. Напротив, если редактор КрП пользовался текстом ПрП, он мог, заимствуя статью об убийстве *княжа мужа*, заменить это словосочетание словом *огнищанин* для создания эффекта архаичности.

Следует обратить внимание, что ст. 40 ПрП покрывает любые кражи в любом месте, будь то на дворе («у клети») или вне двора («у которые татьбы»). Напротив, ст. 21 КрП покрывает только кражи чего угодно на дворе («у клети») и кражи крупного скота (но не других вещей) в любом месте. Иными словами, если у кого-то на дороге украли коня, он имеет право убить вора, а если телегу, то нет. Ту же странность видим в ст. 38 КрП, действие которой вообще ограничено «своим дво-

ром». По этой статье, нельзя убить вора, укравшего что-то не только в поле или на дороге, но и на чужом дворе. Если вы находитесь в гостях и вдруг видите, как, например, из стойла крадут вашего коня, вы не имеете права убить вора и вынуждены просить хозяина двора возглавить операцию. Если КрП – первоначальный закон, то формулировки ст. 21 и 38 приходится признать крайне несовершенновыми, в отличие от логичной и исчерпывающей формулировки ст. 40 ПрП. В целом, вопреки категорическому утверждению П. В. Лукина, непредвзятый читатель способен представить себе, каким образом набор судебных казусов ст. 21 КрП (а также ст. 38 КрП) мог возникнуть из ст. 40 ПрП. Напротив, гипотеза первичности КрП требует объяснения непоследовательности и выборочного характера ст. 21 и 38.

Как видим, П. В. Лукин, обвиняя А. П. Толочко в интерпретации темных мест Правды «*pro domo sua*», и сам не удерживается от этого искушения [Лукин, 2014, с. 123]. Данная статья – типичный пример критики *à charge*, когда критик играет роль оппонента, ограничиваясь тем, чтобы ставить вопросы, но не давая себе труда доказать, что на них не имеется удовлетворительных ответов *в рамках критикуемой теории*. Такая критика целесообразна лишь в специфических обстоятельствах – во время защиты диссертации, например, когда жюри нужно проверить способность экзаменуемого вести дискуссию. В остальных случаях читатель ждет не оппонирования, а исследования. Как однажды справедливо заметил сам П. В. Лукин, исследователь «обязан» рассмотреть не только выгодные, но и невыгодные для своей концепции аргументы, «иначе все его построения не будут иметь ни малейшей ценности» [Лукин, 2008, с. 421]. Нельзя не согласиться, что это методологическая установка высочайшей пробы. Однако кажется несправедливым требовать ее соблюдения только от других.

Тысячелетие русского законодательства

На основании летописной датировки КрП 1016 годом 2016 г. был объявлен тысячелетним юбилеем письменного законодательства на Руси, что вызвало всплеск публикаций, посвященных Правде русской. Но и в этих обстоятельствах отзывы на книгу А. П. Толочко оказались крайне немногочисленными. Хорошим индикатором болезненного отношения научного сообщества к этой монографии, которую специалистам невозможно игнорировать, но очень не хочется обстоятельно обсуждать, служат сборник «Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права», подготовленный издательством «Президентская библиотека» (СПб., 2017), и 17-й том журнала «Исторический вестник» (2016). Из 22 статей, посвященных Правде русской в этих изданиях, только в трех теория вторичности КрП подвергается обсуждению, и то предельно кратко. Так, В. Я. Петрухин отмечает «гиперкритицизм» А. П. Толочко на основании анализа единственной (первой) статьи КрП, содержащей «перечисление рангов русской

дружины, которое невозможно вывести из позднейших правовых текстов» [Петрухин, с. 40]. А. В. Канаев берется защищать честь древнерусской экономики, интерпретировав в обратном смысле фразу А. П. Толочко о том, что «общество, реконструируемое на основании такого закона (КрП), настолько рудиментарно, что не вяжется с представлениями о Руси XI в.» [Канаев; Толочко, 2009, с. 16]. Наконец, А. Я. Дегтярев поддерживает мнение А. П. Толочко о вторичности КрП относительно ПрП (кажется, это единственный случай среди российских историков не только в указанных сборниках, но и в печати в целом⁴). На этой статье стоит остановиться подробнее, поскольку она ярко демонстрирует особенности популярного метода изучения Правды при помощи установления параллелей между ее положениями и летописными событиями, ценность которого А. П. Толочко ставит под сомнение [Дегтярев, 2016; Дегтярев, 2017].

КрП – закон о чрезвычайном положении

Версия происхождения КрП, сформулированная А. Я. Дегтяревым, настолько отличается от идеи о создании этого текста для летописных целей редактором НПЛмл, что формальное согласие с А. П. Толочко выражает, по сути, радикальное расхождение во мнениях. При этом методы работы обоих авторов столь различны, что дискуссия между ними невозможна, несмотря на то что А. Я. Дегтярев (опять-таки едва ли не единственный из ученых старшего поколения) в принципе благожелательно относится к появлению новой теории.

Связав создание КрП с бунтом киевлян против кн. Изяслава в 1068 г., А. Я. Дегтярев высказал следующую гипотезу:

Краткая Правда сложилась в драматический момент русской истории. Она должна была защитить не только знать, но и всех киевлян от разбоя и мародерства. Разъяснять в тех условиях Пространную правду, выбирать из нее статьи, связанные с ситуацией, было делом безнадежным. «Выжимка» уголовных статей, о которой должны были возвещать на каждом углу и устраивать по ней скорый суд, – в этом был смысл создания документа. Фактически это был закон о чрезвычайном положении [Дегтярев, 2016, с. 121].

Если верить автору, киевское общество обладало настолько продвинутым правовым сознанием, что рассчитывало подавить мятеж законодательными мерами – уникальный случай в истории Средневековья. При всем своем остроумии сближение КрП с киевскими событиями 1068 г. вступает в соперничество с другими давно предложенными датировками, основанными на том же самом методе чтения между строк, когда те или иные свидетельства летописи произвольно соотносятся с текстом Правды. Кроме того, если КрП возникла в 1068 г. как «вы-

---

⁴ Если не считать доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Томсинова, который энергично пропагандирует аргументы А. П. Толочко, не называя его имени [Томсинов].

жимка» из ПрП, то последняя автоматически удревняется до неизвестной даты. Поразительно, но историк никак не комментирует создаваемую его гипотезой проблему передатировки ПрП.

Компенсируя эти недостатки, гипотеза А. Я. Дегтярева позволяет экономно (на двух страницах!) решить ряд вопросов, «загнавших в тупик поколения ученых». Во-первых, она объясняет отсутствие свидетельств существования КрП вне НПЛмл – но не тем, что КрП возникла в XV в., как полагает А. П. Толочко, а тем, что она оказалась не нужна вскоре после своего возникновения:

Для ставшего киевским князем Всеслава это был абсолютно неприемлемый политический документ его врагов. Через какое-то время, утихомирившись, киевляне стали жить и судить по обстоятельной Пространной правде. <...> Ее (КрП. – А. Ж.) участие в реальной жизни если и было, тот составило всего несколько дней. Поэтому скромное, если не сказать меньше, присутствие КрП в древнерусских памятниках становится вполне понятным и объяснимым [Дегтярев, 2016, с. 121–122].

Во-вторых, указанная гипотеза позволяет понять, по какой причине текст КрП настолько темен и полон дефектных чтений, а также объяснить его таинственную денежную систему, удивившую еще В. О. Ключевского:

Пытаясь остановить пожар киевского восстания, вышеперечисленная киевская знать именно в эти бурные дни и создала КрП. Все делалось в спешке. Отсюда и многие грамматические и смысловые несообразности в ряде статей... [В Киеве в 1068 г.] был нервный и быстротекущий процесс определения штрафов за наказания составителями КрП. Отсюда несообразности, ошибки, резаны вместо кун и гигантские изумлявшие М. Н. Тихомирова гонорары вирникам [Дегтярев, 2016, с. 121].

Иными словами, по мнению автора, киевская городская элита ополумела от страха до такой степени, что разучилась писать и считать и вообще оказалась не в состоянии внятно изъясняться перед народом. После таких объяснений кажется несколько неожиданной заключительная фраза статьи о том, что все разновидности и редакции Правды, включая КрП, это «выдающийся памятник отечественной истории» [Дегтярев, 2016, с. 127].

О юридической образованности волхвов

Еще несколько авторов юбилейных публикаций вступили в имплицитную полемику с отдельными положениями книги А. П. Толочко, не называя ее. Наиболее интересна статья А. А. Горского о Яне Вышатиче, где делается попытка оспорить утверждение, что о существовании КрП не сохранилось никаких сведений ранее XV в. [Горский, 2016а].

А. А. Горский присоединился к давно высказанному мнению о том, что летописный эпизод казни волхвов Янем Вышатичем содержит «прямые ссылки» на две статьи КрП, 1-ю и 33-ю. Представляется, однако, что применение кровной мести персонажами летописи не является достаточным доказательством их знакомства с КрП, поскольку кровная месть, по общему мнению историков, входила в состав не только княжеского, но и обычного права. Кроме того, можно ли считать описанную в летописи месть за матерей, сестер и дочерей «прямой ссылкой» на ст. 1 КрП, где определен не только перечень законных мстителей, но и перечень законных объектов мщения, состоящий исключительно из мужчин: брат, отец, сын, племянник, дядя? Это не ссылка, а в лучшем случае широкое толкование закона.

Что касается ст. 33, то она действительно выглядит как княжеское распоряжение: «или смердъ оумочать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны» [Правда русская, с. 80]. Поэтому в принципе допустимо предположение, что адресованные Яню слова волхвов «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать» являются намеком (но уж никак не «прямой ссылкой») на статью КрП. Согласиться с этим, однако, означало бы признать, что летописец в данном эпизоде точно воспроизводит реально произошедшие события. Упоминание Яня Вышатича, с которым Сильвестр был знаком лично, располагает к доверию. Тем не менее, метод прочтения летописи как *протокола* быстро достигает в этом случае своего логического предела. Если волхвы имели в виду Правду «егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав», то почему они сослались не на князей, а на своего бога («Нама бози повѣдають, не можеша нама створити ничтоже») [ПВЛ, с. 75–77]? Или почему не допустить, что уверенность ярославльских волхвов 1071 г. в их исключительной подсудности князю происходила не из знакомства их с текстом Правды, а из памяти об аналогичном эпизоде 1024 г., когда суздальских волхвов «расточа и показни» лично Ярослав [Там же, с. 64–65]? В отсутствие *прямых ссылок* отражение юридического нововведения в одном из целой серии эпизодов, смысловая нагрузка которых заключается, с точки зрения летописца, в предостережении христиан от гибели через «бесовское наущение», выглядит не совсем невозможной, но довольно хрупкой гипотезой.

Еще раз о «смердыхолопе»

Все в том же юбилейном 2016 г. А. А. Горский опубликовал статью, посвященную, как и вышеупомянутая работа П. В. Лукина, еще одному княжескому установлению, по-разному передаваемому в КрП и ПрП [Горский, 2016b]. Хотя автор, решительно придерживаясь традиционного мнения о вторичности ПрП относительно КрП, не ставит свое исследование в какую-либо связь с теорией А. П. Толочко и даже не упоминает ее, рассмотрение этой работы

в данном контексте оказывается полезным. Прежде чем обратиться к выводам А. А. Горского, необходимо напомнить историографический контекст.

Одна из важных для древнерусской истории норм княжеского законодательства, касающаяся величины денежного взыскания за убийство лиц различных социальных категорий, получила разные формулировки под пером переписчиков дошедших до нашего времени двух списков КрП и многочисленных списков ПрП (соответственно, ст. 26 и ст. 16 по академическому изданию). В XIX – начале XX в., пока в историографии не возобладало мнение о вторичности ПрП по отношению к КрП, ученые спорили о том, какой из списков наиболее точно воспроизводит изначальную формулировку и как ее следует читать, а именно – как разделить ее на слова. В одних списках читалось «азасмердихолоп5гривен» (*ии* передавалось также как *ѣи*, *еи*, *ѣи*), что членили «а за смердѣи холоп» и интерпретировали как *смердѣи холоп*, то есть холоп, принадлежащий смерду. В других списках то же самое место выглядело как «азасмердихолоп», его членили «а за смерд и холоп» и понимали как упоминание двух статусов. Наконец, в третьей группе списков читается «авъсмердѣивъхолопе» (а также *ѣи* вместо *ѣи*), что позволяло два членения на слова и, соответственно, обе вышеназванных интерпретации: «а въ смердѣи въ холопе» (холоп, принадлежащий смерду) и «а въ смердѣ и въ холопе» (смерд и холоп). Противники мнения о том, что исходным чтением является «за смерда и за холопа 5 гривен», доказывали, что для древнерусского периода нехарактерно уравнивание прав свободного и холопа. Противники чтения «смердѣи холоп» настаивали, что в данном фрагменте Правды, преимущественно посвященном защите княжеского имущества, не могла идти речь о холопе, принадлежащем смерду.

После того как первичность КрП сделалась не просто мнением большинства, но и официальной доктриной советской исторической науки, описанная ситуация упростилась и усложнилась одновременно. С одной стороны, сомневаться в первичности КрП стало небезопасно, что устранило необходимость спорить на эту тему. С другой стороны, успехи в текстологии Правды сделали очевидным, что подавляющее большинство списков дают однозначно интерпретируемое чтение типа «смердѣи холоп», и лишь один или два – столь же однозначное «смерд и холоп» [Любимов, 1941, с. 80]. При этом двусмысленные чтения оказались отличительной чертой списков КрП, то есть проблема угнездилась в самом корне древнерусского законодательства, а не в его позднейших отростках, что было бы менее критично. Необходимость разрешить все сомнения по этому пункту стала принципиальной. Для наглядности сведем в таблицу все чтения из всех списков КрП и ПрП, опубликованных в академическом издании.

Чтения по КрП и ПрП

Написание	Списки	Количество списков	Редакция Правды
за смердихолоп(ъ)	Синод.-Троицк. гр. без Прилуцкого сп. + Музейского 2 сп.	15	ПрП
за смердъихолоп	Карамз. гр. без Оболенск., Музейск. и Бальзер. сп. + Прилуцк. сп.	5	ПрП
въ смердъивхолопѣ	Археогр.	1	КрП
за смердеихолоп	Бальзеровск.	1	ПрП
въ смердѣивъхопѣ	Акад.	1	КрП
за смердихолоп	Оболенск. 2	1	ПрП
Пропущено	Пушк. гр. + Толст	6	ПрП

В ходе подготовки академического издания Правды коллектив авторов признал, что правильной передачей текста для КрП является «а в смерде и в холопе 5 гривен», а для ПрП – «а за смердии холоп 5 гривен» [Правда русская, с. 399, 408]. В 1941 г. вышла статья В. П. Любимова, обосновывавшая категорический вывод, что исходным является чтение КрП Акад. «авъсмердѣивъхолопе» и что оно означает двух лиц, смерда и холопа. Все остальные чтения объявлялись испорченными, а смысл *смердий холоп* (то есть холоп смерда) – ошибочным, случайным и неактуальным ни для эпохи КрП, ни для времен ПрП [Любимов, 1941]. Одновременно М. Н. Тихомиров также писал, что для КрП единственным правильным чтением является КрП Акад., а «смердий холоп» возник в ПрП в ходе редактирования КрП. Тем не менее, ученый внес в историографию нечто совершенно новое. Он заявил, что выражением «смердий холоп» в ПрП обозначен не «какой-то холоп, принадлежавший смерду», а «холоп, работавший на пашне, *подобно* смерду» [Тихомиров, 1941, с. 201; Тихомиров, 1953, с. 81–82]. Таким образом, отпала необходимость в изощренных аргументах В. П. Любимова, призванных объяснить, каким образом смерд-холоповладелец мог возникнуть и длительно существовать под пером переписчиков ПрП в эпоху, когда «такой факт, чтобы смерд имел раба, не мог иметь места» [Любимов, 1941, с. 83]. Интерпретация М. Н. Тихомирова означала, что все списки ПрП, где фигурирует одно лицо, смерд-холоп (а не два лица, смерд и холоп), в данном отношении были вполне актуальны для своего времени.

В статье А. А. Горского чтение КрП Акад. по-прежнему признается исходным и единственно правильным, однако смысл его радикально пересматривается. Автор полагает, что в традиционный анализ состава словосочетания КрП Акад. «а въ смерде и въ холопе 5 гривен» вкралась

ошибка. И здесь не союз, а уточняющая частица со смыслом *который*, то есть данное выражение надо понимать как *а в смерде, который холоп*. Иными словами, согласно А. А. Горскому, в КрП Акад. фигурирует холоп, работающий на пашне подобно смерду. А ведь это, заметим, то же самое явление, что «смердий холоп» ПрП в интерпретации М. Н. Тихомирова. А. А. Горский, однако, отказывается поставить под вопрос «доказанную после выхода работы В. П. Любимова» большую точность чтения КрП Акад. по сравнению с чтением КрП Археогр., хотя последнее выглядит как «авьсмердѣивхолопе» и дает возможность истолкования *смердий холоп* [Горский, 2016b, с. 95, прим. 3].

В результате конструкция головоломки достигает совершенства. Чтобы убедиться в этом, еще раз разберем ее на составные части. Итак, правильным для КрП считается чтение Акад. «авьсмердѣивхолопе», но понимать его следует не как «в смерде и в холопе», а как «в смердѣем холопе», то есть именно так, как написано в «испорченном» чтении КрП Археогр. «авьсмердѣивхолопе». При такой трактовке (как со всей логикой замечает сам А. А. Горский), *исчезают смысловые противоречия* между КрП и ПрП: и там, и там говорится о смерде-холопе [Там же, с. 101]. Но если так, если смысл обеих редакций един, то разве не страдает от этого репутация наилучшего чтения КрП Акад.? И не теряет ли толику своей убедительности традиционное мнение о происхождении данной нормы ПрП из КрП, а не наоборот?

В. П. Любимов доказывал, что преобразование шло в направлении КрП Акад. → КрП Археогр. → ПрП Син.: «въ смердѣи/еи/ѣи въ холопѣ» (КрП), и далее «за смердии холоп» (ПрП Син.). Представляется, однако, что лингвистическая аргументация ученого в данном отдельно взятом пункте работает и в обратном направлении:

Самая конструкция этой фразы в Археографическом списке – «а въ смердѣи в холопе» – указывает на более позднее происхождение такого чтения. В этом чтении имеется лишний предлог *в*. Здесь следовало бы ожидать «в смердѣи холопѣ». По крайней мере, мы имеем такое написание без второго предлога *в* в других подобных случаях в этом списке: «а въ ездвомѣ княже»; «а во княжи тивуне»; «а в рядовнице княжи». Второй же предлог *в* мы встречаем только там, где речь идет о нескольких предметах: «а в сельскомѣ старостѣ княжи и в ратаинѣмѣ»; «а въ огнищанинѣ и в тиунѣцѣ и в мечницѣ»... Следует думать, что и в данном месте ввиду наличия двух предлогов *в* речь шла о двух предметах, т. е. о смерде и холопе, и что чтение «въ смердѣи в холопѣ» получилось уже потом в результате порчи текста. <...> Это могло произойти в результате замены букв, с чем мы встречаемся в древнейших рукописях. В этом отношении имеют значение наблюдения над древнейшим про-странным списком – Синодальным. В нем наблюдается, с одной стороны, смешение буквы *ѣ* с *е*... а, с другой – замена буквы *е* буквой *ѣ*... Имея в виду, что в рукописях текст написан слитно, т. е. слова не разделены, возможны были такие изменения: «авьсмердѣивхолопѣ5гривень» –

«авъсмердеивхолопѣ5гривенъ» – «авъсмердѣивхолопѣ5гривенъ»... С другой стороны, изменение могло произойти и в результате особенностей новгородского говора, в котором имеется смешение звуков, выражаемых буквами «и» – «ѣ» или наоборот, что очень заметно в Археографическом списке [Любимов, 1941, с. 69].

Как видим, даже оставаясь в рамках аргументации В. П. Любимова, можно предположить, что новгородский писец НПЛмл прочел в ПрП Син. «азасмердишхолопѣ5гривенъ» и превратил это в «авъсмердѣивѣхолопѣ5гривенъ». Замена *и* на *ѣ* при этом была банальной. А вот решение заменить начальный предлог *за* на *в* (по примеру «в княжи отроци» и др.) повлекло за собой появление второго предлога *в* по аналогии с выражениями типа «а в голуби и в куряти». Изначальный «смердий холоп» раннего списка ПрП превратился в «смерда и холопа» КрП. Большинство позднейших переписчиков ПрП сохранили «смердѣго холопа», читавшегося в наиболее авторитетных рукописях, но поскольку они стали понимать это словосочетание не в его древнем смысле *холопа, работающего на пашне как смерд*, а как *холопа, принадлежащего смерду*, что не вязалось с общим контекстом данного фрагмента Правды и общими представлениями эпохи, некоторые из редакторов предпочитали пропустить это сомнительное словосочетание. Такая интерпретация отнюдь не является насилием над мнением почтеннейшего ученого, ибо он сам дал на него согласие и даже пригласил позднейших исследователей к экспериментированию с опубликованной им классификацией списков Правды:

Классификация наша выражает господствующий взгляд о том, что краткая Правда в своем образовании предшествовала пространной Правде. Но предлагаемая схема классификации предоставляет возможность изучения памятника, если бы исследователь пришел и к заключению о приоритете пространной Правды. В этом последнем плане изучения надо только переставить разряды 1 и 2, поставив разряд 2, то есть пространные списки, на первое место [Правда русская, с. 30, прим. 2].

Заключение. Опасная книга

Отсутствие развернутой дискуссии вокруг книги А. П. Толочко достойно сожаления, однако не может казаться удивительным. Несмотря на то, что автор опирается на почтенную историографическую традицию, восходящую к В. О. Ключевскому и поддержанную в первой половине XX в. столь авторитетными специалистами, как Е. Ф. Карский, С. П. Обнорский, А. И. Соболевский, его теория настолько оригинальна и настолько противоречит устоявшемуся взгляду на КрП, что для обоснованного отзыва – будь то согласие или возражение – необходимо проделать большую работу. Многогранность и изощренность аргументации автора исключают возможность *скорого суда*. Тем более,

что ставки в этом споре представляются некоторым крайне высокими. По-видимому, А. И. Филюшкин выражает мнение многих, когда пишет, что принятие концепции А. П. Толочко приведет к катастрофе:

...Все, что писали о социально-экономическом и правовом облике Древней Руси до XII в., окажется не имеющим под собой никаких источников оснований. Мы просто лишимся той Киевской Руси, которую всегда знали, учили по учебникам, по работам классиков отечественной исторической науки. <...> Гипотетическое изъятие Правды русской из древнерусской истории фактически поставит на ней крест [Филюшкин, с. 91–92].

Совершенно очевидно, что склонность ставить вопрос таким образом сама по себе явилась одной из причин, затормозивших развитие дискуссии вокруг монографии А. П. Толочко. Однако уважаемый коллега напрасно, кажется, пугает нас. Во-первых, довольно трудно поверить, что среди сегодняшних профессиональных исследователей Древней Руси есть такие, кто сохранили неизменное представление об этом предмете со школьной скамьи. Во-вторых, смена историографических школ в течение XIX – начала XXI в. приучила нас не к стабильности, а именно к изменчивости прошлого. И, наконец, в-третьих, даже если КрП действительно является историко-литературным произведением летописца XV в., а не древнейшим юридическим кодексом Восточной Европы, классические труды отечественной исторической науки ни на йоту не потеряют своей важности в глазах тех, кто ценит их не только за установленные в них факты, но и прежде всего за пример неустанного поиска истины, подаваемый нам их авторами.

Из настоящего обзора литературы становится очевидно, что до тех пор, пока компетентные специалисты будут ограничиваться частными наблюдениями и не возьмут на себя труд (который, вероятно, должен быть коллективным) подвергнуть все части теории А. П. Толочко систематическому рассмотрению (можно даже сказать, системному анализу), чаша весов еще долго будет крениться то в одну, то в другую сторону по милости «коровьей татъбы», «говяда», «огнищан», «смердых холопов» и других экзотических обитателей «затерянного мира» Правды русской.

В свое время Л. В. Милов указывал на необходимость дополнить традиционное изолированное изучение важнейших юридических памятников всесторонним исследованием сборников, в составе которых они сохранились. Теория А. П. Толочко во многом обязана своим рождением именно такому подходу. В последние годы этот метод получил, кажется, свои окончательные *lettres de noblesse*. В частности, были подвергнуты комплексному изучению два типа сборников, в составе которых дошли до нашего времени списки ПрП, – Кормчая книга и Мерило праведное [Корогодина; Вершинин, 2019]. Авторы этих фундаментальных работ не занимались специальным изучением Правды русской, однако в их исследованиях можно разглядеть, как

кажется, интересный задел на будущее. Известная народная мудрость утверждает, что клин клином вышибают. Может быть, путь к решению поставленной А. П. Толочко проблемы КрП лежит через серьезное изучение гипотезы К. Цукермана (развившего идею Л. В. Милова) о том, что ПрП, вопреки привычному мнению, была создана специально для Кормчей русской редакции или для Мерила праведного в 1280-х гг. [Цукерман, с. 137–142]? Эта идея, кажется, привлекает молодых специалистов [Вершинин, 2016, с. 129, прим. 116]. Будем надеяться, что незаслуженно холодный прием, оказанный монографии А. П. Толочко, не остудит их исследовательского энтузиазма.

Список литературы

Вершинин К. В. Мерило праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Ист. вестн. Т. 17. 2016. С. 100–135.

Вершинин К. В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 296 с.

Горский А. А. Нормы Русской правды и судебная практика: Янь Вышатиц на Белозере // Ист. вестн. Т. 17. 2016а. С. 54–99.

Горский А. А. «Смерд и холоп?» : Об одной загадке Русской правды // Средневековая Русь. Т. 12. 2016б. С. 95–102.

Десяряев А. Я. Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : альманах. Вып. 5. 2016. С. 116–127.

Десяряев А. Я. Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 42–60.

Зимин А. А. Правда русская. М. : Древлехранилище, 1999. 421 с.

Канаев А. В. Кредитные отношения в Древней Руси в свете Краткой Русской правды // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 106–124.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века : в 2 т. СПб. : Альянс-Архео, 2017. 600 + 648 с.

Лукин П. В. Деконструкция деконструкции : (О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча) // *Scrinium : Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2008. № 4. С. 403–434.

Лукин П. В. Коровья татьба в Правде русской // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости» : Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина : сб. ст. М. : Индрик, 2014. С. 123–131.

Любимов В. П. Смерд и холоп // Ист. зап. 1941. № 10. С. 66–83.

Омонов Н. Н. К вопросу о начальной истории русского права // Ист. вестн. Т. 6. 2013. С. 238–254.

Петрухин В. Я. Русская правда Краткой редакции: к истории рождения // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 34–41.

ПВЛ – Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1996. 667 с.

Правда русская / под ред. В. П. Любимова, Н. Ф. Лаврова, М. Н. Тихомирова и др. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Т. 1. Тексты. 506 с.

Тихомиров Н. Н. [М. Н.]. Исследование о Русской правде : Происхождение текстов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 254 с.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской правды. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 192 с.

Толочко А. П. Краткая редакция Правды русской : Происхождение текста. Киев : Ин-т истории Украины НАН Украины, 2009. 136 с.

Толочко А. П. Пропавшая грамота // *Ruthenica*. Т. 12. 2014. С. 157–168.

Томсинов В. А. Сколько лет Русской правде? К вопросу о так называемом тысячелетнем юбилее Русской правды // Законодательство. 2017. № 1. С. 88–94.

Филлюшкин А. И. Символическое значение Правды русской в отечественной истории // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 82–92.

Цукерман К. О Правде русской // *Ruthenica*. Т. 12. 2014. С. 108–156.

Цыб С. В. Хронологические замечания к книге Алексея Толочко о Краткой редакции Русской правды // *Palaeoslavica*. Т. 19. 2011. № 1. С. 256–270.

References

Adrianova-Peretts, V. P. (Ed.). (1996). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St Petersburg, Nauka. 667 p.

Degtyarev, A. Ya. (2016). Russkaya pravda kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On the Origins]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Al'manakh*. Iss. 5, pp. 116–127.

Degtyarev, A. Ya. (2017). Russkaya pravda kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On the Origins]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tsyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 42–60.

Filyushkin, A. I. (2017). Simvolicheskoe znachenie Pravdy russkoi v otechestvennoi istorii [The Symbolic Importance of the *Pravda Russkaia* in Russian History]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tsyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 82–92.

Gorskii, A. A. (2016a). Normy Russkoi pravdy i sudebnaya praktika: Yan' Vyshatich na Beloozere [Norms of the *Pravda Russkaia* and Litigation: Yan Vyshatich on Beloozero]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 17, pp. 54–99.

Gorskii, A. A. (2016b). “Smerd i kholop?” Ob odnoi zagadke Russkoi pravdy [“Smerd i Kholop”? About One Mystery of the *Pravda Russkaia*]. In *Srednevekovaya Rus'*. Vol. 12, pp. 95–102.

Kanaev, A. V. (2017). Kreditnye otnosheniya v Drevnei Rusi v svete Kratkoi Russkoi pravdy [Credit Relations in Old Rus' in the Light of *The Short Pravda Russkaia*]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tsyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 106–124.

Korogodina, M. V. (2017). *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka v 2 t.* [Kormchaya Books in the 14th – First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 600 + 648 p.

Lukin, P. V. (2008). Dekonstruksiya dekonstruksii (O knige T. L. Vilkul po istorii drevnerusskogo vecha) [The Deconstruction of Deconstruction (About the Book by T. L. Vilkul on the History of the Old Russian Veche)]. In *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. No. 4, pp. 403–434.

Lukin, P. V. (2014). Korov'ya tat'ba v Pravde russkoi [Korov'ya Tat'ba in the *Pravda Russkaia*]. In “*Po lyubvi, v pravdu, bezo vsyakiye khitrosti*”. *Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Sbornik statei*. Moscow, Indrik, pp. 123–131.

Lyubimov, V. P. (1941). Smerd i kholop [A Smerd and a Kholop]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 10, pp. 66–83.

Lyubimov, V. P., Lavrov, N. F., Tikhomirov, M. N. et al. (Eds.). (1940). *Pravda russkaya* [The Pravda Russkaia], Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. Teksty. 506 p.

Omonov, N. N. (2013). K voprosu o nachal'noi istorii russkogo prava [On the Question of the Initial History of Russian Law]. In *Istoricheskii vestnik*. No. 6, pp. 238–254.

Petrukhin, V. Ya. (2017). Russkaya pravda Kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the Pravda Russkaia: On Origins]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tysyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 34–41.

Tikhomirov, N. N. [M. N.]. (1941). *Issledovanie o Russkoi pravde. Proiskhozhdenie tekstov* [The Pravda Russkaia. A Study. The Origin of the Texts]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 254 p.

Tikhomirov, M. N. (1953). *Posobie dlya izucheniya Russkoi pravdy* [Manual for the Study of the Pravda Russkaia]. 2nd Ed. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 192 p.

Tolochko, A. P. (2009). *Kratkaya redaktsiya Pravdy ruskoj. Proiskhozhdenie teksta* [The Short Version of the Pravda Russkaia: On Origins. Origin of Text]. Kiev, Institut istorii Ukrainy Natsional'noi akademii nauk Ukrainy. 136 p.

Tolochko, A. P. (2014). Propavshaya gramota [A Lost Charter]. In *Ruthenica*. Vol. 12, pp. 157–168.

Tomsinov, V. A. (2017). Skol'ko let Russkoi pravde? K voprosu o tak nazyvaemom tysyacheletnem yubilee Russkoi pravdy [How Old is the Pravda Russkaia? The So-Called "Thousand-Year Anniversary" of the Pravda Russkaia]. In *Zakonodatel'stvo*. No. 1, pp. 88–94.

Tsyb, S. V. (2011). Khronologicheskie zamechaniya k knige Alekseya Tolochko o Kratkoi redaktsii Russkoi pravdy [Chronological Remarks on the Book by Alexey Tolochko about the Short Version of the Pravda Russkaia]. In *Palaeoslavica*. Vol. 19. No. 1, pp. 256–270.

Vershinin, K. V. (2016). Merilo pravednoe i osobennosti retseptsii vizantiiskogo prava na Rusi [The Godly Measure and the Peculiarities of the Reception of Byzantine Law in Russia]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 17, pp. 100–135.

Vershinin, K. V. (2019). *Merilo pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava* [The Godly Measure in the History of Literature and Law of Old Rus']. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 296 p.

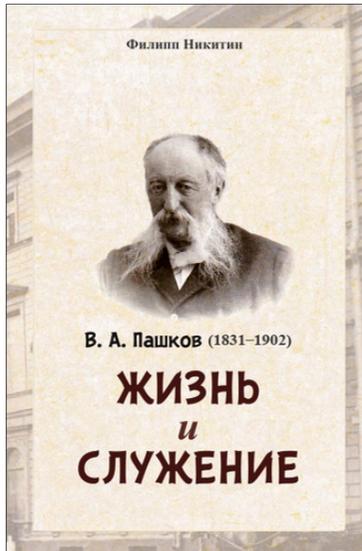
Zimin, A. A. (1999). *Pravda russkaya* [The Pravda Russkaia]. Moscow, Drevlekhranilishche. 421 p.

Zukerman, K. (2014). O Pravde ruskoj [On the Pravda Russkaia]. In *Ruthenica*. Vol. 12, pp. 108–156.

The article was submitted on 29.11.2020

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
АВСТРИИ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ ГАБСБУРГОВ С РОССИЕЙ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ***

Николай Баранов

Елена Манасян

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**DOCUMENTS OF THE AUSTRIAN STATE ARCHIVES
ABOUT THE HISTORY OF HABSBERG DIPLOMATIC
RELATIONS WITH RUSSIA: RESEARCH POTENTIAL**

Nikolai Baranov

Elena Manasyan

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the formation of archival funds about Austro-Russian relations in the late seventeenth century in one of the four departments of the Austrian State Archives (the Haus-, Hof- und Staatsarchiv of the Habsburgs). The analysis demonstrates that the archival funds formed alongside the development of the archive's structure. The sources referred to include documents dedicated to the foreign policy contacts of the Habsburg dynasty with Russia in the late seventeenth century. The authors focus on the period when, because of the Ottoman threat, interactions between Vienna and Moscow intensified, which manifested itself in the active exchange of embassies and correspondence. The authors reveal the main type of structure of the archival funds mentioned. The collection contains several types of historical sources, among which the authors single out

---

* *Citation*: Baranov, N., Manasyan, E. (2021). Documents of the Austrian State Archives about the History of Habsburg Diplomatic Relations with Russia: Research Potential. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1117–1127. DOI 10.15826/qr.2021.3.630.

Цитирование: Baranov N., Manasyan E. Documents of the Austrian State Archives about the History of Habsburg Diplomatic Relations with Russia: Research Potential // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1117–1127. DOI 10.15826/qr.2021.3.630 / Баранов Н., Манасян Е. Документы Государственного архива Австрии по истории дипломатических отношений Габсбургов с Россией: исследовательский потенциал // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1117–1127. DOI 10.15826/qr.2021.3.630.

official letters (*der Brief*), instructions (*die Instruktion*) for Viennese representatives sent to Moscow, authentications (*die Beglaubigung*), decrees, minutes of audiences, envoy accounts (*der Gesandtenbericht*), and reports (*der Bericht*) of the Viennese envoys in Moscow. The characterisation of archival documents by fund and type demonstrates the deep research potential of the sources. The authors reveal that despite the long development and numerous military conflicts that influenced the preservation of the funds, the Haus-, Hof-, und Staatsarchiv are an institution of supranational importance, accumulating the historical heritage of Austria and Russia. The archive department contains a large array of documents shedding light on various aspects of diplomatic relations between Vienna and Moscow in the second half of the seventeenth century, making possible a comprehensive study of Habsburg contacts with Russia. This makes it necessary to consider introducing the source base into scholarly circulation.

Keywords: historical sources, diplomatic relations, Austrian State Archives, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Habsburgs, Russia, Leopold I Habsburg

Рассматривается история формирования фондовых коллекций документов по истории австро-российских отношений конца XVII в., находящихся в рамках одного из четырех отделений Государственного архива Австрии – Династического, придворного и государственного архива Габсбургов. Прослеживается, что фондовые коллекции, в рамках которых располагаются источники, использованные в статье, формировались на протяжении длительного времени параллельно развитию и деятельности самой архивной структуры. Источниками выступают документы четырех фондов Династического, государственного и придворного архива австрийских Габсбургов, посвященных внешнеполитическим контактам династии с Россией в конце XVII в. Основное внимание уделяется периоду, когда на фоне османской угрозы интенсифицировалось взаимодействие Вены и Москвы, что выражалось в активном обмене посольствами и корреспонденцией. Выявляется основной видовой состав, который содержится в обозначенных фондах. Коллекция содержит несколько видов источников, среди которых выделяются официальные письма (*der Brief*), инструкции для венских представителей, направляемых в Москву (*die Instruktion*), заверения (*die Beglaubigung*), указы, протоколы аудиенций, отчеты (*der Gesandtenbericht*) и доклады (*der Bericht*) венских посланников, находившихся в Москве. Характеристики фондового и видового состава документов демонстрируют глубокий исследовательский потенциал фондов. Прослеживается, что, несмотря на сложную длительную историю развития, многочисленные военные конфликты, которые повлияли на степень сохранности фондов, в наше время указанный архив стал крупнейшим учреждением наднационального значения, сконцентрировавшим историческое наследие не только Австрии, но в том числе и России. Архивное отделение содержит большой массив документов, проливающих свет на различные аспекты дипломатических отношений династий Вены и Москвы во второй половине XVII в., а также обеспечивающих возможность всестороннего изучения контактов

Габсбургов с Россией на арене международных отношений, что выдвигает на первый план необходимость рассмотрения аспектов бытования и введения в оборот данных источников.

Ключевые слова: исторические источники, дипломатические отношения, Государственный архив Австрии, Династический, придворный и государственный архив, династия Габсбургов, Россия, Леопольд I Габсбург

Четыре отдела, два здания – один Государственный архив. Именно так можно охарактеризовать одно из центральных научных учреждений современной Австрийской Республики. Три из четырех архивных отделов (Общий административный, Финансовый и судебный, Архив Республики, Военный архив) располагаются на Ноттендорфер Гассе, в свою очередь, на площади Миноритенплатц расположено четвертое отделение, а именно Династический, придворный и государственный архив (Haus-, Hof-, und Staatsarchiv), материалы которого представляют особый интерес в рамках исследования австро-российских дипломатических отношений конца XVII в.

Первоначально система архивных учреждений австрийских земель представляла собой несколько центров – Вена, Винер-Нойштадт, Грац и Инсбрук [Hochedlinger, 2003, S. 35; Kammerhofer, p. 16], число которых впоследствии в годы правления императора Фердинанда I сократилось до двух (Вена и Инсбрук). Факт существования двух архивных династических центров в историографии получил название «двойной центральный архив» («Doppelzentralarchiv») [Stowasser, S. 32; Hochedlinger, 2003, S. 35].

Наличие нескольких разрозненных центров учета и хранения документов оказывало отрицательное влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику династии, что прослеживали и многие австрийские политические деятели начиная с XVI в., но, несмотря на это, вплоть до середины XVIII в. все попытки, направленные на централизацию системы хранения и учета важнейших династических документов (создание единого архива Дома Австрии «Erzbhaus» [Stowasser, S. 29]), не получили своего логического завершения.

Идея создания единого династического архива («Universal-Staatsarchivum domus Austriae» [Haus-, Hof- und Staatsarchiv – History]) была претворена в жизнь лишь в годы правления Марии Терезии на фоне поражения Вены в войне за австрийское наследство (1740–1748). В 1749 г. был учрежден тайный Династический, придворный и государственный архив австрийских Габсбургов (Haus-, Hof- und Staatsarchiv), впоследствии ставший одним из крупнейших исследовательских центров в Европе [Auer, S. 53] и являющийся одним из отделений объединенного Государственного архива Австрии с 1945 г. по настоящее время.

В источниковедческом плане Династический, придворный и государственный архив содержит обширный массив документов, которые

относятся к различным аспектам внутренней и внешней политики Австрии. Данный факт объясняется тем, что Габсбурги выполняли двойную функцию, являясь как правителями австрийских земель, так и императорами Священной Римской империи германской нации (до 1806 г.). Так, в архивном отделении хранятся записи высших органов власти Старой империи, документы, касающиеся функционирования императорского двора, культурной жизни, акты, составляющие конституционную основу Старой империи [Kammerhofer, p. 14]. С момента своего основания и вплоть до вхождения в состав объединенного Государственного архива Австрии сокровищница династических актов находилась в ведении сначала Государственной канцелярии Австрийской монархии, а позже Министерства иностранных дел Австрийской империи, что определило направленность архива на сохранение прежде всего документов, которые относились к внешнеполитическим контактам. Среди них необходимо отметить записи по дипломатической переписке, а также записи Государственной канцелярии и Министерства иностранных дел, иллюстрирующие положение государства Габсбургов в системе международных отношений с начала XVI в. и до 1918 г.

Специфика фондовой составляющей рассматриваемого архивного отделения состоит в том, что фонды не пополняются документами в настоящее время, то есть являются укомплектованными и, соответственно, в хронологическом плане завершаются периодом падения Дунайской монархии в 1918 г.

Различные аспекты взаимодействия Габсбургов с Россией в 1682–1697 гг. нашли свое отражение в рамках корпуса документов Государственного архива Австрии – центрального института, концентрирующего многовековое историческое наследие династии Габсбургов, и не только. Соответственно, при исследовании дипломатических контактов Габсбургов с Россией в рассматриваемый период данные архивные источники являются наиболее значимыми. Но при этом нельзя сказать, что потенциал документов в полной мере оценен исследователями, в особенности в отечественной историографии.

В рамках иерархической древовидной структуры архивного отделения рассматриваемые фондовые коллекции закреплены за инвентарным разделом под названием «Дипломатия и внешняя политика Габсбургской монархии до 1848 г.» [Scope Archiv. Informationen zur Suche]. Все документы сгруппированы по языковой принадлежности государств на две подгруппы – германскую (*deutsche Staaten*) и негерманскую (*außerdeutsche Staaten*), а также позднее объединены в составе хронологически организованных фондов, которыми располагают исследователи в наше время.

Секция документов по контактам с негерманскими государствами (*außerdeutsche Staaten*), записи которой в основном исходили от Императорской канцелярии, богемско-австрийской канцелярии (позже – Государственной канцелярии) и военного совета, дополняется серией

дипломатической переписки, которая началась в начале XVI в. и продолжалась до середины XIX в. [Kammerhofer, p. 20]. Внутри раздела «Негерманские государства» (außerdeutsche Staaten) под общим названием «Россия I» (Rußland I) (1481–1805) располагается несколько фондов, которые объединяют разные виды источников: Rußland I. Karton 14 (1682–1686); Rußland I. Karton 15 (1687–1689); Rußland I. Karton 16 (1690–1695); Rußland I. Karton 17 (1696–1697). Таким образом, как фонды, так и сами документы внутри них сгруппированы по хронологическому принципу, но не объединены по признаку фондообразователя, что связано с периодом децентрализованного хранения документов до 1749 г. в рамках нескольких архивных центров.

Рассматриваемая коллекция документов относится ко времени правления Леопольда I (1658–1705) и отражает основные аспекты взаимодействия Габсбургов с Россией в конце XVII в. (1682–1697). Если соотносить период возникновения документов с основными вехами в истории развития архивного дела австрийских земель, то можно установить, что появление документов относится к периоду раздробленности архивной системы Габсбургов, когда не существовало единого центра хранения и учета документов [Kammerhofer, p. 15]. Так, в рамках периода развития архивных структур Габсбургов до 1749 г., который характеризуется рассредоточением документов среди разных архивных центров, имперских и австрийских государственных учреждений, записи, касающиеся внешней политики, не были объединены в фонды, которыми располагают на данный момент исследователи. Формирование коллекции фондов происходило постепенно по мере процесса централизации учета и хранения документов династии Габсбургов, по мере развития кадров, которые были необходимы для обслуживания сложно организованной и раздробленной системы архивных учреждений. На данном этапе записи концентрировались в рамках трех органов: императорской канцелярии и богемско-австрийской канцелярии (с 1620 г.), направлявших инструкции представителям Габсбургов за рубежом от имени Леопольда I, и военного совета. Примечательно, что большая часть документов по дипломатической переписке с Россией и Османской империей находилась в компетенции именно имперского военного совета [Scope Archiv. Informationen zur Suche]. Кроме источников, которые исходили непосредственно со стороны венских учреждений, в фондах присутствует небольшое количество писем от царей (московских бояр и посланников), направленных к Леопольду I, вице-канцлеру империи, венским послам и др., которые переходили на хранение в императорскую канцелярию и подлежали обязательному переводу на латинский язык.

Ко второй половине XVII в. богемско-австрийская канцелярия начинала играть все большую роль, что привело к соперничеству с имперскими структурами. Отдел внешней политики австрийской придворной канцелярии все более превращался в независимый

орган, который был официально основан в 1742 г. [Scope Archiv. Informationen zur Suche]. Так, после основания в 1742 г. тайной Династической, придворной и государственной канцелярии Габсбургов все внешнеполитические сношения династии и, соответственно, хранение и учет документов перешли в компетенцию данного органа [Hochedlinger, 2003, S. 23].

Дальнейшее упорядочение было связано с основанием в 1749 г. тайного Династического, придворного и государственного архива австрийских Габсбургов, в рамках которого и начали формироваться контуры современной структуры фондовых коллекций. Архив находился в подчинении государственной канцелярии Австрийской монархии, которая ведала и внешней политикой, что определило его направленность на сохранение прежде всего документов, относившихся к внешним сношениям. Важной в плане формирования фондов является деятельность архивариуса Теодора Антона фон Розенталя [Kammerhofer, p. 16] в период правления Марии Терезии. Архивариусу было поручено собрать те документы, которые непосредственно относились к обоснованию прав Габсбургов на различные территории и в случае претензий со стороны других государств могли быть использованы в качестве доказательства. Мандат по сбору в основном состоял из трех групп документов: документы по династической истории (брачные контракты, завещания, акты наследования); внешнеполитические акты (союзные соглашения, обязательства, мирные договоры); династические привилегии и права [Hochedlinger, 2004, S. 35]. Так как отбирался не весь комплекс документов, который находился в различных архивных центрах и учреждениях, фонды Династического, придворного и государственного архива сложились не сразу. Период Марии Терезии – лишь первый этап формирования коллекции документов, которой располагают исследователи, занимающиеся историей внешней политики династии Габсбургов конца XVII в. Но стоит отметить, что именно в данный период времени часть документов, касающаяся дипломатической переписки с Россией, была объединена в одну группу в рамках систематизации документов по внешней политике [Ibid.].

Следующая веха в формировании фондов, относящихся к сношениям Австрии с Россией конца XVII в., связана с деятельностью исследователей. Центральной ее фигурой являлся директор архива (1868–1897) Альфред фон Арнет, который способствовал активной работе в сфере упорядочения и использования документов в научных целях. Было сформировано три основных направления исследований на основе материалов Династического, придворного и государственного архива, который утратил статус тайного архивного учреждения Габсбургов: это история Австрии и Габсбургской монархии, история Священной Римской империи германской нации и неевропейская история (на примере Османской империи) [Hochedlinger, 2003, S. 23]. Исследователи, изучавшие внешнюю политику Австрии, не могли

не затронуть тему успешного отпора османской угрозе, что позволило сохранить неприкосновенность основе будущей империи Габсбургов – наследственным землям династии. Именно в XIX в. вся система организации фондов и документов внутри них, согласно хронологическому признаку, получила свое начало [Scope Archiv. Informationen zur Suche] и была продолжена в первой половине XX в. благодаря деятельности директора архива (1926–1940) Людвиг Биттнера [Bittner, S. 147]. Комплектование дел осуществлялось в хронологическом порядке, а сами дела, в свою очередь, содержали большое количество разнообразных видов документов. Дальнейшая инвентаризация и формирование современных фондов, которые располагаются в здании архива после реконструкции 1990-х гг., были произведены после объединения архивных структур в единый Государственный архив Австрии после 1945 г. [Ibid.].

Основной категорией, которая содержится в рамках рассматриваемых фондов, являются официальные письма (der Brief) [Zöllner, S. 17]. Несмотря на различное содержание и направленность, по стилю оформления данная категория источников является довольно формализованной. Можно выделить несколько подвидов в данной категории на основе того, кто являлся адресантом. Во-первых, письма, направленные от имени Леопольда I к царям, среди которых следует отметить письмо Леопольда I царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу от 2 мая 1687 г. [HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 15 (Russica, 1687). Bl. 154–157]. Во-вторых, письма, направленные от императора московским посланникам / венским послам / иезуитским представителям, находившимся в Москве (например, письмо Леопольда I барону Иоганну Христофору Жировскому от 13 февраля 1687 г. [Ibid. Bl. 40–52]). В-третьих, письма, направленные от имени Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича (впоследствии единолично от имени Петра Алексеевича) с распространенной формулировкой «Цезарю Римскому... и Германскому, венгерскому, чешскому, долмацкому, краковскому, словенскому и иных земель королю...» [HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 54–59], а также от имени московских послов к Леопольду I, венским послам и вице-канцлеру империи графу Кенигсеггу. В-четвертых, стоит отметить многочисленные письма, направленные от венских посланников из Москвы к Леопольду I (письмо Отто Плейера Леопольду I из Москвы от 3 июня 1695 г. [HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 16 (Russica, 1695). Bl. 21–22], письмо Иоганна Игнаца Курца Леопольду I от 6 апреля 1691 г. [HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 16 (Russica, 1691). Bl. 31–38]).

Официальные письма содержат в себе стандартное вступление в виде указания титула отправляющей и принимающей стороны. Так, письма Леопольда I к московским царям, а позже единолично к Петру Алексеевичу (например, письмо от 12 сентября 1697 г. HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 17 (Russica, 1697). Bl. 375–378]) снабжались подписью «Von der Röm[isch] Kay[serlichen] Maj[estät]» [Ibid.]. Стоит от-

метить, что титул адресата указывался после адресанта в случае, если письмо направлялось от императора к царям, и наоборот, в остальных случаях титул адресата указывался в конце документа. В царских письмах можно наблюдать сокращение полной титулатуры Леопольда I, что станет камнем преткновения в обсуждении различных аспектов титулования и церемониала, к чему с особой педантичностью относился венский двор [см.: Письмо «Цезарю Римскому... и Германскому, венгерскому, чешскому, долмацскому, краковскому, словенскому и иных земель королю...» от 10 февраля 1684 г. HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1683). Bl. 54–59)]. Далее после изложения основной информации следовало непосредственно заключение с указанием места и даты отправления. Если это письма, направленные из Москвы, то они обязательно снабжались переводами на латинский язык, которые сопоставимы с оригиналами. Данный вид отражает различные аспекты внешнеполитической деятельности Габсбургов, письма посланников из Москвы в Вену также представляют огромную ценность, оповещая о различных деталях, которые были замечены при царском дворе, подробное описание церемониала и мыслей посланника относительно перспектив договора, оповещение о том, что получилось, а что нет, поэтапное представление развития переговоров.

Наиболее интенсивный поток писем можно отметить в первой половине 1680-х гг., когда проводился зондаж для того, чтобы проследить настроения, преобладавшие в Москве относительно потенциальных военных действий против Порты и правильно выбрать момент для формирования антитурецкого союза. Особую ценность представляют инструкции (die Instruktion [Quellen]), составлявшиеся в императорской придворной канцелярии для посланников в Москву, в большинстве случаев за несколько дней до отправления к месту назначения.

Существовало несколько рангов представителей, отправленных в Москву, которым и адресовались инструкции: гонец (только передача письма без поручений вести переговоры), посланник («неформальный посланник») и посол [Krusche, S. 176–177]. Инструкции в обязательном порядке составлялись под диктовку императора, согласовывались после написания с ним же, от его же имени и направлялись венским посланникам, следовавшим в Москву. Данный вид источника показывает все возможные рассматриваемые австрийским двором пути развития переговорного процесса в Москве, в том числе то, каким образом стоит поступить при возникновении спорных ситуаций (например, как ответить на вопросы об отказе Габсбургов вступить в антитурецкий союз в 1676–1681 гг. [см.: Инструкция для барона Иоганна Христофора Жировского и барона Себастьяна Блумберга от 5 января 1684 г. HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 7–19]), мельчайшие детали церемониала, четкую регламентацию действий посланника (например, не кланяться слишком низко) [HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 7–19].

С пребыванием посланников в Москве также связаны заверения (die Beglaubigung [Quellen]) – засвидетельствования от имени Леопольда I, которые также направлялись в Москву с целью оповестить двор Романовых о том, что венские легаты направлялись в Россию и являлись официальными представителями позиции венского двора [HHStA. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 139–140].

Указы относились к более узкой тематике, издавались по конкретным вопросам (например, профинансировать поездку посланника в Москву, выделить средства на развитие католической общины в Москве, направить дары в Москву, составить инструкцию для венского посланника в Москву и др.), составлялись согласно определенному формуляру в императорской канцелярии или богемско-австрийской канцелярии [Scope Archiv. Informationen zur Suche], как и протоколы аудиенций московских посланников в Вене. Конечным результатом аудиенции у царей являлись отчет (der Gesandtenbericht) и доклад (der Bericht) венских посланников, находившихся в Москве [Quellen]. Отличие состояло в том, что доклад направлялся по определенному узкому вопросу, часто имел небольшой объем, а отчет посланника касался всего периода пребывания в Москве с анализом того, чего получилось достигнуть, и дальнейшими рекомендациями в соответствии с наблюдениями посланника. Все доклады и отчеты отправлялись на имя императора Леопольда I.

Структура отчетов и докладов отличается краткой вступительной частью в виде обозначения вопросов, которые будут рассматриваться в основной части, основная часть непосредственно посвящалась деятельности посланника с описанием подробного церемониала и хода аудиенции, в заключительной части традиционно ставилась подпись посланника [см.: Доклад Иоганна Христофора Жировского Леопольду I из Москвы от 17 июня 1684 г. HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 881–919; Отчет Себастьяна Блумберга из Москвы от 25 июня 1685 г. HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1685). Bl. 1041–1048].

Исследование и введение в оборот источников, которые располагаются в рамках обозначенных архивных фондов, можно считать важнейшей вехой в реконструкции основных аспектов дипломатических отношений Габсбургов с Россией конца XVII в. В итоге рассмотренная коллекция представляет собой уникальное собрание документов наднационального значения, что открывает для историков многочисленные исследовательские просторы для рассмотрения проблем как внешней политики династии Габсбургов и граничащих с австрийской монархией государств, так и России конца XVII в.

Список литературы

- Auer L.* Haus-, Hof- und Staatsarchiv und die Geschichtswissenschaft // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2000. № 48. S. 53–71.
- Bittner L.* Das Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchiv in der Nachkriegszeit // Archivalische Zeitschrift. 1925. № 35. S. 141–203.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv – History // Austrian State Archives : [official website]. URL: <https://www.statearchives.gv.at/tasks-and-organisation/haus-hof-und-staatsarchiv-information-in-brief/haus-hof-und-staatsarchiv-history.html> (accessed: 25.10.2020).

HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 7–19, 54–59, 139–140, 881–919. Karton 14 (Russica, 1685). Bl. 1041–1048. Karton 15 (Russica, 1687). Bl. 40–52, 157–157. Karton 16 (Russica, 1691). Bl. 31–38. Karton 16 (Russica, 1695). Bl. 21–22. Karton 17 (Russica, 1697). Bl. 375–378.

Hochedlinger M. «Geistige Schatzkammer Österreichs». Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749 bis 2003 // Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände. Innsbruck : [S. n.], 2003. S. 23–40.

Hochedlinger M. Das k. k. «Geheime Hausarchiv» // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16–18 Jahrhundert). Wien ; München : R. Oldenbourg Verlag, 2004. S. 33–44.

Kammerhofer L. The Family- Court- and State- Archives // The Treasure Houses of Austria. The Austrian State Archives. Vienna : Federal Press Service, 1996. P. 14–30.

Krusche J. Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preußens am Caren Hofe bis zum Eintritt Russlands in die Reihe der europäischen Großmächte // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge. 1932. Bd. 8. H. 2. S. 143–216.

Quellen // Universität Konstanz : [website]. URL: <http://www.unikonstanz.de/FuF/Philo/Geschichte/Tutorium/Themenkomplexe/Quellen/quellen.html> (accessed: 16.11.2020).

Scope Archiv. Informationen zur Suche // Österreichisches Staatsarchiv : [official website]. URL: <https://www.archivinformationssystem.at/detail.aspx?ID=280> (accessed: 05.12.2020).

Stowasser O. H. Das Archiv des Herzoges von Österreich. Eine Studie zur Überlieferungsgeschichte der habsburgischen Urkunden // Mitteilungen des deutsch-österreichischen Archivrates : [website]. 1919. № 3. S. 5–62. URL: https://library.hungaricana.hu/en/view/MitteilungenDesKKArchivrates_3/?p g=14&layout=s (accessed: 23.12.2020).

Zöllner E. Die Quellen der Geschichte Österreichs. Wien : Osterreichischer Bundesverlag, 1982. 232 S.

References

Auer, L. (2000). Haus-, Hof- und Staatsarchiv und die Geschichtswissenschaft. In *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*. No. 48, S. 53–71.

Bittner, L. (1925). Das Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchiv in der Nachkriegszeit. In *Archivalische Zeitschrift*. No. 35, S. 141–203.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv – History. (N. d.). In *Austrian State Archives* [official website]. URL: <https://www.statearchives.gv.at/tasks-and-organisation/haus-hof-und-staatsarchiv-information-in-brief/haus-hof-und-staatsarchiv-history.html> (accessed: 25.10.2020).

HHStA Wien. StAbt. Rußland 1. Karton 14 (Russica, 1684). Bl. 7–19, 54–59, 139–140, 881–919. Karton 14 (Russica, 1685). Bl. 1041–1048. Karton 15 (Russica, 1687). Bl. 40–52, 157–157. Karton 16 (Russica, 1691). Bl. 31–38. Karton 16 (Russica, 1695). Bl. 21–22. Karton 17 (Russica, 1697). Bl. 375–378.

Hochedlinger, M. (2003). „Geistige Schatzkammer Österreichs“. Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749 bis 2003. In *Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände*. Innsbruck, S. n., S. 23–40.

Hochedlinger, M. (2004). Das k. k. „Geheime Hausarchiv“. In *Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16 – 18 Jahrhundert)*. Wien, München, R. Oldenbourg Verlag, S. 33–44.

Kammerhofer, L. (1996). The Family- Court- and State- Archives. In *The Treasure Houses of Austria. The Austrian State Archives*. Vienna, Federal Press Service, pp. 14–30.

Krusche, J. (1932). Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preußens am Caren Hofe bis zum Eintritt Russlands in die Reihe der europäischen Großmächte. In *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. Neue Folge. Bd. 8. H. 2, S. 143–216.

Quellen (N. d.). In *Universität Konstanz* [website]. URL: <http://www.unikonstanz.de/FuF/Philo/Geschichte/Tutorium/Themenkomplexe/Quellen/quellen.html> (accessed: 16.11.2020).

Scope Archiv. Informationen zur Suche. (N. d.). In *Österreichisches Staatsarchiv* [official website]. URL: <https://www.archivinformationssystem.at/detail.aspx?ID=280> (accessed: 05.12.2020).

Stowasser, O. H. (1919). Das Archiv des Herzoges von Österreich. Eine Studie zur Überlieferungsgeschichte der habsburgischen Urkunden. In *Mitteilungen des deutsch-österreichischen Archivrates* [website]. No. 3, S. 5–62. URL: https://library.hungaricana.hu/en/view/MitteilungenDesKKAchivrates_3/?p g=14&layout=s (accessed: 23.12.2020).

Zöllner, E. (1982). *Die Quellen der Geschichte Österreichs*. Wien, Österreichischer Bundesverlag, 232 S.

The article was submitted on 21.02.2021

DOI 10.15826/qr.2021.3.631

УДК 94(470)"18"+929Пашков:274+277.4+274/278

**COLONEL V. A. PASHKOV:
LEADER OF RUSSIA'S LOST REFORMATION* ****

Rev. of: Nikitin, F. (2020). *V. A. Pashkov (1831–1902). Zhizn' i sluzhenie* [V. A. Pashkov (1831–1902). Life and Service]. Korntal', Svet na Vostoke. 224 p.

James M. White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The reviewer considers Filipp Nikitin's new book on Colonel Vasili A. Pashkov, a Russian Evangelical leader in the 1870s and 1880s. A rich Russian aristocrat and landowner, Pashkov was an unlikely missionary, but his conversion at the hands of the British Lord Radstock in 1874 led to a lifetime of preaching and charity among both social elites and the lowest members of society. Although initially not in conflict with the Russian Orthodox Church, Pashkov's increasing prominence and his efforts to unite Russia's various Evangelical movements led to his exile in 1884, where he remained for the rest of his life. The reviewer compliments Nikitin's comprehensive use of archival sources, drawn from a huge number of collections in Russia and abroad. This makes his book a significant contribution to the historiography, much of which is fragmented or out of date. The author's decision to release previously unpublished documents in the book's appendix is an excellent contribution. However, the reviewer points out that Nikitin quotes too much from and relies too heavily on source material, which drowns out his authorial voice: it is argued that the author should spend more time analysing the sources rather than just quoting them. The reviewer also suggests bringing in more contextualisation and consulting some of the recent conceptual approaches to religious biography.

Keywords: Pashkov, pashkovism, Russian Evangelical Christianity, baptists, lord Radstock

Рецензия посвящена новой книге Ф. Н. Никитина, посвященной полковнику В. А. Пашкову, лидеру российской евангельской церкви в 1870–1880-х гг. Пашков, богатый российский аристократ и землевладелец, был не самой ожидаемой кандидатурой на роль религиозного миссионера,

---

* This review was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Government of Sverdlovsk Region, project No. 20–49–660015/20 'Ekaterinburg-Sverdlovsk as an intellectual centre of Russia in the age of industrial modernity: milestones in formation from the end of the nineteenth to the end of the twentieth centuries.'

** Citation: White, J. (2021). Colonel V. A. Pashkov: Leader of Russia's Lost Reformation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1128–1135. DOI 10.15826/qr.2021.3.631.

Цитирование: White J. Colonel V. A. Pashkov: Leader of Russia's Lost Reformation // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1128–1135. DOI 10.15826/qr.2021.3.631.

однако его обращение, свершившееся благодаря британскому лорду Г. Редстоку в 1874 г., привело его на путь проповеди и благотворительности как среди социальных элит, так и среди низших слоев общества. Хотя первоначально Пашков не конфликтовал с православной церковью, рост его влияния и предпринятые им попытки объединить различные евангельские движения в России привели к его высылке из страны в 1884 г.; умер он в изгнании. Рецензент высоко оценивает глубокое знание Никитиным источников, почерпнутое из работы с многочисленными архивными коллекциями документов не только в России, но и за рубежом. Это делает книгу крупным вкладом в историографию, большая часть которой устарела или фрагментирована. Большим вкладом стала и публикация ранее неизвестных документов в виде приложения к книге. Однако рецензент отмечает, что в ряде случаев Никитин чрезмерно полагается на пространное цитирование документов, что неизбежно приглушает авторский голос: думается, автор мог бы более детально анализировать источники, а не просто их цитировать. Кроме того, рецензент полагает, что более широкая контекстуализация и использование ряда современных концептуальных подходов к изучению религиозной биографии могли бы усилить аргументацию автора книги.

Ключевые слова: Пашков, пашковизм, русское евангелическое христианство, баптисты, лорд Редсток

In the last several decades of imperial Russia, its inhabitants undertook a massive campaign of spiritual self-interrogation, one which seemed to leave no social sphere or minority people untouched. The so-called 'Russian religious renaissance' [Zernov] among the more mystically inclined members of the intelligentsia found its reflection even in some Marxist circles, with 'God Seekers' like Aleksandr Bogdanov attempting to fill Marxism's spiritual caesura with teachings filched from Nietzsche, among others [Glatzer-Rosenthal]. The novelist Lev Tolstoi preached his own idiosyncratic, materialist interpretation of Christianity, spawning a small cult in his wake [Степанова]. Fascination with the supernatural, seances, and hypnotism gripped much of educated urban society [Mannherz; Иррациональное в русской культуре]. The polytheistic peoples of the Altai and the Volga sought to reinvigorate their shamanistic nature worship with new patterns of religious behaviour aimed at achieving purer lives [for the Altai, see Znamenski; for the Volga, see Werth]. In the Baltic, Karlis Tennison began proselytising Buddhism to the Estonians and Latvians [Talts]. Among the Orthodox, the common people increasingly turned to charismatic figures, some (like Father Ioann Sergiev of Kronshtadt) [Kizenko] entirely legitimate, others (like Ioann Churikov) looked on with deep suspicion and eventually excommunicated [Herrlinger, 2013]. This almost universal soul-searching was deeply related to the arrival of modernity in Russia: increasing literacy rates, the shrinking of time and space through steam and telecommunications, movements of national

awakening, expanding economic opportunities, the birth of civil society, and the language of citizenship and rights. Although their policies were far from static and unresponsive, the state and the Russian Orthodox Church struggled to deal with this outpouring of devotional wanderlust, especially since traditional methods like excommunication and illegalisation seemed ineffective: equally, efforts to harness the potential cultural power of canonisation and elderhood backfired disastrously [Freeze, 1998; Paert].

A case in point was Evangelical Christianity. Although it had long been present in the Russian Empire amidst German settler communities, from the 1870s onwards it made great strides within the peasant populations of Ukraine and southern Russia. This the historian Sergei Zhuk has called 'Russia's Lost Reformation' [Zhuk]. Somewhat later, interest in the Baptists and similar groups expanded into the empire's larger cities: a good example is Ekaterinburg, where in the 1890s the number of Evangelical Christians achieved parity with the Catholics and Lutherans [Главацкая, Попова, c. 198]. Alarmed by this unanticipated challenge to its flock, the Orthodox Church employed new missionary organs and activities to meet the threat. Equally, the state saw 'Russian' peasants falling prey to a 'German' faith: in an era of heightened international tensions between the German and Russian empires, this was considered a menace to the polity's security. Hence the launch of a ban against domestic Baptism in 1894 [Coleman]¹. No less disturbing to the authorities, Evangelical Christianity also advanced among the empire's highest elites, the Petersburg aristocratic circles that revolved around the throne itself. This was the work of two men, the eccentric British Lord Radstock and the rich Russian aristocrat Colonel Vasilii Pashkov. The latter is the subject of the book to which this review is dedicated.

Some general words first. Filipp Nikitin's new book certainly stands out from the surrounding Russian and English historiography. Much of this is either outdated, fragmented, or difficult to obtain: for instance, the main account of Radstock and Pashkov in English dates from 1970 and was written without archival sources [Heier]. Thus, Nikitin's work marks perhaps the only up-to-date, accessible, and full-length treatment of this important but rather neglected individual. Furthermore, the author critically engages with almost all of this historiography (both in Russian and other major languages), correcting the mistakes of others where they exist and entering into a productive dialogue with interpretations that he finds flawed or lacking.

This he is able to do because of his unprecedented work with the sources. Pashkov was an eminent figure in both Russian and international circles, with connections across the globe: as such, his paper trail is truly massive, with documents about or by him to be found in archival depositories across the world. Nikitin has managed to use nearly all of these, including but not limited to the Archive of the Russian Union of Evangelical Christians and Baptists, the Historical Archive of the State Museum of the History of Religion, the

---

¹ Non-Russians, however, remained free to practice Baptism.

Russian State Military History Archive, the Central Archive of the Nizhnii Novgorod Region, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the Southern Baptist Historical Library and Archives, the University of Birmingham Special Collections Department, and the Bogoroditskii Palace Museum. Certainly, no previous book on Pashkov or his movement has consulted such a vast number of repositories, making Nikitin's tome by far the most comprehensive to yet exist on Colonel Pashkov.

In terms of structure, Nikitin creates a broadly chronological narrative, starting with Pashkov's birth into an eminent and wealthy military family and ending with his death in Parisian exile. This is, of course, natural for a biography, where the subject's life provides a convenient structuring device for any narrative. So, in the first chapter we discover why it was surprising that Pashkov ultimately became the leader of a banned religious movement: not only was his family of unimpeachable aristocratic pedigree, it was also one of the richest dynasties in all Russia, with landed estates across the vast country. Abandoning his military career, Pashkov seemed to be on track to live a normal life for a person of his station: *pater familias* to his four children, his estates, and his dependents. Religion played little-to-no role in his life. Assiduously citing all the archival documentation about this period in his subject's life, Nikitin also provides an interesting excursus into Pashkov's activities as a landowner of thirteen estates spread across nine *uezdy*.

Pashkov's direction, however, underwent a tremendous revolution when he met Lord Radstock through the intervention of his (Pashkov's) wife. Radstock, a member of the British aristocracy who spent his life peregrinating around the world to spread the word of God, engendered in Pashkov a classic example of Evangelical awakening, hearing Christ's call and coming to the realisation that salvation was only possible through Christ. As Nikitin explores, Pashkov's new faith was centred on the word of Christ as embodied in the Bible. The main ways to bring people to Christ were preaching this word and engaging in good works. Although Pashkov did not necessarily reject the sacraments and associated religious rituals, they were of secondary or even tertiary importance: the same was true of icons and the cult of the Mother of God. It was this belief that eventually put Pashkov on a collision course with the Russian Orthodox Church, which granted centrality to the liturgy and the taking of the blood and body of Christ. Although Pashkov initially argued that his concern was to see the rejuvenation of Russian Orthodoxy, by the time of his Evangelical baptism in 1883, he considered it a dead faith, although this did not stop him supporting Orthodox churches on his estates [Никулин, с. 64–65].

Pashkov's religious activities (preaching, singing, charity) were aimed both at his aristocratic milieu and Russians of a far less exalted status. He preached, distributed literature, and combated alcoholism not only in his Petersburg home but also in public places between 1874 and 1884. The same home housed a cheap canteen and two schools, one for the children of Petersburg's proletariat and one for poor female artisans. Pashkov and his adherents visited hospitals and prisons and on occasion

provided monetary aid for indigent university students. The Society for the Promotion of Spiritual and Moral Reading, an organisation in which Pashkov participated, published Orthodox and non-Orthodox literature for distribution across the empire. His activity was not limited to Petersburg: he was busy on his estates in the provinces, too, establishing schools and hospitals and otherwise engaging in preaching and charity. Throughout all this, Pashkov established connections with other evangelical societies, both in Russia and in the West: help was also furnished to older 'rationalist' Russian sects, like the molokane and dukhobory. The culmination of this activity was the organisation of an Evangelical Christian congress in 1884, aimed at uniting all Russia's Evangelicals into a single movement.

It was this act that pushed the government into decisive action. Although the state and the Orthodox Church had been imposing limitations on Pashkov and the Pashkovites since 1878 (mostly attempting to prohibit his prayer meetings), in 1884 Pashkov was ordered to sign a document renouncing his faith: he refused and so was ordered into exile, which was to last until his death some eighteen years later. Nikitin then sets aside the volume's final chapters to examine attitudes to Pashkov both when he was alive and after his death, especially in terms of how his memory continued (and continues) to shape evangelical communities in Russia. The work ends by publishing some archival materials that have not been previously circulated, a great service to academics studying this field.

Throughout the work, Nikitin seeks to provide a true biography of Pashkov, as opposed to a hagiography. As such, he offers copious quotations not only from Pashkov's friends and allies, but also from enemies, disinterested bystanders, and a variety of both Russian and foreign journalists. The result is a holistic and balanced understanding of Pashkov's life, thought, and movement, as well as his contribution to Evangelical Christianity in Russia. The book is, to put it briefly, a mature and considered work of scholarship.

Nonetheless, there are some problems. First, Nikitin is too reliant on quotations from his source material, some of which stretch on for multiple pages. The authorial voice is thus sometimes submerged beneath this deluge: at these points, the work comes dangerously close to being a source anthology rather than a piece of historical writing. Nikitin needs to engage more with the source material rather than simply quote it *ad verbatim*: there needs to be more analysis from the author, a more distinctive enunciation of his understanding of Pashkov's place in Russian and European history. Second, while Nikulin locate Pashkov within the wider context of Evangelical movements in Russia, his contextualisation elsewhere is lacking. As the introduction to this review suggests, the period in which Pashkov was active saw a mass of similar activities and individuals provoked by very similar circumstances and seeking very similar goals. The Russian Orthodox Church, for instance, put a renewed focus on pastoral theology, preaching, and urban charity in the late nineteenth century, particularly at the St Petersburg Ecclesiastical Academy: this Scott Kenworthy and others

have dubbed Russian Orthodoxy's 'social gospel' [Kenworthy; Herrlinger, 2007; Hedda; Грабко]. To truly understand the social moment in which Pashkov was operating and his ultimate impact, these wider contexts need to be considered. This is all the more the case when we consider that the Orthodox Church's renewed pastoral focus emerged in part as a response to the rapid growth in Evangelical Christianity, a 'transconfessional' borrowing of strategies and tactics aimed at strengthening Orthodoxy in the face of the new challenge [for transconfessionalism, see: Freeze 2017]. Third, Nikitin would be well advised to consult recent approaches to religious biography [Вера и личность], which might grant him the necessary conceptual lenses to better interrogate his subject. For instance, how did the spiritual awakening experienced by Pashkov and his followers alter their subjecthoods? Or, to put it better, how did this very individual experience of religious faith and calling affect the way they experienced themselves and their relationships with society and the state?

However, these are relatively minor problems. Overall, Nikitin's book is a valuable contribution, based on comprehensive coverage of both printed and unpublished materials from several countries and in several languages. This reviewer has no hesitation in recommending it to specialists on the religious history of the Russian Empire and the interested general public. This will be the standard biography of Pashkov for some time to come.

Список литературы

Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века : сб. ст. / под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 408 с.

Главацкая Е., Попова Н. Российский религиозный неконформизм в конце XIX – первой четверти XX в.: баптисты и евангельские христиане на Урале // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

Грабко М. Е. Деятельность Русской православной церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. 216 с.

Иррациональное в русской культуре : сб. ст. / сост., предисл. Ю. Маннхерц. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 264 с.

Степанова Е. «Очевидно, у него свой контокурнт с Богом»: вера Льва Толстого // Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли и практике (XVIII–XX вв.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 124–152.

Coleman H. *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. XI, 304 p.

Freeze G. Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // *The J. of Modern History*. Vol. 68. 1998. No. 2. P. 308–350.

Freeze G. Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. История*. Т. 62. 2017. Вып. 1. С. 4–17.

Glatzer-Rosenthal B. *New Myth, New World: From Nietzsche to Stalinism*. Univ. Park : Pennsylvania State Univ. Press, 2004. 480 p.

Hedda J. *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2011. 307 p.

Heier E. *Religious Schism in the Russian Aristocracy, 1860–1900: Radstockism and Pashkovism*. The Hague : Nijhoff, 1970. 175 p.

Herrlinger P. *Working Souls: Russian Orthodoxy and Factory Labor in St Petersburg, 1881–1917*. Bloomington : Slavica, 2007. XII, 290 p.

- Herrlinger P. Trials of the Unorthodox Orthodox: The Followers of Brother Ioann Churikov and Their Critics in Modern Russia, 1894–1914 // *Russian History*. Vol. 40. 2013. № 2. P. 244–263. DOI 10.1163/18763316-04002006.
- Kenworthy S. An Orthodox Social Gospel in Late-Imperial Russia // *Religion and Society in Central and Eastern Europe*. Vol. 1. 2006. P. 1–29.
- Kizenko N. A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. Univ. Park : Pennsylvania State Univ. Press, 2004. 392 p.
- Mannherz J. Modern Occultism in Late Imperial Russia. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2012. 316 p.
- Paert I. Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2010. 308 p.
- Talts M. ‘The First Buddhist Priest on the Baltic Coast’: Karlis Tennison and the Introduction of Buddhism in Estonia // *Folklore*. Vol. 38. 2008. P. 67–112. DOI 10.7592/FEJF2008.38.talts.
- Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2002. X, 275 p.
- Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. L. : Darton, Longman and Todd, 1963. 410 p.
- Zhuk S. Russia’s Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine. Washington D. C. : Woodrow Wilson Center Press, 2004. 480 p.
- Znamenski A. Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. L. : Greenwood Press, 1999. 320 p.

References

- Coleman, H. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington, Indiana Univ. Press. XI, 304 p.
- Freeze, G. (1998). Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia. In *The J. of Modern History*. Vol. 68. No. 2, pp. 308–350.
- Freeze, G. (2017). Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 62. Iss. 1, pp. 4–17.
- Glatzer-Rosenthal, B. (2004). *New Myth, New World: From Nietzsche to Stalinism*. Univ. Park, Pennsylvania State Univ. Press. 480 p.
- Glavatskaya, E., Popova, N. (2016). Rossiiskii religiozni nonkonformizm v kontse XIX – pervoi chetverti XX v.: baptisty i evangel’skie khristiane na Urale [Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 4, pp. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.
- Grabko, M. E. (2017). *Deyatel’nost’ Russkoi pravoslavnoi tserkvi v rabochei srede Moskovskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The Activities of the Russian Orthodox Church among the Workers of Moscow Province at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Izdatel’stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 216 p.
- Hedda, J. (2011). *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 307 p.
- Heier, E. (1970). *Religious Schism in the Russian Aristocracy, 1860–1900: Radstockism and Pashkovism*. The Hague, Nijhoff. 175 p.
- Herrlinger, P. (2007). *Working Souls: Russian Orthodoxy and Factory Labor in St Petersburg, 1881–1917*. Bloomington, Slavica. XII, 290 p.
- Herrlinger, P. (2013). Trials of the Unorthodox Orthodox: The Followers of Brother Ioann Churikov and Their Critics in Modern Russia, 1894–1914. In *Russian History*. Vol. 40. No. 2, pp. 244–263. DOI 10.1163/18763316-04002006.
- Kenworthy, S. (2006). An Orthodox Social Gospel in Late-Imperial Russia. In *Religion and Society in Central and Eastern Europe*. Vol. 1, pp. 1–29.

Kizenko, N. (2004). *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People*. Univ. Park, Pennsylvania State Univ. Press. 392 p.

Mannherz, J. (2012). *Modern Occultism in Late Imperial Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 316 p.

Mannkhersts, Yu. (Ed.). (2020). *Irratsional'noe v russkoi kul'ture. Sbornik statei* [The Irrational in Russian Culture. An Anthology of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 264 p.

Paert, I. (2010). *Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 308 p.

Stepanova, E. (2020). 'Ochevidno, u nego svoi kontokurant s Bogom...': vera L'va Tolstogo ['Obviously He Has a Current Account with God': The Faith of Leo Tolstoy]. In *Kontseptsii konflikta i soglasiya v Rossiiskoi obshchestvennoi mysli i praktike (XVIII–XX vv.)*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 124–152.

Talts, M. (2008). 'The First Buddhist Priest on the Baltic Coast': Karlis Tennison and the Introduction of Buddhism in Estonia. In *Folklore*. Vol. 38, pp. 67–112. DOI 10.7592/FEJF2008.38.talts.

Vera i lichnost' v menyayushchetsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konsta XVII – nachala XX veka. Sbornik statei [Faith and Personhood in a Changing Society. Autobiography and Orthodoxy in Russia at the End of the 17th and the Beginning of the 20th Centuries]. (2019). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.

Werth, P. (2002). *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca, Cornell Univ. Press. X, 275 p.

Zernov, N. (1963). *The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century*. L., Darton, Longman and Todd. 410 p.

Zhuk, S. (2004). *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine*. Washington D. C., Woodrow Wilson Center Press. 480 p.

Znamenski, A. (1999). *Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. L., Greenwood Press. 320 p.

The article was submitted on 11.04.2021

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Анисимов Евгений Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.

ORCID 0000-0001-9093-586X

vbrevis@yandex.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующий научно-историческим архивом, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0001-9380-5921

tbazarova@yandex.ru

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-9998-0843

baranov61@mail.ru

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

ORCID 0000-0001-8588-9192

belafeb@gmail.com

Великанов Владимир Сергеевич, кандидат экономических наук, эксперт, Фонд «Русские витязи».

125009, Россия, Москва, Нижний Кисловский пер., 6, стр. 1.

ORCID 0000-0001-7521-9355

vladvelikanov@inbox.ru

Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии Севера.

628305, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нефтеюганск, проезд 5П, стр. 9.

ORCID 0000-0002-5492-268X

Визгалов Георгий Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Югорская лаборатория археологии и этнографии, Сургутский государственный университет.

628412, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, пр. Ленина, 1.

ORCID 0000-0002-6861-7715

vizgalovgp@mail.ru

Гибсон Кэтрин, PhD, научный сотрудник, Тартуский университет.
50090, Эстония, Тарту, Ülikooli, 18.
ORCID 0000-0002-8564-1223
catherine.helen.gibson@ut.ee

Гусейнова Асият Абдурагимовна, кандидат исторических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет.
367000, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, 43а.
ORCID 0000-0001-5218-9667
guseinova.a.1968@gmail.com

Жуковская Анна Владимировна, PhD, научный сотрудник, Националь-
ный центр научных исследований.
75016, Франция, Париж, rue Michel-Ange, 3.
ORCID 0000-0003-3645-8577
anna.joukovskaia@gmail.com

Зорин Артем Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Вят-
ский государственный университет.
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.
ORCID 0000-0002-3238-9036
arzor@list.ru

Кантор Юлия Зороховна, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; профессор, Рос-
сийский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.
197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.
191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.
ORCID 0000-0003-0362-345X
juliakantor@yandex.ru

Келлер Андрей Викторович, доктор исторических наук, старший на-
учный сотрудник, Лаборатория эдиционной археологии, Уральский феде-
ральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-9086-1079
a.v.keller@urfu.ru

Козлов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор,
Севастопольский государственный университет.
299053, Россия, Республика Крым, Севастополь, ул. Университетская, 33.
ORCID 0000-0002-3535-8796
kmn_75@mail.ru

Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.
390000, Россия, Рязань, ул. Свободы, 46.
ORCID 0000-0003-2840-9767
vnkozliakov@yandex.ru

Манасян Елена Вардгесовна, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-8832-5958

elena.manasyan98@gmail.com

Мустафин Артур Рашидович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0003-2053-4061

art-staf@yandex.ru

Панайотидис Яннис, PhD, научный руководитель исследовательского центра истории трансформаций (RECET), Венский университет.

1010, Австрия, Вена, Universitätsring, 1.

ORCID 0000-0003-4560-947X

jannis.panagiotidis@univie.ac.at

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Севастьянова Алла Александровна, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.

390000, Россия, Рязань, ул. Свободы, 46.

ORCID 0000-0001-7047-383X

a.sevastyanova@365.rsu.edu.ru

Синько Галина Иосифовна, кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

ORCID 0000-0001-9966-930X

sinko70@mail.ru

Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет.

350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

ORCID 0000-0003-3902-1389

liliya_stepanova@list.ru

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук, профессор, Университет Тромсё; научный сотрудник, Международный центр демографических исследований, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

N 9037, Норвегия, Тромсё, Hansine Hansens veg, 18.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-9462-7589

gunnar.thorvaldsen@uit.no

Уайт Джеймс, PhD, старший научный сотрудник, Лаборатория археографических исследований, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4549-9381
james.white@eui.eu

Филиппенко Ольга Вячеславовна, PhD, стажер-исследователь, Институт истории Сибирского отделения РАН; ассистент, Новосибирский государственный университет экономики и управления. 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8. 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
ORCID 0000-0001-9287-196X
olga.kanyshkova@mail.ru

Хоопс Майк, научный сотрудник, Оснабрюкский университет. D-49074, Германия, Оснабрюк, Neuer Graben/Schloss.
ORCID 0000-0003-1597-7343
mhoops@uni-osnabrueck.de

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН. 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0003-0708-0018
khoruzhenko1@yandex.ru

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.
ORCID 0000-0002-1431-1163
s-w-n@mail.ru

Шендрикова Снежана Павловна, доктор исторических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 298635, Россия, Республика Крым, Ялта, ул. Севастопольская, 2а.
snezhnashendrikova@rambler.ru

Чиркова Александра Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН. 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.
ORCID 0000-0002-6482-6421
chirok-alexandr@list.ru

Anisimov Evgeny, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University (St Petersburg Branch).

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
16, Soyuz Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9093-586X
vbrevi@yandex.ru

Baranov Nikolai, Dr. Hab. (History), Head of Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9998-0843
baranov61@mail.ru

Bazarova Tatiana, PhD (History), Chief of the Historical Archive, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9380-5921
tbazarova@yandex.ru

Belyakov Andrey, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0001-8588-9192
belafeb@gmail.com

Chirkova Aleksandra, PhD (History), Senior Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6482-6421
chirok-alexandr@list.ru

Filippenko Olga, PhD, Trainee Researcher, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Assistant, Novosibirsk State University of Economics and Management.

8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
56, Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0001-9287-196X
olga.kanyshkova@mail.ru

Gibson Catherine, PhD, Research Fellow, University of Tartu.

18, Ülikooli, 50090, Tartu, Estonia.
ORCID 0000-0002-8564-1223
catherine.helen.gibson@ut.ee

Guseynova Asiyat, PhD (History), Associate Professor, Dagestan State University.

43a, Gadzhiev Str., 367000, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.
ORCID 0000-0001-5218-9667
guseynova.a.1968@gmail.com

Hoops Maik, Research Fellow, Osnabrück University.
Neuer Graben/Schloss, D-49074, Osnabrück, Germany.
ORCID 0000-0003-1597-7343
mhoops@uni-osnabrueck.de

Joukovskaia Anna, PhD, Research Fellow, French National Centre for Scientific Research.
3, rue Michel-Ange, 75016, Paris, France.
ORCID 0000-0003-3645-8577
anna.joukovskaia@gmail.com

Kantor Julia, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
48, Moika Embankment, 191186, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0003-0362-345X
juliakantor@yandex.ru

Keller Andrei, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9086-1079
a.v.keller@urfu.ru

Khoruzhenko Oleg, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-0708-0018
khoruzhenko1@yandex.ru

Kozliakov Viacheslav, Dr. Hab. (History), Professor, Ryazan State University named after S. A. Esenin.
46, Svobody Str., 390000, Ryazan, Russia.
ORCID 0000-0003-2840-9767
vnkozliakov@yandex.ru

Kozlov Mikhail, Dr. Hab. (History), Professor, Sevastopol State University.
33, Universitetskaya Str., 299053, Sevastopol, Republic of Crimea, Russia.
ORCID 0000-0002-3535-8796
kmn_75@mail.ru

Manasyan Elena, Graduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8832-5958
elena.manasyan98@gmail.com

Mustafin Arthur, PhD (History), Junior Researcher, HSE University.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-2053-4061
art-staf@yandex.ru

Panagiotidis Jannis, PhD, Scientific Director at the Research Center for the History of Transformations (RECET), University of Vienna.
1, Universitätsring, 1010, Vienna, Austria.
ORCID 0000-0003-4560-947X
jannis.panagiotidis@univie.ac.at

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Sevastyanova Alla, Dr. Hab. (History), Professor, Ryazan State University named after S. A. Esenin.
46, Svobody Str., 390000, Ryazan, Russia.
ORCID 0000-0001-7047-383X
a.sevastyanova@365.rsu.edu.ru

Shaidurov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University.
10, Petersburgskoye shosse, 196605, Pushkin, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-1431-1163
s-w-n@mail.ru

Shendrikova Snezhana, Dr. Hab. (History), Professor, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.
2a, Sevastopolskaya Str., 298635, Sevastopol, Republic of Crimea, Russia.
snezhnashendrikova@rambler.ru

Sinko Galina, PhD (Philosophy), Associate Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University.
10, Petersburgskoye shosse, 196605, Pushkin, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9966-930X
sinko70@mail.ru

Stepanova Liliya, PhD (History), Associate Professor, Kuban State University.
149, Stavropolskaya Str., 350040, Krasnodar, Russia.
ORCID 0000-0003-3902-1389
liliya_stepanova@list.ru

Thorvaldsen Gunnar, Dr., Professor, University of Tromsø, Research Fellow, International Demographic Unit, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
18, Hansine Hansens veg, N 9037, Tromsø, Norway.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9462-7589
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Velikanov Vladimir, PhD (Economics), Expert, “Russkie Vytiazy” Foundation.
bldg. 1, 6, Nizhny Kislovsky Lane, 125009, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0001-7521-9355
vladvelikanov@inbox.ru

Vershinin Evgeny, PhD (History), Research Fellow, Institute for the Archeology of the North.
9 bldg., Lane 5P, 628305, Nefteyugansk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia.
ORCID 0000-0002-5492-268X

Vizgalov Georgy, PhD (History), Research Fellow, Surgut State University.
1, Lenin Ave., 628412, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia.
ORCID 0000-0002-6861-7715
vizgalovgp@mail.ru

White James M., PhD, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-4549-9381
james.white@eui.eu

Zorin Artem, PhD (History), Associate Professor, Vyatka State University.
36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.
ORCID 0000-0002-3238-9036
arzor@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института РАН
Arkhirv SPbII RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta RAN

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti

ГАРО – Государственный архив Рязанской области
GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГКУ ЦАНО – Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области
GKU TsANO – Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея
OR GIM – Otdel rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
PFA RAN – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН
SPbF ARAN – Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
TODRL – Trudy Otdela drevnerusskoi literatury

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы
TsGA Moskvу – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvу

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области
TsDNI TO – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей
российских при Московском университете
ChOIDR – Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh
pri Moskovskom universitete

AMZV – Archiv Ministerstva zahraničníc h věcí České republiky

AN – Archives Nationales, France

FRUS – Foreign Relations of the United States

LASP – L. A. Steinhardt papers, Library of Congress

NARA – US National Archives and Records Administration

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 9, 2021, № 3

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Дата выхода в свет 05.07.2021. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 33,5. Усл. печ. л. 36,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 173.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

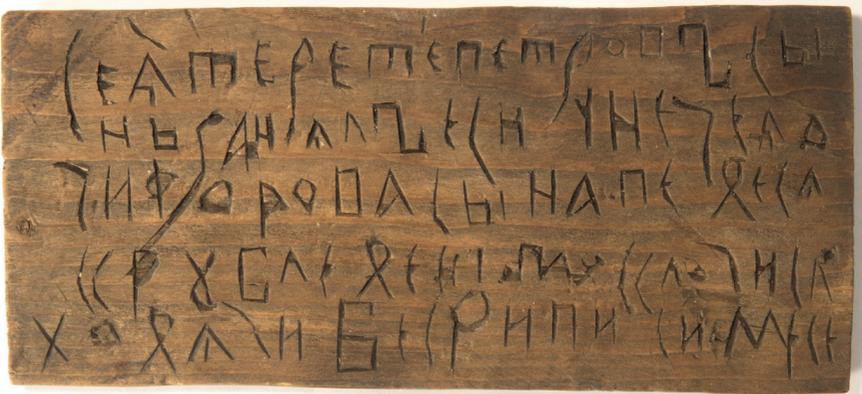
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:

Евгений Вершинин, Георгий Визгалов. Долговая расписка на дощечке из Мангазеи

Illustration for the article:

Evgeny Vershinin, Georgy Vizgalov. A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya

1. Дощечка. Долговая расписка. Коллекция из раскопок Мангазейского городища 2009 г. XVII в. Лицевая сторона

Pine tablet. A debt bondage. Collection from the excavations of the Mangazeya settlement in 2009. 17th century. Front side

2. Дощечка. Долговая расписка. Коллекция из раскопок Мангазейского городища 2009 г. XVII в. Обратная сторона

Pine tablet. A promissory note. Collection from the excavations of the Mangazeya settlement in 2009. 17th century. Reverse side

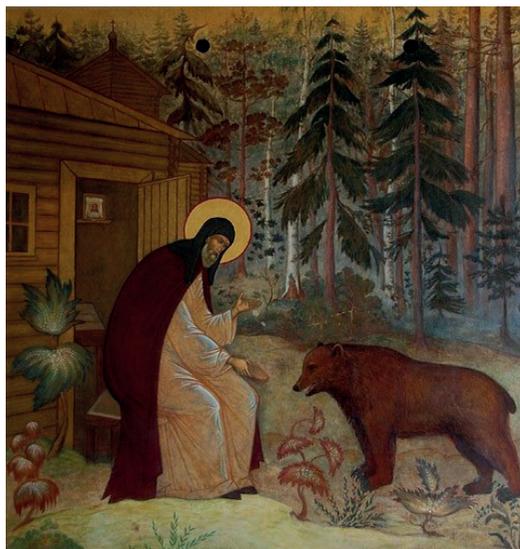
Иллюстрации к статье:
Михаил Козлов, Снежана Шендрикова. Эволюция мифологического образа
медведя в религиозном сознании восточных славян

Illustration for the article:
Mikhail Kozlov, Snezhana Shendrikova. The Evolution of the Mythological
Image of the Bear in the Religious Consciousness of the Eastern Slavs

3. Изображение бесовского игрища в келье старца Исаакия. Миниатюра.
Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Л. 88.

Depiction of demonic play in the cell of Elder Isaac. Miniature. Radziwiłł
(Konigsberg) Chronicle. St Petersburg, 1902. L. 88

4. Фрагмент росписи «Житие Сергия Радонежского» в проходе Святых ворот
Троице-Сергиевой лавры. 04.01.2008. Фото Е. Филипповой
Fragment of the painting *The Life of St Sergius of Radonezh* in the passage of the Holy
Doors of the Trinity Lavra of St Sergius. 04.01.2008. Photograph by E. Filippova